

Татьяна Алексеевна Форш
Дневник бессмертного

Колдовские

Миры

ДНЕВНИК БЕССМЕРТНОГО

ТАТЬЯНА ФОРШ

Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6662028

«Татьяна Форш. Дневник бессмертного»: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70171-1

Аннотация

С малых лет Мари, слушая бабушкины рассказы о загадочной Трансильвании, мечтала когда-нибудь там оказаться, и ее мечта сбылась! Но... совсем не так, как девушка предполагала. Старинный дневник князя-убийцы, попавший ей в руки, круто изменил течение событий. Размеренная жизнь с понятными людьми и привычными занятиями в одночасье осталась в прошлом. А в настоящем... в настоящем начало происходить то, что и представить себе было невозможно. Сумеет ли Мари разобраться в себе, разгадать секреты и отличить правду от вымысла или ей уготовано стать пешкой в чьей-то хитрой игре? Игре Вечности!

Татьяна Форш Дневник бессмертного

*Моей подруге, сестре
и просто необыкновенному человеку
Татьяне Капишук посвящается!
Спасибо, родная, за подаренную тобой сказку!*

Пролог

– Влахо, сын мой, ты должен найти ее и привести! Я чувствую ее! Наконец-то она пришла в этот мир. Наконец-то я смогу снова жить! Слышишь меня? Найди ее! Найди!!!

Звонкий и на удивление молодой голос матери пронесся под сводами тронного зала. Если не видеть ее – обескровленную, иссушенную веками жажды старуху, – можно было подумать, что говорит молодая женщина. Девушка. Сколько веков просидела она на троне Вайнских князей, ожидая этого часа? И вот...

– Мати, сколько раз повторять? Я не люблю, когда Вы меня так называете... – Я нехотя оторвался от созерцания гор, затянутых дымкой. В моем равнодушном, холодном голосе никто не расслышал бы и тени чувства. За века, проведенные в тюрьме безвременья, я научился справляться с жарким огнем ненависти и к этой женщине, некогда давшей мне жизнь, и к самой жизни. Да и жизни ли... Я сдержал вздох. Все бы отдал, только бы вырваться из этой ловушки... – Найти двойника... Хорошо! Но как? У нас нет ни капли

животворящего нектара, чтобы открыть двери. Чтобы набраться сил для перехода!

– Есть! – Высохшие руки матери коснулись висевшего у нее на груди украшения. Странный узор – переплетение двух рук, удерживающих неограниченный камень цвета пролитой крови – всегда притягивал мой взор. – Кровавая смола! Этот самоцвет находили в местах казни бессмертных во времена инквизиции. Он вернет тебя в мир живых.

– Самоцвет?

– Это – кровь, Влахо! Барон дал мне камень на тот случай, если он не сможет сам нас освободить! Это – твой путь в мир живых!

Мати сняла украшение и протянула мне. Терпеливо дождалась, пока я его надену, и тогда на башне раздалось слова заклинания. Камень окутало рубиновое сияние, и меня охватило невероятное, забытое чувство насыщения. Я зачарованно смотрел, как самоцвет начал медленно плавиться, превращаясь в самую настоящую теплую кровь. Багровые капли не успевали скатиться, жадно впитываясь в мою пергаментную кожу, наполняя меня жизнью. Силой!

– И Вы столько времени молчали? – С трудом преодолев дрожь наслаждения, я взглянул в горящие угольками глаза матери. Только бы не дать ей понять, что у нее больше нет надо мной власти. Я наконец-то смогу уйти и... оставить ее здесь! Никогда не думал, что однажды жизнь... нет, не жизнь – существование этой женичины окажется в моих руках. Мы ведь могли выбраться из безвременья сотни лет назад!

– Только ты! Я – нет. Моя плоть рассыплется прахом, едва я вознамерюсь выйти в мир. Неподвластная мне магия держит меня здесь, но я еще помню ритуал. Я смогу обмануть ведьму. – Мати закатила глаза и что-то зашептала, проваливаясь в бездну воспоминаний. Я терпеливо ждал. Наконец она очнулась и яростно зашептала: – Ты найдешь и приведешь мне ту, что примет мой дух и заберет мою смерть!

Былая мощь и нетерпение пробуждались во мне с каждой каплей живительного нектара, что дарил медленно истаявающий камень. Я уже не боялся ни слабости, ни голода. Меня ждет мир! Жизнь! Но прежде чем уйти, нужно уничтожить все, что может дать этой женичине шанс вернуться.

– Как я найду твоего двойника?

– Ты ее узнаешь. Она – мое отражение! Я чувствую ее. Я вижу мир ее глазами! Я увидела ее рождение в ближайшем от замка поселении, что лежит за Проклятым озером. Приди и заведи ее! А после – найди барона. Если ведьма до него не добралась, то он поможет.

– Но... мне неизвестно, как изменился мир... – я не смог удержаться от мучающего меня вопроса: – Сколько времени прошло там? Сколько мне нужно будет таиться и заново изучать живых? А если...

– Ты должен выволить меня отсюда! – хлестнул злобой голос матери. – Найди ее! Если она младенец – дождись расцвета юности, если уже дева, приведи ее немедленно! Не забывай, кому ты обязан своим спасением и своим

именем, Владислав Береш, князь Вайнский!

Слова матери врезались в сознание, как осколки стекла, оживляя воспоминания. Князь? Да, мне довелось быть князем этих некогда людных и богатых мест, о которых сейчас вспоминают только звери, изредка забредающие в окрестности замка. Я не мог выйти в мир, но я видел, как время разрушает мой дом. Да чего там – дом! Разрушает саму память обо мне.

Видимо, я слишком долго молчал, а может, матери все же почувствовала мои сомнения. Не дождавшись ответа, она заговорила вновь, и теперь ее голос был холоднее гранита.

– Я освобождаю тебя не для того, чтобы ты забыл обо мне, резвясь среди смертных. Приведи ее... В ночь силы белых дьяволов... Я хочу мести, и... я хочу жить и быть свободной! Поклянись нашим родом, что вызволишь меня отсюда!

Ее речь стала сбивчивой, прерывистой.

Нужно быть осторожным!

– Да, матери, как скажешь! – Я коротко поклонился ей и снова посмотрел в горящие безумием глаза. – Как мне выйти отсюда?

– Просто уходи. – Ее палец с длинным ногтем указал на створки появившихся среди белесого тумана дверей.

Я развернулся и, не прощаясь, направился к выходу.

– Влахо, приведи ее! Ты обещал! – Властный голос матери догнал меня, едва я взялся за резные ручки массивной двери. – И... бойся моего проклятия!

Усмешка искривила мои губы.

Как скажешь, матери, как скажешь...

Не ответив, я осторожно распахнул двери и, увидев за ними не привычную серую пустоту, а выщербленные временем ступени, вышел из залы.

Глава первая

Мне странный сон
приснился этой ночью
И до утра покоя не давал:
Меня звала судьба,
смотрела в очи,
А голос милый сердце жег и рвал.

Еще не стихли голоса, звучавшие в моем сне, как их заглушило надоедливое пиликанье. Медленно возвращаясь в реальность, я открыла глаза и нащупала возле кровати надрывающийся телефон.

Бррр, ну и ерунда снится! А все из-за моей работы! Подсунули на перевод средневековые летописи! И это сразу после сессии!

Короче...

Месяц назад в одном архиве были найдены о-о-очень древние записи. Естественно, сия находка вызвала невероятный ажиотаж среди ученых мужей Наукограда. Вот только проблема заключалась в том, что, по невероятному стечению обстоятельств, перевести дневник, написанный на древнерумынском наречии, на тот момент могли только три человека. Мой декан, который так не вовремя слег с простудой, моя бабушка и я, заканчивающая институт по специальности историка-археолога.

Кстати, в том, что я знаю румынский язык как свой родной, тоже вина бабули. Научила, на свою голову. Теперь вот хлеб отбираю!

Моя прабабка тайком вывезла дочь из Румынии во время Великой Отечественной войны. Бабушка рассказывала, что это случилось из-за того, что ее семья – потомки очень древнего румынского рода, и если бы не этот побег, они были бы обречены на мучительную смерть.

Н-да...

Черт, телефон!

– Да?

– Мари? Ты уже встала?

Я с наслаждением зевнула в трубку.

– Да, бабуль. Почти.

– Как продвигается работа?

При воспоминании о дневнике я недовольно поморщилась.

– Многое непонятно. Какие-то листы истерлись так, что я смогла прочитать лишь несколько слов и то по отпечаткам пера, а несколько просто слиплись, словно их залили чернилами. Я уже звонила вчера Игорю Владимировичу. Он сказал, что отдаст на реставрацию проблемные страницы, как только я закончу перевод того, что можно перевести. Хотя, если честно, я бы уже сегодня все ему отдала! – Я села на постели и свесила ноги, стараясь нашарить тапочки. – Уже сил нет переводить древние витиеватости, которыми автор описывает какие-то кошмары! Иногда мне кажется, что он был сумасшедшим!

– Как его имя?

– Влахо! – не задумываясь, выпалила я, но, вспомнив сон, тут же поправилась: – Влади слав. Из рода Вайнских князей.

– Владислав?! – В голосе бабули прозвучало неприкрытое удивление. – Хм... Не припомню такой личности в истории Вайнского рода. Впрочем, возможно, он и не совершал каких-либо выдающихся деяний... В каком веке он жил?

– В шестнадцатом. Разве тебе Игорь Владимирович не сообщал подробности?

– Ты же знаешь, как он сообщает! С места в карьер! Сказал, что есть работа на благо института, но я с ним даже разговаривать не стала! В конце концов, у меня отпуск! Кстати, – возмущение в голосе бабушки тут же сменилось неприкрытой радостью, – если хочешь, я могу что-нибудь поискать

об этом князе... К слову сказать, Мари, там, откуда я родом, многие имеют кровную связь с древними фамилиями. В Средние века простой люд зависел от княжеских родов, и многие барчуки развлекались тем, что заводили романы с молоденькими горничными, взятыми в услужение из ближайших селений. Так-так... сейчас найду... – Послышался шелест страниц. – Вот! Вайнские князья много веков жили в родовом имении на территории Трансильвании, пока в конце шестнадцатого века не случилось восстание крестьян и... Кажется, все прямые наследники умерли. Может, я заскочу к тебе сегодня, и мы обсудим эту тему за чашечкой чая?

– Не получится, бабуль. Конечно, я бы ни за что не пропустила твою занимательную лекцию, но... Сегодня в полдень я улетаю. Вчера звонил Игорь Владимирович и сказал, что нашей находкой заинтересовались румынские коллеги, а так как переводом занимаюсь я, то... именно я и должна изучить все на месте.

– Боже! – В голосе бабушки послышалось волнение. – Ты едешь на родину предков?! Почему ты ничего мне не сказала?

– Ба! Я узнала об этом только вчера! И кстати, весь вечер пыталась тебе дозвониться, а ты наверняка была на даче!

– Нет! Я... – В телефонной трубке послышался вздох. – Да, я была на даче...

– Именно! – Я многозначительно помолчала и примирительно добавила: – Ладно, ба, все хорошо! Я справлюсь. К тому же я еду не одна. Со мной отправляют Веронику Сидорову. Практикантку.

– Мари! – В голосе бабушки зазвучал восторг. Казалось, она даже не услышала того, что я ей сообщила. – Это невероятно! Крепость Вайнских князей давно в забвении, а тут такой шанс! Твои предки...

– Бабуль, я тебя умоляю! – Я поморщилась. Началось! – Может, у тебя и была какая-то родственная связь с этой страной, но у меня ее нет! Для меня это – только работа. Не скрою, интересная. Если хочешь помочь, я скину тебе файлы. Обрати внимание на отсканированные листы.

– Отлыниваешь? – теперь в голосе бабушки послышалось ехидство.

– Наоборот! Хочу все сделать хорошо! Считаю, что эта работа – мой шанс остаться в родном институте на практику.

– А вот это – чистой воды шантаж... – Бабуля возмущенно кашлянула в трубку и тут же сменила тему: – Кстати, а почему с тобой отправили Веронику? Она же бездарь и вертихвостка, к тому же всего полгода, как стажирруется у нас! Ты ее почти не знаешь!

– Ба, она мне нравится, и я сама попросила ее в попутчики. – Угу, не забыла! Значит, за разговором она следит. – Пойми, я никогда не была за рубежом, а тут такой шанс. Ну не ехать же туда с какой-нибудь престарелой гримзой с исторического?

– Это ты обо мне?

Я даже поперхнулась. Совсем из головы вылетело, что бабушка тоже всю

жизнь проработала на историческом факультете.

– Ба! Ну, нет, конечно!

– Конечно, нет! Во-первых, я не гримза, а мировая бабушка, а во-вторых, мне всего шестьдесят! – В трубке раздался ее заразительный смех. Внезапно оборвав его, она скомандовала: — Ладно, шли файлы. Должна же я и тебе тоже помочь стать институтской гримзой!

В ухо полетели гудки.

Я покрутила в руках телефон и вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь. Бабуля у меня действительно мировая, и она, как никто другой, меня понимает!

Тревога, навеянная сном, исчезла безвозвратно.

Вскочив с кровати, я накинула халат и бросилась в ванную, напевая веселенькую мелодию.

Горячий душ окончательно поднял настроение, заставив сердце замирать в предчувствии чуда. Точнее, полета. Я, никогда не выбиравшаяся из нашего небольшого городка дальше загородной «виллы» матери, сегодня отправляюсь в путешествие! И наплевать, что это не увеселительная поездка, а трудовые будни, точнее – трудовая неделя, оплаченная институтом. На-пле-вать!

На кухне я появилась уже одетая. Джинсы, футболка – что еще нужно для недолгого полета? Я поежилась. Даже не верится, что через четыре часа я буду в другой стране!

– Машуль, на столе бутерброды, в сковороде яичница. – Мама, как всегда опаздывающая на какую-то важную встречу, столкнулась со мной на пороге и торопливо выбежала в коридор, не забыв перед этим чмокнуть меня в лоб.

Посмотрев ей вслед, я молча уселась за стол. Цокот каблучков отрубил одинокий хлопок двери. Кажется, она до сих пор считает меня ребенком, а ведь мне почти двадцать три года! И наверняка забыла о моей поездке. Хотя с ее занятостью она не заметит даже моего недельного отсутствия...

Я вздохнула, прислушиваясь к продолжавшемуся в моих мыслях разговору с мамой. К сожалению, на реальные беседы у нас никогда не было времени: у мамы ее маленький магазинчик и очередной роман, у меня на носу последний курс института и небольшие, но срочные подработки. Что тут сказать – невероятно насыщенная жизнь. И только редкие визиты бабушки ненадолго создавали из нас семью.

Бутерброды и яичница так и остались нетронутыми. Не думаю, что мама сильно огорчится этим фактом, а может, просто не заметит, оставшись ночевать у очередного «прынца».

Жаль, что с нами больше нет отца...

Торопливо выпив горячий чай, я отправила бабушке обещанные файлы, созвонилась с Вероникой и, договорившись о встрече в аэропорту, выбежала из квартиры, не забыв захватить сумку с необходимыми вещами, ноутбуком и, конечно же, с бесценным дневником загадочного князя.

– Машка, я тут! – окликнула меня подруга, как только поток людей внес меня в здание аэропорта. Весело щебеча с двумя парнями, она не забывала

поглядывать на вход и увидела меня первой. – Давай сюда! Регистрация уже началась!

Настороженно поглядывая на заинтересованно обернувшихся парней, я подошла и попыталась изобразить приветливую улыбку.

– Добрый день. Я – Мария. – Господи, неужели эти двое тоже полетят с нами? Интересно, кто они? С какого факультета?

Парни, смерив меня взглядом, вежливо кивнули и снова вернулись к прерванному прощанию.

– Ладно, Верунь, звони, как приедешь.

– Очень приятно было познакомиться. Даже не ожидал, что бывают такие очаровательные историки.

Верка расцвела и, подставив щечки для поцелуя, замахала ручками так, словно собиралась взлететь.

– Пока-пока! Обязательно! Позвоню! Паша. Стас. Запомню! Пока-пока!

Дождавшись, когда парни скроются в толпе, я, испытывая невероятное облегчение, накинулась на подругу:

– Опять твои штучки! Где ты их подцепила? Ни дня без приключений не можешь! Я чуть с ума не сошла, думая, что это какие-то практиканты, которых предки пристроили на увеселительную экскурсию по Румынии!

– Ну, а что я должна была делать? От скуки умирать, ожидая, пока моя черепаха-подруга появится перед самым отлетом? Кстати, очень милые ребята. Встречают кого-то. – Глаза Вероники подернулись дымкой воспоминаний. – И одинокие! Мм...

– В аэропорту они все одинокие! Вер, просто удивительно, какая ты легкомысленная! Как ты стала историком?

– Одно другому не мешает! У тебя, впрочем, перспектива тоже не ахти, с таким-то подходом к жизни: историк-переводчик-старая дева! Ты посмотри на себя – яркая брюнетка с правильными чертами лица, голубыми глазами и идеальной фигуркой! Но твои комплексы, отсутствие макияжа и этот дурацкий хвост, поверь, делают из тебя каргу!

– Наплевать. Для меня сейчас главное другое, и я уверенно иду к своей цели.

– К какой? Поселиться в монастыре? – Обреченно закатив глаза, она поправила золотистые кудряшки и подхватила розовый чемоданчик. – Тебя не перевоспитаешь. Пойдем! Кстати, объяснишь, какова цель поездки? Не до того было.

В этом она вся! Я скинула ей перевод почти неделю назад, а она даже не удосужилась его посмотреть!

Обиженно выдохнув, я промолчала и направилась следом.

Глава вторая

Сегодня я встретился
с счастьем потерянным, шалым.
Прочел о забытой любви
в тетради своей обветшалой.
Поверил, и вот спешу,
надеясь тревожно и зябко,
Что та, кого я ищу,
не призрак из старой тетрадки.

«...Сегодня впервые после долгой разлуки я встретил Катарину.

Я не хотел идти на пляски, устроенные деревенскими в честь праздника Сбора урожая, но... я услышал голоса служанок, говоривших, что сегодня на праздник соберутся все, а также «господа из имения за рекой». Перед глазами невольно встал образ Катарины, девчонки, что в детстве с радостью делила со мной все шалости и печали.

Любопытство и желание увидеть, какой она стала за те четыре года, что мы не встречались, сжигало меня. Я едва дождался вечера, накинул плащ и, велев старому кучеру оседлать моего любимого Грома, устремился к опушке леса, туда, где уже возносились в темнеющее небо языки костров и слышались песни.

Спешившись, я стреножил Грома и направился к танцующим.

Боже, как тут было хорошо. От пьянящего запаха скошенной травы закружилась голова, а ноги так и звали присоединиться к деревенским, что так задорно отплясывали под залихватские напевы скрипки.

Старательно вглядываясь в лица девушек, я пытался найти среди них Катарину, но все зря. Раскрашенные огненными бликами и тенями, они все казались облаченными в одинаковые маски. Наверное, я зря пришел сюда. Как мне узнать Катарину? К тому же, я даже не ведаю, здесь ли она.

Побродив среди танцующих, я уже хотел было вернуться домой, но вдруг заметил высокого, худощавого мужчину неопределенного возраста. Судя по одежде – аристократа. Рядом с ним, недовольно оглядываясь по сторонам, стояла мати. Заметив мой интерес, она требовательно махнула мне рукой, заставляя подойти. Пришлось подчиниться.

– Вот он, – едва я приблизился, сказала мати, продолжая прерванный разговор. – Только, к сожалению, ему еще целый год учиться...

Мужчина смерил меня задумчивым взглядом неестественно светлых, будто серебристых глаз.

– Отлично! – наконец кивнул он и посмотрел на мати. – Ты справилась. Я навещу тебя в ближайшее полнолуние. Жди.

И, не прощаясь, направился в подступающую к нам из леса темноту. Я смотрел на него, пока он не растворился во мраке ночи, и требовательно взглянул на мать.

– Кто это был?

Скрестив руки на груди, она стояла и глядела на ярко пылающее пламя. Мне на секунду показалось, будто это не пламя отражается в ее глазах, а сами глаза горят странным огнем.

– Тот, чье имя лучше без нужды не произносить, – помолчав, загадочно бросила она и, больше не сказав ни слова, направилась к танцующим.

На сердце плеснула злость.

За что она со мной так? Меня не было дома четыре года, но казалось, эта разлука не заставила мою нежную мамушку скучать по мне! Есть ли хоть что-то, что позволит ей меня... нет, не любить, хотя бы гордиться мной!

– Владислав? – раздавшийся за спиной девичий голос заставил меня взволнованно обернуться и удивленно приподнять бровь.

Катарина?

Казалось, она ничуть не изменилась за эти четыре года. Все те же карие с золотистыми искорками глаза, белокурые длинные локоны заплетены в косы... Но отчего-то больше не хотелось гонять вместе с ней лис. Хотелось сжать ее в объятьях и впиться в ее приоткрытые губы поцелуем...

Я сглотнул и поспешно отвел взгляд.

– Здравствуй, Катарина. Тебя и не узнать!

– А я тебя узнала сразу, хотя ты так вырос и возмужал... – в ответ на мое смущение она подошла ближе и настойчиво заглянула в глаза. – Обрадуй мое сердце, скажи, что ты приехал навсегда и твоя учеба закончена!

Я не вытерпел, бережно коснулся ее тугой шелковистой косы, змеей сползающей на высокую, манящую грудь, и с сожалением качнул головой.

– Нет, Катарина. Я останусь в столице еще на год. Мамушка хочет, чтобы я стал управляющим замком, а после, когда сестры выйдут замуж, принял его в наследство.

– Еще го-о-од?! – разочарованно протянула она. Ее губки обиженно надулись, но тут же расплылись в улыбке. – Всего год! Пролетит, и не заметим! Пойдем танцевать?

Горячие пальчики требовательно сжали мою руку и потянули за собой. Омут разгоряченных тел с радостью принял нас. Прижав к себе податливое тело девушки, я страстно закружил ее в вальсе. И ничто не могло омрачить нашего счастья.

Ничто.

Даже чей-то взгляд, холодом просачивающийся в сердце...»

– Внимание, наш самолет готовится совершить посадку в аэропорту Клуж-Напока. Просьба всем пристегнуть ремни безопасности и оставаться на своих местах! – объявил о предстоящей посадке милый женский голосок.

Я захлопнула дневник и потрясла за плечо подругу.

– Вера...

Наслаждаясь музыкой, та задумчиво разглядывала в иллюминатор проплывающие под нами облака.

– Что? – Она стянула наушники.

– Долетели. Кстати, не знаешь, нас кто-нибудь будет встречать?

Зевнув, Вера пожала плечами.

– Не знаю. Папочка сказал, что обо всем договорился. У нас на все про все – неделя, но так как в институте начинается мертвый сезон, нам разрешается сильно «не борзеть» в денежном вопросе, но остаться здесь столько, сколько понадобится, чтобы удовлетворить «интерес спонсора».

Я усмехнулась. Все преподаватели и студенты тайно звали Игоря Владимировича – моего декана и, надеюсь, будущего шефа – папой. Наверное, за умение улаживать конфликты и неподдельную заботу обо всех своих подопечных.

– Кстати, все хотела тебя спросить, откуда взялся этот «интерес» и «спонсор»?

– Все дело в дневнике, – принялась пояснять Вера. – Приблизительное время написания – шестнадцатый век. Его нашли, когда разбирали старые послевоенные архивы. Про них уже все забыли, и спасибо твоей бабушке, что не дала кануть в вечности такому раритету.

– Бабушке? А при чем тут... – Я даже замерла, пытаюсь осознать сей факт. – Неужели...

– Ну да! В том архиве работает ее подруга. По ее просьбе она сохраняла все документы, связанные с Румынией, Трансильванией и старой Словакией. Когда твоя бабушка наткнулась на этот дневник, то первым делом пришла в институт к Игорю с просьбой поручить перевод тебе. Ну, а тот и рад стараться: поскорей спихнул перед летом со своих плеч такую обузу. Даже болезнь себе придумал, а может, на речке перекупался! Кстати, эту поездку, мне кажется, тоже оплатила твоя бабушка...

Ну, конечно!

Я посмотрела в иллюминатор на встречающее нас серое море туч, и мне захотелось завывать.

С тех самых пор, как умер отец, дороже всех мне стала бабушка. Ее любовь к Румынии заставила и меня увлечься историей этой страны. Она работала в институте, и я, не задумываясь, поступила туда же. Она свела меня с ума легендами и старинными песнями. И вот, пожалуйста! То, что я лечу в страну нашей мечты, это тоже ее прихоть! Наверняка заняла денег у матери, шантажируя ее моим будущим. И все это тайно! Потому что бабуля знает меня. Побоялась, что я откажусь от всего, если буду знать, что меня выбрали не за мой профессионализм, а по ее *просьбе*!

И вот я здесь.

И ведь не бросишь!

Не полетишь обратно!

А вдруг меня ждет открытие, что перевернет с ног на голову все представления специалистов об истории Румынии? Такой шанс дается один раз в жизни! Значит, надо всем доказать, что я и сама чего-то стою!

Я стиснула зубы.

Ладно, ба! Поговорим через недельку! Или... сколько там займет наша экскурсия?

– Маш, ты чего? Уснула? – Требовательный голос подруги и ее острый локоток, ткнувший в бок, заставили меня вздрогнуть.

– Да, нет... – Я криво улыбнулась. Настроение – дрянь. Поездка испорчена. Лучше бы Вера мне ничего не говорила. – Просто задумалась о нашей командировке.

– При чем тут командировка? Командировка никуда не убежит! Тут вот о чем нужно думать! – Она указала пальчиком в иллюминатор. – Тоска! А я даже зонт не взяла! Просто не подумала о такой неприятности, как дождь!

Самолет уже приземлился и теперь мягко катился по взлетной полосе, замедляя бег. Низкие свинцовые тучи заполнили все небо и вот-вот готовы были разродиться мелким противным дождем, что тоже не улучшило мне настроения, но все же, перед тем как подняться и вместе с другими пассажирами направиться к выходу, я сварливо возразила:

– А ты решила, что тебе всегда и везде должно светить солнышко?

Аэропорт встретил нас толкотней и привычной суетой. Впрочем, с первых секунд, едва мы вошли под его крышу, я почувствовала, что вокруг совсем другой мир. И даже не язык, чужой, но привычный с детства, был тому виной. Я словно оказалась в далеком – далеком прошлом. Где не было этих стен, этих людей, где не было ничего, только мои... нет, не мои, но такие волнующие воспоминания... Я словно вернулась домой.

– Ну? Что замерла? – Вера взяла меня под руку и уверенно повела к толпам встречающих. – Во-он, видишь того здоровяка с табличкой в руках «Сидорова. Береш. Замок Вайн»? Причем Сидорова через три «а». Если честно, чувствую себя какой-то провинциалкой на фоне твоей фамилии. Ну и замок Вайн не подкачал.

Я только усмехнулась. Подруга всегда комплексовала по поводу звучания своей исконно русской фамилии. У меня даже возникло подозрение, что на это мое предложение о поездке она согласилась из чистой корысти – подыскать себе мужа, чтобы заменить «Сидорова» на что-то более звучное.

– Bună ziua. – Румынские слова привычно слетели с губ. Я приблизилась к мужчине с табличкой и тронула его за локоть. – Noi suntem fetele care sunt on așteptare pentru tine.

– Bună ziua! – обрадовался он. – Foarte frumos. Mă bucur să te cunosc! А вообще-то я говорю по-русски. Когда-то закончил институт в Ленинграде.

Теперь настала наша очередь удивляться. Точнее, моя. Вера просто обрадовалась тому, что не понадобится часто заглядывать в разговорник и дергать меня с требованием перевода.

– Вдвойне приятно, – переглянулись мы.

Он спохватился и махнул кому-то рукой в толпе. Вскоре к нам подошли

двое совсем молодых парней.

– Берите багаж и несите в микроавтобус, – приказал им здоровяк на родном языке.

Те молча кивнули, подхватили чемодан Вероники и, даже не взглянув на тощую сумку, которую я трепетно прижимала к груди, затерялись в толчее.

– Я – Андруш, а это мои сводные братья – Стефан и Польш. У нас небольшой бизнес. Гостиница у подножия Карпатских гор. Так что ваши удобства – это наша забота. Спутниковое телевидение, Интернет – все к вашим услугам.

– А... это вы станете нашими проводниками к крепости Вайн?

– Э-э... – крепыш задумчиво помычал и, стараясь не встречаться с нами взглядом, устало улыбнулся. – Это наш хлеб. Мы часто устраиваем туристам экскурсии в окрестности этой крепости. У нас множество маршрутов по изумительным древним местам.

– Одну минуточку, – Вероника грозно стрельнула в него глазами. – Хочу сразу расставить все точки над «ё». Мы приехали не на экскурсию, и мы – не туристы. Наш институт специально договорился с вашими властями о проведении исторических исследований в крепости Вайн. Неужели вас не предупредили?

– Э-э... – Андруш смутился окончательно и отвел взгляд. – Мне звонили. Эта крепость-замок долго была в забвении, и я очень опасаюсь за ее надежность. Я понятно объясняюсь?

– Вполне. Вы хотите сказать, что мы чем-то рискуем, отправляясь туда?

– Нет! Я не сказал – опасность. Я сказал – трудно идти. И бесполезно. Она сильно горела и обрушалась. Землетрясение. Окрестности его прекрасны, но сам замок пока... на реставрации.

– Что ж, прогулка в вашей компании – это даже интересно, – подмигнула ему Вера. – А помимо вашей замечательной семьи кто-нибудь, из ученых вашей страны, составит нам компанию?

Здоровяк удивленно нахмурился и, словно что-то вспомнив, звонко хлопнул себя ладонью по лбу.

– А-а... Да. Конечно. Совсем забыл. Сегодня к нам прибудут еще гости. Возможно, это и есть ваши коллеги?

– Значит, вас не предупреждали о цели нашего приезда! – Вероника одарила парня взглядом работника спецслужб. Тот вытаращил глаза, отчаянно помотал головой и затарахтел, путая слова:

– Мне был вчера звонок. Сообщали только о посетителях, бронировании мест и встрече русских туристов...

– Мы не туристки! – не дослушав, холодно перебила его Вера и, взяв меня под руку, уверенно повела к выходу из аэропорта, оставив бедолагу Андруша в полном смятении.

– Совсем замучила парня. – Я украдкой оглянулась, с сочувствием поглядывая на торопливо семенящего за нами следом здоровяка. На открытом

симпатичном лице явно читалась обида. – Он же не обязан быть в курсе дел всех, кто останавливается в его гостинице? Возможно, все, кто сходит с самолета, для него туристки! Что в этом такого?

– Мы – не все! – фыркнула она достаточно громко, чтобы ответ был услышан еще и Андрушем. – И я просто хотела об этом напомнить.

Наконец мы вышли из здания. Чуть обогнав нас, Андруш (видимо, решив не обращать внимания на сумасшедших русских) с вежливой улыбкой указал на стоявший неподалеку темно-синий фургон.

– Прошу садиться. Не сомневайтесь. Все будет в лучшем виде.

Он мазнул по нам тяжелым взглядом и первым направился к машине. Н-да-а-а, подруга достанет кого угодно! А уж кого неуютно, так и подавно замучает!

Вероника тоже заметила его взгляд, но истолковала по-своему.

– Учись, Машуль, как надо строить иностранцев. Это же надо, принять нас за туристов! Хотя что с него взять? У него, наверное, только бизнес на уме!

Я промолчала, шагая вслед за Андрушем. Невежливо получилось, но Веронике не изменишь. Для нее мужчины – ступеньки! Средства для достижения цели! Сколько раз она пыталась меня научить быть такой же расчетливой стервой, как она. Да только безуспешно!

Мужчины для меня всегда были гостями с другой планеты. Я могла их опасаться, игнорировать, помогать им, дружить с ними, даже жалеть... Но вот представить в роли любимого не могла никого.

Возможно, сказывалась жизнь без отца, а может, своей холодностью я пыталась стать противоположностью мамы, меняющей этих самых «любимых» каждые полгода?

В раздумьях я не заметила, как мы дошли до фургона, который уже распахнул в ожидании свои двери. Парни, встречавшие нас вместе с Андрушем, помогли забраться в салон, сгрузили на свободные сиденья наш скудный багаж и устроились на диванчике напротив. Андруш сел за руль. Мотор завелся, и мы покатали.

Вера хотела что-то спросить, но, бросив на меня взгляд, передумала. Вот и славно!

Вскоре зеленое, будто подстриженное по линейке поле аэродрома осталось позади, а мы уже любовались видами распахнувшегося перед нами свои красоты старинного города. Узкие улочки с небольшими домиками сменялись цветными площадями, фонтанами со звонкими струями, яркими черепичными крышами. Все утопало в цветущей сирени и листе дикого винограда.

Я снова словно перенеслась в прошлое! Дежавю! И даже начинающийся дождь не смыл ощущение сказки, лишь добавил свежести и чистоты.

Вскоре город остался позади, а за окнами раскинулось разнотравье лугов. Братья Андруша за всю дорогу не перекинулись и парой слов, внимательно глядя в окно, словно боясь пропустить что-то важное.

Нет, молчание – невыносимо!

Я набралась смелости и, бросив взгляд на молчаливых парней, попыталась их разговорить.

Быть хорошим гостем – это тоже искусство!

– Очень рада, что вы нам помогаете. Спасибо.

Зря старалась.

Они даже не взглянули на меня.

Хм, странные. А может, сменить диалект?

Я экспериментировала с произношением минут пять. Моей болтовней заинтересовалась даже Верка, которая все время с момента нашей посадки что-то ожесточенно искала в сумочке.

– Маш, ты им что – стихи читаешь?

– Нет, Вер, налаживаю дипломатические отношения.

– Да я вроде уже наладила. – Она окинула внимательным взглядом замерших истуканами мужчин. Честно, если бы не их открытые глаза – решила бы, что спят!

– Они стесняются вас и плохо понимают. – Я увидела в зеркале глаза Андруша и взгляд, которым он смерил ничего не замечающую Веру. – Они жили по ту сторону Карпатских гор в маленькой деревушке, пока я не забрал их в город.

– Но они должны меня понимать!

– У вас очень странный акцент, мм... диалект... – Его светлые глаза цвета туч, укрывших небо, прищурились в отражении зеркала, будто он улыбнулся. – Но если хотите, я стану вашим переводчиком.

– Андруш, скажите, а в их роду был князь Влади слав? Его еще звали Влахо?

Неопределенно качнув головой, Андруш ничего мне не ответил, лишь уставился на дорогу, летящую под колеса фургона. Зато вдруг ожил один из братьев.

– Князь Влахо Вайнский? Один из князей, погубивший возлюбленную и всю семью?

– Вы понимаете меня? – вздрогнула я.

– Плохо, – вздохнул паренек и заговорил, мешая румынские слова с незнакомым мне наречием. – Князь убил невесту, своих сестер и мать, а после исчез. Говорили, что с небес сошел ангел, чтобы наказать его за великое злодеяние. Когда я был маленьким, моя матушка пугала нас тем, что его неупокоенная душа в образе белого лиса ищет очередную жертву. Мы с Полем боялись и не ходили далеко в горы, где стоит его родовой замок... Вы спрашивали о Влахо Вайнском?

– Мм... – Я помедлила с ответом. – Наверное, да. К нам в руки попал его дневник. К сожалению, древнерумынский идет трудно, но часть я уже перевела, и... не могла не заинтересоваться вашей историей. К слову сказать, в своих воспоминаниях он не похож на человека, способного убить, и уж тем более своих любимых.

– Часто бывает так, что истина уступает выдумке. – На меня из зеркала вновь взглянули внимательные глаза Андруша.

Я улыбнулась, прочитав в них неподдельный интерес.

– И это здорово! Будет очень любопытно узнать истинное положение дел.

– О чем все-таки речь? – не выдержала Вероника, устав догадываться о смысле беседы лишь по нашим интонациям и загадочным фразам Андруша на русском, специально подогревавшим ее интерес.

– Мы говорили об авторе дневника, – пояснила я и вежливо улыбнулась братьям, намекая, что беседа закончена. Те понимающе кивнули и устались на пролетающие за окнами леса и маячащие где-то впереди горы, лишь Андруш продолжал время от времени поглядывать на нас в зеркало. – Парни говорят, что Влахо Вайнский уничтожил всю семью и убил возлюбленную, но... насколько я могу судить об этой личности по его заметкам, он никогда бы не убил тех, кого любил. Об этом я только что и сказала.

– А-а-а... Ни минуты без работы? – Вера усмехнулась и с тоской взглянула на хнычущее небо. – А я-то думала, ты с ними шашни крутишь. Впрочем, в такую погоду только о мертвецах и говорить. Кстати, милейший... – она пощелкала пальцами, привлекая внимание Андруша, – а в вашей забегаловке мы можем рассчитывать на глинтвейн? А то очень хочется согреться. Такое впечатление, что мы прилетели в осень.

– К вашим услугам, моя госпожа, все, что угодно. – В зеркале засияла широкая улыбка нашего гостеприимного хозяина. – А глинтвейн у меня самый лучший. Погода тоже изменится. Мы подъезжаем к горам, а здесь все меняется очень быстро.

– И это радует. Кстати, далеко замок Вайнских князей от вашей гостиницы?

– Довольно далеко. – На нее вновь с усмешкой взглянули глаза Андруша. – Если выйти рано утром, до него можно добраться только к ночи следующего дня. Но... горы... Лучше дойти на третий день.

Верка вытаращила глаза.

– Хотите сказать, чтобы добраться до этих развалин, нам нужно будет ночевать в лесу?! О таких сложностях нас не предупреждали! А можно нанять вертолет?

– Можно. Но будет долго ждать. – Речь Андруша снова стала ломаной. – Заказать в город. Ехать. А потом ждать. Мм... неделя!

– Черт! – Идеально накрашенные губки подруги презрительно искривились. – Зря я согласилась на эту авантюру! А все ты! – Ее наманикюренный пальчик уткнулся мне в грудь. – Из-за тебя я променяла путевку в Египет на эту дурацкую поездку!

– И это доказывает, что ты самая лучшая подруга! – серьезно кивнула я, едва сдерживая смех.

Вероника смирла меня пристальным взглядом, но так и не дождалась даже тени улыбки.

– Эх, ладно. – Она вдруг махнула рукой. – Вспомним детство и ночевки в палатках. Кстати, спроси у юношей, у них в горах кровососов много?

После того, как я старательно перевела эту фразу, парни очнулись от созерцания дороги и серьезно уставились на нее.

– Вы говорите о вампирах? – уточнил Андруш, разглядывая ее в зеркале так пристально, что Вероника даже смутилась.

– Да вы что? Шуток не понимаете? Я про комаров! Все-таки нам на природе ночевать.

– Достаточно, – Андруш ловко свернул с трассы на узенькую дорогу, ведущую мимо густо разросшихся елей к высокому каменному забору, за которым виднелись остроконечные, украшенные всевозможными флюгерами и крытые красной черепицей крыши. – Прибыли.

Фургончик, чихнув, въехал в распахнувшиеся перед нами ворота и, напоследок фыркнув, остановился на небольшой площади, окруженной игрушечными на вид домиками из красного кирпича, украшенными резными верандами, крылечками и самыми настоящими ставенками. Всю эту красоту дополняли клумбы с розами, пионами и какими-то маленькими, яркими цветами.

Братья выбрались из фургона первыми.

– Теперь все это – ваш дом. – Андруш обернулся к нам и улыбнулся. – До тех пор, пока вы гости нашей страны.

– Мне уже не хочется ее покидать, – я вернула ему улыбку и вдохнула изумительный цветочный аромат, разливавшийся повсюду. – Ничего прекраснее не видела.

– Все зависит от выбора. – Улыбка нашего гостеприимного хозяина стала еще шире. – И желания.

Подмигнув, он распахнул дверцу и ловко выпрыгнул из машины. Тут же послышался его говорок, подгонявший братьев нести вещи в дом.

Вероника проводила его взглядом и вдруг зашипела на меня.

– Не могу поверить! Ты с ним что сейчас – заигрывала?!

Я пожала плечами.

– Всего лишь выказала восхищение тем, что увидела. Что в этом такого? – И подхватив сумку, вышла из машины.

Чтобы Вероника стала читать нотации?! Тут уже не дождь, снег пойдет!

– Проходите. – Андруш уже поднялся на крыльцо ближайшего очаровательного домика и приглашающе распахнул дверь. – Можете принимать душ и отдыхать. В шесть вечера я хотел ждать вас в Хозяйском доме на ужин.

Его симпатичное добродушное лицо вновь озарила приветливая улыбка.

– И где этот дом находится? – с ехидцей поинтересовалась Вероника, зябко обнимая плечики, словно это могло ее спасти от накрапывающего дождя. – Или вы считаете нас телепатами?

Он взглянул ей в глаза и, не переставая улыбаться, успокоил:

– Конечно же, я пришлю за вами кого-нибудь из моих помощников или приду сам. Не могу же я позволить, чтобы гости заблудились в моей усадьбе. Ведь найти самим во-он тот большой дом с вывеской «Хозяйский» очень сложно! – Он коротко ей поклонился и напрямик направился к зданию, о котором говорил.

– Не знаю, как ты, Маш, а я его уже ненавижу! – Вероника угрожающе прищурилась вслед Андрушу. – Интересно, как бы я угадала, что те буквы означают слово «Хозяйский»? Я же на их великом и могучем читать не умею! А он еще и издевается!

– Ты могла бы спросить у меня, – вместо ожидаемой поддержки возразила я. – Я бы с радостью перевела тебе эту вывеску.

Не ответив, подруга фыркнула и первой застучала каблучками по деревянным ступеням крыльца к распахнутой двери.

Остаток дня промелькнул незаметно. Вера, распаковав чемодан, направилась в душевую комнату, а я принялась знакомиться с нашим жилищем.

Дом оказался небольшим, но очень уютным.

Первый этаж занимала гостиная, совмещающая в себе и прихожую, и кухню, и каминный зал. Я с наслаждением упала на обитый кожей диван. Необычный домик! Если честно, он напомнил мне бабушкину дачу. Светлый, с белым потолком и деревянными стенами, источающими аромат только что спиленного дерева. Мм... Вот только с отделкой совершенно не вязалась богатая мебель, кожаные кресла и диван, расположенные у камина, а также барная стойка, отгородившая кухонную зону. Дальнюю стену занимали стеллажи, где за стеклами дожидались своего читателя сотни книг.

Сразу за стеллажами вверх уходили крашенные темной краской деревянные ступени, а в углу под лестницей располагалась неприметная дверь, скрывшая за собой все блага цивилизации (а проще говоря, душевую, прачечную и санузел с пятью унитазами).

Позавидовав доносившемуся из-за двери плеску воды и довольному мурлыканью Вероники, я отправилась изучать второй этаж. Ступеньки приветливо скрипели, словно радуясь гостям. Вдруг мне на мгновение подумалось, что дом за мной наблюдает. И что это не я изучаю его, а он меня...

Стараясь не обращать внимания на странный холодок, внезапно поселившийся в животе, я поднялась на последнюю ступеньку и огляделась.

Небольшой квадратный коридорчик. Две двери. Деревянные стены украшали два бра и картина с натюрмортом. Придирчиво оглядевшись, я заметила в потолке квадрат люка. Чердак? Вот только нет ни лестницы, ни возможности добраться до него...

Ну и ладно!

Решив не заморачиваться особенностями местной архитектуры, я оставила чердак неисследованным, толкнула одну из дверей и очутилась даже не в маленькой, а в крошечной спальне.

Честно! В комнатке помещались лишь кровать, комод и стул. Один. А в стене блестело чистотой стекло окна. Если бы не рамы, я решила бы, что стекол нет!

Распахнув ставни, я с наслаждением вдохнула необычайно свежий воздух, напоенный ароматом дождя, роз и леса.

– Маш? Ма-аш, ты где?! – Вероника, кажется, вдоволь наплескалась, и теперь ей захотелось общения. За то недолгое время, что мы были знакомы, я обнаружила в ней одно ценное качество: она не умела долго дуться и из всякой ситуации могла извлечь максимум удовольствия. – Машк? Ты куда подевалась?

Не отстанет!

Я вышла из комнаты и сбежала вниз.

– Тут я. Дом изучала. Так здорово! Такой воздух! И стены обиты свеженькими досочками!

– Угу. Как в бане! – снисходительно поддакнула она, обернув полотенцем влажные волосы.

– Ничего ты не понимаешь! Да я, может, всю жизнь мечтаю жить в таком доме и заниматься переводами в кресле у разожженного камина. – Я прошла за барную стойку и, взяв с полки две маленькие кружечки, наполнила их из кофеварки ароматным, густым кофе.

– Ха, проблема! Ты можешь попросить матушку или бабулю устроить тебе такую жизнь. У меня, к сожалению, нет богатых родственников. Вот и приходится искать того, кто обеспечит мне уют, – отбросив в кресло полотенце, подруга запахнула махровый халат и, затянув пояс, тоже подошла к стойке.

– Нет. – Я придвинула ногой высокий стул и уселась. – Ни за что. Я не возьму ни копейки из денег матери. Они не ее.

– Подумаешь. – Вера под села рядом. – Если ты винишь ее в том, что она использует для комфортной жизни деньги тех, кто время от времени оказывается в ее постели, скажу тебе прямо – ты не права! Твой отец умер. Горе. Но нужно жить дальше. Нужно обеспечивать жизнь тебе и бабушке.

– А ты знаешь, что бабуля взяла маму из детского дома? – Я не хотела этого говорить. Не то чтобы это было тайной... Просто об этом факте из истории моей семьи всегда умалчивалось, но сейчас словно черт тянул меня за язык! – Воспитала ее, но она ей не мать. Как-то раз бабушка обмолвилась, что во время войны ее собственная мать бежала из Румынии, долго скиталась по Европе, пока однажды волей случая ее не занесло в Советский Союз, но и тут счастья она не нашла, была арестована, сослана в лагерь, где и умерла, оставив дочь совсем одну. Как бабуля выжила, я не представляю. Спасибо тому, кто отвел ее в детский дом. Потом, когда бабушка выросла, она решила взять на воспитание из того же детского дома девочку.

Подруга задумчиво побарабанила длинными пальцами и вдруг спросила:

– А у нее есть свои дети?

Я покачала головой.

– Нет. Она никогда не была замужем из-за какой-то трагедии, произошедшей с ней в юности, и всю жизнь отдала воспитанию приемной дочери, затем моему, и изучению своей страны и рода, к которому якобы принадлежит.

– И что это за род? – Подруга тоже взяла кружку.

Я сделала несколько глотков и с сожалением отставила опустевшую чашечку. Вкусный кофе!

– Ее имя София Береш-Вайнская. Но в России решили ограничиться записью в метрике «Софья Александровна Береш».

– Стоп! Ты хочешь сказать, что дневник, который попал к тебе в руки, принадлежит кому-то из ее семьи? – Вера вытаращила на меня изысканно подведенные глаза.

– Ну... – Я усмехнулась. Любила подруга такие эффектные ходы. – Я бы заменила слово «семья» на слово «род». Из семьи у нее, наверное, уже никого и не осталось. Если не считать, конечно, нас с мамой.

– Это просто «вау»! – Верка одним глотком выпила кофе и, по-моему, даже не заметила этого. – Теперь я понимаю ее мотивы! Вот почему, когда обнаружился дневник этого Валдиса...

– Влади слава! – поправила я.

– Какая разница? – отмахнулась подруга. – Вот почему она вцепилась в него мертвой хваткой и сразу же направилась к декану, чтобы он, не упоминая ее, отдал эту работу тебе!

– И почему?

– Как ты не понимаешь? Во-первых, это такой шанс для тебя остаться на практике в институте, и она, как любящая бабушка, не встанет на пути у своей внучки, во-вторых, она всегда незаметно будет в курсе и, может быть, узнает кое-что из истории рода.

Я согласно кивнула. Впрочем, эти мотивы мне стали понятны еще в самолете, но теперь обида сменилась пониманием и желанием улыбнуться. Что ж, если я здесь – нужно сделать работу на «отлично».

Вера поднялась, сунула чашку в мойку и прошла по комнате.

– До званого ужина еще два часа! Ума не приложу, чем мне заняться?

– Ну... лично я пойду в душ, а после, если будет время, намерена сесть за работу. – Я тоже встала и направилась к спрятанной под лестницей вожделенной двери, но прежде чем скрыться за ней, обернулась и указала на небольшую панель телевизора, висевшего на стене над камином. – Ты можешь посмотреть тв.

– Ага! Местное? И что я там пойму?

– Тогда... вариант второй и последний – попробуй все же ознакомиться с предстоящей работой. – Я указала на свою сумку, одиноко лежавшую на кресле. – Все доки в ноуте. В папке «Вайнские князья». Рабочий стол.

Глава третья

Воспоминания, как плети,
Терзают плоть, пытаются разум.
И с каждым прожитым столетьем
Я прошлым сторицей наказан.

«...Дневник... Сегодня я нашел мой дневник – старую тетрадь, в которой осталось довольно много чистых листов. Боги, сколько пережитого в нем скрыто. Сколько воспоминаний набросилось хищными зверями, разрывая на части душу. Только с ним я мог делиться переполняющей меня пустотой, именуемой жизнью.

Не знаю, кем и за что мне было уготовано родиться в семье Вайнских князей единственным наследником, но младшим ребенком. Две старшие сестры, близняшки Гертруда и Вероника, казалось, ненавидели меня всем сердцем. Мати этого просто не замечала. Возможно, с моим рождением связана какая-то тайна – не знаю. Дворовые шептались, что отец мой попросту исчез еще до моего рождения.

Детство...

При одном упоминании о нем мое сердце должно радостно биться, а воспоминания нестретить беззаботными днями, но... Я слишком рано понял, что не нужен матери, да она этого и не скрывала. Иногда мне казалось, что я не родной ребенок, ведь все самое лучшее получали мои сестры, а я лишь довольствовался тем, что добывал себе сам в неравной борьбе с моим главным врагом – жизнью...

Впрочем, я лгу, говоря, что в моей жизни не было счастья. Детвора замка и дворовые заменили семью, а Агнес – моя кормилица, стала мне матерью.

Агнес...

Когда я вспоминаю ее, мне хочется выть, ибо я стал причиной ее смерти. Все случилось в тринадцатый день моего рождения.

Мати всегда устраивала балы в честь меня и моих сестер, но этот праздник был фальшью. Собравшаяся знать откупалась от виновника торжества богатыми дарами, тут же забывая обо всем ради выпивки, обжорства и разврата. Поэтому никто не замечал моего бегства, а я, изнывая от нетерпения, бежал в комнату кормилицы, и там, в кругу слуг и дворовой ребятни, у меня начинался настоящий праздник.

Однажды об этом прознали сестры. Точнее, Гертруда. И поведала матери. Та подобно фурии ворвалась в комнату Агнес и уставила на меня палец, украшенный перстнем с кровавым камнем.

– Ты не смеешь позорить наше имя, общаясь со слугами, словно они – твоя семья! – Кивнув страже, дожидаясь приказа за дверью, она коротко бросила: – На конюшню их всех!

Приговор был слишком жесток.

– Нет! Мати, нет! – Я бросился наперерез шагнувшим в комнату стражникам. – Они не виноваты! Я... я сам пришел сюда, потому что... потому что...

– Потому что ты не бережешь фамильную честь! Ты такой же босяк, как и они! Я не позволю тебе втоптать в грязь наше имя! – Слова мати хлестали пощечинами, но я решил не отступать.

– Они – не виноваты! – отчеканил я, глядя в ее перекошенное гневом лицо. – Никто из них! Только я!

– Тогда... вместо дворовых ведите на конюшню этого щенка! И пусть все находящиеся здесь смотрят на его порку! – выпалила мати и, уже уходя, бросила: – Дайте ему двадцать плетей.

– Нет! – тут же раздался в комнате отчаянный крик. Агнес бросилась ко мне и, прижав к груди, торопливо заговорила: – Госпожа София, смилуйтесь! Он же ребенок! Он – дитя! Он не переживет двадцать плетей! Он ни в чем не виноват! Это я позвала его сюда, как и всех остальных! Я хотела устроить для Влахо праздник! Ему же всего тринадцать!

– Ему уже тринадцать. – Мати остановилась на пороге. – И он выбрал праздник по себе. К тому же испытания создадут из него настоящего князя, но... уж коли ты заступилась, в оплату за свою вольность ты поделишь с ним его наказание.

Она вышла, но еще мгновение после этого никто из стражников не решался к нам подойти. В глазах воинов я видел жалость, но послушаться приказа хозяйки они не могли, ибо сами рисковали попасть под плети.

– Не бойся, сынок... – Агнес обняла меня, поцеловала в лоб и вышла первой. Лишь слезы, блеснувшие в ее глазах, сказали мне о многом...

...После наказания моя кормилица прожила неделю. Мои мучения длились дольше, ибо я опять остался в живых. О том, что ее не стало, мне сообщил старый кучер Грегор. После месяца лихорадки я впервые вышел на улицу, сам дошел до ее могилы и долго стоял на осеннем ветру. Та, что заменила мне мать, ушла, и вместе с ней ушло детство. В тот день тринадцатилетний мальчик исчез навсегда. Горе убивает слабых, сильных оно заставляет меняться...»

С наслаждением постояв под горячим душем, я выключила воду, изучила висевший на крючке махровый халат в голубенький цветочек, но предпочла висевшее рядом белоснежное, пушистое полотенце, завернулась в него и вышла в гостиную.

Вероника сидела с открытым ноутбуком, забравшись с ногами на диван, и читала.

Читала?!

Если честно, я была уверена, что она выберет телевидение.

– Вера, что с тобой? У меня галлюцинации, или ты действительно читаешь?!

Та бросила на меня быстрый взгляд, отмахнулась и вновь уставилась в экран ноутбука.

– Ве-е-ер! – Я подошла ближе. – Теперь скучно мне, и я жажду общения! И вообще, что ты там такого нашла? У меня ведь в ноуте только дипломная и дневник Влади слава.

– Я нашла подтверждение тому, что твой Владислав действительно уколошил всю семью!

– Что?! – Я уселась рядом и заглянула ей через плечо. Пробежала глазами то, что она читала, и облегченно выдохнула. – А я-то думала, что ты с переводчиком залезла в непрочитанное.

– Маш! Очнись! Вот оно! – подруга азартно ткнула в экран. – Его детство – издевательства матери и сестер. Кстати, наукой доказано, что все беды и болезни психики идут из детства.

– Но братья сказали, что он убил еще и невесту! Ее-то за что?

– Ну... – Вера глубокомысленно пожала плечами и закрыла ноут. – Смотря, какая невеста была. Если такая же, как мамаша, то понятно!

– Что ж, все подробности нам даст перевод оставшихся страниц. Попробую сесть за него уже сегодня после ужина. – Я поднялась, выудила из сумки голубые джинсы и темную блузку и отправилась переодеваться.

Когда я снова спустилась в гостиную, Вероники не было, как не было и ее розового чемоданчика. Ясно. Тоже пошла наводить марафет.

Вскоре в дверь постучали.

– Госпожа? – В дом заглянул Андруш. – Вы готовы? Я пришел отводить вас на ужин. Все, кого мы ждали, уже собрались. Остался только один господин. Он отличный проводник и занимается изучением семьи Вайн, но из-за непогоды, возможно, прибудет завтра.

– Да, конечно! – Я поднялась ему навстречу. – Надеюсь, парадно-выходной одежды не нужно? Я люблю по-простому.

– По-простому это хорошо! – заулыбался хозяин и вдруг, вытаращив глаза, замер, разглядывая что-то позади меня. Я мгновенно развернулась и успокоенно выдохнула, увидев у себя за спиной не какой-нибудь злобный призрак, а спускающуюся по лестнице Веронику. С распущенными золотистыми кудрями, в черном обтягивающем недлинном платье с глубоким декольте и в высоких сапогах, она была воплощенной мечтой любого мужчины. – Ваша подруга... Она прелестна...

Услышав его, Вероника снисходительно улыбнулась и направилась к нам.

– Надеюсь, вы мне не льстите? Мы ведь только что совершили перелет, а... усталость не красит женщину.

Я выразительно закатила глаза. Ну, просто не может без этих штучек! Тут мой взгляд упал на ее декольте, точнее, на кулон, красовавшийся у нее на груди: красный, неограниченный камень в форме сердца в сплетении черных рук на тонкой серебряной цепи.

– Зачем ты его взяла?

Она недоуменно нахмурилась.

– О чем ты?

– О моей подвеске!

– Пф... – Она по-хозяйски коснулась камня. – Ты сама говорила, что не будешь ее носить.

Я подскочила к ней и решительно стянула цепь, слегка взлохматив ее идеальные кудри.

– Я говорила, что не имею никакого отношения к роду моей бабушки! Но я не сказала, что не буду носить и беречь ее подарок! К тому же это единственное украшение, доставшееся ей в память о матери!

– Подумаешь! – Вера обиженно покривила губки и вытянула из крохотного ридикюльчика жемчужное ожерелье. – Тогда не буду портить свой идеальный вид твоей жуткой бижутерией. Любезнейший, застегните, пожалуйста...

Она направилась к наблюдавшему за нами Андрушу.

– Почту за честь, – ухмыльнулся он. Вера протянула ему ожерелье, повернулась спиной и откинула волосы, обнажая шею. Андруш перехватил жемчужную нитку и ловко застегнул украшение. – Все готово, госпожа. Пойдемте.

От меня не укрылся тяжелый взгляд, которым он одарил подругу, но тут же скрыл его за вежливой улыбкой. Выудив из подставки стоявший у двери зонт, он раскрыл его и первым шагнул в дождь. Вероника торопливо направилась следом.

Я в нерешительности постояла с кулоном в руке. Надеть или нет? Наряд для такого украшения, конечно, неподходящий, но оставлять на полке не хотелось, а прятать в сумку – времени нет.

Ладно!

Больше не раздумывая, я нацепила кулон на шею и бросилась в пелену дождя вслед за уходящими Андрушем и Вероникой.

Глава четвертая

В круговороте лиц и слов
Я помню только чувство ночи,
Что подарила мне свой кров
И лик твой нежный. И порочный.

Хозяйский дом встретил нас легкой старинной музыкой.

Вальс.

Никогда не умела его танцевать.

Мы оказались в небольшом, богато обставленном зале, где горел камин, а за большим столом непринужденно беседовали несколько нарядно одетых

мужчин и женщин. Увидев нас, они оборвали беседу, и воцарилась настороженная тишина. Я кожей почувствовала обращенные к нам взгляды.

Напряженность момента снял Андруш. Он важно выступил вперед и заговорил на румынском.

– Дамы и господа. Это и есть наши гости из России. Как вы знаете, благодаря некой исторической находке в этой стране заинтересовались историей рода Вайнских князей. Поэтому мы и собрались здесь, в моем поместье, чтобы помочь нашим прелестным гостям разгадать древние тайны. – Он обернулся к нам. – Прошу садиться, дамы. Я провожу вас к вашим местам.

Все еще чувствуя себя неловко, я прошла вслед за невозмутимой подругой к двум пустовавшим стульям, рядом с которыми на белоснежной скатерти красовались таблички с нашими именами. Андруш учтиво выдвинул стул, дожидаясь Веронику, а мне навстречу поднялся сидевший по соседству молодой мужчина.

Вежливо улыбаясь, он дождался, когда я сяду, и, задвинув стул, вернулся на свое место.

– Разрешите представиться. Владиш Керш. Можно просто Влад. Исторический союз, едва узнал о вашем визите и вашем интересе, отправил меня и мою супругу Снежану к вам на помощь. – Он указал на сидевшую рядом с ним невысокую блондинку. Она снисходительно мне улыбнулась и демонстративно подняла бокал с шампанским. – Мы занимаемся изучением древних фамилий нашей страны.

Я смущенно кивнула.

– Мы с моей коллегой весьма благодарны и очень надеемся на плодотворное сотрудничество.

Непривычно слышать румынскую речь не из бабушкиных уст. Надеюсь, они поймут меня, несмотря на мой акцент.

– О чем вы говорите? – тут же шепотом поинтересовалась Вера, легонько пихнув меня локтем в бок.

– Приветственные речи. Потом все расскажу... – отмахнулась я и замолчала, заметив кудрявую черноволосую женщину с броским, вечерним макияжем. Она сидела в дальнем углу и неотрывно смотрела, смотрела на меня.

Странная дама... На вид лет тридцати, но...

От других женщин, присутствующих на ужине, ее отличала какая-то... вульгарность? Очень короткое, ярко-красное вечернее платье облегалo ее как вторая кожа, выставляя напоказ все достоинства фигуры. Мне даже показалось, что под этим ярким образом она пытается скрыть от всеобщего внимания что-то другое. Какое-то несоответствие на мгновение царапнуло меня, но ощущение тотчас исчезло, оставив в душе странный, тревожащий след.

Заметив мой интерес, она странно поморгала, словно ей в глаз попала соринка, и поспешно отвернулась к соседу, моложавому мужчине лет сорока пяти – пятидесяти. Послышался ее бархатный говорок. Мужчина что-то тихо

ответил. Раздался смех.

Жаль, музыка играла довольно громко и не позволяла расслышать их беседу.

– А... простите, – я осторожно коснулась локтя Владиша. – Кто эта женщина в красном?

– Мм... – он проследил за моим взглядом и криво улыбнулся. – Мадам Матильда. Она... как бы это сказать... женщина со странностями. Здесь по приглашению барона Геминга. Высокий мужчина рядом. Он очень заинтересовался вашим визитом, и именно он устроил эту встречу. К слову сказать, если вы хотите беспрепятственно изучать нашу историю, в том числе и историю замка Вайн, вам нужно будет убедить его в серьезности намерений. Мой совет: предоставьте ему все данные по делу Вайнских князей, чтобы он дал вам доступ к замку.

– Хорошо... – я не удержалась от взгляда на самозабвенно беседующую парочку.

Вот черт! И что я ему скажу?

У меня есть дневник Владислава Вайнского?

И услышу: «Отлично! Передайте его на изучение нашим историкам и... можете быть свободны!»

Или... Сделать ход конем? Сыграть ва-банк!

Ладно. Подождем.

Мое волнение заметила Вероника.

– Что-то не так?

– Все не так! – Я взволнованно покусала губы. – Оказывается, весь этот... «ужин» был собран для того, чтобы тактично выпроводить нас из страны, не дав права на изучение их исторической ценности. Мне нужно будет как-то заинтересовать вон того длинного дядю, чтобы нам дали шанс на исследование руин замка.

– А может... это даже и к лучшему? – Вера, казалось, ни капельки не расстроилась из-за предстоящего срыва нашей миссии и придвинула к себе поставленную перед носом тарелку с крошечными бутербродами. – Нам выпал шанс на халяву приехать сюда и отдохнуть несколько денечков в этом замечательном обществе. А то, что мы не попадем на развалины – так, может, это даже хорошо? Жаль, не знаю языка, но... между красивой девушкой и галантными мужчинами языковой барьер никогда не был непреодолимой преградой!

Кто о чем, а вшивый о бане, как сказала бы бабуля. Эх... Надо бы с ней посоветоваться, но ноутбук остался в доме, а интересовывать нужно уже сейчас! Впрочем, пока есть время подумать...

Безупречно одетые официанты, в которых я с трудом узнала братьев Андруша, ловко расставили тарелки перед оживившимися гостями, разлили шампанское, зажгли несколько десятков свечей и, погасив огромную люстру, удалились.

В задумчивости я неохотно поковыряла вилкой предложенное жаркое и салат. Что же придумать? Может быть, сказать, что у меня есть почти все доказательства того, что князь Владислав невиновен в том, в чем его обвинили? А если барон потребует доказательства?

Нужно срочно перевести дневник до конца! Наверняка есть разгадка. И если не описание, то мотивация уж точно должна быть! Эх... Нужно сегодня же связаться с бабулей. Она уж точно перевела больше, чем я!

В размышлениях я не заметила, как помощники Андруша обновили тарелки, заменив жаркое и салаты на легкие пирожные. Музыка зазвучала еще настойчивее, и две самые смелые пары закружились в вальсе. Наш галантный кавалер наполнил шампанским бокалы своей супруге, о чем-то весело щебечущей с сидевшим напротив лысым толстяком, Веронике и мне, при этом заметив:

– Вы совсем ничего не пьете! За весь ужин только половинку бокала. Вы не любите вино?

– Я не люблю быть... – я помолчала, подбирая слово, – быть навеселе. Особенно на таком важном вечере.

– Но ваша спутница не придерживается таких же строгих правил? – скорее отметил, нежели спросил он и взглянул на Веру. – Госпожа?

Интуитивно почувствовав тему разговора, Вера с улыбкой подняла наполненный бокал.

– Ну, ей же не готовить убеждающую речь! – я тоже взяла бокал и, выдохнув, сделала пару глотков. Может, от этого нервная дрожь пройдет?

– Ах, вас озадачило это! – Владиш весело рассмеялся и тут же посерьезнел. – Моя вина. Скажу по секрету, барон Геминг очень положительно решает все вопросы, если их задают такие прелестные иностранки.

– Что вы хотите сказать? – Я насторожилась. Только престарелых ловеласов мне сейчас и не хватало!

– Только то, что вам нужно понравиться ему своей жаждой к познанию тайн, своей любовью к нашей истории, и дело будет решено положительно!

– А... – что ж, значит, у меня есть шанс. – Тогда пойду, попытаюсь.

– Удачи. А я, если не возражаете, приглашу на танец вашу подругу. Переведите ей мое предложение?

– Конечно. – Я улыбнулась Владишу и незаметно состроила подруге зверское лицо. – Вер, этого молодого человека зовут Владиш, и он хочет пригласить тебя на танец. Но учти, та блондинка – его жена!

Подруга заинтересованно смерила кавалера взглядом, одним глотком осушила бокал и решительно поднялась.

– Ну, слава тебе, господи! Хоть кто-то...

– Вер! – я нахмурилась. Кажется, ей не нужно больше пить... Надеюсь, она не устроит политического скандала?

– Я поняла! – отмахнулась Вероника и, взяв за руку Владиша, потянула туда, где в свете свечей уже кружились почти все, кто еще совсем недавно

сидел за этим богатым столом.

Проводив их взглядом, я поднялась и направилась к барону. К счастью, теперь он был один. Я заметила огненное платье его спутницы среди кружащихся в вальсе пар. Значит, она не мешает нашей беседе и не будет смущать меня странным изучающим взглядом.

– Мое почтение. – Я остановилась рядом с бароном Гемингом. Он поднял на меня бесцветные глаза, и я даже попятилась, спасаясь от волны равнодушного холода, идущего от него. – Разрешите представиться – Мария Береш. Мы прибыли...

– Я знаю, кто ты, дитя. И... я немного старомоден... – перебил он мою заготовленную фразу на удивление мягким баритоном и поднялся, оказавшись выше меня головы на две. – Поэтому давай начнем сначала.

Шаркнув ногой, он отвесил мне церемонный поклон, актуальный веке в восемнадцатом, и улыбнулся.

– Госпожа Мари, позвольте представиться – Алан Лучиан Геминг. Истинный поклонник тайн и ценитель скрытого от любопытных глаз наследия наших предков. Позвольте пригласить вас на танец?

Я почувствовала, как мои губы разъезжаются в ответной улыбке. А он оказался довольно приятным мужчиной!

– С удовольствием. Но... к моему стыду, хочу признаться – я не умею танцевать вальс.

– О, я открою вам секрет. В вальсе все зависит от партнера, и уверяю вас, со мной вы можете быть спокойны. Я обожаю танцы, а вальс я считаю истинным достоянием человечества. Прошу, – он протянул мне руку. Я немного помедлила и приняла его приглашение. Его пальцы сжались так крепко, что я ощутила себя пойманной в капкан, и на миг замешкалась, удивляясь скрытой в нем силе и еще одной странности... Его ладонь была горячей, словно он горел в лихорадке. Но... все эти мелочи растаяли перед истинным очарованием вальса. Алан действительно оказался восхитительным партнером. Уверенным и нежным. Он вел так, словно этот танец, этот ритм были единственно важным в жизни.

Я даже искренне расстроилась, когда звуки музыки растаяли и мы остановились.

– Вы великолепно танцевали, Мари. – Он склонился, и его губы коснулись моей руки.

– Все потому, что меня вел замечательный партнер. – Я смущенно высвободила руку. Кажется, начинается самое сложное. – А теперь, пользуясь моментом, я бы хотела просить вас о разрешении на посещение руин замка Вайн для подтверждения кое-каких моих догадок. Прошу дать мне возможность узнать истинную историю этого рода.

– Вот как? – Его тонкие губы улыбались, а вот глаза... В глазах вновь поселился арктический холод. Мне даже стало не по себе. – Я вижу, русская барышня с румынским именем любит решительность?

– Должна признаться, что имя и фамилия достались мне в наследство от бабушки.

– Замечательно! – Он стал серьезным. – Я очень рад, что вы приехали к нам. А теперь поговорим о деле. Мне сообщили, что интерес вашего института основывается на каких-то заметках? Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

– Конечно! – послушная его воле, я незаметно вместе с ним оказалась в дальней части зала, где была расположена зона отдыха. Зажженный камин и два уютных диванчика как нельзя лучше располагали к общению. Опустившись рядом с бароном в мягкие подушки, я начала: – В одном архиве была обнаружена написанная от руки тетрадь. Дневник. Автор – Владислав Вайнский. Этот исторический документ был доверен мне нашим деканом, и я почла за честь работать над переводом заметок этой, судя по всему, сильной личности.

– И как много вы перевели? – Мой собеседник не сводил с меня взгляда чуть прищуренных глаз.

– Достаточно, чтобы понять: то, в чем его обвиняют – ложь. Но я хочу до конца узнать истину.

– А в чем его обвиняют? – Его глаза и вовсе превратились в щелочки.

Я замолчала, лихорадочно соображая. То небольшое, что я успела почерпнуть из дневника, вряд ли удовлетворит моего собеседника. Он сразу же поймет, как мало я еще пока знаю. На ум пришла история, рассказанная братьями Андруша.

– Ну как же... Его обвиняют в том, что он убил мать, двух сестер и возлюбленную.

Барон долго смотрел мне в глаза и, наконец, рассмеялся тихим смехом.

– Допустим. И вы верите, что князь Влахо Вайнский этого не совершал?

– Больше чем уверена. Только... – я запнулась и, стараясь не смотреть ему в глаза, выпалила: – Чтобы это доказать, мне нужно посетить замок.

– Хорошо. А если допустить на миг, что есть и другая сторона этой истории, которую все мы тщательно скрываем от постороннего любопытного взора? А именно: князь Владислав Вайнский не герой, а чудовище. Вы не боитесь крушения идеалов, если вам откроется *такая* правда?

Но я была настроена решительно и упрямо повторила:

– В любом случае, мне нужно ваше разрешение на посещение руин.

– В руинах могут жить призраки, – барон улыбался. Отчего-то закралась мысль, что он не хочет подпускать нас к замку, но настоящую причину не открывает и пытается отпугнуть всевозможными страшилками.

– И все-таки? Ваш ответ «да»?

Он вдруг протянул руку, и его длинные холеные пальцы коснулись висевшего у меня на груди кулона.

– Откуда у вас эта вещь?

Я выдержала его взгляд.

– Это подарок. На совершеннолетие. Мне его подарила бабушка. Этот кулон передается по наследству.

– Ваша бабушка из благородного рода?

Его вопрос поймал меня врасплох.

– Не знаю... Скорее всего, нет... – Если не брать во внимание не обоснованную ничем уверенность бабушки в ее принадлежности к древнему румынскому роду.

– И как же тогда такой раритет оказался у вашей бабушки?

Я открыла рот, чтобы рассказать о своих догадках, но тут музыка оборвалась. Дверь отворилась, по залу пронесся напоенный ароматом дождя прохладный ветерок, и в дом вошли двое незнакомцев в длинных черных плащах, блестящих от дождевых капель.

– Прошу меня извинить. – Барон поднялся, тут же утратив ко мне интерес.

– Что-то случилось? – Я тоже встала, пытаюсь разглядеть гостей.

Не ответив, он направился к новоприбывшим.

– О чем ты так долго секретничала с этим стариканом? – послышался над ухом громкий, чуть визгливый голос подруги. Первый признак того, что утро для нее начнется с жуткого похмелья.

Я обернулась к Веронике и удивленно вскинула брови. Андруш, который еще совсем недавно был не в ее вкусе, довольно непринужденно обнимал Веру за талию, а она, пьяно хихикая, висла у него на шее.

– Конечно же, о нашей будущей экспедиции. Но если честно, я так и не поняла, дали нам добро или нет, – и, стараясь раньше времени не предаваться унынию, переключилась на эту веселую парочку. – А вы, я вижу, нашли общий язык!

– Еще как! Андруш безупречный кавалер, и, оказывается, у него куча скрытых достоинств! – тут же зарделась Вера и принялась перечислять. – Во-первых, он отлично танцует и начитанный собеседник с тонким чувством юмора, во-вторых, он умеет слушать, ну и третье, огромное его достоинство – он понимает меня и сам говорит по-русски!

– Да, – горделиво поклонился Андруш. – Ни одна женщина не может устоять против моих чар!

– Не сомневаюсь! – улынулась я и огляделась, пытаюсь найти сбежавшего барона. В конце концов, мы с ним еще не договорили!

– Прибыл господин, о котором я упоминал, что он задерживается, – немного неверно истолковал мой взгляд Андруш. – Анатолий Вершин – очень хороший проводник, вот только прибыл он не один, а значит, нужно принести еще один прибор.

Он с искренним сожалением убрал руку с талии моей подруги, извинился и исчез. Взволнованный ропот, вызванный появлением новых гостей, вновь заглушили звуки скрипки, знаменующие начало нового танца.

– Какой он лапочка! – закатив глаза, выдохнула Вера и устало плюхнулась на диван. – Только... что-то меня мутит. Н-да, шампанское – это вам не нектар,

и его сегодня было много.

– Да, шампанское – не сок... И мне казалось, что твой идеал мужчины далек от Андруша, – хмыкнула я, по-прежнему высматривая среди танцующих пар барона Геминга.

Наконец я заметила его статную, худощавую фигуру в отдалении, у ниспадающих темных, шитых золотом гардин. Рядом с ним я разглядела и припозднившихся гостей. Молодые мужчины лет двадцати пяти, в строгих черных костюмах, но уже без плащей, что-то ему оживленно говорили. В ответ он только задумчиво кивал. Вдруг, словно почувствовав мой пристальный взгляд, барон оглянулся и бесцеремонно указал собеседникам на нас. Мужчины дружно обернулись, несколько мгновений смотрели в нашу сторону, и тут один, ничего не объясняя собеседникам, напрямик направился к нам.

– И какой, по-твоему, мой идеал мужчины? – икнув, решила продолжить волнующую тему Вера.

– Высокий, яркая внешность, идеальная фигура, прямые черные волосы, кажется... чуть ниже плеч... – Я старательно прищурилась, разглядывая подходившего к нам гостя. – Точнее, волосы собраны в короткий хвост.

– Ну... от такого я бы точно не отказалась, – снова икнула Верка и тоскливо вздохнула, – вот только где его взять? Ой!

Ее глаза загорелись восторгом, когда она увидела приближавшийся к нам только что описанный мной «идеал».

– Bună ziua, – голос незнакомца тоже не подкачал. Бархатистый, низкий, он с первых звуков очаровывал своим неповторимым тембром.

Вера мило покраснела и, не сводя с мужчины восторженного взгляда, принялась меня тормошить.

– Маш, Машка, кто это? Что он говорит?

– Здоровается, – отрывисто бросила я, вежливо улыбнулась и продолжила разговор уже на румынском: – Вообще-то уже вечер. Почти ночь.

Он на миг виновато склонил голову.

– Сожалею, что мы с другом опоздали на ужин. Погода разгулялась не на шутку. Мое имя Влад. Я буду вашим проводником вместо Анатоля.

– Влад? Кажется, в вашей стране это имя довольно распространено.

– Имена разные, но вот сокращение, вы правы – распространено. Конечно, я бы предпочел, чтобы вы называли меня полным именем, если бы не трудности с его произношением, – усмехнулся он и задал встречный вопрос: – Я слышал от друга, что вы интересуетесь историей?

– Да. Я – историк. Заканчиваю институт. – Я потупилась, спасаясь от его взгляда, а заодно, чтобы уgomонить незаметно дергающую меня за рукав Веру. – Отстань, потом все расскажу.

Парень вновь улыбнулся, словно понимая все, что я говорю, покосился на Веронику и вновь обратился ко мне:

– Вы – и историк. Так необычно.

– Что именно? – Я вызывающе сложила руки на груди. – Вы никогда не

видели женщин, занимающихся наукой?

– Если честно, нет. Но необычным мне кажется другое. – Он окинул меня изучающим взглядом. Немного задержал его на кулоне и вновь посмотрел мне в глаза. – Я слышал, что вы изучаете историю Вайнских князей? Почему? Может, вы сами принадлежите к этому роду?

– Увы, не совсем так.

– Тогда откуда у вас подвеска Софии Вайнской?

Рука невольно дернулась к кулону, закрывая его от назойливого интереса. Откуда он знает мою бабулю?

– Она подарила ее мне на совершеннолетие.

Парень недоуменно нахмурился, вновь взглянул на меня и рассмеялся.

– Кажется, мы друг друга не поняли. Я говорил о Софии Вайнской, которую называли «Кровавой княгиней». Ее правление этими землями закончилось в начале семнадцатого века и унесло жизни больше пяти тысяч человек. По тем временам немного, но...

– А... Да... – Я растерянно поддержала его смех. Вдруг окажется, что это украшение давным-давно похищено, и мне придется вернуть его на родину как историческую реликвию? Да и барон кулоном интересовался... – Я говорила совсем о другом человеке. К тому же я не уверена, что это – оригинал... А... откуда вы знаете, что княгиня Вайнская носила именно такую подвеску?

– Как я уже говорил, я проводник. Приводить к древним замкам туристов, ищущих острых ощущений, мой хлеб. К тому же я знаю замок Вайн как свои пять пальцев. Это, или подобное украшение, я видел на портрете княгини.

– Но разве замок не сгорел? – В памяти всплыли слова Андруша.

– Частично. В предании говорится, что за грехи и жестокость княгини Софии этот замок был проклят и объят огнем. Я ничего не берусь утверждать, но каменные стены действительно хранят следы копоты, а некоторые из комнат выгорели дотла. Даже частичная реставрация не скрыла следы трагедии. Впрочем, все это лишь домыслы. Реальность такова: замок долгое время пустовал и служил пристанищем бродяг. – Он пожал плечами. – Кто знает. В любом случае, я буду рад показать все, что осталось от этого величественного строения. Кстати, хранитель ценностей уже дал добро?

Влад взглядом указал на худощавую фигуру барона Геминга. Тот все еще о чем-то беседовал с другим гостем, но, словно почувствовав, с каким любопытством я разглядываю его, безошибочно нашел меня глазами и, обменявшись с собеседником рукопожатием, направился к нам.

– Прошу прощения, Мари, что оставил вас. – Приблизившись, он галантно коснулся губами моей руки. – Я должен был обсудить с Анатолом кое-что касательно вашего приезда. К сожалению, вынужден вас огорчить. Прогноз неутешительный. Дождь затянется еще на пару дней. Но... кажется, у вас есть время? Будем уповать на высшие силы. Если вам суждено потревожить духов замка Вайн, погода позволит это сделать.

– Но... – Я в отчаянии прикусила губу. Так и знала, что этот противный

старикан испортит нам поход! – Можно ведь отправиться к замку и в непогоду...

– О! – Барон снисходительно улыбнулся. – Сразу видно, что вы не знаете нашего климата и наших гор. В такую погоду очень опасно отправляться в путь. Анатоль, несмотря на дождь, прибыл к нам, чтобы убедить вас не торопиться.

– Совершенно верно! – К нам незаметно подошел тот, кого барон назвал Анатолем. И снова этот изучающий взгляд! Я ощутила себя невольницей, попавшей на средневековый рынок рабов. Видимо, эти чувства отразились на моем лице. Анатоль едва заметно поклонился и поспешил продолжить разговор: – К несчастью, барон Геминг прав. В такую непогоду лучше сидеть в тепле. Но если, пока вы здесь, дождь закончится и немного просохнут тропы – вы получите незабываемую экскурсию по Карпатам.

Он улыбнулся, но его пронзительные синие глаза оставались холодными льдинками. Ни тени заинтересованности не отразилось на его безупречном лице. А еще... он чем-то напомнил мне самого барона, только тот умело скрывал свое безразличие за маской внимания и заинтересованности.

– Хорошо. Мы никуда не торопимся, – я с вызовом оглядела окруживших меня мужчин. Пусть думают, что мне нет дела до их древних, поросших мхом тайн!

Раздавшийся рядом приветливый голос Андруша просто спас меня.

– Буду рад и счастлив предоставить вам кров. Вино, еда, книги и все развлечения в вашем распоряжении, дамы.

Я оглянулась и благодарно ему кивнула.

– Спасибо. Надеюсь, непогода оставит нас уже завтра, но знайте, в вашем уютном доме мне хочется, чтобы она продолжалась вечно.

Андруш вдруг отвесил мне какой-то церемонный поклон и заторопился:

– Что ж, тогда пойду обо всем позабочусь.

– Я с вами. Угостите меня с дороги чем-нибудь горячительным? – Анатоль, не прощаясь, направился вместе с ним.

– А я позволю себе пригласить вашу спутницу на танец! – Влад протянул руку Веронике. Та удивленно взглянула на меня и, не дожидаясь перевода, мертвой хваткой вцепилась в нового кавалера.

– А мы с вами продолжим наш разговор. – Барон уселся на диван, закинув ногу на ногу, и приглашающе похлопал рядом с собой. – Ну же?

Я проводила взглядом Влада, обнимавшего за талию липнущую к нему Веронику, и вдруг почувствовала легкую... досаду? С чего бы это?

Разозлившись на себя, я уселась рядом с Аланом Гемингом и холодно ему улыбнулась.

– Вся во внимании. Кстати, знаете, мне кажется, непогода – это всего лишь предлог, чтобы не подпускать нас к историческим тайнам вашей земли. В принципе, я вас понимаю, но... разве мы не делаем одно дело? Мы привезли вам историческую находку, пытаемся помочь вам разгадать тайны вашего

прошлого, вот только... вы не желаете нам помогать!

Холоное лицо барона едва заметно искривилось.

– Всеу свое время, девочка. Поспешность суждений не делает вам чести, но в одном вы правы. Это *наши* тайны, и мне совершенно непонятно, зачем они вам! Подумайте, стоит ли проливать свет на давно забытое? Нужно ли ворошить прах умерших? Да! Я бы сегодня же отправил вас с вашим любопытным носиком восвояси, но, к сожалению, не все здесь зависит от меня. И... забудьте о моих словах. Для вас сейчас самое серьезное препятствие между вами и нашими тайнами – дождь.

– Дождь? – Я фыркнула. – Конечно, неприятно промокнуть, но преодолеть часть пути мы могли бы уже завтра, а к ночи разбить палаточный городок и обсохнуть!

Барон искренне расхохотался и тут же помрачнел.

– Вы и не представляете, что ждет вас на мокрых горных тропах, даже с опытным проводником. Поверьте, здесь и так бесследно исчезло слишком много людей, и... если с вами что-нибудь случится, я не хочу брать вину на себя. Придется подождать. А пока... вы позволите мне взглянуть на дневник? – И словно почувствовав мое смущение, поспешил успокоить: – Меня устроят и компьютерные файлы. Надеюсь, это не составит для вас труда?

– Конечно, нет. – Я нашла глазами самозабвенно кружившуюся в танце подругу и обнимавшего ее Влада.

И снова кольнуло сердце.

Да что со мной?!

Впрочем – знаю! Я просто завидую Веронике. Белой завистью! Никаких проблем и хлопот как минимум до завтрашнего утра. Утром, конечно, возникнет проблема со здоровьем и памятью, но... это же будет только утром...

– Кстати, хотите вина? Из личных погребов Андруша.

Я не сдержала вздох. Вино? Опять? Хотя почему бы и нет? Отпраздную сделку с этим странным хранителем исторических ценностей, очень похожим на классического Мефистофеля Гете. По крайней мере, сейчас, когда я услышала от него самого, что он не против нашего пребывания здесь, я не уеду, пока не увижу замок! И он это знает.

Барон с интересом наблюдал за мной, затем вдруг молодежью вскочил и игриво поднял вверх указательный палец.

– Одна минута!

Я озадаченно посмотрела ему вслед. Либо по моему лицу можно все читать, как в раскрытой книге, либо он разгадал мои мысли.

Вскоре я поймала себя на том, что внимательно выискиваю взглядом... Веру? Или все же Влада? Ожидание сменилось легким разочарованием, когда я увидела подругу, кружащуюся в легкой польке... с Андрушем. Я даже приподнялась, внимательно разглядывая лица гостей – Влада в зале не было.

– Вы меня уже потеряли? – Внезапное возвращение барона заставило

меня смущенно опуститься на подушки.

– Вообще-то я искала подругу.

– Прошу. – Он протянул мне бокал с темно-рубиновой жидкостью и сел рядом, держа в руках еще один фужер. – За ваш приезд! А по поводу подруги можете не волноваться. Я видел ее секунду назад танцующей с Владом.

– Именно это меня и тревожит. – Я чуть пригубила вино и, смакуя легкий ягодный вкус, отставила бокал на маленький столик у дивана. – Она легкомысленная, не знает вашего языка, и... этот ваш Влад мне не внушает доверия!

– Это значит – вы обижены, что вам приходится сидеть здесь, со мной, а не танцевать с ним. – На губах Алана на мгновение появилась легкая улыбка. – Уверяю, я знаю его так давно, что... можете быть спокойной. За подругу.

Его слова почему-то меня смутили.

– Мне все равно. Как вы уже смогли убедиться ранее, я не любитель танцев.

– Я уже говорил и повторяю – львиная доля успеха зависит от партнера, – возразил барон.

Я пожала плечами и, взяв бокал, выпила вино до дна.

Только виновный оправдывается, а я не люблю чувствовать себя без вины виноватой.

– Скажите, барон, – я бросила взгляд на бокал и сменила тему, – нас к замку поведет Влад или Анатолий?

Барон нахмурился.

– Вообще-то, должен был вести Анатолий, но его планы несколько изменились, поэтому он и привел себе замену. Анатолий должен уехать, но если дождь задержится в этих краях, вполне возможно, он успеет вернуться, чтобы вести вас самому. Впрочем, могу успокоить – Влад тоже прекрасно знает эти места.

Ладно, если этого не избежать, так хоть узнать, кому нам предстоит довериться.

– Вы сказали, что хорошо знаете этого...мм... Влада. Кто он? Откуда? Как его полное имя?

– Знаю, – барон вновь ухмыльнулся и отставил опустевший бокал. – Но не до такой степени. Влад довольно давно работает на меня. Он хорошо знаком с этими горами и тропинками, ведущими к замку, а не это ли главное достоинство проводника?

Я вновь пожала плечами и поднялась.

– Что ж, ладно. Очень приятно было с вами познакомиться. Однако уже поздно... Пожалуй, я пойду. Поработаю и постараюсь побыстрее предоставить все интересующие вас факты и доказательства.

– Взаимно, дитя. Но... факты и доказательства скорее нужны вам. Почему-то вы изо всех сил стараетесь увидеть добро и чистоту там, где этого никогда не было. Не старайтесь оправдать Владислава Вайнского. Вы не

увидите в нем ни героя, ни жертву. Он – чудовище. И легенды не лгут! Хотите знать, как его называли? – Барон вдруг хищно прищурился, ожидая ответа.

– Нет! – Я развернулась и, не прощаясь, решительно направилась к веселившейся подруге, а вслед донеслось:

– Палач.

Отлично, еще один повод задержаться здесь подольше. На то мы и историки, чтобы доверять, но проверять.

Глава пятая

Лампады свет холодный злится,
Как меч раскраивая мглу.
И снова тайна повторится,
Даря забытые мной лица,
Словно истлевшие страницы.
Мне одному.

– Вер? Нам пора! – Решительно ухватив за руку подругу, я, не слушая отговорок, потащила ее к двери.

– Но вечер только начался! – следом увязался Андруш. – Останьтесь еще на час! Скоро барон Геминг начнет рассказывать легенды...

– Извините, Андруш, в другой раз. – Я распахнула дверь и остановилась. Мне в лицо ударил порыв ветра, освежив холодными брызгами и очаровав запахом дождя.

– Может, все-таки останетесь? – Андруш лукаво улыбнулся.

– Нет, – упрямо выпалила я и вытащила упирающуюся Верку под дождь.

– Ладно. Тогда я провожу. – Он тоскливо вздохнул и вышел вместе с нами в ночь.

Окружившую нас темноту разбавлял свет низеньких электрических фонарей с круглыми плафонами. Блеклыми светящимися дорожками они уходили к притаившимся в ночи гостевым домикам, почти не видимым из-за пелены дождя. Хорошо, что Андруш вызвался нас проводить. Если честно, я даже не представляла, где сейчас находится наш дом.

Вскоре мы остановились возле знакомого крыльца.

– Рад был нашей встрече. – Андруш вежливо коснулся губами руки Вероники, затем с теми же намерениями протянул руку ко мне, но я ее просто пожала.

– Взаимно. – Вместе с Верой я поднялась к двери и распахнула ее. В прихожей тут же загорелся свет. Вероника на прощание послала Андрушу воздушный поцелуй и первой скрылась в доме. – Спокойной ночи.

– Спокойной. Кстати, моя гостиница, как вы заметили, стоит в лесу, и разные зверушки иногда забираются ночью во двор... Мой совет –

закрываются. Двери и окна. И ночью лучше никому не открывайте, даже если покажется, что пришел кто-то знакомый. Даже я. – После этих странных слов он развернулся и решительно зашагал прочь. Озадаченная таким заявлением, я какое-то время смотрела ему вслед, пока он... не исчез. Не растворился в дожде и сумраке ночи, а просто исчез!

Я потрясла головой. Н-да... кажется, я сегодня немного перебрала с алкоголем, чего в принципе еще никогда не случалось. А может, не нужно было мешать шампанское с рубиновым вином?

Отчего-то вдруг сделалось зябко и жутко. Кожей почувствовав на себе чей-то взгляд, я поспешно шмыгнула в дом, захлопнула дверь и торопливо закрылась на щеколду.

К моему сожалению и зависти, Вера уже сладко спала, свернувшись на диване калачиком. Во сне она больше не походила на роковую женщину. Скорее на уставшую, вымазавшуюся в косметике, растрепанную девчонку, которая решила примерить вещи старшей сестры.

Я усмехнулась, прошла к шкафу, где еще днем обнаружила теплый плед и подушки. Укрыв подругу, пересела на кресло у зажженного камина и замерла, разглядывая стоявший на журнальном столике светившийся экраном ноутбук.

А вот это мне совершенно не нравится!

Вцепившись в мышку, я открыла папку с дневником и облегченно выдохнула. Работа на месте! А может, я просто забыла его выключить?

Отыскав доступный Wi-Fi, я зашла в скайп и радостно улыбнулась тут же замигавшему видеовызову. Бабуля!

– Здравствуй, моя дорогая! Как долетели? Как устроились? Когда пойдете к замку? Не забывай всегда быть на связи!

– Бабуля, как я рада тебя видеть! – То, что я сердилась на нее еще днем, просто вылетело из головы. И вообще все, что было днем, казалось сейчас такой глупостью... – Очень рада!

– Что-то случилось? – Бабушка чувствовала мое настроение как никто и никогда. Мне можно было ей ничего не говорить, достаточно как-нибудь не так вздохнуть или посмотреть, и тотчас требовался полный отчет о моих тревогах, радостях и страхах.

– Если честно – да. – Радостная улыбка сползла с моих губ. – Дождь. Местный глава историков говорит, что это может расстроить нам все планы! Проводник нас не поведет, пока здесь царит непогода, а вдруг этот дождь зарядит недели на две? Боюсь, что нам придется, несолоно хлебавши, отправляться домой.

– Не переживай! Можете оставаться там столько, сколько потребуется. Если что, я все улажу!

– Опять? – я все-таки не удержалась от сарказма, но бабулю этим было не испугать.

– Вижу, ты все уже знаешь... Да! Эту поездку организовала я! И не спрашивай, на какие средства! Ты меня осуждаешь за это?

Я вздохнула и покачала головой.

– Нет, конечно. Спасибо тебе за все. Только бы тебя не подвести и сделать все как следует.

– Сделаешь! – отмахнулась она. – Мари, я вижу, ты устала. Ложись спать. Сейчас вышлю тебе кусочек того, что я перевела. Между нами, девочками, этот Влади слав – очень колоритная личность! Это будет интересный перевод... Только пообещай, что прочитаешь завтра.

Я улыбнулась.

– Обещаю! – и прежде чем попрощаться, спросила: – Скажи, как ты считаешь, кто он – чудовище или герой?

Бабушка задумчиво помолчала.

– Знаешь, насчет его геройства пока ничего не скажу, но не моральный урод – точно!

Какое-то время я сидела с глупой улыбкой на губах. Даже когда бабушка отключилась. Значит, интуиция меня не подвела? Я еще докажу барону, что была права!

Не удержавшись от соблазна, я открыла почту, скачала файлы и жадно впилась в первые строчки:

«...Вот и наступил последний день моего пребывания дома. Завтра с утра я вынужден буду уехать в столицу, чтобы продолжить учебу. Еще целый год! Этот месяц, проведенный с Катариной, был невероятным, сумасшедшим! Мы почти не расставались с самого дня Сбора урожая, и я готов по возвращении просить ее руки.

Сегодня целый день моросил дождь, но я все равно пошел к пруду. Под старой ивой мы провели множество незабываемых часов, и я тайне надеялся, что увижу ее там. Густые ветви опускались до земли, создавая шатер, в котором можно было прятаться, не боясь ни дождя, ни любопытных взглядов. Я с трепетом отвел зеленый полог, шагнул в манящий полумрак и... не сдержал разочарованного вздоха. Моя надежда не оправдалась. Сегодня Катарина не ждала меня здесь, но наше тайное убежище не пустовало.

Вместо любимой я увидел сидевшего на поваленном бревне незнакомца. Одежда и лицо выдавали в нем дворянина, но длинные, нечесаные волосы, небрежно связанные в хвост, и неопрятная борода говорили о том, что он либо отчего-то был всего лишен, либо добровольно впустил в сердце ветер странствий.

Мы встретились взглядами, и я уже развернулся, чтобы уйти, но тут он заговорил.

– Мое почтение, молодой господин. Ты, верно, из замка Вайн? Или... я ошибаюсь, и ты из имения Мареш? Назови себя.

– Не ошибаетесь. Я – князь Владислав Вайнский. Сын княгини Софии. А кто ты, путник? И что привело тебя в наш благодатный край?

– Назвать тебе свое истинное имя я пока не могу, а называться

вымышленным – не хочу. Зови меня просто – отец Ян.

– Так ты – служитель бога? – Я уже и забыл, что хотел уходить. Моей любимой книгой была Библия, но не потому, что я был ревностным христианином. Просто мне очень нравились пересказанные в ней легенды прошлого. Нравились тайны, до сих пор не разгаданные. – Откуда ты? И куда идешь?

– Когда-то давно я тоже жил под древними сводами гордого замка. Пока не понял своего истинного предназначения. И тогда я ушел, чтобы сражаться с адскими тварями, вселяющимися в слабые, подверженные грехам тела смертных. – Он поднялся, и я невольно отступил. Роста мы были одного, вот только сила ощущалась в нем немалая. На поясе висел исписанный черными письменами меч, а за спиной устроился арбалет. – Не бойся меня. Я не причиню тебе вреда. Более того. Я здесь, чтобы защитить тебя и твоё семейство. Я ищу...

– Владислав, ты здесь? – звонкий голосок Катарины развеял чары отца Яна, а секунду спустя она заглянула в зелёный шатер. Увидев незнакомого мужчину, она испуганно ойкнула. – Я не знала, что ты не один...

– Зайди под навес, дитя. – Отец Ян приглашающе отвел ветви, пропуская девушку. – Ты совсем промокла, а мне уже пора вас покинуть...

Не говоря больше ни слова, он вышел из-под зелёного полога, а я тут же забыл о нём, наслаждаясь требовательным поцелуем Катарины.

– Влад, любимый, не знаю, как я переживу этот год! Я боюсь, что отец, послушавшись совета бабушки, выдаст меня замуж. Я боюсь тебя потерять!

Я отстранился и, сжав ладонями девичье лицо, посмотрел в её золотисто-карие, горящие лихорадочным огнём глаза.

– Они нас не разлучат. Я знаю, что мы сделаем, чтобы все оставили нас в покое. Пойдем.

Накинув на озябшие плечи девушки свой камзол, я решительно вывел её из-под навеса, и мы зашагали по тропинке, ведущей к деревне. Некоторое время она молчала. Наконец неизвестность начала её тяготить.

– Куда мы идем?

Я указал на видневшиеся вдали купола деревенской церкви. Она нахмурилась.

– Чего ты хочешь?

– Я хочу, чтобы нас тайно обвенчали. – Я взглянул в восторженно распахнувшиеся глаза любимой. Вместо ответа она всхлинула и прижалась ко мне.

Какое-то время мы, не разжимая объятий, шли молча. Вдруг из-за кустов на тропинку выскочил здоровенный белый лис и сел, разглядывая нас внимательными желтыми глазами.

– Ой! – Катарина испуганно отшатнулась и тут же заулыбалась. – Лиса! Белая! И такая большая!

– Её нужно обойти. – Мне почему-то очень не понравился умный взгляд

зверя.

– А может, она ранена? Надо ее поймать и отнести в наше имение. –
Девушка присела и поманила лису. – Иди ко мне. Я тебя не обижу!

Зверь даже ухом не повел и продолжал сидеть на тропинке, разглядывая нас, но когда Катарина шагнула к нему, вдруг подскочил и впился зубами ей в запястье.

Тотчас рядом взжикнула стрела, пробив зверю ухо. Лиса взвизгнула и бросилась в кусты.

Я устремился к любимой.

– Катарина? Катарина!

Вместо ответа девушка недоуменно посмотрела на окровавленную ладонь и беззвучно осела у меня на руках...»

Явственно почувствовав на себе чей-то взгляд, я испуганно вскочила и огляделась.

Никого и ничего!

Только от порыва ветра распахнулись ставни, и в комнату ворвался запах дождливой ночи. Я бросилась к окну и, уже закрывая створку, заметила рядом с домом какое-то движение. Приглядевшись, я от неожиданности замерла: в уже светлеющих сумерках на выложенной серым камнем дорожке сидела большая белая не то собака, не то лисица. Какое-то время она смотрела прямо на меня, затем развернулась и прыжком скрылась за ближайшим кустом роз.

Я старательно потерла глаза и еще раз проверила все шпингалеты.

Нет! Спать и срочно! Иначе мне скоро привидится сам князь Владислав!

Глава шестая

Что опечалит дух твой,
вечностью согретый?
Кто отпоет тебя
в пучине бурных дней?
Где ждет тебя покой,
тот, что уж канул в Лету?
И бубен отзвенит
по верности твоей...

– Машка, соня! Долго будешь спать – счастье проспичь!

Жизнерадостный голос Веры заставил меня открыть глаза и неохотно сесть на диване. Господи, как же спать хочется! Вчера я уснула, не раздеваясь, забравшись к подруге под теплый плед. Идти на второй этаж обживать спальню в свете всех событий я так и не решилась.

– И тебе доброе утро. – Я сфокусировала взгляд на пританцовывающей

возле дивана подруге. – Что я пропустила?

– Почти ничего. Я сама проснулась недавно и увидела на столе яблочный пирог и кувшин молока. – Вера довольно потянулась и поправила на груди бирюзовый халатик. – Дуй в душ, а я пока разрежу пирог.

– А сколько сейчас времени? – Я окинула комнату взглядом, но часов не заметила.

– Если по местному, то дико поздно! Почти одиннадцать часов. Вставай!

Я еще раз смерила подругу подозрительным взглядом: веселая, бодрая, бледные щеки налились здоровым румянцем. Разве так должна выглядеть страдающая от похмелья девушка? Решив списать все чудеса выздоровления Веры на экологию и долгий сон, я последовала ее совету и направилась в душевую. Горячие струи воды смыли утреннюю сонливость, возвращая желание свернуть горы.

Одну как минимум – дневник!

С наслаждением завернувшись в белоснежный махровый халат, я вышла в гостиную и бросила тоскливый взгляд на заплаканные окна. Сам бог велел. В такую погоду только переводами и заниматься. Вот только подкреплюсь.

Но... не тут-то было.

Едва мы сели за стол, как раздался требовательный стук в дверь. Я с сожалением вздохнула и... с наслаждением сунула в рот кусок воздушного пирога. Никто и ничто не лишит меня аппетита!

– Войдите! – кокетливо промурлыкала подруга.

– Вер, а может, ну их? – Я придвинула к себе полный стакан молока. – Никого не хочу видеть!

– Это, наверное, Андруш. Вчера он пообещал прийти ближе к полудню.

Вновь раздался стук в дверь.

– Да кто там такой нерешительный? – Вера поднялась и направилась к двери. Справившись со щеколдой, она выглянула, ойкнула и что-то тихо пробормотала. В ответ я услышала знакомый чуть хриловатый баритон. Верка смущенно обернулась, оставляя дверь приоткрытой. – Там пришел один из вчерашних гостей. Ну, этот... который лапочка... Жаль, что я совершенно его не понимаю. Может, ты выяснишь, что ему нужно?

Я медленно (старательно действуя на нервы неожиданному гостю, торчавшему теперь в ожидании моего решения под проливным дождем) выпила молоко, отставила стакан и поднялась.

Подойдя к двери, я широко распахнула ее и удивленно приподняла бровь. На крыльце, промокший до нитки, стоял Влад. На этот раз строгий костюм сменили темно-серые джинсы, черная ветровка, из-под которой выглядывала черная шелковая рубашка, на ногах – черные остроносые сапоги. Может, у него траур?

Одним движением он откинул со лба мокрые пряди иссиня-черных волос, смерил меня холодным взглядом и... лучезарно улыбнулся.

– Доброе утро. Погода, к несчастью, не способствует нашей миссии, но я,

чтобы не терять времени даром, пришел уточнить маршрут и возможные опасные места. Прежде чем отправиться в путь, вы должны будете выучить их наизусть. Надеюсь, вы не думаете, что я буду рисковать из-за вас своей работой?

Едва он заговорил, как все его очарование исчезло. Передо мной стоял напыщенный, равнодушный, с огромным самомнением юнец. Действительно, сколько ему? Мой ровесник? Или на пару годков постарше?

Я скрестила руки на груди и вызывающе улыбнулась.

– Неужели вы считаете, что мне больше нечем заняться, кроме как сдавать вам тест на профпригодность для путешествия по Карпатам или непроходимым лесам Румынии? Привести нас к замку – это ваша работа, и я не собираюсь облегчать вам жизнь!

Заметив изумление и даже восхищение, на секунду промелькнувшее на его лице, я с наслаждением захлопнула у него перед носом дверь и взглянула в круглые глаза подруги.

– Что?

– Маш, а ты ему сейчас что сказала? Надеюсь, не матом по-румынски? Имей в виду, «папа» за международный скандал нас не похвалит!

В ответ на ее слова вновь раздалось деликатное постукивание.

Я прошипела ругательство и распахнула дверь.

– Вы еще здесь?

На этот раз парня словно подменили.

– Прошу прощения! Возможно, я несколько резко выразился, но я не хотел вас обидеть. Все дело в дожде! Мы все заложники непогоды! Вот я и решил, чтобы не тратить время зря, немного с вами сблизиться... Вы меня понимаете?

– Теперь да. – Я даже осчастливила его легкой полуулыбкой. – Но, увы, я – не бог и развеять тучи не смогу. Всего хорошего! Сблизимся в походе.

Вместо того чтобы уйти, парень многозначительно взглянул в затянутое седыми, тяжелыми тучами серое небо и, вздохнув, снова взглянул на меня черными цыганскими глазюками.

– Дождь... Неужели вы даже не предложите мне войти?

– А разве Андруш не предоставил вам дом? – Мне, конечно, хотелось впустить нежданного гостя, хотя бы из чувства сострадания, но какой-то дух противоречия заставлял меня с ним играть.

– Да. Конечно. Но до него еще надо дойти. Честно? Я боюсь... мм... заболеть. Подхвачу насморк, и тогда можете забыть о нашей прогулке к замку.

– Неужели вас нечем заменить? А как же Анатоль?

Парень победно ухмыльнулся.

– Вас же вчера уведомили о его срочном отъезде? Увы! Несмотря на дождь, они с бароном уехали еще до рассвета. Когда вернутся – не знаю, так что я для вас на вес золота! Меня надо беречь, слушаться, холить и лелеять!

– Хм... – От такого наглого заявления мне захотелось рассмеяться. Ловко

он вывернулся! Но я заставила себя оставаться серьезной. Пусть не расслабляется! – Не слишком ли много? Может, для начала достаточно впустить вас погреться?

Влад развел руками.

– Буду очень признателен, а то мне начинает казаться, что я состою из капель дождя!

– Что ж, тогда входите. – Я посторонилась. – Но если будете надоедать с изучением маршрута, попрошу мое начальство похлопотать о замене проводника.

Парень лучезарно улыбнулся и прижал руку к груди.

– Клянусь, о маршруте не скажу ни слова!

Я дождалась, когда он пройдет в дом, закрыла дверь и указала на стол.

– Прошу. Присоединяйтесь к завтраку.

Но Влад меня словно не услышал. Он уверенно подошел к Веронике, не сводившей с него сияющих глаз, остановился в шаге и церемонно поцеловал ей руку. Затем бросил на меня быстрый взгляд и скорее приказал, нежели попросил:

– Переведите! – Затем, пожирая ее глазами, принялся декламировать. – Ты – роза, распутившаяся в моем осеннем саду. Ты – майская птица, впорхнувшая в мое уставшее зимнее сердце...

– Боги! Если надеетесь, что моя подруга купится на такой дешевый развод, значит, вы никогда не встречали современных русских женщин. – Я попыталась одновременно фыркнуть и изобразить дьявольский смех, но получилось нечто уж совсем неприличное. – Так что прекратите паясничать!

– Машк, чего он тут передо мной распинается, а? – Не отнимая руки, подруга бросила на меня восторженный взгляд. – Поздоровался, да? Или наконец-то предложил что-то неприличное?

– Стихи читает. – Честно, я хотела ей перевести слово в слово, но мне отчего-то захотелось оставить в тайне эти строки. Пусть они не сказаны для меня, но... что-то было в них такое, чем не хотелось делиться. Даже с ней. Экспромт придумался спонтанно: – Говорит, если бы у него был сад, он бы никогда не стал там сажать похожие на тебя кактусы... потому что... потому что боится твоих шипов!

Вопреки надеждам, она вдруг лучезарно улыбнулась.

– О! Да вы романтик!

Парень тут же вопросительно взглянул на меня.

– Она сказала, что вы, конечно, симпатичный, но не в ее вкусе, – тут же «перевела» я, развернулась и направилась к стоявшему у камина дивану. В конце концов, нашли переводчика! Им надо, пусть словарями пользуются!

Включив ноутбук, я невидящим взглядом уставилась в открывшийся текст. Может, мне и было стыдно за мой экспромт. Совсем чуть-чуть... Но я сама не знала, что на меня нашло! Может, все дело в откладывающихся планах? В морозящем дожде? А может, в легкомысленности Верки, почему-то

взбесившей меня сегодня! Неужели она не видит, что этот парень – обычная пустышка, которому нужны короткие отношения?

Я вдруг вспомнила его насмешливый взгляд, каким он одарил меня в ответ на мой «авторизованный» перевод.

Как будто понял меня!

И ему было весело...

Вскоре раздражение прошло. Уже не обращая внимания на щебетание Веры и поддакивание гостя, я все глубже погружалась в не дочитанный вчера ночью текст...

«...Первым порывом было подхватить Катарину и броситься к деревне. Возможно, я бы так и сделал, если бы не раздавшийся позади шорох. Я обернулся к вышедшему из зарослей мужчине и радостно выдохнул.

– Отец Ян! Вас послало мне само небо!

– Позже! – бросил он, приказывая замолчать, и внимательно оглядел раненую руку девушки. Достал из-за пазухи небольшой, мерцающий молочным светом камень, висевший на простой холщовой веревочке, и осторожно приложил его к ранке. – Теперь яд не успеет навредить твоей избраннице, но эта отметина всегда будет с ней. И если равновесие нарушится...

– Что? Какой яд? Какое равновесие? – Неужели зверь страдал бешенством? – О чем вы говорите? Что с Катариной?

Но вместо ответа отец Ян отнял от ранки окровавленный камень и надел его на шею застонавшей девушке.

– Потом. Только попроси подругу не снимать «лисий глаз» до дня, пока не пройдет новолуние. А лучше вообще никогда. – В кустах маличника снова что-то зашуршало. Отец Ян настороженно замер и вдруг бросился туда. Вскоре все стихло.

– Владислав? Что случилось? – На моих руках шевельнулась Катарина. Девушка испуганно огляделась, поморщилась и поднесла к глазам раненую ладонь. – Помню... Лиса!

– Да. Я должен отвести тебя домой. Здесь очень опасно!

– А как же церковь? – В глазах Катарины мелькнул страх.

– Мы сделаем иначе. – Я вздохнул, понимая, что мое решение принесет ей боль, но я не мог терять время. Чем быстрее я приведу Катарину в ее имение, тем быстрее ей окажут помощь. Лиса действительно могла оказаться бешеной! – Сейчас мы отложим наше венчание. Я отведу тебя домой и официально попрошу твоей руки у барона Мареша! Ведь помолвка – это почти то же самое, что и венчание. А год пролетит очень быстро!

Девушка отвела глаза, помолчала и кивнула.

– Хорошо. Только... мне кажется, отец не согласится на наш союз.

– Я постараюсь его убедить. К тому же он должен понимать, что я для тебя – выгодная партия. Я – единственный наследник замка Вайн. Пойдем? – Я поставил Катарину на ноги и, обняв за плечи, повел вперед.

Скоро показалась развилка. Одна тропа свернула вверх, к деревне, вторая спустилась к переправе через узкую, но стремительную речушку. Сразу за ней показалось поместье отца Катарины – барона Мареша. Пусть он и его сыновья не питали к моему роду нежных чувств, сегодня я должен заставить его считаться со мной!

Спустившись к реке, мы прошли через узкий бревенчатый мост и остановились в нескольких шагах от высокого каменного забора. Я настороженно огляделся. Что-то не так!

– Что ты медлишь? – Катарина недоуменно взглянула на меня. – Стучи!

Я взглядом указал на чуть приоткрытую створку массивных входных ворот. Непонимание, удивление, а затем страх тут же отразились в ее глазах. Не говоря ни слова, она бросилась вперед, но я успел ее удержать и одними губами прошептал.

– Ворота открыты! Что-то произошло!

– Но... почему ты так решил? Может, у отца гости? Или слуги просто забыли запереть дверь? – В глазах девушки плескалось отчаяние пополам с надеждой. – Пойдем!

– Нет. Стой! – Я прижал ее к себе. – Не лают псы. Хотя они поднимают лай, едва гость подходит к мосту. Я-то знаю, уж поверь! И... дверь... Ты помнишь, чтобы кто-то из слуг хоть раз оставил открытыми ворота?

Катарина упрямо нахмурилась, так же, как когда она была с чем-то не согласна, и все же нехотя мотнула головой. У виска заплясал выбившийся золотистый завиток.

– Не помню. Но, Владислав, я должна идти! Здесь мой дом, моя семья. И я должна знать, что происходит! – Ее глаза были полны мольбы, отчаяния и непролитых слез, но я решительно отрезал:

– Нет. Сначала пойду я.

– И оставишь меня здесь? Одну?

– Поверь, девочка, как раз здесь тебе ничто не грозит. – Внезапно раздавшийся за спиной знакомый голос заставил нас едва не подпрыгнуть на месте.

– Отец Ян? Снова вы?

– Это вас я видела сегодня под ивой? – Катарина недовольно поджала губки, подозрительно поглядывая на приближавшегося к нам мужчину. – Вы что, нас преследуете?

– Просто хотел убедиться, что с вами ничего не произойдет, кроме того, что уже произошло. – Отец Ян ловко скинул с плеча старый мешок, достал из него баночку со странной темной жидкостью и кругом расплескал ее у ног Катарины. Затем, отстранив меня, сделал еще один круг – больше. И еще один.

– Что это?

– Зачем?

Мы с Катариной произнесли эти вопросы одновременно, но отец Ян не

стал утруждать себя объяснениями. Просто приказал девушке:

– Стой здесь и не выходи из кругов. Только в них ты в безопасности! А ты... – Его небесно-голубые глаза нашли меня. – Пойдешь со мной.

– Нет! Я... – Катарина хотела было сделать шаг ко мне, но подчинилась его молчаливому приказу и осталась стоять.

– Как у тебя обстоят дела с оружием? – Отец Ян снова взглянул на меня.

Я молча отвел край камзола, продемонстрировав ему притаившийся в ножнах кинжал. Недовольно прищелкнув, он прошипел что-то нелестное и первым скользнул в ворота. Я на миг обернулся к Катарине и, подарив ей успокаивающую улыбку, бросился за ним.

Увиденное заставило меня застыть, не веря своим глазам. Свора охотничьих псов, что так заботливо растил барон Мареш, оказалась растерзана. Собаки тряпичными куклами лежали по всему двору. У крыльца дома полулежал-полусидел человек, но что-то подсказывало мне, что он уже не откроет нам тайну произошедшего здесь.

Нам?

Я огляделся.

А где отец Ян?

Рука сама метнулась к кинжалу и тут...

– Выбрось это! С таким только на свидания, а не на вурдалаков ходить.

Я не успел испугаться, как откуда-то сверху тихо спрыгнул мой странный знакомец. Выхватив из-за спины арбалет, он приложил его к плечу, а мне протянул клинок. Не тот, черненный, висевший в ножнах меч. Другой. Но его точную, уменьшенную копию.

Сжав рукоять, я словно почувствовал огонь, пробежавший по моим жилам, и уточнил:

– На вурдалаков? Хочешь сказать, все это сделали вампиры? – То, что священник обвинил в уничтожении имени героев древних легенд, заставило задуматься о состоянии его рассудка. – И ты думаешь, что я поверю сумасшедшему служителю церкви?

Но отец Ян словно не услышал моих вопросов, отмахнулся и вовсе понес какую-то околесицу:

– Бессмертные? Нет. Они здесь ни при чем. Долго объяснять. Пойдем, посмотрим, можно ли еще кого-нибудь спасти?

Перебежав двор, мы скользнули мимо сидевшего у крыльца человека, разглядывающего бельмами мертвых глаз хмурое небо. Отец Ян пинком распахнул неприкрытую створку двери и нацелился острием арбалетного болта в тревожную тишину.

– В чем дело? – Из глубины дома послышались шаги. Я узнал в идущем к нам одного из братьев Катарины. – Кто вы? И что вы здесь делаете?

– Йен, это я. Что здесь произошло? – Я выступил вперед, но мне навстречу метнулась женщина с горящими багровым светом глазами. Кажется, приживалка барона. Щелкнула тетива, и арбалетный болт пробил

ее грудь, заставляя замертво рухнуть к моим ногам. Тут же к нам с утробным рыком бросился парень, но, пронзенный серебристой молнией клинка в руке отца Яна, беззвучно осел на пороге. Я растерянно уставился на распластанные у моих ног тела и накинусь на священника. – Что ты наделал? Ты их убил! Ты убил брата Катарины и эту женщину!

– Это был уже не ее брат. Женщина тоже больше не человек. – Он прислушался, медленно опустил арбалет и решительно шагнул в дом. – Я больше не ощущаю здесь этих тварей. Возможно, их было всего две. Нужно осмотреть дом и узнать, скольких они убили.

– Подожди. Так значит, это действительно вампиры? – Возникло желание схватиться за голову.

– Вурдалаки! – со вздохом поправил меня отец Ян. – Вампиры никогда бы не допустили такой резни. К тому же они брезгают пить кровь животных. Вурдалаки – низшие вампиры. Им нет разницы между кровью человека или зверя. Они состоят в прислужниках у бессмертных, но иногда сбегают, и случается вот такое. Подумай. Был ли недавно праздник, на который съехалось слишком много незнакомцев?

Я растерянно кивнул.

– Месяц назад. Сбор урожая.

– Тогда все ясно. К вам прибыл кто-то из бессмертных в сопровождении слуг. Вот слуги-то и воспользовались ситуацией, решив поживиться. Их всегда мучает голод. Места здесь глухие, и, в отличие от своих хозяев, они могут принимать облик убитого ими существа. Осмелюсь предположить, что именно таким путем они и попали в дом твоей подружки, а возможно, их специально натравили на отпрыска лесных людей. Война...

Но я, уже не слушая его бормотания, бежал к воротам.

Катарина!

– Кэти! – Какое облегчение увидеть ее живой и невредимой!

– Владислав! – Она протянула ко мне руки, но не сдвинулась с места, словно припаянная к темным кругам какой-то неведомой магией. – Что с моей семьей? Они живы?

– Они мертвы! – опередил мой ответ отец Ян. Он вышел следом за мной из ворот, приблизился к нам и невозмутимо продолжил: – На твое имя, девочка, напали бродяги и всех убили. Даже собак. И... подожгли дом.

Подожгли дом? Но...

Ветер донес запах дыма. Я шагнул к побледневшей Катарине и с силой прижал к себе. Чувствуя, как беззвучно вздрагивают ее плечи, взглянул вверх, на взметающиеся к небу черные клубы. Отец Ян! Когда он успел?

– Тебе есть куда пойти, дитя? – Невозмутимый голос нашего странного помощника уже начинал раздражать своим равнодушием.

– Да. – Катарина отстранилась от меня и полными слез глазами взглянула на летящий к небесам дым. – К бабушке.

Я видел ее невысказанную боль, и мое сердце рыдало вместе с ней. Я

хотел бы помочь, защитить ее, но не знал, как. Кроме того, меня мучили вопросы. А что, если именно я привел в ее дом смерть в образе этого сумасшедшего священника? Или все же смириться с тем, что я сегодня услышал, и принять как факт существование вампиров и вурдалаков? Бессмертных...».

Раздавшийся стук в дверь заставил меня вздрогнуть и, оторвавшись от текста... уставиться в глаза Влада. Погруженная в чтение, я даже не заметила, как стих голосок Веры, пытающейся что-то объяснить своему новому поклоннику. Интересно, сколько времени он сидит на трехногом табурете прямо передо мной?

– Что... В чем дело? – Я с трудом отвела от него взгляд и смущенно огляделась. – Где Вероника?

Гость радостно улыбнулся, словно я отвесила ему комплимент.

– Наверное, спит.

– Что значит... Спит?! – Я с сожалением закрыла ноутбук. Пока не избавлюсь от этого навязчивого парня, работы мне не видать!

Стук в дверь повторился.

Кого еще принесло?

– Возможно, ей стало скучно со мной, а так как вы были заняты изучением этой писанины... – Он смерил пренебрежительным взглядом ноутбук и указал на лестницу. – Она отправилась наверх. Как я понял – отдыхать.

– Что? Но почему? Что ты с ней сделал?

– Свел с ума, выпил кровь и усыпил.

Я вытаращилась на него.

– Что-о-о?

– Все вы, современные, ищущие приключений женщины – одинаковы! И охотно верите в любую ерунду. Что вы сейчас читали? Бредовые сказки о вампирах? Неужели вы можете поверить, что бессмертные существуют? – Влад насмешливо прищурился.

На меня накатила гнев.

– Вы что, шпионили за мной?

– Нет. Что вы! – искренне возмутился он, чтобы тут же с сарказмом продолжить: – Мне просто стало любопытно, что же можно читать, не замечая ничего вокруг, два часа подряд?! Поэтому я просто сел рядом и присоединился к вашему чтению.

– Вы тайком читали вместе со мной мой дневник? – Злясь на надоедливый стук, я вскочила и направилась к входной двери. – Немедленно убирайтесь вон!

– *Ваш* дневник? – Парень неспешно поднялся и с полуулыбкой направился за мной. – Вот как? А отчего же вы пишете от имени мужчины на листах, которым больше полутысячи лет?

– Вон!

Я распахнула дверь, и мой палец устоялся на удивленного Андруша. Он смерил нас взглядом, задвинул за спину корзинку, источающую аромат свежей выпечки, и торопливо отступил, давая Владу дорогу. Тот, не прощаясь, сбегал по ступенькам и уверенно направился прочь под струями непрекращающегося дождя.

– Что это с ним? – Андруш проводил его взглядом, посмотрел на меня и ухмыльнулся. – Никогда не видел его таким... мм... злым! Верно, вы повздорили?

– Просто указала наглецу его место. – Пусть и этот знает, что нас лучше не обижать.

– И я давно хотел! – вдруг поддержал меня хозяин гостиницы. – Но... ссориться с проводником для меня не резон. Очень невыгодно. Не сказать – опасно для бизнеса. – Он вновь бросил взгляд вслед уже растаявшей в пелене дождя высокой, статной фигуре Влада и кивнул на дверь. – Я могу войти?

– Конечно. – Я посторонилась. – Только Вероника ушла наверх.

– Ей нездоровится? Наверное, вчера было много шампанского? – Андруш вошел в дом и направился к столу. – Тогда это вино будет ей в самый раз.

Он сноровисто начал выкладывать из корзинки сдобные, ароматные булочки, яблоки, сыр и нарезанную ломтиками буженину. Последней на столе появилась затянута в темный бархат бутылка.

Я качнула головой.

– Как мне кажется, Вера сбегала от назойливого внимания нашего проводника.

– Ну что ты, Маш! – послышался голос подруги. Она уже успела надеть обтягивающие джинсы и почти ничего не скрывающую майку. – Я просто поднялась, чтобы переодеться к приходу Андруша.

– О! Я польщен! – Он подошел к Вере и протянул ей руку. – Ты великолепна!

– Привет, Андруш. – Она ласково улыбнулась и обратилась ко мне: – Маш, а где... наш гость?

– Ушел. – Я прошла в кухонную зону и заняла место за столом у окна. И это стало моей ошибкой.

За клумбой, на дорожке, мощенной камнем, снова сидел крупный белый зверь. Тот же или похожий на того, что привиделся мне вчера!

– Андруш! Вера! Смотрите! Лиса! – Я выглянула в окно и растерянно покрутила головой. – Где она?

На дорожке уже никого не было.

Андруш в мгновение ока тут же оказался рядом и, осторожно выглянув, старательно закрыл окно.

– Я предупреждал! Здесь лес. И звери нередко проникают на территорию комплекса. Нужно быть осторожными. Рыжие лисы иногда переносят бешенство.

– Зверь был белым, и теперь я даже не уверена, что это была лиса.

– Не иначе к нам пришел песец! – фыркнула Вероника, намазывая маслом булочку.

– Тем более! – подытожил Андруш и вдруг засобирался. – Мне нужно уйти. Совсем забыл о сегодняшнем вечере. Нужно подготовиться. Я вернусь за вами чуть позже.

Быстрым шагом он направился к двери, на ходу вытаскивая из спрятанных под пиджаком ножен длинный, с широким лезвием нож.

Нож?

Я вытаращилась на нашего хозяина. Зачем ему нож? Или, может, он коллекционирует шкуры лис? Он – охотник?!

– А что будет вечером? – словно не заметив в его руке оружия, наострила ушки подруга. Возле самой двери Андруш обернулся.

– Небольшой прием. Такой же, как вчера. Вы, конечно, приглашены. Надо же мне развлекать моих очаровательных гостей, пока наши планы рушит непогода!

Он улыбнулся и, одарив зардевшуюся Веронику долгим взглядом, вышел.

Глава седьмая

Запахом полыни обожги меня.

В сердце боль нахлынет,

С ног меня валя.

Отзвенит гитара в сонной пустоте.

Ох, как жизни мало на пути к тебе...

– Признайся – он тебе нравится! – Вероника уже целый час вертелась перед зеркалом, примеряя очередное платье. Сообщение Андруша о намечающемся вечере подняло ее настроение в заоблачную высь, и теперь она не давала мне житья, мучая дурацкими расспросами. Видимо, рассчитывала на то, что они поднимут настроение и мне.

– Кто? – Вначале я игнорировала их, но, уступив неумолимому любопытству подруги, решила отбиваться односложными ответами, дабы получить хоть какую-то возможность заняться переводом.

– Как кто? Наш проводник! Иначе почему ты так на него реагируешь? Я даже на втором этаже слышала, как ты его выгоняла.

– Не люблю самовлюбленных кретинов.

– Значит «да»?

– Нет.

– А хочешь, я попрошу Андруша, и он познакомит тебя с ним поближе?

– Нет.

– Мечтаешь умереть старой девой?

– Да.

– Нет, Машка, ты самая скучная из всех моих подруг! Черт дернул меня согласиться на эту поездку!

– Да.

– Что «да»? Ты издеваешься? Не можешь даже поддержать беседу! – Вероника поправила платье и вдруг бросила на меня хитрый взгляд. – Ладно. Хочешь похоронить себя в легендах – вперед! Только без меня!

– Спасибо за разрешение, – буркнула я, вновь уткнувшись в ноутбук. Вот уже несколько минут я сидела, тупо уставившись в текст, и ничего не понимала. Нет. Так не годится! До очередного банкета оставалось всего пара часов, а я не перевела и страницы! – И вообще. Мы приехали сюда не только отдыхать! Поэтому, если хочешь пойти на вечер – заткнись и дай мне перевести то, что запланировано, иначе я останусь работать, и ты составишь компанию мне, а не Андрушу, Владу или кому-нибудь еще из местных мужского пола!

– Всегда знала, что ты эгоистка! – Вера сдернула платье и, вновь накинув халат, встала передо мной. – Вместо того чтобы поддержать подругу, предпочитаешь чахнуть над дневником какой-то мумии!

– Не факт. Возможно, его кости сгорели в священном костре инквизиции. Простите, что без стука.

Мы испуганно оглянулись на звук голоса и удивленно уставились на незнакомца, невозмутимо стоявшего на пороге. Я даже не услышала, как открылась и закрылась дверь! Интересно, почему его лицо мне кажется таким знакомым?

– Вы?..

– Анатолий Вершин.

Ну конечно! Я видела его вчера на приеме. Сейчас, при свете дня, мне он показался чуть ниже ростом и каким-то... другим. Что-то неуловимое отличало его от того парня, кому вчера меня представил барон Геминг.

– Наш проводник? Но ведь вы куда-то уехали...

Парень не спеша направился к нам, и мне вдруг почудилось, будто он идет по толстому слою ваты.

– Возможно, то, что я скажу, покажется вам бредом, но... я должен вас предупредить. Уезжайте!

– Но... почему? Что происходит? – не выдержала я и, чувствуя невольное волнение, поднялась.

– Меня больше всего настораживает то, что я вас понимаю! – Вероника тоже не осталась в стороне, но прежде чем излить на незнакомца свое любопытство, оглядела его с головы до ног. – Вы – русский?

– Да. Я... был русским. Приехал пять лет назад из России.

– Был? – переспросила я. Что еще за шуточки?!

– Был.

Парень вдруг исчез. Я растерянно оглянулась и вздрогнула, увидев его уже у окна.

– Я – мертв. Вот уже два дня. Мое тело брошено в пещере недалеко

отсюда. Я помогу вам, но с условием, что и вы поможете мне.

Мы с Вероникой переглянулись, и наш взгляд говорил одно и то же: только сумасшедших нам тут не хватало!

– Что, простите?

И наш гость заговорил:

– Я – призрак! Меня убили. Тот, кого вы вчера видели – мой двойник! Бессмертный! Он забрал мое лицо и имя! Уезжайте! Завтра же!

– Хорошо. – Мысленно сосчитав до десяти, я подошла к столу, смело плеснула в неглубокий бокал вино и одним глотком осушила его. Трясти стало меньше. Что за ерунда здесь творится? Или это чьи-то шутки? А что, вполне возможно! Например, для того, чтобы не дать нам изучить замок! – Допустим, вы – призрак. Допустим, вчера были не вы. И я даже готова допустить, что вы хотите нам помочь! Но – вопрос на миллион – чем мы поможем вам? Призраку?

– Поверьте, мне нужен суший пустяк! – Мужчина улыбнулся.

– Хорошо. Тогда другой вопрос: как вы поможете нам? – Мне надоела вся эта таинственность. Вдруг отчего-то стало холодно и захотелось, чтобы этот странный гость ушел.

– Я дам то, что вам жизненно необходимо! Информацию!

Угу. Тон, с которым «призрак» произнес это слово, мне очень не понравился! Это что – развод по-румынски?!

– Тогда рассказывайте! – Вера сложила руки на груди. – А потом мы подумаем. Начнем по порядку. Почему вы хотите, чтобы мы уехали?

– Вы – жертвы. Вас заманили сюда специально. В это полнолуние что-то должно произойти. Ожидание этого витает в воздухе. Поэтому идет дождь. Все должно случиться вовремя.

Мы зачарованно помолчали, не зная, то ли пугаться, то ли пугать. Тут скрипнула дверь, и голос Андруша важно произнес.

– Девушки, я вернулся, чтобы официально уточнить время ужина и кое-что передать.

Еще мгновение мы с Веркой таращились туда, где только что стоял Анатолий, и резво обернулись на голос Андруша.

– Что происходит?!

– Что за дурацкие шуточки?!

Под напором наших дружных воплей Андруш даже растерянно отступил.

– Не понимаю...

Вероника подбоченилась.

– К нам только что приходил Анатолий и наговорил какой-то ерунды.

– У вас что, так принято разыгрывать гостей? – поддержала я подругу. – Что все это значит? Или вы думаете, что мы поверим во всю эту чепуху с привидениями?

– Стоп! – Это коротенькое слово Андруш не крикнул, просто произнес, но растерянность отступила. Ушла и невольная паника. Он прошел к столу, сел на

стул и, бесстрастно посмотрев на нас, приказал: – Расскажите мне все, что здесь произошло.

Мы с Верой переглянулись. Я заговорила первой.

– Ничего особенного. Несколько минут назад сюда зашел Анатоль. Приказал уезжать, сказал, что мы в ловушке, и пообещал помочь, если мы поможем ему. А еще сообщил забавную новость! Оказывается, вчера на ужине был не он, потому что он вот уже пару дней как умер. – Я приподняла бровь, ожидая реакции. – И как это объяснить?

Андруш какое-то время сидел, молча разглядывая меня, затем виновато развел руками.

– Беда в том, что Анатоль – внебрачный сын барона Геминга. Последний оставшийся в живых из всех его детей. И, к несчастью, богу было угодно, чтобы он страдал редкой душевной болезнью. Несколько дней в месяце он... мм... не в себе. Заговаривается. Рассказывает подобные байки. Говорят, все началось с того, как он однажды попал в замок Вайн и с тех пор ходит сам не свой.

– Хорошо! Пусть так. Но сумасшедшие не могут исчезать словно призраки! – Что-то в его пояснении мне показалось абсурдным. – К тому же сегодня утром Влад сообщил, что Анатоль с бароном покинули нас еще до рассвета!

– Не все видимое и слышимое – истина! – загадочно хмыкнул Андруш и посоветовал: – Если он снова появится у вас и попытается заговорить – игнорируйте его. Не верьте его небылицам и... пока никому не рассказывайте то, что поведали мне.

Он поднялся.

– Но... – Вероника обняла себя за плечи и поежилась. – Он ведь может быть опасен!

– Нет. – Андруш искренне улыбнулся, и от этого его простоватое, добродушное лицо даже стало красивым. – Анатоль не буйный. Просто сам верит в то, что рассказывает. Кстати, я пришел, чтобы предложить вам это.

Андруш выудил из-под полы плаща две маленькие коробочки, положил на стол и с видом фокусника открыл. На черном бархате, тускло поблескивая разноцветными камнями, лежали два одинаковых ожерелья-бижутерии.

– Небольшой презент вам обоим от меня. Но больше всего я бы хотел, чтобы его оценила ты, Мари.

– Это еще почему? – тут же насторожилась я.

– Твое украшение... – Он бросил быстрый взгляд на висевший у меня на груди кулон. – Оно очень... ценно. В некоторых кругах. А здесь собрались господа, которые знают ему цену. Я не могу ручаться за всех, но будет очень жалко, если однажды оно перестанет украшать твою прелестную шейку...

– Хотите сказать, в вашем отеле есть воры? – Я накрыла рукой камень.

– Мм... скорее фанаты старины. – Он снова улыбнулся и взглянул на Веру. – Жду вас на ужин к шести. К сожалению, компания будет не такая

большая, как вчера, но вино, мясо на гриле и старинную историю я вам обещаю.

Не прощаясь, он направился к двери.

Вероника проводила его взглядом, дождалась, когда за ним захлопнется дверь, и взглянула на меня.

– Н-да... Непрекращающийся дождь, компания сумасшедших и воров и стойкое желание опустошить все запасы горячительного из погребов нашего милого хозяина. Чувствую, нас ждут невероятно чудесные семь дней!

Выпалив это, она развернулась и прошагала к лестнице.

– А если мы застрянем здесь надолго? – бросила я ей вслед.

– Тьфу-тьфу-тьфу! – не оборачиваясь, выпалила она и заявила: – Я одеваться! Надеюсь, ты составишь мне компанию и наконец-то снимешь этот халат? Кстати, у тебя есть что надеть, кроме джинсов?

Я не ответила. Только передернула плечами. Еще не хватало заморачиваться тем, как выглядеть на ужине! Пусть званом, ну так что? А если мы будем вынуждены их посещать, пока не закончится дождь? Тогда это уже не праздник, а рутина.

Бросив взгляд на часы, я решительно придвинула к себе ноутбук. У меня в запасе больше часа. Созвонюсь с бабушкой. Вдруг она осилила еще несколько страниц? При общении с местными историками нужно быть готовой на все сто. Если бы барон Геминг знал о степени моей осведомленности, уверена, нас бы и близко не подпустили к руинам замка.

К сожалению, увидеться с бабулей на этот раз не получилось. Я в который раз нажала кнопку видеозвонка и, не дождавшись ответа, разочарованно поморщилась.

Вот так всегда! Может, проверить письма?

Открыв почту, я облегченно выдохнула, увидев письмо от бабули, и впилась глазами в текст.

«Мари, жаль, что мне не довелось увидеться с тобой сегодня утром. Ты, как всегда, проигнорировала мою просьбу оставаться на связи! Что ж, за это я скину тебе совсем немного, и даже возможно то, что ты уже перевела! В следующий раз будешь учитывать мои скромные пожелания! Итак, дневник. В самом начале переведенного мною отрывка оказалось много неразборчивых слов. Возможно, переводить было бы легче, имей я на руках подлинник. Попробуй разобраться сама. Дальше текст идет довольно легко. Надеюсь вечером застать тебя в сети. Софья».

Коротко и ясно.

И, конечно же, волнуется.

Я скачала прикрепленный к письму файл, открыла и с жадностью погрузилась в чтение.

«...сегодня же я отвез Катарину к графине Мареш. На обратном пути я позволил Грому перейти на шаг и крепко задумался о том, что на самом деле

произошло с ее семьей. Мне не давали покоя слова отца Яна. Вурдалаки? Вампиры? И кто тот высокий мужчина, виденный мной на празднике? Отчего у незнакомца ко мне такой интерес?

Возвращаться в замок не хотелось. До отъезда еще больше полусуток. Карета за мной прибудет только завтра на заре, и я рискую сойти с ума, диким зверем мечась в своей клетке в поисках ответов.

На развилке я заставил Грома свернуть на тропинку, ведущую к деревне. Мне нравился новый трактор, построенный в год, когда я уехал в столицу на учебу. Цуйку там готовили восхитительно. А еще в тракторе всегда звучала музыка.

Хотя вовсе не это влекло меня туда. В тракторе собирались и селяне графини Мареш, и дворовые замка, и даже приезжие. Может, доведется узнать что-нибудь, что прольет свет на случившееся?

Тропинка бежала вперед, а я предался воспоминаниям, как еще утром шел по ней с Катариной.

Впереди целый год ожидания и тревоги!

Графиня Мареш – я был уверен – бережет и оградит ее от всего, но... как бы она не оградила ее и от меня. Я чувствовал странную холодность, не сказать – ненависть во взгляде графини и в ее коротких ответах мне.

Почему?

Впрочем, никто и ничто не разлучит нас с Катариной! Она – моя, а все остальное неважно.

В раздумьях я не заметил, как добрался до цели. Заслышав звуки скрипки, доносившиеся из большого рубленого дома, я направил Грома во двор. Заехав в ограду, спешился, кинул поводья мальчишке-слуге, распахнул тяжелую дверь и шагнул в дымный полумрак. В центре зала у огромного камина на потертой сцене заунывно играл старик скрипач, ему в такт брякал крошечным бубном мальчишка, пела балладу юная девушка, еще совсем девочка:

Тише, кошка, не ходи, по подушке вышитой.
Моего гостя не буди – вдруг тебя услышит он.
Серый котик, сторожи сон его тревожный.
Пусть забудет он всю жизнь, жизнь по
бездорожью.
Знаю, гость мой дорогой, чуть заря забрезжит,
Незаметно ты уйдешь. Кто тебя здесь держит?
А потом я разбужу сына сероглазого,
Чтоб ушел он за тобой, как ему предсказано.
Чтоб потом сказали люди, будто бы зимой
Парень в дом вошел мой бедный и старик седой.
Тише, киска, не мяукай, знаю – все пройдет.
Только чуть забрезжит утро, и мой гость уйдет.
И мой гость уйдет.

От печального голоса певуны стало еще тоскливее. Песня словно вскрывала еще не зажившие раны. Вот только посетители словно не слышали ее. Ели, пили, о чем-то громко спорили.

Не найдя места у камина, я сел за свободный стол у самой двери. Зато никто не помешает уйти, когда я этого захочу. Ко мне тут же подскочила юркая женищина.

– Что будет пить, мой господин?

Пить... Да, хотелось заглушить тоску, рвущую душу на части, крепким самогоном, но я понимал: выпивка не поможет. И не излечит. И не избавит от разлуки с любимой...

– Воду.

– Просто воду? – Кажется, я смог ее удивить. – Может, цуйку или палинку? Или вино?

Я кивнул.

– Пусть будет вино. – Сликовый самогон здесь был выше всех похвал, но... не сейчас. Я боялся себя. Боль пройдет лишь на время, а потом?..

Почти сразу же передо мной появился кувшин с вином, стакан и тарелка с еще дымящимся мясом. Я бросил на стол несколько монет и благодарно кивнул женищине, наполнившей мой стакан, но не успел пригубить, как дверь распахнулась, и в трактир шагнул закутанный в плащ рослый мужчина. К нему тут же бросился паренек, сидевший через стол от меня.

Что-то неуловимо знакомое было в том высоком, худом госте, и отчего-то сделалось тревожно. Я возблагодарил бога за то, что выбранный мною стол находился в тени, и принялся наблюдать. Но долговязый не стал задерживаться в трактире и вышел, едва парнишка ему что-то шепнул, а после юркнул в двери следом за ним.

Не стерпев мук любопытства, я поднялся и тоже направился к двери, но когда оказался на улице, то не увидел никого из них. Возвращаться в трактир расхотелось, и, молясь об удаче, я пошел вперед. В ответ на мои мольбы впереди между домами мелькнули знакомые фигуры. Мне было достаточно мгновения, чтобы узнать вышедшую из трактира парочку.

Не тратя времени на раздумья, я последовал за ними. Парнишка шел, припадая на правую ногу, а высокий, наоборот, печатал шаг. И тут меня озарило. Это же тот странный незнакомец, которого я видел на празднике Сбора урожая вместе с мати!

Дойдя до заброшенного дома, они исчезли. Мне не составило труда подобрать незамеченным: дом стоял на отшибе. Кусты дикой сирени росли вокруг него, к тому же уже почти стемнело. В темный пролет распахнутой двери я не вошел. Прокрался дальше, пока из разбитого окна не услышал голоса. Тогда я остановился и буквально врос в стену.

– Как все прошло, Гелу? – Властный голос был холоден и отрешен. Почему-то даже ни на мгновение я не усомнился в том, что он принадлежит

высокому незнакомцу.

– Мой господин, мы все сделали, как ты и просил! – слышался хриплый голосок парня. – Но нам помешали закончить...

– Что значит, помешали? – В голосе первого слышались стальные нотки. – Я приказал убрать всех, кто проявит хоть какое-то неповиновение. Вы нашли ее?

– Нет, мой барон, когда мы пришли, ее не было, но...

Внезапно слышался звук пощечины. Слуга подавился словами, а затем быстро залепетал:

– Прошу, господин барон, не надо! Она была не одна. С молодым князем. А еще с ними был служитель бога... Я едва унес ноги, а Марыся и Петро...

– Где она сейчас, Гелу? – Голос незнакомца вновь стал отрешенно-холодным, как воды Мертвого озера.

– Янко видел, как Владислав отвез ее к графине Мареш, мой господин.

Я перестал дышать, стараясь не упустить ни звука, хотя мне хотелось рычать от бессилия. Они говорили о нас... О Катарине!

– А еще я слышал, как он на прощание сказал, что вернется через год и заберет ее.

– Что ж, значит, все откладывается на год. К графине не соваться. Ее слуги достаточно сильны, и их много. Гораздо больше, чем нас. Пока... Значит, Владислав знает, что случилось?

Видимо, Гелу утвердительно кивнул. Наступила тишина, и я уже хотел было уйти, как все тот же голос продолжил:

– Если через год он вернется за ней – вы должны будете все исправить!»

Глава восьмая

Вечер. Плечи. Руки. Свечи.

Звезды. Слезы. Грезы. Розы.

Больно. Вольно. Войны. Поле.

Море рифм и горя – море.

– Господи, боже мой!!! На что я надеялась? Естественно, ты все еще в халате! Быстро переодеваться! Уже пятнадцать минут седьмого, а мы все еще не у Андруша!

Голос Вероники заставил меня с сожалением вынырнуть из упоительного мира древности, сквозившего в каждой строчке прочитанного. Как не хочется никуда идти... К тому же надо все перевести и подготовиться к встрече с бароном Гемингом, поэтому дорога каждая минута... А тут... какой-то ужин! Может, взять дневник с собой?

Хм... А это мысль! Когда все начнут танцевать, я сяду у камина и... Я посмотрела на сиротливо брошенную у дивана дорожную сумку. Где-то в ней

прятался небольшой темно-коричневый кожаный ридикюль, в котором я хранила документы, деньги, карточки и... дневник.

– Ну, так что? Ты идешь?

Или все-таки остаться и не терять времени?

– Знаешь, Вер... – Я обернулась к подруге с твердым намерением отправить ее на увеселительный ужин одну, но слова застряли в глотке. На этот раз Вера умудрилась вырядиться в коротенькую тряпочку, лишь условно прикрывающую ее прелести и очень отдаленно напоминающую платье. Ее шикарные золотистые локоны были заплетены в роскошную косу, спадающую на полуобнаженную грудь. – Ты что – с ума сошла? Ты в этом пойдешь на вечер? Где все мужчины будут мечтать затащить тебя в постель, а женщины – убить с особой жестокостью?

– Маш, я тебя умоляю! Ты преувеличиваешь! Это платье – последняя модель какого-то там «кутюрье», сшитое мною лично! И лучшие ученые умы Румынии просто не смогут не оценить мои старания. А что касается женщин... Это их проблемы! Если бы хотели произвести впечатление на своих мужчин – озаботились бы этим заблаговременно.

– Вер, ты играешь с огнем! Если кто-нибудь из них все-таки решится на преступление, я тебя спасти не стану! И вообще. Мне работать надо!

– Значит, ты не пойдешь? – Вера демонстративно натянула высоченные черные сапоги и подбоченилась.

– Только после того, как ты переоденешься! – Я демонстративно отвернулась к ноутбуку. Ответом мне стал цокот каблучков и хлопок двери.

Черт!

Сохранив файл, я закрыла ноутбук, мгновенно скинула халат, влезла в джинсы и натянула футболку. Подумав, прихватила сумку с дневником, распахнула дверь и... едва не рухнула в объятия к Андрушу.

– О! Госпожа так тороплива! – Он нехотя убрал руки с моей талии. Я отстранилась, удивляясь таким мелочам, которые не замечала в нем до этого момента. Например – мягкие ладони, широкие плечи, милую улыбку и странный, завораживающий взгляд серых всезнающих глаз. Вдохнув окружавший его холодный аромат, смешавшийся с ароматом дождя, я вдруг смутилась.

– Прости... Я не заметила тебя. Я спешила за Верой. Она... только что вышла – ты ее не видел?

– Нет. Я как раз шел, чтобы проводить вас на ужин, но никого не встретил. Возможно, потому, что возвращаюсь от дальних ворот? Проверял, все ли заперто. – Он раскрыл черный зонт и протянул мне руку. – Пойдем. Наверняка она уже в Хозяйском доме.

Н-да... Наверняка...

Смущение и какое-то волнение не покидали меня все время, пока мы не переступили порог стоявшего в центре гостиничного комплекса двухэтажного дома с витиеватой вывеской. Андруш чуть замешкался, складывая зонтик, а я

открыла дверь, крепче прижала к себе сумочку с дневником и шагнула в уже знакомый зал.

И вновь показалось, что я попала в прошлое. Звуки скрипки таяли в пламени нескольких дюжин свечей. За большим круглым столом сидели увлеченные беседой мужчины в строгих костюмах, среди которых как бриллианты в дорогой оправе блистали красотой женщины.

Я не удержалась от облегченного вздоха, заметив белокурую головку Вероники. Она, как и вчера, снова примостилась между Владишем Кершем, его супругой Снежаной и смешливым толстячком, к сожалению, не представленным мне. Что удивительно, ее казавшийся вызывающим наряд невероятно гармонично вписался в царившую здесь атмосферу, а вот я в своих джинсах и футболке явно была лишней.

– А вот и наша пропaja, – выдохнул мне на ухо идущий следом Андруш. – К сожалению, как уже известно, нас покинули барон Геминг и Анатолий, а также двое сопровождавших их господ. Да... еще после полудня уехал по делам ваш проводник, Влад, но уверен, его отсутствие не испортит вам настроения. Прошу. Проходи. Садись.

Свободный стул оказался рядом с женщиной в красном, которую вчера мне представили как мадам Матильду, спутницу барона Геминга. Возле меня тут же завертелся один из братьев Андруша, наполняя тарелку закусками, а бокал – рубиновой жидкостью. Мерзкое настроение еще ухудшилось из-за холодного равнодушия со стороны демонстративно не замечающей меня Вероники. Впрочем, остальные тоже довольствовались короткими взглядами и продолжили неспешное общение.

Положение спас устроившийся рядом Андруш.

– Что-то случилось? – Он поднял бокал и протянул мне. – Возможно, всему виной дождь. Выпей. Это вино славится вкусом и выдержкой. А еще в нем много солнца для таких вот дней.

Я улыбнулась, поправила сумку и взяла бокал. Может, действительно всему виной дождь?

– Спасибо.

– Не за что. Не люблю печаль на лицах людей. Люди должны быть... мм... счастливы? – Речь Андруша снова стала путаной. – Понимаешь меня?

– Я понимаю. Просто очень переживаю за работу. Пообещала барону предоставить данные, вот и волнуюсь, что не успею подготовиться. – Стараясь не показать отчаяния, я в два глотка осушила бокал. – Я должна доказать, что Влахо Вайнский не убийца! Не чудовище! Тогда барон Геминг не будет придумывать несуществующие преграды и позволит мне познакомиться с истинной историей рода Вайнских князей.

Я замолчала, вслушиваясь в воцарившуюся тишину. Все уставились на меня так, словно поняли, что я только что произнесла на чистейшем русском языке. Возможно, их привлекли знакомые имена? Пытаясь отгородиться от удивленных взглядов, я уткнулась в тарелку и сосредоточилась на еде.

Мгновение спустя, словно по чьему-то приказу, вновь заиграла музыка, зазвучали голоса.

– Зачем тебе это? – Андруш вновь наполнил вином мой бокал и протянул мне.

Я пожала плечами и взяла предложенное питье.

– Не знаю. Я сейчас изучаю его дневник... – Терпкое вино обожгло пряным нектаром, теплом разливаясь по венам, и мне вдруг так захотелось поделиться с ним всем: и сомнениями, и обидами, и радостью, и волнениями, что принесла мне эта поездка. – Я всегда жила мечтой моей бабушки о Румынии, и когда она доверила мне эту работу, подумала – вот мой шанс! Доказать всем, что я тоже чего-то достойна! А дневник... Вначале я не понимала, о чем он. Не понимала и не хотела понимать, что в нем описана боль одинокого, не нужного никому мальчишки, парня, мужчины, который должен был сам преодолевать все трудности и сражаться с врагом. Единственным врагом, имя которому – «жизнь». Но в один момент я осознала, что воспринимаю эту работу как нечто большее. Андруш, ты когда-нибудь видел сумасшедшую русскую девушку, которая влюбилась в то, чего давно нет? Здесь я стала ощущать Влахо как кого-то, кто живет рядом со мной. И мне кажется, что я должна... нет! Просто обязана посетить замок. Хотя бы для того, чтобы убедить саму себя, что он – всего лишь часть истории. Понимаешь? Убедиться, что он – всего лишь моя работа!

Его серьезные, слишком серьезные глаза манили и притягивали. И в них не было ни капли насмешки, только непонятная мне боль.

– Понимаю. И больше чем уверен – у тебя получится. – Не говоря больше ни слова, Андруш поднялся и направился прочь. Позади мягко хлопнула входная дверь.

Я не оглянулась. Не проводила его взглядом. Только внимательно смотрела на рубиновое вино в бокале. Вот интересно, зачем я все это рассказала? Ему! Одно радует, кроме него и Верки меня никто не понял.

Фуух! Не люблю алкоголь и не люблю навязываться, а тут... Очаровал он меня, что ли?

Я встретила взглядом с подругой. В ответ она только качнула головой, выразительно коснулась виска, затем покосилась на Владиша, увлеченно обсуждавшего политические вопросы с толстячком, и изобразила тоскливую улыбку.

Все ясно!

Ее кавалеры оказались слишком заняты беседой, и подруга, не понимая ни слова, уже сама была не рада, что пришла на этот вечер. Ну и заодно окончательно уверилась, что у меня поехала крыша.

Ну и ладно!

– Господа, хватит скучать. Я пришла сюда не для того, чтобы слушать монологи на непонятном мне языке! – зазвучал голосок сидевшей рядом со мной мадам Матильды. Я даже заслушалась, как мягко и медленно она

произносит слова. – Андруш, я хочу танцевать.

Она встала и решительно задвинула за собой стул.

– Одну минуту, мадам! – тут же ответил ей голос Андруша.

Я изумленно вытаращила глаза, разглядывая нашего гостеприимного хозяина, поднимающегося с дивана, стоявшего в уголке у камина.

Но... я же сама... только что слышала, как он ушел!!!

Неторопливо подойдя к аудиосистеме, Андруш поставил диск, и зал оживили звуки веселой польки. К мадам присоединился незнакомый светловолосый мужчина. Кажется, вчера мне его не представили... Впрочем, неважно!

Я поднялась и, не замечая никого и ничего вокруг, направилась к Андрушу.

– Немедленно говори, как ты тут оказался?!

– Я? – Его брови полезли на лоб. – Я тут был...

– Но ты же... только что ушел!

– Ушел? Мм... ушел. И... и пришел! – Он посмотрел на меня, как смотрят на буйных помешанных, и ласково спросил: – Что-то случилось?

Я отступила от него и поискала взглядом, куда бы можно было сесть. Отчего-то закружилась голова.

– Тебе плохо? Может, вина?

– Нет. – Я решительно мотнула головой. Спасибо! И так напилась до галлюцинаций! – Лучше вернусь в дом.

– Боюсь, что это невозможно. Скоро наступит время легенд. Не хочу, чтобы вы и на этот раз все пропустили. Лучше присядь на диван.

Я позволила ему усадить меня на упругую кожу дивана. Ладно. Подожду, пока не исчезнет слабость и прояснится голова.

– Принести воды? – Андруш с подозрением оглядел меня.

– Если можно, – кивнула я и проводила его взглядом. Что происходит?

– Ну, дорогая, рассказывай! – Рядом со мной уселась Вероника. – Сначала ты бросаешь меня одну, потом врываешься в зал, напиваешься с двух глотков и начинаешь плести бедной тетеньке какую-то чепуху о своей работе и то, как ты в нее влюблена. В работу!!! Что уже само по себе странно! Причем на русском языке! Уверена, она не поняла ни слова! Нет, я, конечно, смирилась, что ты девушка эксцентричная, но извини, не до такой же степени! Или ты ее со мной перепутала?

– Ве-е-ер! – Я озадаченно поморгала. – Может, это для тебя уже шампанского достаточно? Если ты не заметила, все это я говорила Андрушу!

– Забавно. Может, ты *думала* рассказать все это Андрушу? – Подруга кокетливо поправила лямку платья и закинула ногу на ногу. Этот жест меня отчего-то взбесил!

– Ты что – слепая? Он сидел рядом со мной!

– Да-а-а... – Вера нахмурилась. – Или я теряю хватку, или тебе действительно алкоголь противопоказан. Причем второе более

правдоподобно – только ты могла обвинить меня в том, будто я добровольно отдала тебе на растерзание Андруша и старательно наблюдала за тем, как он выслушивает твои бредни! Хотя... если тебе хочется в это верить – верь, а я пока пойду потанцую! – Она поднялась. – Протрезвеешь – позови. Пообщаемся.

Несколько секунд я смотрела, как она идет к танцующим, и... решительно открыла сумку.

Пусть. Если ей так хочется участвовать в этом балагане, ничего не имею против. Интересно, для чего весь этот розыгрыш? Я ведь не сумасшедшая и не пьяная! Я реально видела перед собой Андруша! Так почему же все пытаются доказать мне обратное?

Мгновение спустя ко мне, мягко ступая, подошел наш милый хозяин. Заинтересованно поглядывая на меня, он поставил бокал воды на стоявший рядом с диваном столик и вежливо поинтересовался:

– Может быть, что-нибудь еще?

– Нет, спасибо, Андруш. – Я коротко ему улыбнулась, давая понять, что разговор окончен. – Хочу побыть одна.

– Хорошо.

Он послушно развернулся и направился к гостям. Убедившись, что никто не обращает на меня внимания, я бережно достала из сумки дневник.

Интересно, о каком отрывке говорила бабушка? Осторожно пролистнула несколько ветхих листов. Та-ак... Вот отметина, которую я уже проходила. Полустертый рисунок розы. Значит, следующие несколько листов переводила бабушка.

Пытаясь найти уже знакомые события, я пробежала текст глазами.

«Барон.

Я нашел его.

Совершенно случайно.

Он сумел выжить в момент перелома цивилизации, утаился от костров инквизиции... Я сказал, что ничего не помню. Что я растерян, напуган и мучаюсь голодом! Меня накормили даращим жизнь нектаром.

Группа бессмертных приняла меня как родного. Оказывается, мне многому нужно научиться.

Оружие. Техника.

Боги, как было просто и легко четыреста лет назад!

Сейчас все по-другому. Бессмертные растворились в мире живых. Они почти не убивают. Они получают нектар из добровольных пожертвований (у барона сотни донорских пунктов). И они почти не создают себе подобных. Их стало мало, как и Детей луны, но... война продолжается».

Я ошарашенно нахмурилась и перечитала отрывок еще раз. Что это? Какие четыреста лет? Кто это писал?!

Торопливо пролистав в самое начало, я впиалась глазами в строчки, что знала наизусть, но... привычного текста не было!

«Я словно попал в другой мир. Четыре столетия заточения в безвременье изменили все и вся. Здесь идет война. Над головой летают громко гудящие железные птицы, странные бронированные повозки плюют огнем.

Где старые добрые клинки? Мечи, кинжалы?

На тракте, изъеденном воронками взрывов, я догнал двоих мужчин. Я хотел лишь узнать, где найти нужное мне поселение, но в руках одного оказалось странное оружие, и целый водопад картечи прошил меня болью.

Ярость и боль утروили силы...

Я не хотел этого, но... нектар из их худосочных тел залечил мои раны и избавил от начинающейся слабости.

Бросил «шелуху» в поле.

Странное оружие взял с собой.

Надо изучить...»

Я поняла, что медленно, но верно схожу с ума. Это невозможно! Здесь должно быть написано, как Влахо пошел на праздник Сбора урожая!

Вдруг мелькнуло подозрение, что все это – козни барона! Он как-то подменил дневник! Недаром мне казалось, что в доме кто-то есть! Значит, единственная копия записок о подлинных событиях сохранена на ноутбуке! И еще у бабушки.

Я вновь полистала ветхие исписанные страницы:

«Я нашел двойника, так нужного матери! Колдовство вело меня к ней.

Похожа? Наверное. Малышка будет похожа на нее, когда вырастет, вот только матери никогда ее не получит!»

И еще:

«Я уже сорок лет в этом мире, и как же все изменилось за этот короткий срок! Женщины. Падшие дамы, жившие в моем мире, по сравнению с живущими сейчас – монашки! Как можно так бесстыдно открывать всем напоказ свое тело?

Мужчины. Такое впечатление, что почти все они больны. Толстые, разнеженные, слабые создания!

Дома – клетки! Несколько этажей одинаковых клеток!

Повозки. Адские конструкции, извергающие вонючий дым! Пусть меня сожгут в священном огне, если я хоть раз приближусь к ним. Никогда. Где мой старый верный Гром?

А может, я действительно попал в другой мир?

Что ж, матери, если ты хотела мне отомстить, твоя месть удалась».

– О! Сердитая ученая девушка даже во время отдыха продолжает разгадывать тайны прошлого?

Я вздрогнула, словно меня поймали на подглядывании, поспешно сунула

дневник в сумку и только после этого встретила с насмешливыми черными глазами сидевшего рядом мужчины.

Влад! Когда он вернулся?

– Прости, я не заметила тебя.

– Конечно. Опять растворилась в чужих мыслях. Как отдыхается?

– Неважно. – Я демонстративно отвела взгляд. – Вечер все равно уже испорчен.

– Вот как? Тебе не нравится общество гостей Андруша?

– Нет, отчего же? Милые люди. Чего не скажешь о тебе! – Наши взгляды встретились. – Я и пошла сюда только потому, что Андруш уверил, будто тебя сегодня не будет, но... увы. Ужин не получился!

– Я сожалею. Понимаю. Тебя бы не огорчило, сверни я даже шею в горах, но... Мои дела закончены, и вот я снова здесь. Хочешь ты этого, или нет. К тому же... я пришел сюда не к тебе, так что... Прошу. Не отвлекайся. – Влад поднялся и неспешно направился к танцующим парам.

Я, не отрываясь, смотрела, как он поймал за талию разгоряченную Веронику и властно притянул к себе, а ее партнер по танцам, смешливый толстячок, обрадованно улизнул к столу.

Фу! Не люблю показные, дешевые отношения!

Но Вера, казалось, ничего этого не заметила. Счастливо повиснув на новом кавалере, она вдруг заговорщицки ему улыбнулась и, поправив растрепавшуюся челку, что-то принялась шептать на ухо.

Я отвернулась.

Бог ей судья. Но вешаться на этого эгоиста, нарцисса и бабника я бы не стала, даже будь он единственным мужчиной на Земле!

Вновь достала дневник, открыла на первом попавшемся месте и принялась читать.

Глава девятая

Легенды позабытой аромат,
Таинственный, волнительный и чудный,
Вплетается в полночный полумрак
И мрачной тайной соблазняет мудрых.

«...Барон повелел найти истинного слугителя бога. Мне и своему сыну, Виктору. Безжалостному убийце. Палачу, каким когда-то был я. Вот только если мою душу сделала безжалостной и бесчувственной к чужой смерти адская боль потери, Виктор был рожден палачом.

– Отец сказал, что ты чувствуешь его присутствие. Так ли это? – равнодушный голос попутчика вырвал меня из воспоминаний, ранивших даже спустя века.

Идти осталось немного. Дорога, относительно прямая и ровная, истончилась и принялась виться, превратившись в узенькую тропку.

Я кивнул.

– Да. К вечеру дойдем. Небольшое поселение.

– Он там?

Я на миг прикрыл глаза. Дома. Силуэты. Лица. Я был охотником. Я видел свои жертвы задолго до того, как они падали мертвыми под моими мечами. После приказа барона я тут же увидел нашу цель, а значит...

Но пока лучше не уточнять.

– Наверное.

– Ты хочешь сказать, что притащил меня сюда, не будучи уверенным?

– Скажи, – я не ответил, лишь взглянул на маску, используемую им сейчас. Угрюмое лицо, некогда принадлежавшее какому-то бедняге. – Зачем барону слуга церкви?

– А ты не знаешь? – Он бросил на меня быстрый взгляд. – Отец хочет возродить, точнее, освободить твою мать, а для обряда нужна святая душа.

– Но двойник не найден!

– Найден. Только в другой стране. Скоро она будет здесь. Останется лишь найти святошу, чья жизнь откроет врата.

– Жертвоприношение?

– В точку.

– Подойдет любой священнослужитель?

Виктор смерил меня долгим взглядом.

– Как думаешь, кто ценнее нам – наивный юнец, вдруг поверивший в Бога, или старик, отдавший ему всю свою жизнь?

– Я понял! – и замолчал, шагая вперед. Значит, барон решился на это? Даже после того, как я сообщил ему об исчезновении двойника? Конечно, можно использовать ее потомков, только никто не даст гарантии, что все получится. Даже если получится... Какое мне дело до святош? Где были они, когда родная матушка сделала из меня чудовище? Где были святые отцы, когда умирала Катарина? – Впереди, скорее всего, небольшой монастырь. Пасека, свое хозяйство, виноградники. Священников там немного. Три... пять... но тебе будет, из кого выбирать.

Виктор не ответил, молча шагая впереди меня. Вскоре путь нам действительно преградил высокий белый забор.

– Священная земля? – Виктор не рискнул проверить сам. Остановился в нескольких метрах у преграды и обернулся ко мне.

– Священная у них только молельня. Часовенка в центре двора. – Я обогнул его и направился вдоль забора. Вскоре показалась широкая дверь.

– Можно подумать, что ты видишь границы! Отец рассказывал, что таким даром обладают рожденные в ненависти. – Меня догнал Виктор и приказал: – Стучи.

Я занес было руку для удара, но тут дверь распахнулась, и я отступил.

Вышли двое... Молодой парень и... мужчина лет сорока. Онемев, я долго смотрел в его глаза цвета свинцового неба, не решаясь заговорить, не решаясь прогнать наваждение. Неужели... Но как?

Парнишка первым развеял иллюзию. Шагнув вперед, на ломаном румынском произнес:

– Вы к нам в гости?

Мужчина задумчиво оглядел нас.

– Что-то случилось, братья мои во Христе? Какая беда или тайная тоска привела вас в наш светлый дом?

– Мы... – Я заставил себя собраться с мыслями. Этот человек – не он. Прошло четыре столетия. Даже бессмертные гибли в путах инквизиции и войнах с белыми дьяволами. Это не отец Ян! Возможно, это его потомок. Отец Ян ведь тоже не был безгрешен, особенно когда позволил появиться на свет мне.

Я заметил внимательный взгляд Виктора и отстраненно ответил:

– Мы устали и заблудились. Позвольте нам немного отдохнуть, и мы уйдем.

– Куда же вы, на ночь глядя? Проходите. Переночуйте. Мой ученик вас проводит в дом. – Мужчина что-то шепнул парню, посторонился, пропуская нас во двор общины, а сам вышел.

Парень закрыл за ним дверь, накинуд крючок в петлю и пригласил:

– Идите за мной. Я укажу вам место ночлега, а после познакомлю с братьями, и мы отужинаем.

– Как твое имя? – поинтересовался я, шагая за ним.

Парнишка обернулся.

– Анатолий Вершин. Извиняюсь за мой румынский, я его все еще учу. Я здесь совсем недавно. Когда-то эмигрировал из России, был проводником в этих горах. Теперь вот решил здесь отдохнуть. А кто вы?

– Мое имя Владислав, и я бы тоже не прочь отдохнуть.

– А он? – Анатолий кивнул на шагающего за нами Виктора.

– Мой друг из Франции. Он не понимает ни слова. – Я подарил искреннюю улыбку Виктору, по-прежнему изображавшему угрюмого молчуна, и приветственно кивнул еще двум монахам, вышедшим на крыльцо высокого дома.

При виде их взгляд Виктора оживился...»

– А теперь, господа, я бы хотел угостить вас глинтвейном и попросить нашего уважаемого историка – Владиша Керша, рассказать перед сном какую-нибудь древнюю легенду. – Голос Андруша заставил меня с сожалением оторваться от текста. Рядом со мной уселась Вера. Все остальные устроились там, где каждому было удобно. Кто-то занял кресло, кто-то оккупировал еще один диван, стоявший по другую сторону камина. Я машинально поискала взглядом Влада, тут же рассердилась на себя и внимательно взглянула на

рассказчика.

Владиш поднялся и с улыбкой прошел к камину. Андруш подал ему стул. Тот развернул его так, чтобы видеть всех нас, и уселся, закинув ногу на ногу.

– Легенды... – Его голос на миг сорвался и тут же зазвучал важно и торжественно. – Румыния всегда славилась своими преданиями, чаще – мрачными. Впрочем, согласитесь, они, как ничто другое, щекочут нервы... А что? Не желаете ли услышать историю, леденящую кровь? – Он на мгновение замолчал и снова продолжил: – Итак... Вы верите в вампиров? Вы слышали когда-нибудь предания о Кровавой Княгине? Сегодня я хотел бы рассказать о предательстве и любви, о жизни и бессмертии. О том, что случилось больше четырех столетий назад! Тогда леса Румынии были богаты дичью, изобиловали ягодами и грибами, но... они не были мирными. Мало кто знает, что под их сенью шла неумолимая, непрекращающаяся война. Дети леса и бессмертные. За пищу. За угоды. За власть. И вот, родилось предсказание о том, что только дитя мрака и божественного света будет способно погасить войну, а может и вымолить прощение у Бога для всех отверженных. Была выбрана служительница мрака, и был указан воин Света... – Владиш помолчал, подозрительно оглядел всех нас и продолжил: – Однажды ночью под своды нерушимого замка въехал израненный рыцарь Бога. Его встретила очаровательная, милая женщина – хозяйка замка. Повела, что осталась с двумя детьми совсем одна – муж был растерзан на охоте волками. И израненная душа воина дрогнула от печали, слышавшейся в голосе женщины, а сердце вдруг вспыхнуло любовью к ее прекрасным чертам. В ту ночь, он, сам не ведая как, оказался на ее ложе. Воин вдруг поверил, что его путь закончен и он нашел свою гавань, но он не знал, что в его избраннице течет кровь бессмертных. Прошло четыре недели, и невообразимые перемены произошли в кроткой, прекрасной женщине. Богохульства и проклятия, извергающиеся из милого ротика избранницы, приводили его в изумление; жестокие наказания слуг сводили с ума и терзали душу. Наконец признав, что его избранница пленена демонами, воин Света покинул ее, чтобы вернуться со знаниями о том, как освободить любимую от сетей дьявола. Он не ведал, что в ее чреве уже растет его сын, дитя слугителя бога и избранницы дьявола.

Рассказчик замолчал, а гости вполголоса принялись переговариваться. Из услышанного я поняла, что многие были не согласны с этой версией легенды и по мере сил и осведомленности привносили свои изменения в развитие сюжета. Владиш слушал и иногда опровергал то или иное мнение.

– Если честно, все это чушь! – раздался у меня над ухом тихий шепот. Вдохнув знакомый холодный аромат, я обернулась, рассчитывая увидеть Андруша, и нахмурилась. Облокотившись на спинку дивана, позади меня и заскукавшей от изобилия непонятных слов Вероники стоял Влад. – А вот ту тетрадку, что ты держишь на коленях, я бы внимательно прочел. Сразу видно, истинный раритет.

– Меня совершенно не волнует ни твое мнение, ни твое желание! –

прошипела я в ответ. – Поэтому, если ты не против, я дослушаю легенду.

– К сожалению, на этом – все. Влахо всегда так заканчивает эту легенду. Потому что она так и осталась – легендой. Ведь никто не знает, что случилось с рожденным мессией и исполнил ли клятву его отец.

– Влахо? – Произнесенное собеседником имя меня будто обожгло.

– Ну да. – Проводник пожал плечами. – Простонародное сокращение. А... что-то не так?

– Маш, – от ответа меня избавила подруга. Для верности она даже потрясла за рукав, привлекая мое внимание, и капризно приказала: – Или ты мне немедленно переводишь все, что было сказано, или я уйду. Сидеть болванчиком, когда все что-то оживленно обсуждают, – выше моих сил!

– Дома переведу! – буркнула я.

– Значит, пошли домой, – не отставала она.

– И как ты себе это представляешь?

– Просто встань и иди! – Она хмуро поднялась и, не обращая внимания на воцарившуюся в зале тишину и провожающие ее взгляды, решительно направилась к двери. Увы! Как бы мне ни хотелось остаться и послушать дискуссию на тему легенды, пришлось засунуть дневник в сумку и направиться следом.

У самой двери я обернулась.

– Господа, прошу нас извинить. Очень сожалею, но мы вынуждены вас покинуть. Моей подруге стало плохо, и я должна сопровождать ее домой.

– Хочется верить, что ваше бегство не из-за моего скучного рассказа? – Владиш Керш тоже поднялся вслед за нами. – Если останетесь, я расскажу еще одну сказку.

– Увы! Хотелось бы, но... А легенда бесподобна. И я очень надеюсь, что завтра вы уделите мне минутку и ответите на все интересующие меня вопросы.

– Почту за честь. – Легкий кивок, скорее всего, означал поклон. Я ответила улыбкой и вышла вслед за Верой.

На улице нас встретил привычный ливень. Хотя...

– Мне кажется, или дождь начал стихать? – Я бросила взгляд на Веронику. В темноте не разглядишь, но, кажется, она чем-то серьезно расстроена. – Что-то случилось?

Она довольно резко обернулась, будто только этого и ждала, и злым, срывающимся голосом принялась меня отчитывать.

– Случилось? Да! Случилось! Я весь вечер танцевала с каким-то толстяком, а он... ОН увивался вокруг тебя! Чего изволите? Вам не скучно? И почти не обращал на меня внимания!

Я изумленно нахмурилась. Если это обычная ревность, то... она здесь просто неуместна! Да и ей ли ревновать? Весь вечер она была в центре внимания! Влад подошел ко мне лишь раз. Второй раз он танцевал с ней. Так какие могут быть обиды?

Обескураженно пожав плечами, я начала издалека:

– Вер, если честно, Влад...

– При чем тут Влад? Вообще-то я говорила об Андруше, – раздраженно перебила она меня, вдруг перевела взгляд куда-то позади меня и испуганно ахнула: – Ой, Маш, это кто? Это что?

Я стремительно развернулась и тревожно уставилась на заколыхавшийся розовый куст.

– Где? Кто?

– Убежал.

– Да кто убежал-то? – Я едва удержалась от желания как следует потрясти подругу.

– Собака... или кошка... – Она растерянно взглянула на меня. – Но очень большая!

– Белая? – Я на всякий случай подняла с дорожки обломанную непогодой ветку и с еще большим энтузиазмом принялась разглядывать подступавшие к нам кусты. Мало ли! Главное, чтобы зверюга не напала!

– Вроде бы... Это что, местный питомец? – Почувствовав мой страх, подруга решительно потянула меня подальше от этого розария. – Или, может, еще один персонаж легенды?

– Ты даже не представляешь, насколько ты права! – Я отступала, по-прежнему не сводя глаз с роз, уже даже переставших качаться. А может, Веронике просто почудилось? – Хочешь, открою страшный секрет? Эти белые «котопсы» здесь сплошь и рядом являются пьяным дамочкам во время дождя или перед похмельем, что для тебя в обоих случаях сегодня актуально. Пошли домой, а?

Вера, видимо, наивно полагала, что я собираюсь открыть ей великую тайну, поэтому внимательно выслушала мою ахинею до конца, а когда поняла, что ее обманули в лучших чувствах, фыркнула, развернулась и торопливо направилась по дорожке, обиженно бормоча себе под нос:

– Да ну тебя! Я ей как подруге! Как человеку!!! А она...

Чувствуя между лопаток чей-то взгляд, я бросилась за ней.

– Вер, ну ты что – шуток не понимаешь? Если ты не заметила – мы в лесу. И здесь таких не то собачек, не то кошечек – миллион.

Не отвечая, она взбежала по ступенькам и возле самой двери стремительно развернулась.

– Миллион? Да этот зверь сидел и смотрел на меня так, словно я была его любимой хозяйкой или... едой! Слушай, мне все больше хочется уехать отсюда к чертовой бабушке! – Вера распахнула дверь, шагнула в наше пристанище и попятилась. – Господи! Вы кто?

Я вбежала следом и замерла на пороге. Возле мерцавшего багряной дымкой почти прогоревшего камина виднелся силуэт мужчины. Вероника ударила по выключателю, и комнату залил яркий свет.

Силуэт исчез, но зато открылся бедлам, не замеченный мною в темноте.

– Что здесь творится? Куда пропал тот мужик? – Вероника опасливо

оглядела разбросанные вещи, прошла к обеденному столу, собрала с пола остатки пирога, осколки кружки и, внимательно изучив, сунула в мусорное ведро. – Эй, здесь кто-нибудь есть?

Пройдя к дивану, я подняла с пола раскрытый ноутбук. Экран тут же приветственно загорелся, сообщая, что сон прерван. Сон? Но прежде чем уйти, я его выключала!

Видя мое перекошенное лицо, ко мне подошла Вероника.

– Маш? Что-то случилось?

– Я точно помню, что выключила ноутбук! – буркнула я, вглядываясь в открывшуюся передо мной картинку рабочего стола. Работа – на месте. Файлы дневника – на месте, переписка с бабушкой тоже тут.

– Девушки? – с порога раздался мягкий голос Андруша. – Вы так поспешно ушли. Я зашел проверить, все ли в порядке, и пожелать добрых снов.

– Добрых снов?! Ты думаешь, после того, что мы здесь увидели, нам грозят добрые сны? – Верка развела руками. – Может, объяснишь, что на твоём таком замечательном гостинином дворе творится?

Андруш окинул цепким взглядом бедлам и, закрыв на щеколду дверь, первым делом подошел к распахнутому окну. Захлопнув створку, он закрыл ее на защелку и обернулся к нам.

– Мария, кажется, я просил закрывать окна и двери! Мой гостиница стоит в лесу. Много звери! Белки! Запрыгивают в окна, а потом жильцы видят это! – Он обвел рукой беспорядок и укоризненно посмотрел на меня.

Я виновато потупилась.

– Да, говорил. Возможно, действительно всему виной белки?

– Хорошо! – А вот Вероника не собиралась так быстро сдаваться. – Пусть в беспорядке виновны мы с белками, но как ты объяснишь то, что, войдя сюда, мы увидели силуэт мужчины, а после того как включился свет, он исчез? Или это опять приходил душевнобольной Анатолий? Какая-то у него странная паранормальная шизофрения, не находишь?

Андруш развел руками.

– Видимо, тут сказала ваша впечатлительность. Больше не буду звать вас слушать легенды, тревожащие ваши нежные души! И... кстати, у меня есть средство, способное унять все тревоги и страхи... – Не отрывая от Вероники взгляда, он легкой тенью скользнул к ней. Честно, я даже не поняла, как такой увалень смог так быстро оказаться рядом. Продолжая гипнотизировать, он обнял ее за талию, печально улыбнулся и вдруг пропел: – Ты – роза, распутившаяся в моем осеннем саду. Ты – майская птица, впорхнувшая в мое уставшее, зимнее сердце...

Губы Вероники тут же тронула влюбленная улыбка. Андруш склонился к ней, и я отвернулась, чтобы не видеть то, что за этим последует.

– А... здесь что, все мужчины подъезжают к девушкам с этой единственной фразой? На другие фантазии не хватает? – Демонстративно прошагав к дивану, я подхватила ноутбук и направилась к лестнице. Спокойно

поработать здесь все равно не дадут, да и какая разница, где общаться с бабулей на интересующую меня тему.

Глава десятая

О, нежный друг,
ты послан мне богами!
За помощь я тебя благодарю.
Но вот беда —
века лежат меж нами
И воспевают бренность! Не мою...

На втором этаже было темно и тихо. Меня охватил невольный озноб. Заметив сбоку от лестницы крошечную оранжевую точку выключателя, я поспешно коснулась ее ладонью и прищурилась от ослепившего меня света настенного бра.

Оглядев безмолвные двери комнат, я толкнулась в ту, в которой еще не была, и шагнула в полумрак, разбавленный светом восходящей луны. Ее серебристый бок высунулся из-за рваного облачка и повис над верхушками деревьев желтым волчьим глазом, внимательно глядя на меня сквозь крестовину окна.

Неужели дождь закончился? Не прервался, чтобы потом зарядить с новой силой, а именно закончился!

Я прошла к широкой, идеально заправленной кровати по квадрату лунного света, разлинованного тенью окна, в нерешительности постояла и с ногами забралась на вышитое покрывало.

Ноутбук приветливо засветился, едва я его открыла. Инет подключился удивительно быстро, и почти сразу же замерцал значок видеовызова.

— Мари? Как ты, моя девочка?

— Бабуля! — Я удобно улеглась на животе и подперла голову кулаками. — Соскучилась!!! Очень! К тому же у нас уже второй день идет дождь и творится какая-то чертовщина! То видятся белые лисы, то сумасшедшие, которые исчезают!!! И еще! — От переполнивших меня эмоций даже снова пришлось сесть. Жестикулировать лежа оказалось довольно неудобно. — Еще мне подменили дневник!

— Так! — Бабушка нахмурилась. — Прекрати истерику и все подробно расскажи! У тебя что, его украли?

— Нет! Дневник есть и даже остался прежним! И обложка! И рисунки, и даже какие-то каббалистические знаки! Исчез только текст!

— Стоп! — Кажется, я смогла ее удивить. — Как исчез? Тетрадь пуста? Чистые листы?

— Да нет же! Текст существует и даже так же заляпан чернилами! Только

он другой!

– Игорь Владимирович выяснил, что это не чернила, а кровь. – Словно невзначай поправила бабушка.

Я замерла, словно на меня вылили ушат холодной воды.

– Кровь?

– Чья – не знаю. Ты с этими листами поаккуратнее. Вернешься, отдадим на экспертизу. Так, что там с текстом?

Фух! Ну дела! Неужели барон окажется прав, а я докажу себе, что Влахо – монстр? Не хочу! Куда приятнее бороться за идеалы, зная, что не ошибаешься.

– Сейчас текст звучит примерно так... – Я по памяти пересказала ей тот отрывок, что прочитала за вечер.

– Н-да... Забавно! – бабушка задумчиво покусала губы. – А что за сумасшедшие тебе досаждают?

– Ох, – я пожала плечами. – Даже не знаю, как бы тебе это преподнести. В первый же вечер мы познакомились с сыном одного из ученых, он представился как Анатолий Вершин. На следующий день к нам зашел этот Анатолий и сказал, что он – призрак!

– Ха, парни решили проверить вас на прочность? – Бабушка успокоенно рассмеялась, а вот я даже не улыбнулась.

– Мне тоже показалось бы все это розыгрышем, если бы Анатолий не исчез прямо у меня на глазах!

– Постараюсь что-нибудь узнать об этом человеке, – оборвав смех, важно кивнула бабушка и поправила как всегда безукоризненную прическу. Не верит! Однозначно! – К сожалению, сказать о подмене текста ничего не смогу, потому что даже не представляю, с чем это связано и как это может быть, но опять-таки, если смогу найти в Инете подобное, обязательно дам тебе знать. А... тот отрывок, что ты мне пересказала, где примерно он располагался, если ориентироваться по старому тексту?

Я устало потерла лоб.

– Не знаю. Где-то после залитых чер... гм... запачканных страниц. Ближе к концу. Я там еще не переводила, просто ждала твой текст, чтобы потом все собрать по порядку. А теперь, благодаря местным жуликам, все утеряно! – Меня вдруг осенило. – А-а-а-а! Бабуль, я дура!

– Гм... – Она многозначительно кашлянула. – Я бы не стала так себя недооценивать, деточка. Что случилось?

– Дневник! У меня же остались отсканированные листы, такие же, что я скинула тебе! Значит, можно переводить и подлинник! – Суетливо, злясь на ноутбук, вдруг ставший медленным, как черепаха, я несколько раз кликнула на файл с переводом и замерла, разглядывая чистый лист. Точнее, чистые листы. Ровно столько, сколько я отсканировала.

Видимо, молчание было долгим, поэтому бабушка заподозрила что-то неладное.

– Мари?

– Это барон! – выпалила я. – Больше никому!

– Что за барон? Что случилось?

Чувствуя поднимающуюся в душе злость, я принялась путано объяснять:

– В первый же день мы поспорили с бароном Гемингом, главным хранителем исторических ценностей и тайн, что Влахо Вайнский не чудовище, а жертва обстоятельств. И я пообещала ему это доказать. В обмен на это он позволил нам попасть на руины замка, только перед этим попросил взглянуть на дневник!

– И при чем тут барон?

– Ба, это он подменил дневник и стер все мои файлы! Если я проиграю спор, не видать нам замка! Отсюда вывод – он хранит там что-то важное, и я должна... Нет! Я просто обязана туда попасть.

Боже, отчего эта простая мысль не пришла мне в голову раньше? Конечно же, если нам препятствуют, значит, в том замке действительно хранится что-то ценное!

– Мари, историк не должен делать поспешных выводов. Сначала доказательства! Давай так. Завтра я скину тебе все, что найду по барону Гемингу, Анатолию Вершину и?..

– И Андрушу. Игорь Владимирович должен его знать. Ведь перед нашим приездом он ему звонил и договаривался о том, чтобы нас встретили.

– Без фамилии сложно, но попробую! – согласилась бабушка. – А пока ознакомься с тем, что еще мне удалось узнать из дневника. Возможно, не слишком много. Текст кое-где очень плохо читаем.

– Спасибо, бабуль! А еще... можно задать тебе вопрос? – Я коснулась пальцами висевшего у меня на груди украшения. – Откуда у твоей мамы взялась эта странная подвеска? На меня в первый день все смотрели так, будто я – суперзвезда!

Бабушка помрачнела.

– Мари, ты же знаешь! Это единственное украшение, доставшееся мне от мамы. А ей, я полагаю, от ее бабушки. Это украшение нашего рода, понимаешь? Береги его. Помимо материальной ценности в нем заключена история нескольких поколений!

– Конечно, ба, я понимаю, и все же...

– Точно не знаю, но говорят, что двойник этого украшения хранился у одной из Вайнских княгинь. А по поводу всего происходящего – не делай поспешных выводов. Дай мне время, и я все обо всем узнаю. И еще, небольшой совет. Переводи ту версию дневника, что у тебя, ведь для чего-то же он попал к тебе в руки, а я буду постепенно отправлять тебе перевод старой версии. По крайней мере, с ней у меня ничего сверхъестественного не произошло. Спокойной ночи, детка.

Бабушка отключилась. Я несколько мгновений смотрела на красный значок рядом с ее «ником», а затем открыла переданные ею файлы.

«Я смотрел в плачущее осенним дождем окно. Уже три месяца прошло, как я приехал в столицу, но моя тревога и боль не стали меньше.

Катарина не отвечает на письма. Словно ее нет и никогда не было.

В чем дело? Почему? Почему???

Только учеба не дает сойти с ума и, бросив все, вернуться домой. Я должен стать тем, кого станет уважать мать. Я должен заставить ее со мной считаться!

После возвращения из поместья Мареш я увидел мать лишь на следующее утро, перед отъездом в столицу. К моему удивлению, она вышла меня провожать и довольно приветливо заговорила:

– Влахо, ты, верно, думаешь, что поступаешь правильно, но уверяю, очень скоро ты поймешь, как ошибался. Ты рожден для великой цели. Ты рожден, чтобы стать воином. Твое чувство к девчонке скоро пройдет. Любовь – для смертных. Бессмертные – выбирают силу и власть. Прошу, сын, если не хочешь ее погибели, лучше не ищи с ней встреч.

Я хотел ей ответить. Так, чтобы более она никогда не сомневалась в принятом мною решении, в моем выборе, но словно онемел и так и не произнес ни звука, пока она не ушла. И вот уже три месяца я придумываю ответ, который произнесу, как только ее увижу. Катарина – моя! Так было и так будет!

В дверь постучали, возвращая меня в реальность.

Еще пару мгновений я смотрел на капли дождя, стекающие по стеклу, поднялся с узкой лежанки и пошел открывать. Кого там еще принесло?

На пороге стоял Дорел. Когда-то мы с ним были друзьями, вместе росли и делили пополам все радости и невзгоды. Я видел, что ему тоже нравится беззаботность и веселый нрав Катарины, но когда она негласно выбрала меня, наша дружба прервалась. Сейчас мы были лишь сокурсниками. Он тоже готовился принять на себя управление отцовским именем, что находилось на несколько миль дальше от имени Мареш.

– Зачем пришел? – Я выжидающе посмотрел на него. У меня не было ни малейшего желания сегодня с кем-то общаться, но сердце трепыхнулось, поселяя во мне надежду: он совсем недавно вернулся из дома. Вдруг он что-то знает о Катарине?

– Хотел позвать тебя в трактир. Тут рядом. Есть кое-какой разговор. К тому же там подают неплохое вино. Я угощаю. – Дорел как-то неуверенно все это пробормотал, словно ожидал, что я откажусь.

А почему бы и нет? Три месяца я соблюдал строгий маршрут – учеба и этот дом, двухэтажный каменный особняк, где по милости матери я прожил долгих четыре года.

– Хорошо. Пойдем. – Я накинул на плечи плащ с меховым подбоем и вышел из комнаты, плотно прикрыв за собой дверь.

Погода испортилась окончательно. Она словно вторила моим мыслям и чувствам, не покидавшим меня с момента приезда в город. Едва мы вышли, нас

принялся стегать промозглый ветер, будто желая загнать обратно, под защиту каменных стен.

Свернув в узкий переулок, мы миновали несколько домов и, наконец, остановились у последнего. Двухэтажный деревянный потемневший от времени особняк, в котором располагался трактир, пользовался не очень хорошей славой, но это не мешало ему быть самым популярным местом всех школяров, странных личностей и просто приезжих. Здесь действительно было хорошее вино и свежее мясо, а еще тут выступала группа танцовщиц, которые были совсем не прочь за звонкую монету скрасить вечер любому.

Поднявшись на высокое крыльцо, Дорел открыл тяжелую дверь, и мы шагнули внутрь. В нос ударил запах жареного мяса и застарелой браги. Дубовые столы ломились от закусок, кружек с пенистым пивом и кувшинов пряного вина, а на скамьях, окружавших столы, сидели счастливые завсегдатаи, и их разговоры смолкали только тогда, когда в пересохшие глотки вливались живительные напитки. Дымный полумрак разбавлялся светом коптивших светильников и огня, жарко полыхающего в камине.

Отвечая на редкие приветствия знакомых, мы с Дорелом прошли в конец зала, где пустовали несколько столов. Едва мы уселись, как к нам подскочила пухленькая девушка с подносом и, выставляя напоказ безупречную грудь, едва прикрытую кружевным лифом, стала уставлять стол снедью и выпивкой. Взглянув на кувшин вина и тарелки с мясом, еще дымящимся, нарезанным крупными ломтями и посыпанным кольцами лука, я сглотнул слюну и потянулся за кошельком.

– Садись. Все заказано заранее и оплачено мной. – Дорел хозяйским жестом указал на яства, улыбнулся подмигнувшей ему девчонке и тяжело опустился на табурет.

Я последовал его примеру. Доверху наполнил вином стакан, сделал пару глотков и выжидающе взглянул на Дорела, а тот, не замечая ничего вокруг, уже старательно перемалывал челюстями мясо. Наконец он утолил голод, выпил вина и, как ни в чем не бывало, начал:

– Ты же знаешь, что я недавно вернулся из дома? Отец болен, скорее всего, придется бросить учебу. Неурожай нынче. Да еще эта напасть в лесах. – Он побуравил меня взглядом и вдруг спросил: – Ты что-нибудь слышал о стае белых лис?

Стараясь не показать удивления, я сделал вид, что задумался. О белых лисах было много преданий и легенд, но встречались они в наших лесах не часто. Более того, белую лису лично я видел в жизни лишь однажды: ту, что бросилась на Катарину...

– А что именно я должен был слышать?

– В лесах у поместья Мареш их развелось очень много, но больше всего их встречается у сожженного имения покойного отца Катарины. Как будто у них там логово! Поговаривают даже, что именно эти твари вырезали всю его семью. И я не удивлюсь: все звери как на подбор – рослые, что волки. С умными

человеческими глазами. Ах да, забыл сказать – их видят только в неделю полнолуния. Местные даже прозвали их белыми дьяволами или белыми оборотнями!

Дорел замолчал, наливая себе еще вина.

– Это все, ради чего ты меня сюда позвал? – Я в два глотка осушил терпкое питье и поднялся.

– Сядь! – Он тоскливо взглянул на меня и сам наполнил доверху мой стакан. – Когда-то я ненавидел тебя, Владислав. За то, что ты богаче меня, выше меня, красивее. За то, что твой род – древнее, и сам ты удачливее меня потому, что именно тебя выбрала крошка Кэти, но... Сегодня я позвал тебя сюда, чтобы предложить вновь стать друзьями, ведь теперь мы с тобой равны.

– Что ты хочешь сказать? – Волнение толкнулось в грудь, заставляя меня снова опуститься на табурет.

– Старая карга Мареш выдает Катарину замуж. Сам слышал, как местные судачат об этом в деревне. Уже и брагу заготовили! Так что, брат, мы оба с тобой остались не у дел. Ведь ты же знаешь, если графиня что решила, то так тому и быть. – Он снова налил себе вина и осоловело усмехнулся. – Пей! Ничто так не лечит душу и тело, как сладкое вино и доступные девки. Угощаю, брат. Выбирай любую!

Пощечина была бы не так обидна, как его забота. Ни слова не говоря, я поднялся, бросил на стол пару монет, миновал зал и вышел под дождь. Боль в груди сменилась холодной решимостью. Если нужно, я убью графиню Мареш. Еще никто безнаказанно не забирал то, что принадлежит Владиславу Вайнскому!

Решено. Возвращаюсь домой!»

Я вдруг остро почувствовала, что больше в комнате не одна. Стремительно обернулась и вздрогнула. У двери темнел чей-то силуэт.

– Кто вы?

Силуэт приблизился к кровати, и я замерла, вглядываясь в знакомое лицо.

– Анатоль?

– Да. Это я. Днем мне не дали все объяснить... предупредить вас.

– Да! Не дали! – Во мне вдруг проснулась здоровая злость. – Призраков не бывает! Признайтесь – вы сумасшедший сын барона Геминга?

Мужчина вдруг тихо рассмеялся и... направился ко мне. Сквозь кровать! Тихо пискнув, я стала отползать, пока не вжалась в изголовье.

– Беда в том, что я никогда не был сыном барона. Тот, кто назвался мной, обладает даром создавать иллюзии. Он просто забрал мою внешность, так же, как у тысяч других, убитых им до меня. Дабы никто и никогда не увидел его лицо. Говорят, он, как и барон Геминг, – один из древних, живших еще во времена рассвета рода Вайнских князей.

– Ладно. Если честно, мало что поняла! Значит, ты – призрак. Верю.

Кстати, я читала о тебе сегодня в дневнике! – Если честно, плевать, поймет он мою сумбурную речь или нет. Призраков нет! Скорее всего, я уснула. Да! Точно! Мне снится сон! А что? Ведь бывают очень реалистичные сны!

От этих мыслей вдруг стало легко и спокойно. Какая разница, что произойдет, ведь я все равно проснусь, и меня будет окружать привычная и простая жизнь.

– Обо мне? В дневнике? И чей это дневник? – Казалось, мне удалось его удивить.

– Дневник Влахо Вайнского.

– Влахо Вайнский? Насколько я помню, много веков назад так звали князя из рода бессмертных... Я немного изучал историю войны и проблему этого рода. Кстати, в монастыре, где я жил, есть очень большая подборка рукописных книг на эту тему. – Анатолий бесшумно уселся на постель и по-восточному поджал под себя ноги. – И что он пишет?

Я пожала плечами.

– Рассказывает, что попал с каким-то Виктором в дом, где жили три монаха и ты.

– И?

– Все. Дальше я прочитать не успела.

– Угу... – Анатолий нахмурился. – Ладно. Я расскажу, что произошло потом. Им был нужен священнослужитель. Мы не знали, что они бессмертные. Ведь бессмертные не могут войти на освященную землю...

– В дневнике было сказано, что в том монастыре земля освящена только где-то в центре, – вспомнилось мне.

– Часовня? Я так и думал. – Анатолий кивнул и продолжил: – Мы дали им ужин, молитву они пропустили, сказали, что устали, и ушли спать. Ночью я услышал крик и выскочил из комнаты. Один из них, взвалив на плечо отца Иона, нес его по коридору к двери. Я бросился на помощь к священнику, но на меня напали сзади, и что-то острое пронзило шею. Затем я понял, что не могу сделать и шага. Жизнь утекала из меня с каждой каплей крови, которая, словно не желая оставаться во мне, выплескивалась из порванной артерии. Затем меня тоже подхватили и куда-то понесли. Я даже успел увидеть, как вернулся отец Яр, но было поздно.

Слушая его рассказ, я даже задержала дыхание.

– Кто, говоришь, тебя убил?

Анатолий пожал плечами.

– Бессмертный. И теперь, чтобы обрести небеса, мне нужно, чтобы мое тело сожгли. Они захватили его с собой и бросили в одной из пещер. А по преданию, убитый бессмертными и не освященный в церкви обречен вечно скитаться по Земле бесплотным духом. Поэтому давай так – я помогу вам, а вы за это найдете мое тело и сожжете.

– Хм... ну... хорошо. Только у меня несколько вопросов. Первый – кто такие бессмертные? Второй – какое отношение имеет дневник Влахо к этим

описаниям? Третий – может ли человек жить больше четырехсот лет? И последний – в чем ты нам поможешь? – Я внимательно уставилась на собеседника. То, как он сидел со мной рядом, живой и настоящий, и говорил (по-русски!), совершенно не вязалось с услышанным и увиденным.

Я невольно коснулась его руки и словно провалилась в холодный плотный туман. Стало трудно дышать, сердце заколотилось, как бешеное.

– Такие эксперименты до добра не доведут! – раздался его голос уже позади меня. Нацепив виноватую улыбку, я обернулась и, приглашая вернуться, похлопала по кровати рядом с собой.

– Извини. Но это не моя вина – ты был таким реальным...

– Женщины! – фыркнул он в ответ, снова исчез и, как ни в чем не бывало, вновь появился рядом. – Так мне отвечать на твои вопросы?

– Было бы неплохо. – Я отстранилась, разглядывая чуть мерцающего в робком лунном свете собеседника. Если бы не мой эксперимент, ни за что бы не поверила, что он не материален!

– В общем, ответы на первые три вопроса просты. Бессмертные – те, кто живет за счет других. Проще говоря – вампиры, эмпиры и прочие им подобные. Я, если честно, до первой и, к сожалению, последней встречи с ними считал их фольклором.

– Стоп! А при чем тут князь Вайнский? – Я едва сдержала глупую ухмылку. Нет, я реально сплю! Вампиры? Какие в нашем мире могут быть вампиры? Они герои кино, книг, но никак не реальной жизни!

Но Анатолий словно не заметил моего настроения.

– Ты невнимательно слушала, и мы снова вернулись ко второму и третьему вопросу? Влахо – бессмертный! Если мне не изменяет память, в летописях он был описан как самый жестокий и безумный охотник...

– И... – Я развела руками и в сотый раз спросила: – Как все же он оказался в нашем времени? Ведь ты сам сказал, что тебя убили несколько дней назад, и... Влахо в этом участвовал!

Анатолий посмотрел мне в глаза задумчивым взглядом и спросил таким тоном, словно я была ребенком, а он моей мамочкой:

– Скажи, пожалуйста, а какие ассоциации у тебя вызывает слово «бессмертный»?

Я пожала плечами.

– Хочешь сказать, что он реально бессмертный?

– Именно. – Мой собеседник кивнул так серьезно, что у меня не осталось никаких сомнений – влипла! – И он будет жить столько, сколько захочет. Если только не попадется Детям леса. Ты, кстати, знаешь о них?

– Это кто – лесники? – Я все-таки не сдержала ухмылки. – Или замаскированная под отряд инквизиции партия Зеленых?

Призраку, видимо, тоже наш разговор показался веселым.

– Это – оборотни! – пояснил он, давясь беззвучным смехом.

– Бред какой-то! – пробормотала я, когда всеобщая истерия закончилась,

немного помолчала, пытаюсь собрать в кучу все услышанное, и наконец подвела итог: – Поправь меня, если ошибаюсь. Влахо – вампир. Поэтому живет четыреста лет. Убить его нельзя. А... еще есть какие-то оборотни... Медведи? Волки? И дневник... Но с ним вообще так просто не разберешься...

– Мне это не показалось бредом... – перебил меня Анатоль, задумчиво касаясь пальцами шеи. – Особенно когда один из них при встрече выкачал из меня всю кровь. Нет, не то чтобы я верил... Просто факты – упрямая вещь.

– На последний вопрос можешь не отвечать. – Не смогла удержаться я от сарказма. – Теперь понятно, какая опасность нам угрожает! Боже! Вампиры! Мечта всех современных девиц!

– Зря смеешься! – Мой призрачный собеседник помрачнел. – То, что я услышал в последние минуты жизни, мне смешным не показалось – они ищут «сосуд» для какой-то княгини!

– Сосуд?

– Тело смертного для поселения в нем бессмертной сущности, – с охотой пояснил он. – Я немного знаком с терминологией бессмертных и Детей леса.

– И ты думаешь, что одна из нас и есть этот... «сосуд»? Эй! – Я огляделась. Призрак исчез. – Анатоль? Где ты?

Хм... Что ж, побуду одна. Мне есть над чем подумать...

А для начала убедить себя, что наша беседа происходила в реальности!

Вскоре в коридоре послышались шаги.

– Маш... Ма-аш? Ты тут? – Скрипнула дверь, и в щель просунулся любопытный нос подруги. – Маш?

– Да тут я, тут! – Я со вздохом закрыла забытый ноутбук. Отчего-то накатила депрессия. – Тут. Андруш уже ушел?

Вера отчего-то смущенно улыбнулась и шагнула в спальню.

– Ушел... Машуль, ты, наверное, будешь меня осуждать, но... тут такое дело... Мы с Андрушем... В общем...

Она счастливо вздохнула и захлопнула дверь. Я вытаращила глаза, только сейчас разглядев на ней халат, надетый явно на голое тело. До меня начало доходить.

– Вер, скажи, что я ошибаюсь... Ты и Андруш?..

– Ага... – На лице подруги застыла довольная улыбка. – Я и Андруш... И... можешь сжечь меня за это на костре!

Глава одиннадцатая

Опять ты. Я уже забыла,
Как наши ночи были коротки.
Любила ль я тебя? О да. Любила!
Но я ушла. Теперь ты – уходи!

Меня разбудило легкое ритмичное постукивание, и сразу же возникла ассоциация с надоедливой птицей, решившей добыть червячка из нашего подоконника.

Не открывая глаз, я прислушалась.

Нет, не из нашего подоконника. Звук хоть и был четким, доносился приглушенно и... как будто снизу?

Рядом сонно вздохнули. Причмокнули.

Я распахнула глаза и рывком села. В открытое окно лился самый настоящий солнечный свет! Рядом, свернувшись калачиком, спала Вероника. Сразу припомнился вечер, а точнее, ночь.

Мы долго с ней разговаривали. От женских тем перешли на мистику. Я рассказала ей о том, что услышала от нашего призрачного друга, на что она посоветовала «не забивать голову – само все рассосется». Затем, как сейчас помню, на чердаке над нами что-то грохнуло, и послышались тяжелые шаги. Где-то совсем рядом, нагоняя жути, раздался скрип. Замерев от страха, мы вцепились друг в друга, не в силах оторвать взгляд от двери, но полночный гость, так и не заинтересовавшись двумя трясущимися от страха девицами, прошагал по коридору куда-то вниз. И все смолкло, как будто и не было.

Сколько мы с Веркой сидели, прислушиваясь, не знаю, но в конце концов уснули здесь же, на кровати.

Надоедливый стук, идущий откуда-то снизу, прекратился. Послышалось раскатистое «бо-о-ом», будто ударили в маленький гонг, и тут раздалось мурлыканье. Кто-то мягким баритоном принялся напевать незатейливую песенку!

Хм...

Осторожно, чтобы не разбудить подругу, я поднялась с кровати, подошла к двери и, бесшумно открыв ее, выглянула в коридор. Наш гость старательно выводил незнакомый грустный романс, а от доносившихся аппетитных запахов болезненно сжался желудок. Наверное, заботливый кавалер Вероники пришел, чтобы накормить нас завтраком.

Я ухмыльнулась.

Если мечтам Вероники в поисках богатого, красивого, с иностранной фамилией мужчины суждено сбыться, я была бы за нее только рада. Андруш хороший, и хоть красавцем его не назвать, очень милый! Но... имелось одно «но», которым я не рискнула поделиться с подругой – уж очень мне не нравились взгляды, которые он на нее бросал. Тяжелые, будто скрывающие какую-то тайну.

Выскользнув в коридор, я прикрыла за собой дверь и на мгновение остановилась, разглядывая открытую крышку ведущего на чердак люка. Интересно, кто же приходил к нам сегодня ночью таким оригинальным способом? А может быть тот, кто сейчас хозяйничает внизу, и есть наш таинственный гость?

Намереваясь выпытать у Андруша все, я бесшумно принялась спускаться

по лестнице и замерла, пораженная увиденным. У плиты, повязав на пояс синее полотенце, напевая песенку, колдовал Влад.

– Ты... – Я запнулась, пытаюсь справиться с бешено колотящимся сердцем. – Что ты тут делаешь?!

Он оглянулся. Смерил меня равнодушным взглядом, и его губ коснулась вежливая улыбка.

– Готовлю завтрак.

– С порцией стрихнина? – Я подошла и уселась на диван. А что? Все может быть. За этим типом нужен глаз да глаз.

– Боишься – не ешь. – Он бросил на скворчащую сковороду овощи, подхватил кусок мяса и ловко принялся разрезать его на мелкие кубики.

– Где ты научился готовить? – Я залюбовалась его отточенными движениями. Вскоре розоватые кусочки отправились вслед за овощами. Влад ополоснул руки и, отерев их о полотенце, обернулся ко мне.

– Не я научился – жизнь научила. Еще вопросы?

От такой отповеди все наваждение тут же исчезло. В душе зашевелилось раздражение, заставляя припомнить ему все!

– Да. Уж будь добр, сообщи мне, что ты вчера сделал с моим дневником?

– Я? – Он удивленно приподнял смоляную бровь, взял деревянную лопатку и принялся помешивать скворчащее варево. – Мне не нужна эта ветхая тетрадка.

– Во-первых, я тебе не верю. Во-вторых, дело тут даже не в тетрадке! – Я сложила руки на груди. – Она не украдена и более того – осталась прежней. Изменился только текст!

Влад холодно уставился на меня.

– Я не понимаю...

Хм... может, он действительно тут ни при чем? Тогда это точно дело рук барона!

– Сейчас объясню. Даже покажу на примере. – Я бросилась к сумке, достала дневник и, открыв, быстро пролистнула туда, где читала вчера.

– Например. В старой версии этого дневника здесь рассказывалось о том, как Влахо мчится домой, потому что его возлюбленную отдают замуж, но вчера, открыв его, я прочитала следующее...

«– Как твое имя? – поинтересовался я, шагая за ним вместе с Виктором. Он обернулся.

– Анатолий Вершин. Я здесь совсем недавно. Когда-то эмигрировал из России, был проводником в этих горах».

Вчитываясь в текст, я пролистнула несколько листов. Действительно, здесь было описано почти все то, что вчера рассказал мне Анатолий!

– Это наше время. Здесь рассказывается о том, как Влахо Вайнский вместе с неким Виктором украли из обители монаха и убили того самого Анатолия, который целым и невредимым пришел вместе с тобой в день нашего приезда. Тебе не кажется это странным? Да, кстати... вот еще интересный

момент...

«– Бери этого юнца, а я понесу монаха, – бросил Виктор, коснувшись носком туфли неподвижного тела, и поправил висевший на плече тюк. – Мальчишка пригодится мне. Пришла пора сменить внешность. К тому же отец созывает ужин. Андруш договорился о приезде наших долгожданных гостей. Чтобы не опоздать, скинем пададь в ущелье.

Он развернулся и направился к двери.

Я проводил Виктора взглядом, подхватил парня и, догнав его, возразил:

– Мы спрячем мальчишку в пещере, что видели неподалеку отсюда, а потом сожжем. Храбрость должна быть вознаграждена!

– Влахо, иногда я просто не могу поверить всему тому, что отец рассказывал о тебе. Где тот бесстрастный охотник? Где безжалостный убийца? Отчего ты так заботишься об этой шелухе? – Виктор пинком распахнул дверь дома и вышел. На улице он остановился и обернулся ко мне. Я даже на миг замер, глядя в глаза только что убитого им парня. Хамелеон. Талант, данный ему при обращении. Может стать тем, кого лишил жизни. – Не отвечай. Мне все равно. Делай, что хочешь, только избавь меня от своих утопических планов!

– Ненависть и отчаяние могут оправдать любое убийство. – Я обошел его и, придерживая ношу, направился к воротам скита. Когда я был у самой двери, она неожиданно распахнулась, и в обитель шагнул отец Ян. Точнее, его двойник.

– Вы... что... Что здесь происходит? Анатолий? А...

Не договорив, он рухнул мне под ноги. Трюк внезапного сна, показанный мне некогда бароном, я освоил в совершенстве.

– На твоём месте я бы лучше его прикончил. Мертвые никогда не нанесут удар в спину. – Со мной поравнялся Виктор и, перешагнув через монаха, вышел вон».

– Вот! – Я захлопнула дневник и уставилась Владу в глаза. – Что ты на это скажешь?

– А что я должен сказать? – Он нахмурился, но взгляда не отвел. – Отрывок из третьесортного бульварного чтива. Получается, ты променяла исторический экспонат великой ценности на чьи-то бредни?

– Это не бредни! – тут же бросилась я в наступление. Ненавижу, когда меня обвиняют в том, в чем я не виновата. – Это – мистика! Текст написан той же рукой, что и события четырехсотлетней давности! К тому же все, что я сейчас прочитала тебе, произошло на самом деле! У меня даже есть тому свидетель...

– Ты сама слышишь, что ты говоришь? – перебил меня Влад, в последний раз перемешал упоительно пахнущий завтрак и выключил плиту. – Какой свидетель?

Я уже собралась поведать ему о встрече с Анатодем, но сделать это мне не позволила неторопливо спускавшаяся по лестнице Вероника.

– О! Как вкусно пахнет! – Она на мгновение замерла, когда увидела рядом со мной Влада, и криво улыбнулась. – А... я думала, у нас в гостях Андруш, а у нас, оказывается, его новый шеф-повар? Или пока только поваренок?

Влад с улыбкой смотрел, как она спускается, но на последних словах вдруг презрительно скривился. Сдернув с пояса импровизированный фартук, он швырнул его на стул и, не озадачиваясь переводом, зло выпалил:

– Хозяин мотеля не самая лучшая партия, моя милая!

Вера остановилась на последней ступеньке и чуть прищурилась, разглядывая его. Затем приподняла вопросительно бровь и взглянула на меня.

– Мари, что сказал наш гость? Неужели он забыл, что я его не понимаю?

Я уже было открыла рот, чтобы перевести сказанную им более чем странную фразу, но Влад опередил меня.

– Дождь кончился, – бросил он мне. – Завтра на рассвете выходим. – Развернулся и, не прощаясь, вышел за дверь.

– Ма-аш?

Жаль, нельзя так же легко отделаться от подруги! Пришлось тактично переводить:

– Он, видимо, как-то понял то, что случилось вчера между тобой и Андрушем, и заявил, что: «Хозяин мотеля для тебя не самая лучшая партия»!

– Ха, ну надо же... А что – проводник лучше?

– Может быть... если выбирать чисто внешне... – Я покосилась на захлопнувшуюся за Владом дверь.

– Вот и забирай его себе. Чтобы никому не было обидно! – Вера подошла к плите и с блаженной улыбкой вдохнула идущий от сковороды аромат. – К тому же умеет готовить – что ценно!

– Во-первых, не люблю высокомерных типов, во-вторых, мы искренне друг друга не терпим, и, в-третьих, я сюда, в отличие от некоторых, приехала работать, чем и намерена сегодня заняться, так как завтра на рассвете мы отправляемся к замку!

Вера недоуменно нахмурилась, но по мере понимания сказанного ее глаза раскрывались все шире и шире.

– Мы все-таки идем к замку?!

– Дождь кончился! – Я развернулась к шкафчику с посудой и достала две тарелки. – Ну что? Попробуем то, что приготовил нам наш проводник? Надеюсь, у него не было приказа нас отравить?

– Зато у нас был бы повод не тащиться к каким-то там развалинам. – Вера тяжело вздохнула и обреченно уселась за стол.

И все-таки завтрак был великолепен. Под разговоры мы уплели все, что приготовил Влад. В довершение великолепного завтрака нам был предложен свежайший кофе и изумительная сдоба, что, смущаясь и мило краснея, принес Андруш.

– Я заходил утром. Вы спали. Потом я уезжал в город. Нужно было кое-

что купить к нашему походу.

– К нашему? – Вера усадила его за стол и устроилась рядом. – Ты идешь с нами?

– Да... – Андруш отчего-то помрачнел. – Завтра в шесть утра выходим.

– Отлично! Теперь меня этот экстрим точно не расстроит! – Вера с блаженной улыбкой положила голову ему на плечо и мурлыкнула: – После такой-то новости...

– Ладно... – Я поднялась. – Оставлю вас. Хочу пойти поработать. Кстати, Андруш, а с нами кто-нибудь еще идет, кроме тебя и нашего проводника?

– Я думал, что к началу похода успеет приехать барон и его сын, но... – Андруш старательно принялся намазывать булочку маслом. – Наверное, они встретят нас уже в замке.

И опять меня что-то царапнуло в его вроде бы искреннем ответе. Ладно.

Я развернулась и, прихватив дневник, направилась вверх. Нужно попробовать связаться с бабулей.

Ноутбук нашелся рядом с кроватью. Удобно устроившись на подушках, я открыла его и задумалась, глядя в приветливо засветившийся экран.

Так. Что на сегодняшний день мне известно? Влахо – по словам призрака Анатоля – бессмертный. Вампир? Смешно. Вампиров не существует! Впрочем, призраков тоже, но...

Нет! Если я стану так размышлять, то очень скоро смогу убедить себя, что у меня острая, неизлечимая, вирусная (подхваченная именно в этой поездке) шизофрения.

Значит, надо согласиться с очевидным. Анатолий – призрак. Если судить по дневнику, Влахо – бессмертный, и... значит, то, что говорил вчера Анатолий – может сбыться? Мы с Вероникой – «сосуды», что ищут вампиры для какой-то графини?

Бред! Ну, бред же!

Перед глазами встала строчка из дневника: *«Скоро отец созывает ужин. Уже договорился о приезде наших долгожданных гостей».*

Договорился отец... Барон? Значит, наш приезд действительно был запланирован? И дневник наверняка не просто так оказался в том хранилище? Они следили за нами. Возможно, давно!

Вспомнилось недоразумение между мной и Владом в наш самый первый вечер здесь:

«– Я слышал, что вы изучаете историю Вайнских князей? Почему? Вы сами принадлежите к этому роду?»

– Увы, не совсем так.

– Тогда откуда у вас подвеска Софии Вайнской?

– Бабушка подарила ее мне на совершеннолетие.

– Кажется, мы друг друга не поняли. Я говорил о Софии Вайнской, которую называли Кровавой Княгиней».

Откуда такой интерес к моей семье? Связано ли это с тем, что бабушка из

рода Вайн? А как они интересовались нашим родством и подвеской...

Неужели и бабушка как-то в этом замешана?!

От грозящего мне вывиха мозга отвлек видеозвонок.

– Бабуля! – Я припала к экрану. – Я так рада тебя видеть!

– Мари. – Она близоруко вгляделась в экран и, нацепив на нос очки, строго заговорила: – Что случилось? Успокойся и все мне расскажи!

Я постаралась изобразить улыбку, а сама в это время лихорадочно придумывала, что же ей сказать.

«Милая бабушка, кажется, твоя внучка – «сосуд» для какой-то кровавой княгини! Твоей прапрапрапрародственницы!»

Вот как ей сообщить о моих домыслах? Какие еще вампиры?

– Бабуль, все хорошо! Я просто очень по тебе соскучилась, а еще... у меня радостная новость! – Я выровняла дыхание и бодро закончила: – У нас закончился дождь, и завтра мы отправляемся к замку.

– Новость и вправду замечательная! Кстати, я кое-что узнала по интересующим тебя вопросам. Сегодня просидела всю ночь и перевела довольно любопытный и большой кусок текста. Знаешь, мне кажется, ты была права по поводу этого Влахо. Он действительно показался мне довольно странным. Им описывается какой-то странный ритуал, и еще... – бабушка замолчала, старательно протерла стекла очков пальцами. Надела очки и, тут же снова сдернув, положила их на стол. – Впрочем, не буду говорить – сама прочтешь. До завтра у тебя времени предостаточно. Мне осталось перевести совсем немного. Залитые кровью листы, конечно, пришлось отложить, но мне кажется, именно там таятся многие объяснения. Что касается интересующих тебя людей, в инете о них нашлось совсем немного. Барон Геминг состоит в одном из крупнейших обществ историков Европы, основанном им же. Его род очень древний. Исчисляется шестью веками. Все очень прилично. Анатолий Вершин обитает в соцсетях, но выходил в последний раз с неделю назад, а Андруш вообще мною нигде не замечен. Игорь Владимирович сказал, что о вашем приезде он разговаривал с бароном Гемингом, так как они старые знакомые, и тот пообещал, что все уладит. Значит, с Андрушем о вас говорил именно барон.

– А что с кулоном? – Я невольно зажала в кулаке багровый камень.

– Кулон лишь единожды встретился мне, отображенный на древней фреске, что доказывает его истинную ценность. Конечно, есть риск, что наше украшение – подделка, стилизованная под старину, но... не знаю! Посмотри сама. Вот ссылка. По моим вычислениям, изображенная здесь женщина – София Вайнская, мать князя по имени Владислав Вайнский. Уж не этот ли Владислав стал автором заинтересовавшего нас дневника?

Я щелкнула по ссылке и ошеломленно уставилась на портрет – точную копию моей бабушки. Точнее, на *очень молодую* точную копию моей бабушки. На ее груди багровел оплетенный черными руками камень в форме сердца.

– София Вайнская?

– Именно. По сопровождающей этот портрет легенде, она исчезла во время мятежа слуг в конце шестнадцатого века. А вместе с ней исчезли и ее дети. Написано, что их всех сожгли, но прибывшие к пылающему замку слуги церкви нашли останки лишь одного человека. Девушки. Я так и не поняла, кому из многочисленной семьи графини Вайнской повезло меньше всех.

– В смысле?

– По преданию, графиня сгорела вместе с сыном и двумя дочерьми, но, если верить откровениям церкви, это совсем не так. Впрочем, спросить не у кого. Все участники трагедии погибли почти пять сотен лет назад.

– А человек может прожить столько? – Затаив дыхание, я смотрела на бабушку, и мне хотелось оказаться рядом с ней в ее маленькой квартире, подальше от всех этих тайн. Держать в ладонях кружку с горячим чаем и слушать неиссякаемый поток легенд и сказаний о таинственной, прекрасной и такой далекой стране, где нет вампиров и призраков.

– Не думаю... но... как я теперь понимаю, в нашем мире может быть все, что угодно. А по поводу твоих страхов о призраках и подмене дневника – думаю, надо искать виновника среди своих.

– Понимаю. – Я заставила себя улыбнуться. – Конечно. Меня просто напугали, и я приняла увиденное за действительность. И еще... Хотела спросить, как быть с переводом? Я, конечно, возьму с собой ноутбук, но боюсь, что в горах могут начаться проблемы со связью.

– Ты сначала возьми его с собой, а там посмотрим. Кстати. Мне осталось совсем немного. Перевод труден, но все же я постараюсь к утру скинуть тебе недостающие фрагменты.

– Я тебя обожаю! – С губ сорвался вздох. Главное, разобраться, что произошло на самом деле. Если барон будет ждать нас в замке, значит, у меня есть время, чтобы выяснить все подробности и быть готовой к этой встрече.

– Не сомневаюсь. Я тоже тебя люблю. Рада, что смогла помочь. – Бабушка улыбнулась и отключилась.

Я снова вздохнула, стянула с волос резинку и причесала их пальцами. Конечно! Бабушка права! Я действительно попала под власть иллюзии и вижу то, что хочу видеть! И в дневнике все тот же текст (как может быть иначе?!), но я, отчего-то, его не вижу. И призрак – лишь свихнувшийся сын барона!

«Умеющий ходить сквозь кровать и исчезать!» – ехидно поддакнул всезнающий голос логики.

Как я ни пыталась уговорить себя поверить доводам бабушки, неопровержимые факты возвращали меня в реальность.

Н-да-а-а, все интереснее и интереснее...

А может, спросить Влада напрямую?

Я тут же отогнала эту мысль.

И что я скажу? Один призрак проболтался мне, что ты – вампир!

А вдруг у него от этого вопроса случится острый приступ голода, который он утолит особо догадливой девицей, лезущей не в свое дело?

Скачав текст, я открыла его и села читать...

Глава двенадцатая

Домой. Быстрой.
И пусть воскреснут души,
Что жизни лучшей
были лишены.
Влюблен я в смертную!
Но это много лучше,
Чем стать любовником
бессмертной тишины.

«Быстрее!

Быстрее!!!

Боль и невероятное волнение рвали душу на части, заставляя все чаще стегать по вороной, блестящей от капель пота шкуре скакуна, взятого в конюшне школы.

Домой!

Пусть матери разозлится. Ведь прошло всего три месяца!

Все равно.

Все равно! Только бы не жить с этой мучающей меня болью!

Иногда мне казалось, что Дорел специально пришел ко мне, чтобы рассказать все это. Чтобы порадоваться моему унижению! Моему отчаянию!

Я вновь стегнул уже хрипевшего жеребца. Ночь давно скрыла блики городских фонарей, но мне не было темно. Впереди вилась змеей залитая лунным светом дорога, блестевшая от недавно прошедшего дождя, а по бокам расстилались серые, покрытые жухлой травой поля.

Сколько еще скакать в этой промозглой мгле – неведомо. Но это и неважно! Главное, что я с каждым шагом, с каждым вздохом приближаюсь к Катарине!

Вскоре я различил сигнальные огни на воротах родового замка и позволил коню замедлить бег. Что делать? Возвратиться домой и завтра попытаться увидеться с любимой или попробовать преодолеть еще несколько миль до владений старой графини Мареш?

Достигнув перекрестка, я лишь на мгновение задумался, разглядывая громаду замка, и прищипорил жеребца, выбирая дорогу, ведущую к дому старой графини. Я должен увидеть любимую! Сегодня! Сейчас! И даже если старуха не откроет мне дверь, Катарина будет знать, что я здесь. Я вернулся к ней! Она – почувствует.

И вновь поля. И вновь дорога...

Вскоре по обе стороны от меня замелькали деревья.

Лес. Владения графини.

Каменный забор возник передо мной внезапно. Случайному путнику могло показаться, что он перегораживает дорогу и дальше пути нет, но стоило проехать еще немного, и можно было увидеть, что колея не прекращается, а резко сворачивает вбок и исчезает за углом поместья.

Подъехав к воротам, освещенным тусклым светом поскрипывающих на ветру светильников, я спешил, приблизился к ним и так врезал кулаком, что получился почти колокольный звон, какой можно услышать в деревенской часовенке во время пожара или нападения врагов.

Какое-то время ничего не происходило, и мной даже овладела сладостная робость. А ну как выйдет сама Катарина? Но мечты, вызывающие слабость в коленях, так и остались мечтами.

Я не услышал ни звука шагов, ни лая собак. Неприметная дверца вдруг бесшумно распахнулась, и я отступил, разглядывая шагнувший ко мне из темноты изящный силуэт. Женщина.

– Что тебе здесь нужно? – Этот тихий, бесстрастный голос я узнал сразу. Графиня собственной персоной. – Разве ты не в городе?

– Был. Но вернулся, чтобы не дать вам совершить ошибку. Услышал, что вы решили отдать Катарину замуж? МОЮ Катарину?!

– Она никогда не была твоей. И, дай бог, не будет. Я не позволю ей испортить наш род кровью выроodka! – В голосе старой графини прорезались гневные нотки. Впрочем, старой ее можно было назвать с натяжкой: идеальная фигура, строгая осанка, безупречные, чуть тронутые увяданием черты и абсолютно седые волосы. Сколько ей лет? – Пошел вон! И никогда не пытайся искать встречи с моей девочкой!

Ярость плеснула в сердце.

– Вы явно перепутали меня с тем, кому решили сосватать мою невесту! Еще никто и никогда не смел приказывать мне. Жаль, что нам суждено остаться врагами, но можете начинать уже сейчас привыкать к мысли о том, что наше родство неизбежно!

– Уходи! – Мне вдруг показалось, что ее глаза полыхнули странным желтоватым огнем. – Или умрешь!

Она развернулась и скрылась за дверцей, захлопнув ее передо мной.

Я заставил себя успокоиться.

Ярость и бессилие – не самые лучшие помощники для разума, а подумать мне сейчас не мешало. Как убедить эту каргу отдать мне Катарину? Как увидиться с любимой? Здесь ли она?

Взяв под уздцы обессиленного жеребца, я не стал садиться верхом. Развернулся и медленно направился по расхлябанной дороге прочь. Не видя луж, не замечая грязи. Только бы идти. Чтобы шагами заглушить злость, осевшую пеплом на кострище ярости.

Вскоре поместье Мареш скрылось в ночи, и я остался один на один с дорогой, трусившей рядом лошадью и любопытным глазом луны, следящей за

мной сквозь рваное рубище туч. Надо остановиться и дождаться рассвета. Возможно, встречу кого-то из селян, кто согласится передать весточку Катарине...

Я так задумался, что едва не упустил из вида мелькнувшее в придорожных кустах белое пятно. Сразу вспомнилась история, рассказанная Дорелом. Белый дьявол...

По спине пробежал холодок, заставляя меня сжать покрепче рукоять клинка и настороженно оглядеться. Деревья подходили совсем близко к дороге, но почти все – тонкоствольный молодняк. Плохо. Я даже не смогу защитить спину!

Словно в подтверждение опасений впереди послышалось короткое тьяканье, и звук снова поглотила тишина.

Я прижался к испуганно всхрипнувшему жеребцу, до боли в глазах вглядываясь в темноту.

Это всего лишь лиса! Неужто я с лисой не справлюсь?

Словно в ответ моим мыслям на дороге выпрыгнул белый зверь. Гораздо крупнее обычной лисы, но и не волк. Будто в насмешку надо мной послышалось знакомое тьяканье. На этот раз где-то сзади. Я стремительно развернулся и замер, растерянно разглядывая две его точные копии. Меня тут же сбили с ног. Я откатился, спасаясь от оскаленных морд, нашарил рядом еще теплую рукоять и принялся колоть наугад. Скулеж и короткий хрип подсказали, что клинок нашел жертву. Звери на миг отпрянули, замерли и тут же взбеженной, неистовой волной накатились, подмяли под себя.

Сколько их? Сто? Тысяча? Рука совсем скоро устала колоть и резать, но меньше этих тварей не становилось. Их укусы горели, словно клейма раскаленного тавра, и приводили в бессильную ярость, а в голове билась равнодушная мысль: «Глупо! Как же глупо погибнуть вот так!»

Все закончилось так же внезапно, как и началось. Лисы белыми призраками, облаками тумана в мгновение ока растворились среди деревьев.

Морщась от боли, я с трудом сел. Никогда в жизни не чувствовал себя таким слабым! Таким ничтожным!

Лошадь сбежала.

Одежда порвана.

Я даже подняться не могу! Видимо, какой-то зверь всерьез наметил меня себе на ужин. Но самым мерзким было другое! Меня мутило, а перед глазами все плыло так, словно я перебрал вина.

Не выдержав, я снова лег на землю и, кажется, отключился.

Меня заставили очнуться легкие шаги. Совсем близко... Приоткрыв глаза, я сквозь веки увидел, как надо мной склонилась одетая в белые одежды фигура. Нереальность сводила с ума. Наверное, от укусов у меня начался жар, и как следствие – видения. А может, пришло мое время, и ко мне спустился ангел?

– Владислав... Любимый...

– Катарина? – Глаза распахнулись сами собой, а ощущение нереальности

усилилось. Ну, точно, видения! Откуда взяться в лесной чаще ночью моей любимой?

– Вставай. Пойдем!

Я ощутил тепло и реальность ладони, сжавшей мою руку.

Прикусив губу до крови, я усилием воли заставил себя подняться. Боль была везде. Нет, не так. Я сам стал этой болью.

Мою талию обвила гибкая девичья рука. Опираясь на спасительницу, я сделал шаг. Еще. Еще.

– Куда ты меня ведешь? – Вырвавшийся хрип трудно было назвать голосом. Я невольно коснулся на удивление целого и невредимого горла. Только чудо не позволило белым тварям добраться до моей глотки. Или... что-то заставило их оставить меня в живых?

– Тут недалеко ручей! Нужно промыть раны. Вымыть из них яд. Пока не поздно. – Катарина крепче обняла меня за талию и повела куда-то в лес.

Сколько мы шли – не знаю. Реальность не раз ускользала от меня. Не прекращая шагать как заведенный, я несколько раз проваливался в забытие, затем вновь возвращался в этот мир. Казалось, мы идем вечно. Огонь из ран проник мне в кровь и теперь жег изнутри. И хотелось лишь одного – смерти.

В лицо плеснули ледяной водой, заставляя очнуться и жить. Я распахнул глаза и уставился в глаза любимой. Жжение почти исчезло. Осталась лишь зудящая боль, но я уже знал – очень скоро пройдет и она.

– Катарина... – мой голос еще был хриплым, но я уже мог его узнать.

– Владислав... Влахо... – Она всхлипнула и улыбнулась. – Я думала, не успею. Бабушка ничего не может от меня скрыть. Я научилась видеть ее мысли. Она сказала, что приходили за ночлегом путники, но я увидела твое лицо. Она сказала, что дала им еды и отправила восвояси, а я увидела стаю, что уже идет по твоим следам. Бабушка не приказывала им убить тебя. Она лишь хотела, чтобы тебя напугали, но... я почувствовала твою боль и поняла, что ты можешь не дожить до утра.

Я поморщился, сел и огляделся.

– Где я? – Вместо темного неба надо мной нависал опутанный корнями потолок. Свет шел из крошечной дыры где-то сбоку. Лежанка из травы покрыта грубой холстиной, а на плечах холстина, служившая мне одеялом, – вот и весь скудный скarb. – Что это?

– Это нора. – Катарина улыбнулась. – В лесу таких много. Удобно. Позволяет прятаться от охотников господжи... – Она помрачнела, но все же произнесла имя моей матери. – Господжи Софии. Почти все норы сообщаются между собой узкими ходами. Так удобно путать следы. Но есть и просто норы. Они – дом для тех, кого застало полнолуние. Влахо, ты должен уходить. Скоро рассвет. Я дам тебе другую одежду. Пусть не такую изысканную, как была у тебя, но...

– Катарина... Кэти! – Я прижал ее к себе. – Я ничего не понимаю.

Возможно, это последствие укусов, но мне кажется, ты говоришь на другом языке. Меня не было всего три месяца, а ты так изменилась... Все изменилось!

Я вдруг вспомнил. Отстранился.

– Ты выходишь замуж?

Она отвела взгляд.

– Так решила бабушка. Она боится тебя. Считает, что твой род проклят и если мы будем вместе, я погибну. Она нашла мне жениха из стаи. Но... я не люблю его. К тому же он из пленников Луны. Каждый месяц, почти целую неделю, он будет во власти ее чар...

– Подожди. – Я осознавал, что какая-то важная истина ускользает от моего понимания, но душу грело лишь одно – она не любит жениха! Значит, ничто и никто не помешает нам! Мы друг с другом так давно, что просто невозможно представить ее с другим... Невозможно! – Пожалуйста, объясни, кто эти лисы? Дети леса, пленники Луны... – Я помолчал и, запинаясь, выпалил: – об...оборотни?

Катарина кивнула и уставилась мне в глаза. Я замер, пораженный догадкой.

– И графиня Мареш? И... ты?

Она качнула головой.

– Я – нет. В стае говорят, что, только желая этого больше всего на свете, можно стать детищем луны. Я – не хочу. А вот бабушка... Бабушка – да. Она душа и сердце всей стаи. Она твердит, что издавна Дети леса ведут войну с какими-то заклятыми врагами, и ты один из них. Смешно... – Катарина усмехнулась и вдруг прижалась ко мне. – Ты – и враг?

– Давай убежим? – Я обнял ее. – Туда, где нет врагов. Туда, где нас никто не найдет...

– Давай. – Она подняла на меня слишком серьезный взгляд. – Но только не сейчас. В полнолуние все оборотни сильны как никогда. Надо дожждаться, когда луна пойдет на убыль. В конце месяца есть несколько темных ночей, когда луна не показывается вообще. Дни Гекаты. В эти дни все становятся обычными людьми, и стая теряет силу. Именно тогда нужно отправляться в путь. Если не останавливаться на ночлег, мы сможем убежать очень далеко и затаиться там, где нас никто не найдет. Только пообещай, что до того времени ты не придешь сюда. Я сама дам тебе знак. Мы встретимся у старой мельницы, а бабушке я сегодня же скажу, что между тобой и мной все кончено. Это притупит ее бдительность.

– Зачем нам лгать? Неужели нельзя поставить ее перед фактом? – Мне вдруг вспомнился подслушанный разговор в старом доме. Тот длинный человек тоже не хотел, чтобы мы с Кэти были вместе, но... может, это был приказ графини? – Впрочем, ты права. Ради тебя я готов на все... Даже ждать. Даже лгать!

Ее губки улыбнулись, приблизились, и все беды растворились в волнующем поцелуе. Я стиснул ее в объятиях, наслаждаясь тем, что она со мной и так

близка, и так желанна, так податлива моим ласкам...

– Влад... Нет. – Ее голосок заставил меня очнуться. Мучительная страсть медленно отступала, освобождая разум. – Не сейчас. Если между нами что-то произойдет, бабушка это почувствует и не поверит моим словам о нашем разрыве. Подожди. Всего несколько дней. И мы будем принадлежать друг другу вечно.

Я заставил себя улыбнуться и отвел взгляд. К ноющим укусам прибавилась еще и эта боль...

Катарина поднялась.

– Я принесу одежду и провожу тебя до перекрестка. Там тебя ждет лошадь».

Глава тринадцатая

Сегодня я пришел,
чтобы открыть Вам тайну
Моей вселенной.
Мой центр бытия.
Сегодня я хотел
навек остаться с Вами,
Но Вы, как прежде,
не заметили меня.

– Как люди жили... Как тонко чувствовали! – Ехидный голос нашего проводника заставил меня зло скрипнуть зубами и с сожалением закрыть ноутбук. Принесло!

– Внимательно тебя слушаю. – Я обернулась к нему. Он сидел чуть позади меня, удобно привалившись к спинке кровати. Интересно, как он умудряется так бесшумно ходить?

– Прости, что без стука. Вероника с Андрушем куда-то ушли, наверное, готовятся к походу. Морально. А я нашел тебя здесь и... решил не отрывать от увлекательного чтения.

– Во-первых, это, не чтение! – Я поднялась. – Это – документ. Кстати, факты и события из того самого дневника, что вы с бароном так жаждете у меня стащить! Только, прошу, не спрашивай, как он у меня снова оказался. Не поймешь, а объяснять мне некогда.

– Да мне, если честно, все равно. Если интересно ворошить грязное, истлевшее, замечь, чужое белье – кто не дает? – Он с наслаждением вытянулся на кровати и зевнул. – Я здесь с тем же предложением, какое высказал Андруш твоей подруге, прежде чем они уединились в Хозяйском доме.

Я нахмурилась.

– Что-то я не поняла общий смысл фразы...

Парень легко вскочил и протянул мне руку.

– Пойдем собирать вещи! Заодно поговорим. Подготовимся к походу. А ты о чем подумала?

Я передернула плечами.

– Сказала бы, но ты не поймешь... – Демонстративно не заметив его руки, я взяла ноутбук и первой вышла за дверь.

– К слову... – Он догнал меня и пошел рядом. – С самого первого дня между нами возникло некое напряжение...

– Ты хочешь извиниться? – Сбежав по лестнице, я обернулась. Слишком быстро, чтобы не заметить его взгляд. Тяжелый... Полный не то ненависти, не то боли. Взгляд, который он поспешил спрятать за безразличной усмешкой.

– Нет. Лишь хочу сказать – в горах всякое может случиться. Мне неважно, как ты относишься ко мне, главное, чтобы ты научилась слушаться проводника. Никаких вольностей! Иначе за вашу безопасность я не отвечаю. Да... и не помешает немного уважения. – Он прошел к дивану и уселся, бесперемонно разглядывая меня.

Если бы все это было сказано по-другому, у меня не возникло бы желания перечить, но сейчас...

– Думаю, все будет зависеть от самого проводника. – Я прошла к окну и несколько минут простояла в ожидании колкого ответа, глядя на солнечный день. Бутоны цветущих повсюду роз сияли разноцветными брызгами солнечных лучей, отражающихся в еще не высохших каплях дождя, словно гранями драгоценных бриллиантов. Ответа не последовало.

Хм... На него это не похоже!

Я развернулась и смело встретила тревожащий меня взгляд.

– И это вся твоя хваленая подготовка? Ради пары банальных фраз ты оторвал меня от важной работы?

Влад помрачнел, но тему не поддержал. Поднялся, заглянул в бар и, достав оттуда бутылку вина, направился к столу.

– Не против? Вино столетней выдержки.

– Боже, какой раритет. Только... зачем открывать его сейчас? – Не сводя с него взгляда, я тоже прошла к столу, села и положила рядом ноутбук. На всякий случай. Как-то странно Влад сегодня себя ведет. Такое впечатление, что ему что-то от меня нужно...

– Для понимания. Тем более, вино все равно принадлежит Андрушу. – Он ловко вкрутил штопор и дернул. – Итак? Тост?

Я мстительно улыбнулась.

– Я воздержусь. Мне сегодня еще предстоит много работы. Итак?

Чуть прикусив губу, он опустил взгляд, то ли сдерживаясь, чтобы не выругаться, то ли чтобы не рассмеяться.

– Хорошо. Как пожелаешь. – Он взял бокал, демонстративно плеснул в него рубиновую густую жидкость и одним глотком выпил. После чего ногой отодвинул табурет и опустился за стол напротив меня. – Восхитительный букет.

Просто нектар! Кстати, кажется, из виноградников княжества Вайн.

– Ты меня задерживаешь... – Никогда так искусно не изображала стерву и уж тем более не получала от этого такого удовольствия, как с ним. А все для того, чтобы скрыть озноб, что случался со мной всегда, когда он был рядом. Почему он так на меня действует?

– Прости. – Он вдруг стал серьезным. – Не знал, с чего начать... Хочу спросить о твоём украшении. Все, что ты знаешь о нем, интересует меня.

В груди стало холодно и пусто. Значит, его интересует украшение... А на что я надеялась?

Я пожала плечами.

– Хорошо, расскажу. Это подарок. От бабушки. Ей оно досталось от ее матери, а та, надо полагать, нелегально ввезла его в Советский Союз. Кажется, во время войны. – Я посмотрела на него в упор и провела пальцами по гладкой, теплой поверхности камня. – А если ты или барон решились претендовать на него, то вам предстоит международный скандал и суд со всей моей многочисленной семьей. Мы родовые ценности просто так не отдаем!

Пусть думает, что хочет! Хоть то, что у меня в роду мафиозный клан, но бабушкин подарок я не отдам. Никому!

Он усмехнулся, чуть качнул головой, словно удивляясь или наоборот – не веря ни единому моему слову, и вновь плеснул на дно бокала бордовую жидкость.

– А ты знаешь, что с этим украшением связана легенда? Даже не легенда – предание. Могу рассказать! – И не дожидаясь моего согласия, поведал: – Когда-то давно жила в этих землях графиня. Жестокая, своевластная. Отверженная всем миром. У нее был сын, который всей душой полюбил девушку другого рода. И пошел наперекор матери. Тогда она решила убить неугодную. И сделать это руками сына. – Он замолчал, глотком выпил вино и отставил бокал.

– И что было дальше? – Я, не отрываясь, смотрела на него. Он поднял на меня взгляд. Такой же, как был у него тогда, когда он думал, что я на него не смотрю.

– Дальше? – Он усмехнулся. – Он убил любимую. Не осознавая этого и не желая ей смерти, а когда понял, что по вине родной матери лишился души и сердца, умер сам. А на месте их могил появилось два таких камня. Говорят, в них кровь влюбленных. Один сделали в обрамлении серебра, в честь девушки, второй – заковали в золото, в память о юноше. И... никто не посягает на твое сокровище, Мария. – Влад поднялся. – Мне просто стало любопытно, знаешь ли ты эту легенду.

Я тоже поднялась.

– Интересно, а...

– Что? – И снова в его глазах плещется холодное, циничное равнодушие!

– Ты... – Господи, что же сказать-то? И почему так холодеют руки? – Кажется, ты хотел поговорить, и надо думать, проинструктировать меня о будущем походе...

Он взял бутылку, и на его губах вновь появилась ненавистная мне ухмылка.

– Так я вроде тебя уже проинструктировал. Безграничное доверие, а также океан уважения к своему проводнику – и путь ваш будет беззаботен и быстр. А что касается сбора вещей – тут я тебе не советчик. Но помни: чем больше возьмешь – тем тяжелее понесешь! В походе каждый сам за себя!

Он развернулся и направился к выходу.

– Стой! – Ну почему, как только я хочу хоть немного его понять, он начинает вести себя как прожженный циник? Чувствуя, что меня начинает потряхивать от злости, я огляделась, судорожно придумывая, что ему ответить. – Ты... ты забрал бутылку коллекционного вина!

Влад остановился на пороге, демонстративно приложился к горлышку и, сделав большой глоток, отсалютовал мне присвоенной бутылкой.

– Ага. Пойду отмечу последний беззаботный день. Не смею мешать. Кажется, тебя сегодня ждет много работы? До завтра. Приду за вами страшно поздно – в шесть утра.

– А... – Так. Что это со мной? Я, кажется, хочу его задержать? – Сегодня разве не будет посиделок в Хозяйском доме?

– Увы. Боюсь тебя разочаровать, но утром почти все уехали. Хотя кое-кто обещал посетить замок Вайн к нашему прибытию. – Он вдруг поклонился и, театрально щелкнув каблуками, выпалил: – Не смею более задерживать! Тебя ведь ждет незабываемый день в компании с истлевшими тайнами.

Я какое-то время смотрела на захлопнувшуюся за ним дверь, подошла к столу и открыла ноутбук. Хам, нахал и самовлюбленный тип! О! Забыла! Еще и пьяница!

Какое-то время я пялилась в экран и ничего не видела, затем усилием воли отогнала вертевшийся в памяти разговор и открыла недочитанный файл.

«В ответ на мой стук почти сразу же распахнулась створка ворот.

– Пошел прочь, бродяга... – Ко мне шагнул один из стражей замка, но, едва узнав меня, подавился словом и залебезил: – Господин Владислав! Простите, виноват! Обознался. Много ходит тут... Прошу. Проходите. Доложить ли госпоже?

– Не надо. – Я перекинул ногу и, чуть поморщившись от отголоска боли, спешил. – Я пойду к себе. Позаботься о лошади.

Слуга еще раз поклонился и бросился выполнять приказание. Не замечая удивленных взглядов слуг, я пересек двор, направляясь к дверям замка. Открыв одну створку, я вошел, и когда она захлопнулась за мной, даже на миг замер. Словно крышка гроба. Впервые мне захотелось снова сесть в седло и бежать отсюда как можно дальше!

Всегда, как бы я ни злился на сестер и матери, здесь я чувствовал себя дома. Под защитой. Что же изменилось?

Пройдя богатый, сияющий позолотой роскошный холл, я вышел в

украшенный гобеленами коридор, что вскоре привел меня на лестницу. На втором этаже располагались спальни матери и сестер. Моя комната находилась этажом выше, рядом с тайным залом.

Мальчишкой я радовался тому, что мог там укрыться, и, сидя на узком подоконнике, любовался звездным небом.

– Влахо?

Я сбился с шага, услышав ледяной голос матери, и поднял взгляд. Она бесшумно спускалась мне навстречу.

– Мое почтение, госпожа.

Как же не вовремя мы встретились!

– Что на тебе надето? – Мати остановилась, поджидая, когда я поднимусь.

– Когда я возвращался домой, на меня напали лисы, – бросил я, когда мы поравнялись. – Мне дали это рубище крестьяне.

Глаза матери опасно сузились.

– Ты ранен?

Я кивнул.

– Да, но укусы уже почти не беспокоят.

– Немедленно идем со мной! – Не оглядываясь, она заторопилась вверх по лестнице и, когда перед нами открылась арка коридора, ведущего в ее покои, свернула. Я направился за ней. Конечно, я мог послушаться, время моего безоговорочного послушания минуло, но мне стало интересно, отчего моя более чем сдержанная мать так взволновалась. Распахнув двери в свои покои, она буквально втолкнула меня, вошла следом и, захлопнув створки, приказала: – Раздевайся.

Я стянул грубую холщовую рубаху и посмотрел на матери. Она, с непривычной заботой касаясь меня ледяными пальцами, оглядела нестерпимо начинающие чесаться следы лисьих укусов и удовлетворенно кивнула.

– Тебе обработали раны в Лисьем источнике? Хорошо, но на всякий случай – выпей это. – Пройдя к резному шкафчику, она открыла его и, взяв бутылочку из темного стекла, протянула мне.

Я взял предложенное лекарство и, морщась от резкого запаха, выпил. Закашлялся.

– Что это?

Мати улыбнулась.

– Противоядие. Лекарство от бешенства. Как ты понял, почти все лисы заражены этим недугом. Неужели я позволю собственному сыну подхватить болезнь отребья? Кстати, почему ты здесь?

Я облизнул губы и посмотрел ей в глаза.

– Соскучился.

– Не буду спрашивать, по кому. Не хочу разочароваться. – Ее тонких губ коснулась тень улыбки. – Ступай к себе. Отдохни. Это твой дом, и ты волен возвращаться сюда, когда пожелаешь. И на сколько пожелаешь.

Опешив от такой заботы, я развернулся и направился к двери. На пороге меня вновь остановил ее голос.

– Через два дня полнолуние. Я созвала гостей. Будет бал. Надеюсь, ты будешь присутствовать?

Не ответив, я шагнул за порог и плотно прикрыл за собою дверь. Ненавижу все эти сборища и матушкиных гостей – прожигающих жизнь ублюдков! Ненавижу этот дурацкий обычай: каждое полнолуние устраивать бал! Впрочем, на этот раз я сам виноват, что стану свидетелем очередного шабаша. Значит, придется терпеть!

После выпитого зелья я едва доплелся до комнаты, повалился на кровать и почти сразу же впал в забытие. Очнулся я только к вечеру следующего дня, полный сил и бодрости. Ничего не болело, не чесалось и не ныло. Более того – укусы исчезли, словно нападение оборотней было кошмарным сном! Чудо! Ради такого чудесного исцеления я даже готов простить матери ее очередной бал. И может, даже пойду на него. Хотя бы ради того, чтобы узнать все последние сплетни. Может, доведется что-нибудь услышать о нареченном Катарины? Всегда нужно знать врагов в лицо. Или в морду? До сих пор не могу поверить в откровения Кэти – оборотни! А если есть оборотни, значит, могут быть и другие мифические твари?

Мне вспомнился день убийства отца Катарины и откровение священника. Вурдалаки? Вампиры?

– Господин? – голос молоденькой служанки заставил меня очнуться от размышлений. – Княгиня София просила передать вам еду и лекарство.

– Спасибо, Марыся. – Я приветливо улыбнулся девчонке, но от этого она, кажется, смутилась еще больше. Торопливо поставив блюдо с едой и бутылочку с лекарством на стол, девчонка выбежала вон.

И-да-а, за четыре года, что меня не было дома, княгиня почти полностью сменила прислугу, и теперь многие боялись меня так же, как боялись матери и сестер. Жаль.

Почувствовав зверский голод, я накинусь на еду, словно не ел лет сто. Когда блюдо опустело, я пожалел, что не попросил у девчонки воды или вина. Взгляд упал на бутылочку с лекарством. Горькое. Но мучительная жажда была хуже.

Открыв, я выпил настой до дна и почти сразу же почувствовал наползающее на меня знакомое сонное состояние. Но сейчас я даже был рад сну. Еще одним днем короче разлука с Катариной.

В следующий раз я проснулся, когда звездный шатер занавесил небо. Интересно, это вечер следующего дня или... Зелье матери вернуло мне силу и бодрость, но абсолютно забрало способность ориентироваться во времени. Сколько дней уже прошло, как я здесь?

Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать. С улицы донесся цокот копыт. Голоса. Грохнула створка ворот. Я подошел к окну. В мятущемся свете факелов я увидел, как во дворе замка спешились несколько мужчин. Сердце

заколотилось от волнения. Долговязую фигуру странного незнакомца я узнал сразу же, а вот остальных, как ни старался, припомнить не смог.

Бал полнолуния! Ну, конечно!

Значит, я проспал двое суток. Что ж. После этого балагана надо будет попросить у матери еще этого сонного зелья. Время во сне летит стремительно и незаметно, приближая меня к тому часу, когда я смогу обнять Катарину.

Странно, почему я не слышу звуков музыки?

Вскоре дверь распахнулась, и ко мне вошла сестра. Вероника. От близняшек я никогда не видел ни заботы, ни доброты, но Вероника была куда более благосклонна ко мне, нежели Гертруда. Я даже искренне был рад, когда в прошлый мой приезд матери сообщила о ее помолвке с сыном богатого столичного вельможи, владевшим несколькими тавернами и пятью постоянными дворами. Сестра достойна счастья и свободы!

– Проснулся? – Она коротко улыбнулась, бросила на кровать черный,шитый золотом костюм и белоснежную тончайшую батистовую рубашку. – Вот. Быстро снимай рубище, переодевайся и приходи в зал. Тебя ждут!

– Не уверен, что хочу этого... – Я отвернулся к окну. Двор уже снова был пустынен и тих.

– А тебя никто и не спрашивает! – Тут же вспыхнула она, и вдруг в ее голосе прорезались просящие нотки: – Влахо, поверь, тебе станет гораздо легче жить, если ты посетишь этот бал. Тебя ждет огромный сюрприз!

– Ненавижу сюрпризы! – буркнул я, не оборачиваясь. Интересно, с чего к моей персоне такой интерес?

– Ах ты, капризный ублюдок! Ты недостойн быть посвященным в тайну нашего рода! Немедленно собирайся! Или я отправлю за тобой Гертруду, а она не такая добрая, как я! – Позади хлопнула дверь.

Я улыбнулся.

Взбалмошная, непредсказуемая Вероника внешне была точной копией своей жестокой, бесстрастной сестры Гертруды, но я их ни разу не перепутал.

Что ж, пора переодеваться.

– Влахо? – властный голос матери прозвучал в моей комнате, когда я уже поправлял ворот рубашки. – Ты готов?

Я поморщился.

– Я не люблю, когда меня так называют.

Она как всегда пропустила мое замечание мимо ушей.

– Сегодня необычный прием. Приглашены люди одного тайного общества. Я бы очень хотела тебя с ними познакомить!

Торжественность, плеснувшая в ее голосе, и сказанное ею заставили меня насторожиться. Снова возникла паническая мысль – бежать! Но я заставил себя оставаться невозмутимым.

– Что еще за общество?

– Они называют себя Бессмертными. Я тоже состою в нем. Уже много

лет. Я стала одной из них задолго до твоего рождения. И твои сестры. И мой брат.

– Ваш брат? Но... вы никогда не говорили мне о нем! – Вот это новости! Бессмертные родственники... – Или вы стыдитесь его?

– Не делай поспешных выводов, сын. Мой брат возглавляет это общество уже давно. И сегодня настал день, когда ты должен с ним познакомиться.

Мати развернулась и вышла, всем видом приказывая следовать за ней.

С кем познакомиться? С обществом или новоявленным дядюшкой?

Я поправил ножны, в которых, придавая уверенности, прятался кинжал с черненым лезвием, и вышел следом.

В зале было непривычно тихо: не играла музыка, да и ниша музыкантов была пуста. У стола с бокалами, наполненными темно-рубиновым вином, стояли, о чем-то переговариваясь, несколько прибывших мужчин, среди которых я сразу же узнал высокого, худощавого знакомого матери. Увидев нас, они прервали беседу и чуть склонили головы в приветственном поклоне, а долговязый направился к нам.

– София... – он коснулся губами ее белоснежного лба. – Счастлив снова видеть тебя, сестра.

Мати улыбнулась и взглянула на меня.

– Владислав, это мой брат. Его имя в миру – барон Геминг. Ты уже виделся с ним. И не раз. Тебя ему я представлять не буду. Он знал тебя с самого рождения. Ты и родился лишь по его воле.

– Наконец-то! – Барон улыбнулся. – Рад быть представленным тебе, Владислав Вайнский. И рад тому, что сегодня случится.

– Чувствую себя рождественским поросенком, – холодно процедил я. – Может, все же расскажете, как меня подадут – в белом вине или с хреном?

После того, что я услышал в заброшенном доме, знание нашего родства только усилило злость. Что ему нужно от меня? От Катарины? От нас?

Барон благодушно кивнул.

– Расскажу. Только сначала позволь поведать тебе одно пророчество. – Он помолчал и начал рассказ: – Все мы живем в богатом, благодатном, мирном краю, но мало кто из нас знает о войне, непрекращающейся вот уже несколько столетий. Войне между бессмертными и Детьми леса, как они сами себя называют. И хотя делить нам совершенно нечего, эта ненависть сидит в наших душах. Однажды ведьма предсказала рождение особенного ребенка. Дитя света и тьмы. Говорили, он сможет остановить войну... Девятнадцать лет назад однажды ночью под своды этого замка въехал рыцарь Бога. Его встретила твоя мать. Она поведала ему, что осталась совсем одна с двумя детьми, и израненная душа воина дрогнула от печали, сквозившей в ее голосе, а сердце воспылало любовью к ее утонченным чертам. Воин вдруг поверил, что его путь закончен и он нашел свою пристань, но он не знал, что в его избраннице течет кровь бессмертных.

Барон помолчал, не сводя с меня взгляда. Словно чего-то ждал. И

наконец, заговорил:

– Теперь ты понимаешь свое предназначение?

Я недоуменно нахмурился. Огляделся. Все взгляды были прикованы ко мне. Что, черт возьми, я должен понять?

И тут меня осенило.

– Это я? Ребенок-мессия, в ком течет кровь священника и бессмертной – я?! Сын матери и... – Перед глазами встало лицо отца Яна. Вспомнились его слова: «Когда-то давно я тоже жил под древними сводами гордого замка. Пока не понял своего истинного предназначения. И тогда я ушел. Для того, чтобы сражаться с адскими тварями, вселившимися в слабые тела подверженных грехам смертных». – Отец Ян – мой отец?

Подтверждением моей истины были изумленно распахнутые глаза матери.

– Кто посмел рассказать тебе эту чушь?!

Впервые в жизни я увидел на ее бесстрастном лице хоть какие-то эмоции.

– Он сам. Я встретился с ним лично перед отъездом. В день, когда на имение отца Катарины напали вурдалаки. – Я посмотрел в упор в белесые глаза барона и выхватил кинжал. – Узнаешь? Теперь я понимаю, что не зря он отдал мне клинок... Бессмертные! Вам меня не получить!

– Не горячись. – Барон усмехнулся. – Не забывай, даже если я не проведу этот обряд, в тебе УЖЕ течет кровь бессмертного. Хочешь ты того или нет, ты – полукровка.

Барон едва заметно кивнул, и стоявшие позади него мужчины молчаливыми тенями бросились ко мне с далеко не мирными намерениями. Отпрыгнув в сторону, я пропустил выпад одного из них, развернулся и по рукоять всадил другому кинжал в горло. На его лице появилось искреннее изумление. Он скривился от невыносимой боли и двумя руками вцепился в торчащую из горла рукоять. Я отступил, во все глаза глядя, как человек, что должен быть уже мертв, рывком выдернул из горла мой клинок. Отбросив оружие, он, кровоточа раной, уверенно направился ко мне, а я продолжал отступать. В голове не осталось ни одной мысли, только вопрос – почему?

Почему я?!

Вдруг моя нога во что-то уперлась. Резкий удар в грудь выбил дыхание, заставив почувствовать себя рыбой, выброшенной на берег. Беспомощно взмахнув руками, я покачнулся и, хватая ртом воздух, рухнул на спину. Надо мной навис барон. Резанул длинным ногтем, точно ножом, по своему запястью, и в мой распахнутый в беззвучном крике рот полилась его кровь. Я закашлялся, дернулся, пытаюсь перевернуться и избавиться от этой жгущей горло мерзости, но его помощники прижали меня к земле, затем ядовитый огонь просочился внутрь, охватывая всего меня. Не в силах терпеть адскую боль, я провалился в спасительное беспамятство...

А может быть, умер?»

Глава четырнадцатая

Узнаю ли тебя в ночи безлунной,
В пленяющем горячем бреду?
Найду ль тебя в толпе я многолюдной
Иль мимо вечной странницей пройду?

В углу экрана появился белый конверт и призывно замигал. Я с трудом оторвалась от текста и огляделась. Тени уже притаились по углам, а за окнами багровел закат.

Ого! Не заметила, как прошел день! И что самое удивительное – мне никто не мешал! Вера исчезла в неизвестном направлении еще утром, Андруш наверняка с ней, ну а Влад после бутылки раритетного вина, надеюсь, уже видит пятый сон!

Я щелкнула по конверту и улыбнулась.

Бабушка!

«Мари, у меня барахлит Интернет, поэтому сразу скидываю тебе все, что удалось перевести. Выводы неутешительные, но это объяснимо. В Средние века было очень много эпидемий. В том числе бешенство и заболевания крови. Не стоит лезть в мистику. Поэтому – итог. Работай спокойно, никаких бессмертных вампиров, оборотней и привидений не существует. Нам с тобой довелось ознакомиться с дневником душевнобольного человека. Только и всего. Но кое-что почерпнуть о быте и культуре того времени получилось, а значит, с работой мы справились. Остается замок. Думаю, для тебя это окажется просто приятной экскурсией. Очень хотелось бы составить тебе компанию, но...

Удачи. И возьми с собой ноутбук. Вдруг получится в скором времени выйти на связь? Люблю. Твоя бабушка София».

Какое-то время я сидела, перечитывая письмо, затем сохранила высланные ею файлы и поднялась.

Надо хоть чаю попить.

В душе появилось чувство стойкого разочарования. Как неприятный душок в идеально чистой, благоухающей цветами комнате.

А может, я действительно слишком увлеклась? И бабушка права? Какие бессмертные? Какие оборотни? Просто... ролевые игры! Народ тогда так развлекался – вот и все! А у Влаха снесло крышу на почве этих игр. И все! И ВСЕ!

Почему тогда мне так обидно?

Вода закипела. Я открыла дверцы шкафа, внимательно изучила скрывавшееся за ними изобилие. Взяла коробку чая и какие-то крекеры. Плеснув в кружку кипятка, бросила в нее пакетик ароматного чая, уселась за

стол и уже поднесла напиток к губам, как дверь по-хозяйски распахнулась, и в дом ввалились Андруш, Вероника и Влад. Бросив у входа какие-то тюки, они разулись и направились ко мне.

Я едва сдержала стон. Поставила чашку на стол, закрыла ноутбук и, игнорируя мужчин, обратилась к Веронике:

– Ну и где тебя носило?

– Знаешь, Маш, прежде чем начинать разговор в таком тоне, лучше бы сказала спасибо. – Вера довольно улыбнулась, подошла ко мне и, бросив на мужчин быстрый взгляд, пояснила: – Андруш еще днем хотел забрать нас в Хозяйский дом, чтобы ты сама могла выбрать то, что понадобится тебе в походе, но... сначала я не дала ему это сделать... мм... по личным соображениям, а потом его отговорил от этой рискованной затеи Влад. Пришел, сказал какую-то абракадабру, и мне пришлось самой выбирать для нас все самое необходимое. А еще тащить сюда!

– Его абракадабра заключалась в следующем, – усмехнулся Андруш. Первым делом он затопил камин, а после сел за стол, где чуть раньше уже обосновался Влад. – Он сказал, что ты в бешенстве, и хотя это твое обычное состояние, лучше тебя сейчас не беспокоить.

– Как душевно! – выпалила я на русском языке и, не утруждаясь переводом, бросила на Влада выразительный взгляд. Он мило мне улыбнулся, заглянул в мою кружку и, придвинув к себе, в два глотка выпил чай.

– Am apărat nervii dvs! – заявил он, отставил кружку и поморщился. – Сееа се о safea oribilă!

– Не нравится, не пей! – И тут до меня дошло. – Ты понял, что я ответила Андрушу? Ты знаешь мой язык?

– Нет, но я знал то, что этот болтун тебе скажет. Он всю дорогу грозился на меня пожаловаться. – Влад поднялся. – Советую еще раз пересмотреть все вещи и взять только самое нужное. Кроме вас самих, их нести будет некому, а дорога после дождя еще преподнесет нам сюрпризы. И ложитесь спать как можно раньше.

Андруш сунул в рот печенку.

– Да... и я, пожалуй, тоже откланяюсь. – Встал, коротко нам поклонился и вышел вслед за Владом в наступающую ночь.

Как только за ними захлопнулась дверь, Вероника рассмеялась.

– Знаешь, Маш, я счастлива. Никогда, ни с одним мужчиной за всю свою бесконечную жизнь я не испытывала такой гаммы чувств, как с Андрушем. Мне кажется, что я всегда искала именно его.

– Рада за тебя. – Я старательно улыбнулась, но улыбка вышла не очень-то счастливой. И это, конечно, тут же заметила Вера.

– Так. Ну-ка выкладывай. Что у вас сегодня произошло?

– Ты о чем? – Произошло? Когда? С кем? Я даже задумалась. В голове так прочно переплелись события из дневника и реальной жизни, что я действительно не поняла, что именно она хотела узнать.

– О нашем проводнике. Думаешь, я не вижу, как он на тебя смотрит? А днем пришел с бутылкой вина и мрачнее тучи. Поставил ее в бар и не притронулся.

– Наверное, «натрогался» пока шел. – Я передернула плечами. – Вер, мне плевать, кто и как на кого смотрит. Я уже свихнулась от этой работы. И, если честно, очень на тебя обижена. Вместо того чтобы помогать, ты крутишь романы!

– Хорошо. – Вероника вдруг серьезно кивнула и, взглянув на наручные часы, спросила: – Чем помочь? Время пока детское.

Я недоверчиво покосилась на нее и открыла ноутбук.

– Прочитай все, что есть в этой папке. Хочу, чтобы ты была в курсе всех событий. А еще, обрати внимание на некоторые уже знакомые нам имена и фамилии.

– Как скажешь. – Подруга недоуменно нахмурилась, пересела за ноутбук и открыла документ.

Неужели? Даже не верится! А я тем временем полистаю дневник. Вдруг найду что-нибудь интересное.

Прихватив сумку, я забралась с ногами на диван у камина, бережно достала дневник: ветхий, обернутый черной кожей, с истершимися металлическими уголками, и с опаской открыла. Вдруг текст снова изменился? Но нет. Текст оказался на месте и именно тот, что был мне нужен.

Я пролистнула несколько страниц и принялась читать.

«– Из-за твоей добродетельности мы наверняка опоздали на прием. Скинули бы того святошу в ущелье, и дело с концом! Отец специально приехал сюда, чтобы самому завтра увести к замку старика. – Виктор в очередной раз остановился, перекинул на другое плечо висевшего безжизненным тюком священника и, скользя по размытой дождем тропинке, направился к видневшемуся между деревьями кирпичному забору.

Непогода разыгралась не на шутку!

– Хм, а я думал, он приезжает, чтобы посмотреть на долгожданную овечку. Кстати, отчего вы решили, что она и есть та, что примет в себя дух моей... госпожи Софии?

– Дух твоей матери? – Виктор усмехнулся. – Отчего тебе не нравится так ее называть?

Я промолчал.

Виктор был другим. Ему не понять боль мальчишки, с завистью поглядывавшего на дворовых детей, у которых были обычные семьи. С заботливыми отцами и любящими матерями. Где вместо равнодушного безразличия царила любовь.

Впрочем, Виктор и не ждал ответа. Мы подошли к воротам, и он требовательно позвонил. Спрятанные по бокам видеокамеры ожили, повернулись к нам, изучая гостей внимательным взглядом.

Вдруг позади послышался шорох. Хрустнула ветка.

Я оглянулся первым и успел заметить белый бок зверя, мгновенно исчезнувшего за пеленой дождя.

Пальцы сжали рукоять спрятанного под плащом клинка. Наверняка следящий. Если бы наш след взяла стая или отряд, мы бы уже давно подверглись нападению.

В ту же минуту бесшумно приоткрылась створка ворот, выглянул Стефан и, оглядев ношу Виктора, посторонился, пропуская нас. Мы вошли во двор.

– Как прошла охота?

Вместо ответа Виктор скинул ему на руки тоскливо замыкавшего священника и только после этого соизволил заговорить:

– Удачно. Как всегда. Отнеси этого смертного в дом к Андрушу, да проследи, чтобы он не просыпался. На рассвете перевезем его в замок.

– Будет исполнено в лучшем виде. – Стефан перехватил поудобнее старика и развернулся, чтобы уйти, но его остановил мой вопрос.

– Мы не опоздали на прием?

– Нет, мой князь, Андруш всего полчаса назад как привел их. – На его хмуром лице вдруг появилась хитрая улыбка. – Спрашивали о тебе. Я сочинил веселую легенду.

– Надеюсь! – Я усмехнулся. Из близнецов только Стефан умел шутить, но выходило это у него настолько мрачно, что...

Бедняги!

Войдя в Хозяйский дом, мы отдали подоспевшему Паулю промокишие насквозь плащи и шагнули в жарко натопленный зал. От тепла и света свечей даже закружилась голова.

– Рад вас видеть. – К нам незаметно подошел Барон. – Виктор, что за неприлично молодое лицо на тебе в этот раз? Ты мог бы остаться в прежней личине. Думаю, нашим гостям все равно, как ты выглядишь.

Виктор ухмыльнулся.

– Твой трюк сработал?

– Спасибо Йохану за «вовремя» нашедшийся дневник нашего князя. На мой взгляд, слишком подробный, но... чтобы узнать подробности, его для начала надо перевести, а современные девицы так ветрены и безмозглы...

– Вот как? – Пришла пора и мне улыбнуться. – А как же матери станет жить в безмозглom теле? Не находишь, что это будет жалкое зрелище?

– Главное не форма, мальчик мой, а содержание. – Барон бросил на меня холодный взгляд. – Не заставляй напоминать, как почти полвека назад ты, страдая от голода, случайно обескровил ту, что изначально была предназначена стать «сосудом» для моей сестры! По крайней мере, так ты мне сказал?

Я отвел глаза. Он никогда не узнает, что произошло на самом деле. Не узнает, что я сам нашел избранную и переправил ее в другую страну, подальше от узницы замка Вайн.

Но Барон уже потерял ко мне всякий интерес и потребовал у Виктора полного отчета о выполненной работе, а я вдруг почувствовал щекотку. Таковую, которая возникает от слишком пристального взгляда. Развернулся, возможно, слишком поспешно, и на миг замер, не в силах отвести взгляда от той, кого считал давно потерянной. Не в силах справиться с разрывающими меня чувствами, я направился к ней».

Подняв взгляд от ветхих страниц, я уставилась в ночь, заглядывающую в окна.

Я словно вернулась в день нашего прибытия. Ведь здесь описан вечер... тот, самый первый вечер у Андруша! Значит, таинственный Барон из дневника и барон Геминг – одно и то же лицо. Гости – это мы с Верой! А припозднившиеся двое парней – те самые Виктор и... Влад? Значит, наш проводник и есть тот самый Влахо, чей дневник я должна была перевести? Или все же это несмешная шутка? Розыгрыш для гостей? Местный юмор?

Только почему мне не смешно?

Может, посоветоваться с Верой? Но поверит ли?

Я бросила взгляд на подругу. Она тихо сидела ко мне спиной и, подперев голову кулаками, читала. Я поднялась, подошла и уже хотела коснуться ее плеча, но только раздосадованно вздохнула. До меня донеслось сонное сопение. Вера спала. Причем давно и сладко. Из двадцати страниц текста была открыта лишь вторая.

Неисправима!

– Вер. – Я все же потрясла ее за плечо и, увидев осмысленный взгляд, указала на диван. – Иди, ложись и имей в виду, отказы не принимаются. Нам завтра идти к замку, а сон за столом убивает спину.

– Угу. – Видимо, даже не вникнув в суть сказанного, подруга послушно поднялась, прошагала к дивану и рухнула на подушку. Я укрыла ее пледом, вновь подхватила дневник и села в кресло. Наверное, разумнее всего будет сначала ознакомиться со всеми документами и понаблюдать за этим Владом. Хоть в дневнике все явно указывало на него, что-то не давало мне поверить этим подсказкам (к тому же написанным непонятно кем и зачем) на все сто процентов. Наверное, здравый смысл? Ну не бывает бессмертных, живущих по четыреста лет! Не бывает лис-оборотней! Не бы-ва-ет!!!

Или все же бывает?

Открыв дневник на том самом месте, где только что закончила читать, я вновь взялась за перевод.

«...Что за насмешка судьбы?! Видеть ее, касаться ее по-прежнему желанного тела и ощущать в нем иную душу! Она меня не помнит. Я готов был поверить в милость Бога, простившего мне мое злодеяние и вернувшего мне любимую, но... они просто похожи! И от этого становится еще больнее.

Я проводил ее взглядом и посмотрел на приближающегося Барона.

– Владислав, наши планы изменились. Дождь будет идти еще пару дней. Керш поведал, что видел оборотней неподалеку от замка. Мы с Виктором уйдем на рассвете. Надо переправить священнослужителя так, чтобы эти белохвостые не смогли его отбить. В неделю перед полнолунием они как дурные от лучей солнца, поэтому – уверен, рассвет самое безопасное для нас время. Мы все подготовим и будем ждать вас в замке. Твоя задача привести девчонку целой и невредимой в канун полнолуния. Возьми с собой Андруша и эту карту. Здесь отмечены места, где белозадые не смогут до вас добраться даже ночью.

– Полнолуние через семь дней. – Я снова сел на диван. Барон подошел, но остался стоять. Я поднял на него взгляд. – Кстати, а ты уверен, что нашел нужную нам смертную?

– Подвеска моей сестры, потерянная ею в день осады – первая отличительная черта. Вторая – ее имя.

– Но ты же видел ее. Первое условие – в ней должна течь кровь нашего рода!

– Ты не слышал меня? – Глаза Барона сузились. – Или считаешь, что я не способен найти «сосуд»? Так же, как и ты?

Я пожал плечами.

– Хорошо. Тебе виднее. Моя задача – привести ее к замку в канун полнолуния?

– Именно! – холодно отчеканил Барон.

Я поднялся и, не прощаясь, направился вон из дома.

Дождь охладил мои чувства и разум. Позади раздались голоса девушек. Я позволил им пройти мимо меня. Видел, как следом прошагал Андруш. Не желая того, я невольно пошел за ними и остановился у окна. Боги, как она похожа и в то же время НЕ похожа! Просто игра мироздания, воссоздавшего ее точную копию! Почему она здесь? Почему носит фамилию, принадлежавшую моему роду? Что это – ошибка Барона или мой шанс все исправить?»

В полумраке у двери послышался легкий шорох. Я вздрогнула и огляделась. Никого и ничего. И все же темнота, глядевшая на меня из окон, после прочтения последних строк стала очень нервировать. И прозрачные шторы уже не спасали от невидимых глаз...

Страх сменился ужасом, а ужас – злостью.

Что, черт возьми, здесь происходит?!

Я уже согласна поверить во что угодно, но если все это искусный розыгрыш... ох, не завидую его авторам!

Злость! Да здравствует злость, расставляющая все на свои места и охлаждающая разум.

Я даже подскочила, вспомнив то, что неизбежно должно случиться вот уже через несколько часов – поход! И бросила взгляд на часы. Через четыре часа нам выходить, а я еще даже не ложилась! И вряд ли усну.

Решительно закрыв дневник, я поднялась и положила его в дорожную сумку. Туда же отправился и ноутбук. Проверила документы и деньги. Вдруг не доведется вернуться? Тем более, Андруш идет с нами...

...И все-таки речь в дневнике шла обо мне. Это ясно сразу! Камень... фамилия... Вот только во мне не течет кровь Вайнских князей! Наверное, именно об этом Влад хотел сказать барону.

Тьфу! Я снова поймала себя на мысли, что думаю о прочитанном. А еще очень тревожило то, что сбывались пророчества призрака Анатоля, убитого Виктором, как он и рассказывал!

А если бежать? Попросить Андруша отвезти нас в аэропорт? Кажется, он симпатизирует Веронике – вдруг получится?

Или Андруш тоже с ними заодно?

Опять раздался шорох, и сразу же накатила паника. Такая, что стало трудно дышать. Я реально ощутила чей-то взгляд, холодком царапнувший меня между лопаток, и стремительно обернулась.

У входной двери шевельнулась темнота. Каким-то десятым чувством я ощутила исходящую от нее угрозу и, чтобы хоть как-то ослабить тенета страха, вновь взявшего надо мной верх, задыхаясь, спросила:

– Влад?

В тот же миг мне показалось, что из темноты вылепился силуэт невысокой, стройной женщины. На ум отчего-то пришла дама в красном...

Безумие какое-то!

Требовательный стук в дверь заставил меня дернуться как от электрического тока, разрывая в клочья наваждение. Я физически ощутила, как темнота меняется. Пугающая еще мгновение назад, она больше не представляла для меня угрозы. Просто полумрак, который не смог разогнать тусклый свет ночника.

– Кто там? – Уже безбоязненно я скользнула к двери и замерла, прижавшись к ней всем телом. В ответ на мой вопрос прозвучал тихий голос, которого я почему-то и ждала. Голос Влада.

– Открой.

– Влад? – Или... Влахо? Надеюсь, он не почувствует волнение. – А что, уже пора идти?

– Нам нужно поговорить.

– Нет. Не нужно. – На меня вдруг накатила бесшабашная храбрость. В конце концов, какая разница, когда сказать ему о том, что я все знаю: сейчас или потом? По крайней мере, не нужно будет лгать и притворяться! – Я уже все поняла! Хотя ты, верно, не ожидал этого от безмозглой девицы, годящейся лишь на роль «сосуда»?

– Открой! – В дверь толкнулись. – Того, о чем я должен тебя предупредить, ты не знаешь и не узнаешь!

– Ты меня недооцениваешь! Я знаю, что ты ведешь нас с Вероникой в замок для обряда!

– Открой! – Дверь снова содрогнулась от мощного удара. И еще. И еще. Я едва успела отскочить, когда она распахнулась, словно была сделана из картона, а на пороге, глядя на меня, замер Влад. По-прежнему одет во все черное, но теперь на нем красовался жилет, который перетягивал наискосок кожаный ремень. Мгновение мы, не отрываясь, смотрели друг другу в глаза, затем он перешагнул через порог, взял меня за руку и потащил к лестнице. – Пойдем.

– Отпусти! Если хочешь говорить – говори здесь! – Я сделала попытку вырваться и, потерпев неудачу, пригрозила: – Я закричу! Проснется Вера!

– Я бы не советовал. Они следят за нами.

Больше ничего не объясняя, он втянул меня на второй этаж и шагнул в облюбованную мной комнату. Спальня, где мы с Верой ночевали прошлой ночью, являла собой образец беспорядка. Вещи подруги – результат ее примерок, были разбросаны повсюду, но Влад, словно ничего этого не заметил. Толкнул меня на кровать, сам подошел к окну и, глядя в светлеющее небо, заговорил:

– Тебе не нужно было приезжать в эту страну! Все, что ты узнала из той тетради – истина. Барон действительно всерьез вознамерился освободить из безвременья княгиню Вайнскую. Свою сестру. Он проследил всех, кто имеет хоть какое-то отношение к нашему роду, и только у тебя они нашли этот камень. Но ты – не избранная! – Влад обернулся, шагнул ближе и бережно коснулся длинными пальцами висевшего у меня на груди украшения.

– Это подарок! – Я сжала медальон в кулаке и с вызовом посмотрела на него.

– Бабушки. Я знаю. – Он чуть улыбнулся. – Забавно. В этой жизни у тебя тоже нет никого роднее бабушки.

– В этой? А ты знаешь другие мои жизни?

Влад отвел взгляд и качнул головой.

– Это уже неважно. Я не должен позволить княгине вернуться в этот мир.

Ладно. Неважно, так неважно. Может, получится завербовать его в союзники?

– Поможешь нам бежать?

– Нет. Поздно. Слуги барона не допустят этого.

Не получилось!

Интересно, а правда, что все бессмертные на ощупь, как лед?

Я невольно коснулась его руки. Теплая!

Он сжал мои пальцы. Я их тут же отдернула и как ни в чем не бывало поинтересовалась:

– Твои предложения?

– Мы с тобой уйдем сейчас. Андруш с Вероникой – утром. Я сказал, что у меня есть срочное дело. Мы встретимся с ними в условленном месте.

– Но зачем куда-то идти ночью?

– Ночью легче увидеться с теми, кто может нам помочь. Кое-кто тоже

желает исправить ошибки прошлого. Я думаю, нас встретят с миром. Бери самое необходимое, я жду тебя внизу. – Влад развернулся и направился к двери.

– Скажи, – я не удержалась, – а ты действительно тот самый Владислав Береш, князь Вайнский? Живший более четырехсот лет назад?

Он замер на пороге и, не оборачиваясь, спросил:

– А ты смогла бы поверить, будь оно так?

Я пожала плечами.

– Не знаю. Наверное, нет. Ведь так не бывает!

Влад чуть постоял и вышел, так ничего мне и не ответив.

Глава пятнадцатая

Пусть жизнь ведет нас
по пути тревоги,
Не объясняя, что найдем,
с чем распростимся вновь.
Не замечая зла,
по миру ходят боги,
Неся, как огонек в ночи,
мою к тебе любовь.

Я собралась быстро. Просто взяла ветровку, оглядела комнату и вышла. Дорожная сумка с вещами, ноутбуком и дневником дожидалась меня внизу.

Что-то было в голосе Влада, что не давало мне усомниться в серьезности проблемы. Вот если бы еще получить ответы на миллион вопросов, роящихся в моей голове, возможно, стало бы легче ориентироваться в происходящем, но... всему свое время.

Влад ждал меня внизу, только сейчас он был не один, а в компании Андруша. Вероники в зале не было, но из-за двери, ведущей в душевую, слышались звуки льющейся воды.

Заметив меня, мужчины замолчали. Андруш приветственно кивнул и бросил Владу:

– Встретимся в пещере у Мертвого озера, но если что-то пойдет не так...

– Я знаю, что делать. – Влад подошел к тюкам, подхватил один и, закинув, как вещмешок за спину, обернулся ко мне. – Где твои вещи?

Вместо ответа я подхватила лежавшую на столе сумку и закинула ее на плечо.

– Ты сказал взять самое важное, а самое важное для меня – это истина и знание. Что может пригодиться в путешествии с бессмертным, как не ноутбук и парочка истлевших историй?

От меня не укрылся взгляд Андруша, которым он одарил Влада и, заметив, что я за ним наблюдаю, тут же скривил губы в улыбке.

– Мари, не стоит все воспринимать всерьез, особенно истории, рассказанные на ночь. В наших краях их любят, но поверь – это всего лишь сказки. Нет никаких бессмертных.

– Да ну? И призраков тоже? А как же Анатоль, который исчезает и появляется когда захочет? Ах да! Забыла, что в ваших краях так протекает сумасшествие! – Я посмотрела ему в глаза и, не дожидаясь ответа, развернулась и направилась к двери.

Надоело все это притворство!

На крыльце меня догнал Влад.

– Призрак?

– Призрак парня, которого убил Виктор. Не забыл? Так написано в дневнике, который ты мне подбросил. Так вот. Настоящий Анатоль пришел к нам и попросил сжечь его тело в обмен на наше спасение. – Я первой сбежала по ступеням и обернулась. – Зачем ты поменял дневники?

Он неспешно спустился и встал передо мной. Предутренный мрак скрывал его лицо, не давая увидеть даже тень эмоций.

– Я не знаю, о чем ты говоришь. – В его голосе тоже ничего нельзя было прочесть, только искреннее удивление.

Ну, хватит!

– Я говорю о том, что в дневнике поменялось содержание! И если вначале я переводила о средневековом парне – Влахо, то теперь мне приходится переводить о Влади славе, живущем в нашем мире и которому больше четырехсот лет!

Влад беспечно пожал плечами.

– Возможно, ты так невнимательно переводила, что не заметила единство этих историй? – Он направился не к воротам, через которые мы попали в это царство тайн, а куда-то за Хозяйский дом.

Я бросилась за ним.

Ладно. Пусть он не сказал напрямую, что он и Влахо – одно и то же лицо, это уже ничего не значит! Все так перепуталось, что я не знаю, во что мне верить.

Вскоре мы вышли к массивным металлическим воротам, где в углу пряталась незаметная дверца. Влад коснулся невидимой кнопки. Дверца бесшумно распахнулась, выпуская нас, но едва мы вышли, как она тут же закрылась, оставляя нас один на один с ночным лесом. Прав был Андруш, говоря, что его гостиный двор находится в лесу. Деревья-исполины подходили к самому забору так часто, что казались стеной.

Влад постоял, прислушиваясь, огляделся и направился по едва заметной тропинке, скупно бросив мне: «Не отставай».

Ха! Одно дело, если бы мне предложили прогуляться по асфальтированным дорожкам парка, но не отставать, ежесекундно спотыкаясь о корни, будто специально сползающие мне под ноги, вязнуть в мокрой, лежалой листве – было трудновато. К слову сказать, Влад, слыша мое чертыханье, ни

разу не обернулся узнать, как я справляюсь с его наказом.

Вскоре идти стало легче. Предрассветный мрак постепенно рассеивался, позволяя вовремя увидеть притаившийся на дороге поросший мхом камень или коварно выбравшийся из-под земли корень.

Влад уверенно шагал вперед так, как будто мы выбрались на загородную прогулку полюбоваться рассветом. Вскоре пугающая меня чаща стала меняться. Лес, словно вуалью скрытый от посторонних глаз предрассветным туманом, постепенно раскрывал мне красоту и тайны. Волнение и страх сменились радостью и невообразимой нежностью.

Отдавшись непривычным чувствам, я даже не сразу заметила белую тень, выпрыгнувшую из-за туманной занавеси на тропинку прямо перед нами. Только тогда Влад остановился. Не отводя взгляда от зверя, я в два шага догнала проводника и спряталась за ним. Куда приятнее смотреть на что-то необычное из-за чьей-то широкой спины.

– Ой! Мм... лиса?

Впрочем, я бы лучше назвала этого зверя здоровенной собакой странной породы!

В руке Влада непонятно откуда взялся нож с обломанным острием. Держа его в вытянутой руке, он шагнул вперед и проговорил.

– Мы не враги! Мы идем к Матери.

Зверь на это заявление никак не отреагировал. Только сидел и плотоядно смотрел на него желтыми глазами.

Я вышла из-за спины Влада и встала рядом. Зверь перевел на меня внимательный взгляд и вдруг ощерился.

– Мы хотим попросить о помощи. – Влад довольно невежливо толкнул меня к себе за спину. И вовремя. Раздавшийся позади шорох заставил меня обернуться и прижаться спиной к его спине. К нам подходили одетые в белые одежды мужчина и женщина.

– Прийти сюда для тебя было величайшей глупостью, охотник! – заговорила женщина, не сводя с нашей парочки глаз.

Влад стремительно развернулся, и я почувствовала у себя на плечах его ледяные ладони, а над ухом раздался тихий, но властный голос.

– Я не причиню вреда. Я только прошу о встрече с Матерью или Хранителем памяти! Мне нужны летописи вашего рода. Пророчества!

– Ты думаешь, мы настолько глупы, чтобы привести тебя в нашу деревню? – В руках мужчины появился арбалет. – Чтобы ты потом привел к нам своих?

– Клянусь всем, что мне дорого, и всем, чего меня лишили. Я *был* охотником. Сейчас я лишь хочу просить совета. Думаю, вам не очень-то понравится, если в этом мире вновь появится Кровавая Княгиня. В вашей истории она забудется не скоро, так что не делайте вид, будто вам не интересно.

– И как она сможет появиться?

– Она исчезла четыре столетия назад! – Женщина шагнула вперед.

– Она не умерла. Барон скрыл ее в безвременье в собственном замке. И сейчас он планирует наполнить этот «сосуд»... – он сжал мне плечи так, что я поморщилась, – ...ее душой. Но мне доподлинно известно, что эта девушка – не Избранная! Более того, она из рода Мареш. Что будет, если княгиня София окажется в теле наследницы ВАШЕГО рода и будет знать все ваши родовые тайны?

Я даже обернулась, чтобы взглянуть на Влада. Какой блеф! В его голосе столько уверенности, что я даже засомневалась в своем чисто русском происхождении.

Парочка зашепталась. Наконец женщина посмотрела на Влада.

– Беда велика. А если мы убьем девчонку?

– Даже если убить избранную, барон найдет кого-то еще на роль «сосуда» ... – голос Влада оставался ровным. Словно ему действительно было наплевать, останусь я в живых или нет!

– Значит, возрождения княгини Софии не избежать? – скорее произнесла, нежели спросила женщина.

– Совершенно верно! – отчеканил Влад.

– А почему мы должны тебе верить? – мрачно пробасил ее спутник.

– Княгиня София – моя мать. Прочти историю сожжения замка, и ты все поймешь.

Я замерла. Вот оно – признание! Как бы мне хотелось сейчас взглянуть в его глаза!

Молчание на этот раз длилось долго. Наконец женщина кивнула.

– Хорошо. Мы расскажем о вас Матери. Если вы будете ей интересны, она сама вас найдет. А сейчас идите. В паре миль на восток отсюда стоит обитель. Там хранятся все необходимые тебе летописи, мудрость нашего рода. Придешь туда – спроси отца Яро слава. Мы его предупредим. Он поможет тебе найти все, что нужно, чтобы не допустить возрождения проклятой княгини.

– И путь наш будет спокоен? – В голосе Влада мелькнула усмешка.

– И путь ваш будет спокоен, – угрюмо буркнул мужчина. – Дети леса не помешают вам.

– Хорошо. – Влад кивнул так, словно делал им великое одолжение. – И еще. Вслед за нами идут двое. Мужчина и женщина. Без них у меня ничего не получится. Проводите их к Мертвому озеру и предупредите, чтобы дождались нас там.

– Ты забываешься! – возмутился мужчина и процедил: – Мы тебе не слуги!

– Тогда не будь слугой. – Губ Влада коснулась улыбка. – Будь другом.

Он взял меня за руку, не прощаясь, развернулся и повел по тропинке мимо невозмутимо сидевшего на ней зверя. Вскоре тропинка раздвоилась. Одна поворачивала вправо и исчезала в лесу, вторая продолжала идти прямо, но на ней стояла лиса (точная копия той, что встретилась нам раньше) и не

сводила с нас зеленоватых глаз.

Чуть помедлив у развилки, Влад свернул.

– Послушай, – набравшись смелости, я тронула его за рукав, – неужели то, что ты сказал тем людям, правда?

Он бросил на меня мрачный взгляд.

– Смотря *что* ты подразумеваешь под словом «правда».

– Истина – одна!

– Да неужели? – усмехнулся он и остановился. Я невольно потупилась, не в силах выдержать его взгляд. – Расскажи, о чем ты прочитала в дневнике, где хранилась «правда» Влахо?

Озадаченная таким вопросом, я растерянно пожала плечами.

– О парне, который полюбил девушку, но с ними что-то произошло. Мне кажется, плохое... – Я вдруг смутилась. – Еще не дочитала...

– А в другом дневнике? – Он продолжал смотреть на меня так, что я окончательно сбилась и понесла какую-то околесицу.

– Он вернулся в мир, но мир изменился... Ненавидит машины... Убийство священника... Две девушки. Наша встреча... А еще мне показалось, что я тебе напомнила... кого-то... – Я замолчала и взглянула ему в глаза, такие черные, словно в них поселилась вечная ночь. – Кого?

Какое-то время он гипнотизировал меня, затем сморгнул, отвернулся и, как ни в чем не бывало, бросил:

– Думаю, все тайны и вся истина, что ты так жаждешь получить, хранятся в строчках, которые торопливые историки просто не в состоянии понять.

Вот... Вот обещала же себе не разговаривать с этим напыщенным типом!

Я стиснула зубы и зашагала вперед, сосредоточенно разглядывая выющую под ногами тропинку. Все! Ни звука больше он от меня не дожидается!

Некоторое время мы шли в молчании. Впрочем, от придуманного мной наказания, кажется, страдала только я. Влад сосредоточенно шагал, совершенно не расстраиваясь от того, что не слышит моих вопросов.

Наконец, впереди забелел высокий забор. Влад обернулся.

– Обитель. Та самая, где, если верить дневнику, и произошло убийство Анатоля.

– Если верить?

Он пожал плечами и стукнул в сливавшуюся с забором неприметную, крашенную белой краской дверь.

– Все мироздание построено на вере и безверии.

На стук вышел высокий мужчина средних лет.

– Чем могу помочь? – Он вежливо нам улыбнулся. Вдруг его улыбка померкла, а в глазах мелькнула тень узнавания. Он прищурился, внимательно разглядывая Влада. – Ты? Как ты посмел сюда явиться?! После того, как...

Тот выдержал его взгляд.

– Мы здесь, чтобы исправить ошибки. Отец Яро слав, поверьте нам, впустите нас, и мы вам все объясним.

Служитель еще раз окинул нас подозрительным взглядом, посторонился, и едва мы вошли, поспешно закрыл за нами дверь. Я оглядела мощный серым камнем пустынный двор. Три длинных одноэтажных кирпичных дома, окружавших стоявшую в центре высокую белоснежную часовню с витражными окнами на башне и большим колоколом, под самой крышей сияющим серебряным блеском в солнечных лучах. Вот и весь монастырь. Правда, откуда-то слышалось кудахтанье и деловитое похрюкивание. Значит, есть еще и скотный двор.

Заметив мой ищущий взгляд, отец Ярослав развел руками.

– Свое хозяйство. Впрочем, не слишком-то оно сейчас нам нужно. Мы с братом Вацлавом остались одни. А ведь когда-то здесь жили больше двадцати братьев. – Он посмотрел на Влада. – Вы пришли, дабы узнать какие-то тайны из вверенных мне Книг Истины. Скажи, зачем? Зачем тебе идти против своего рода? Зачем рисковать существованием? Твое восстание может всколыхнуть новый виток войны между Детьми леса и вами, порождения тьмы! Так зачем рисковать, пусть не миром, но покоем на этих землях?

Влад смело встретил его гневный взгляд.

– Ты даже не представляешь, что случится, когда восстанет из забвения княгиня София. Они с бароном не оставят в живых даже щенков. Но... дело не в этом – плевать мне на лис. Я вижу знаки, которые указывают на то, что история, случившаяся полтысячелетия назад, должна измениться. И ты, точнее твой образ – не последнее звено в цепи, что связала нас.

Отец Ярослав удивленно нахмурился.

– Я тебя не понимаю! Что может быть общего между мной – служителем церкви и тобой?!

Влад усмехнулся.

– История. Скажу так – у нас с тобой общие предки. Или ты думаешь, что бессмертным можно родиться? Полукровкой – да. Но чтобы потом стать бессмертным, нужно умереть.

Священник отвел глаза.

– Пойдемте. Я отведу вас в хранилище Истины, но поклянись всем, что для тебя свято: ты не причинишь вреда ни мне, ни Вацлаву.

– Клянусь памятью моего отца. – Влад без улыбки взглянул на него.

Отец Ярослав кивнул и проговорил: «Ступайте за мной».

Весь путь до хранилища я молчала, пытаюсь осознать услышанное. Бабушка права в одном – бешенство и болезнь крови здесь по-прежнему актуальны. Как бы не заразиться...

Дом-библиотека встретил нас звенящей тишиной и полумраком. Десятки стеллажей за стеклянными дверцами хранили тысячи книг и свитков. В душе проснулась профессиональная страсть: ведь здесь наверняка хранятся рукописи такой древности, что просто не укладывается в голове! И именно мне досталась честь находиться рядом с этой стариной!

– Присаживайтесь. – Отец Ярослав щелкнул выключателем, и большую

комнату залил мягкий рассеянный свет. Здесь были окна, но их скрывала плотная ткань: солнечные лучи – пагуба для старинных книг. Священник указал на низенький диван. Он стоял у стены по левую руку, рядом с длинным журнальным столиком, возле которого возвышался торшер. – Сейчас я принесу вам весь материал, что имеется здесь по интересующей вас теме.

Он скрылся за стеллажами. Какое-то время до нас не доносилось ни звука. Вскоре отец Ярослав появился с небольшой стопкой книг, аккуратно положил их перед нами на стол и принялся пояснять.

– В этой книге – обряды Детей леса. В этих – предания и заклинания, а здесь – летопись графини Мареш. Прошу. Изучайте. А я, с вашего позволения, удалюсь. Если не найдете ничего подходящего, просто крикните меня. Я буду на скотном дворе.

Будто не слыша его, Влад уселся на диван и притянул к себе первую попавшуюся книгу.

– Хорошо, – вежливо кивнув священнику, я постаралась его успокоить: – И не волнуйтесь за книги. Я историк и очень дорожу тайнами, пришедшими к нам из глубины веков.

Отец Яр смерил меня изучающим взглядом и улыбнулся.

– Удачи вам! И терпения.

Я дождалась, когда за ним захлопнется входная дверь, и под села к сосредоточенно хмурающемуся Владу.

– Могу тебе чем-нибудь помочь?

Он даже не взглянул на меня, только отмахнулся.

– Нет. Если в этих фолиантах есть то, что мне надо, я найду это сам.

– Отлично. А мне чем заниматься?

– У тебя есть «две очень нужные в этом походе вещи», – передразнил он меня. – Вот и займись ими. Главное – не мешай.

Я невольно фыркнула. Надо же! Запомнил!

Легкая улыбка скользнула по его губам, и Влад вновь уткнулся в книгу.

Ну и ладно!

Глава шестнадцатая

Не заходи за боль.
Не будь. Не жди. Не мсти.
Не убивай живых,
а мертвых не щади.
Иди за край небес,
в несбывшийся чертог.
Найдешь там по себе
и для себя итог.

Открыв сумку, я минуты две смотрела на ноутбук и дневник, не зная, что выбрать. В результате выбрала ноутбук. Поставила на стол, дождалась, когда загорится экран, и открыла последний присланный бабушкой файл. Текст захватил мгновенно:

«Я очнулся от скрежета двери. Чуть гудела голова, как после вечеринки, и нестерпимо хотелось пить. Жажда невероятная, немыслимая накинута на меня как дикий зверь, стискивая горло. Я попытался позвать на помощь, но не смог издать ни звука. И тут до меня дошло, что я не могу дышать. Что я НЕ дышу!

– Влахо? Как ты себя чувствуешь, мой дорогой?

Я распахнул глаза и с жадностью втянул воздух, выпутываясь из уз кошмара.

– Я спал? Мне показалось, что я умер. – Я рывком сел и уставился на мати. И тут до меня дошло. – «Мой дорогой»? Я что, действительно умер? Или... это не вы, матушка?

– Понимаю твое недоумение и поспешу все объяснить. Ты не умер, наоборот! Ты, как и тысячи принадлежавших нашему роду до тебя, победил смерть. Теперь ты – бессмертный. Так же как я, как мой брат, как мои дочери. Теперь ты – один из нас, и ненависть, державшая меня и твоих сестер на расстоянии от твоего немого тела, больше не нужна. Добро пожаловать в истинную семью! Чуть позже Барон объяснит тебе все. Даже твое истинное предназначение! А пока возьми, выпей это.

Она протянула мне бутылочку из темного стекла, наполненную густой, темной жидкостью. Не в силах поверить в ее чудесное превращение из мегеры в заботливую матушку, я с опаской взял сосуд и поднес к губам, но едва меня коснулся терпкий, пряный запах жидкости, как мучительная жажда набросилась с новой силой.

Глоток, еще глоток... Я не заметил, как выпил все до дна.

– Что это? – Невероятная мощь и желание жизни заполнили меня, пьяня как хмель. Исчезли страхи, исчезла жажда. – Я никогда не пил ничего вкуснее!

Губ мати коснулась улыбка.

– Это эликсир нашей жизни. То, что будет всегда охранять тебя от боли и слабости, делать всесильным, сродни богам. К сожалению, есть небольшие трудности, чтобы таким, как мы, выжить среди смертных, но наши колдуны научились справляться и с ними. Вот. Возьми. – Она протянула мне перстень, в котором кровавой каплей светился большой рубин. – Камень создан из твоей крови. Крови того, кем ты был до обряда. Этот перстень создаст иллюзию тебя смертного. Для всех твое сердце будет биться так же, как и раньше, а по венам будет течь горячая кровь. Солнечный свет не причинит никаких неудобств. Только огонь и освященное оружие служителей церкви смогут развеять нас в прах. А еще – оборотни. Их кровь – смертельный яд для нас, так же как и наша кровь для них. Между нашими родами уже несколько столетий ведется война, и окончания ее не будет, пока существует

хоть один белозадый.

От ее слов нахлынули воспоминания.

Катарина!

Я надел перстень (мало ли) и поднялся с кровати.

– Мне нужно идти.

– Куда? – Мати казалась удивленной, но, что-то вспомнив, она послушно кивнула. – Впрочем, да! Нужно. Барон ждет внизу. Он научит тебя быть охотником.

Я покачал головой.

– Нет. Тут без меня. Я не собираюсь становиться охотником и не собираюсь воевать с Детьми леса. Я отправляюсь к Катарине.

Ее лицо будто окаменело.

– Ты не знаешь, о чем говоришь! Теперь лисы почуют тебя, едва ты ступишь в лес. Один укус любого из них, и ты умрешь. Навсегда! Сначала научись выживать!

– Я уже проходил через это и остался жив!

– Тебе просто повезло. Кто-то промыл твои раны. К тому же тогда ты еще не был бессмертным. С сегодняшнего дня для тебя все изменилось! Ты – как новорожденный! Хочешь остаться в живых – слушайся и учись!

– Мне все равно. Я обещал, что приеду за ней и заберу. – Шагнув мимо матери, я прошел к двери и остановился, удивленно разглядывая... мати! Только что та стояла у кровати, и вот она снова передо мной! – Пропусти. Если ты не позволишь забрать ее сейчас, я сделаю это потом. Время неважно. Она будет моей!

Грубо ее оттолкнув, я рванул на себя дверь, выскочил на лестницу и, не видя ступеней, бросился вниз. Только бы бежать! Движение позволяло почувствовать новообетенную скорость, ловкость и силу. Боги, еще чуть-чуть, и мне понравится быть бессмертным! Толкнувшись в створки массивных дверей, я удивился тому, как легко они распахнулись, выбежал во двор и замер, изо всех сил зажмурившись. Солнечный свет ослепил так, что мне показалось, будто я уже никогда не смогу видеть. Я услышал, как кто-то подошел ко мне. Чьи-то пальцы крепко сжали плечо, и раздавшийся рядом со мной голос Барона заставил чуть приоткрыть веки.

– Это всего лишь солнце. Ты слишком долго провел под сводами замка. Твои глаза отвыкли от его лучей. Не бойся. Пока ты пьешь живительный нектар, ничто не сможет нарушить твою защиту.

Я взглянул на него.

– А что, есть такие, кто добровольно отказывается от... от «защиты»?

– Есть. Ты уже имел честь встретиться с ними в имени твоей драгоценной Катарины, да упокоит Господь ее душу. Существа, убившие по моему приказу всю ее семью, когда-то тоже были бессмертными, но... лишь раз попробовав кровь животных, навсегда потеряли возможность снова

стать одними из нас. В угоду жажде и слабости они навечно обрекли себя быть рабами, зависящими от нас, от наших амулетов, защищающих их от солнечных лучей и разложения. Как бы тебя ни мучил голод – никогда не пей кровь низших.

Оглядевшись, я заметил всего трех дворовых, убирающихся на скотном дворе (никто не встанет у меня на пути, если я попытаюсь сбежать), и смело посмотрел Барону в глаза.

– Я понял. Но... ты оговорился, и я хочу тебя поправить.

– Оговорился в чем? – Барон удивленно вскинул бровь.

– Ты позволил себе не очень-то вежливо отозваться о моей избраннице, – охотно пояснил я. Ощущение невероятного могущества и какая-то бесшабашная ярость усыпили чувство самосохранения. Страх исчез. Осталась только вседозволенность и правда! – Поэтому в дальнейшем...

– Вот как? – перебил меня Барон. – И что в моей речи тебя оскорбило?

– Ты отозвался о Катарине так, будто ее нет в живых! – Я выдержал его взгляд. И тут услышал легкие шаги. Через несколько мгновений дверь беззвучно открылась, выпуская во двор мати. Я стоял к ней спиной и не видел ее, но вместе с услышанными мной шагами в сознании тотчас появился образ. Интересно, сколько еще талантов мне придется в себе открыть?

Барон одарил ее мрачным взглядом и посмотрел на меня.

– Мне жаль.

Сердце бешено забилося, толкая по венам отравленную кровь. Я ничего не спросил. Просто смотрел на него и знал, что он скажет.

– Катарина пошла против воли графини Мареш. В тот день, когда ты прибыл в замок, должна была состояться ее свадьба. Она отказалась. Белохвостые предложили ей выбрать между честью и смертью. Она выбрала смерть.

– Что они с нею сделали? – Отчаяние, неверие и ярость терзали меня кинжалами боли. Катарина больше нет? Больше нет той, что удерживала меня на краю безумия? И я должен в это поверить?

– Это мне неизвестно. Но мои слуги знают, где ее могила. – Лицо Барона по-прежнему оставалось бесстрастным. – Мне действительно жаль. Но... война продолжается. Хочешь ли ты отомстить за смерть любимой?

Я только кивнул и закрыл глаза. Что-то внутри меня умерло этим утром. Наверное, моя душа».

– Скажи, кем она была для тебя? – Я с трудом оторвалась от мерцающего экрана и посмотрела на Влада. Спросила и сама испугалась. Хотела ли я знать правду?

Какое-то время Влад, словно не слыша меня, сосредоточенно читал, затем поднял на меня глаза, в которых плескалась чернота ночи.

– Ты сейчас о ком?

Я помолчала, набираясь смелости, и выдохнула:

– О Катарине. Я ведь на нее похожа?

Он побуравил меня взглядом, усмехнулся и вдруг качнул головой:

– Нет.

И снова уставился в книгу.

Разочарование сдавило горло. Я еще какое-то время смотрела на его четкий профиль и уткнулась в ноутбук. Впрочем, может, это действительно так? Возможно, на Катарину похожа Вера? Поэтому он с ней так любезничал с самого начала? Кто бы подсказал!

Сдержав вздох, я продо лжила читать:

«Следующие полгода я провел словно в забытии. Тренировки, в которых проходили дни, сменялись упоением сражения, наслаждением от убийств. Ищейки Барона выслеживали, где и когда будет охотиться стая, и как бы старая графиня ни прятала подданных, на следующее полнолуние она опять оплакивала все новые и новые жертвы.

Я стал лучшим охотником среди слуг Барона, но хуже всего было то, что я сам стал его слугой, слепо выполняя приказы, пытаясь потушить пожар ненависти и боли. Я стал машиной для убийства тех, кто лишил меня Катарину, но тогда я не понимал одного. Истинных виновников ее смерти я не найду никогда...

Это случилось за несколько дней до майского новолуния.

В темные дни перед новолунием оборотни теряли силу, но охотники поговаривали, будто графиня Мареш и ее колдуны создали целый отряд тех, кто не зависел от магии Луны.

Из замка мы вышли уже за полночь. Десять лучших охотников могли справиться с довольно большой стаей, но сегодня мы шли не на охоту. Мати желала, чтобы мы проверили слух о существовании неподвластных Луне тварей. И они не заставили себя ждать.

Не успели мы пересечь границу владения графини Мареш, как нас атаковали. Стая небольшая, но твари дрались так отчаянно, что казалось, они готовы даже умереть, только не дать нам пройти дальше. Это было трудное сражение.

Обращение в бессмертного дало мне, как и многим, невероятную скорость и ловкость. У оборотней была лишь безмерная сила, ненависть и жажда убивать всех мне подобных.

Впрочем, в ненависти я бы мог с ними посоревноваться...

Не знаю, скольких я тогда убил. Я пронзал их отравленными кровью бессмертных кинжалами, глядя, как их человеческие глаза закрываются, чтобы уже никогда не увидеть света луны. В том бою мы тоже понесли потери. Несколько знакомцев, бывших со мной в ту ночь, рассыпались прахом, едва в их броне оказалась брешь. Зубы оборотней впились в незащищенную плоть, даря покой смерти.

Где-то сзади послышался шепот Виктора, читающего заклинание, и тут же – визг раненого зверя. Я оглянулся. Отвлекся лишь на мгновение и почти

сразу же почувствовал, как чьи-то зубы впились мне в перчатку.

Еще бы чуть-чуть, и...

Стряхнув зверя, я пригвоздил его кинжалом к земле, развернулся, чтобы насадить на окровавленное лезвие меча летящего ко мне второго. Распластавшись в полете, тварь метила мне в шею, пожалуй, самое незащищенное место в броне. Я отбросил еще живого оборотня в прелую листву и оглянулся, удивленный наступившей тишиной.

Пятеро оставшихся в живых зверей вдруг отступили, но остались стоять, не сводя с нас глаз. Охотники Барона, выставив вперед клинки, тоже удивленно озирались, боясь поверить в неожиданную передышку. Семеро выживших, если не считать меня.

Что ж, силы в нашу пользу. Надо закончить начатое.

Отерев лезвие от крови, я шагнул к выжидавшим чего-то лисам с одной лишь целью – завершить их существование, и тут увидел ее. В том же светлом платье, что было на ней в ночь, когда она спасла меня. Призрак?

– Катарина?

– Остановись, Владислав. Не надо больше крови! – Она приближалась, и я отчетливо слышал шорох прелой листвы под ее ногами.

– Катарина?! – Не в силах сдержать дрожь, вызванную безумной радостью, я бросился к ней. Не слушая окриков охотников, не замечая следящих за мной желтых глаз. Если бы они хотели меня убить – лучшего момента было и не сыскать! – Катарина!

Я стиснул ее в объятиях и замер, не решаясь сказать что-либо еще. Да и что говорить? Она здесь, она жива, а большего мне и не надо.

Она заговорила первой.

– Бабушка ищет охотника-бессмертного, безжалостно истребляющего Детей леса. Я знала, что это ты. Это нападение – ловушка. Скоро здесь будут сотни, тысячи оборотней. Тебе не спастись.

Я отстранился от нее.

– Скоро? Значит, у нас есть время. – Я обернулся к охотникам. – В замок! Немедленно!

Они бесшумно исчезли, даже не дослушав приказа, а еще мгновение спустя растворились в лесу как утренний туман сидевшие в стороне лисы. Я стиснул руку Катарины.

– Пойдем.

Она решительно мотнула головой.

– Нет. Ты стал одним из них. Нам никогда не быть вместе. Меня убьют слуги твоей матушки.

– Не посмеют! – Одним движением я подхватил ее на руки и бросился бежать к опушке леса, где у дороги меня дожидался верный Гром. Теперь нас никто не разлучит! НИКОГДА!

– Нет, Владислав, отпусти меня! Я смогу отправить Детей леса по ложному следу! – Она попыталась вырваться, но тут же покорно замерла и

едва слышно прошептала: – Почему ты не пришел за мной, когда получил мое письмо?

Я даже остановился. Письмо? И только раздавшееся неподалеку тьяканье заставило меня очнуться и продолжить бег. Вот и дорога. Гром почуял меня и загарцевал на месте.

Один.

Охотники не стали меня дожидаться. И ладно!

Вскочив в седло, я посадил впереди себя Катарину и прищипорил коня. Прости, друг, но от твоих ног сейчас зависит наше будущее! Наша жизнь.

А позади, казалось, весь лес отчаянно принялся тьякать нам вослед.

Я не обернулся. Только крепче прижал к себе любимую и пробормотал:

– Как я мог прийти, если вот уже больше полугода я оплакиваю тебя! Мне сказали: ты отказалась выйти замуж и взамен выбрала смерть.

Она обернулась. Ее удивленный взгляд был мне ответом.

– Да, я отказалась выйти замуж, но я не собиралась умирать! Хотя очень хотела... Я отправила тебе вместе с посыльным письмо, как мы и договаривались, а когда ты не пришел, решила, что ты не захотел бежать со мной. Эту зиму я провела в городе и вернулась совсем недавно. Хотела тебя увидеть, но бабушка сказала, что ты стал бессмертным. Значит... врагом? – Уголки ее губ задрожали, и слезы заблестели в ее янтарных глазах.

– Я был обречен стать бессмертным, и... старая графиня Мареш оказалась права, называя меня врагом. Но я люблю тебя больше жизни и теперь никуда не отпущу. – Я коснулся губами ее виска. Золотистые кудри развевались на ветру победным знаменем. Да. Она – моя победа. – Я попрошу матери отпустить меня и уеду вместе с тобой.

Катарина не ответила, только доверчиво положила голову мне на плечо».

Глава семнадцатая

*Враги повсюду! И сожжен мой дом.
«Ату его!» – кричат вдогонку звери.
Я сам рожден был зверем, но потом
Не в демона, а в ангела поверил.
А ангел – что? Вспорхнул на небеса,
В аду меня оставив навсегда.*

– Ха! Очень любопытно...

Голос Влада вырвал меня из оцепенения, навеянного прочитанным. Я не видела строчек, не видела букв, зато я видела то, что происходило сотни лет назад.

– Что – любопытно? – взглянув на него, я удивилась азарту, горевшему в

его глазах. Он, словно гончая, вставшая на след, был предельно собран и сосредоточен.

Влад торопливо пролистнул несколько страниц назад.

– Вот! Старая графиня Мареш была хорошей ведуньей. Она видела бессмысленность войны и хотела прекратить ее, покинув земли княжества, но не смогла. Здесь написано: *«Казалось сама природа, сам мир был против исхода моей семьи, против меня. После месяца блуждания я и мой народ вновь вернулись в наши леса. Мы словно ходили по кругу, не в силах преодолеть магическую границу. На следующий день после нашего возвращения ко мне пришла молодая женщина. Что-то неуловимо знакомое было в ее чертах. Она назвалась Матерью. Сказала, что поможет справиться с бессмертными, только если я пожертвую моей Катариной или... погибну сама. Я приказала выгнать ее, но она будто растворилась в воздухе...»* Любопытно? Кто к ней приходил? Дальше сказано, что после смерти Катарини графиня прожила недолго. Ее предал тот, кого она мечтала увидеть супругом своей внучки. Она была убита выстрелом в спину стрелой – заметь! – отравленной кровью бессмертного! Ее очень быстро сменила некто Мать, ставшая во главе рода Детей леса. С ее правлением война между оборотнями и бессмертными вышла на новый уровень.

– Стоп! – Желая самостоятельно прочитать сказанное им, я придвинулась к Владу так близко, что сквозь одежду почувствовала жар его тела. Сердце зашлось в диком беге. – После смерти Катарини? Но... она же осталась жива?

В ожидании ответа я подняла на него взгляд. Несколько мгновений он смотрел на меня, затем отвел глаза и сменил тему.

– Неплохо было бы узнать истину о событиях, произошедших тогда. Может, получилось бы все исправить...

– Что исправить? Все прошло, и уже ничего не изменить. – Я продолжала смотреть на него, пытаюсь хоть в мимике, хоть в жестах найти какую-то подсказку. Вот только какую?

– Ты ошибаешься. – Он, избегая смотреть на меня, снова уткнулся в книгу. – Все можно изменить. Я это понял! И только изменив прошлое, мы сможем жить. ЖИТЬ! В настоящем!

Его голос был бесстрастен, словно он объяснял мне прописные истины, но боль, сквозившая в словах, заставила меня поежиться, словно в этот июньский день откуда-то потянуло январским холодом.

– Увы, нет. В этом мире и в этом времени у тебя нет такой возможности. – В дом шагнул отец Яр. – Все должно быть вовремя. Но... как ты вернешься в прошлое?

– Такие двери открывает Кровавая смола. Эти бордово-красные камни, неподдающиеся огранке, находили там, где на кострах инквизиция сжигала ведьм и бессмертных. – Влад коснулся моего украшения. – Барон Геминг хочет использовать этот камень для того, чтобы открыть дверь в башню княгини Софии. Мы можем попытаться сделать это первыми.

– Открыть дверь в «башню трупов»? Может, у вас и получится, а что вы собираетесь делать потом? – Возле стола помутнел, сгущаясь, воздух, и я увидела Анатоля. Надо сказать, он выглядел как живой, только... какой-то блеклый, что ли? И как забавно он говорит по-румынски! Я с трудом его поняла.

– Боже святой! – обернувшись на голос, первым отреагировал отец Яр. – Но... кровь... Я думал, ты умер!

– Я умер. – Призрак исчез и появился на диване рядом со мной. Позер! – Кто из живых может показать такой фокус?

– Но... как? Почему ты здесь? Почему ты не идешь к Богу? – В изумленно вытаращенные глаза отца Яра трудно было смотреть без улыбки. Еще бы, это я уже натренировалась в общении с этим неупокоенным духом... Но, если честно, его внезапные появления и мне до сих пор щекотали нервы.

– Просто есть одно незаконченное дельце. Не против, если я им помогу? – Анатолий вновь исчез и появился напротив стола, так, чтобы видеть всех нас, ловко уселся в невидимое мягкое кресло, покосился на Влада и, обращаясь ко мне, заговорил, старательно выговаривая румынские слова: – Даже если вы откроете дверь в безвременье, исправить ошибки прошлого у вас не получится. Чтобы исправить ошибки прошлого, нужно быть в этом *прошлом*. Понимаете?

Влад устало потер лоб.

– Хочешь сказать, нам реально можно вернуться в прошлое?

– Именно! – Анатолий заулыбался так, словно выиграл приз. – Изменишь прошлое – изменится настоящее. В этом ты прав! Кстати, а знаешь, почему не сработало пророчество о князе-полукровке?

Влад прищурился.

– Какое именно?

Анатолий развел руками.

– О сыне княгини Софии и... – Он взглянул на сосредоточенно хмуращегося отца Яра. – Одного из верных сынов инквизиции. Мне тут, в посмертии, открылись некие о-о-очень интересные факты...

– Не тяни! – хрипло выдохнул Влад.

– Любопытно, да? – На лице Анатолия появилась широкая улыбка. – Ну, так вот. Венцом этого пророчества должен был оказаться союз бессмертного и оборотня. Влахо и Катарини. И тогда их наследник стал бы тем, кто смог бы избавить мир от непрекращающейся войны.

– Довольно! – холодно перебил его Влад. – И как же нам попасть в прошлое?

– Так же, как ты хотел вернуться в убежище княгини. – Анатолий протянул руку к моей подвеске, и его пальцы прошли сквозь камень, а моей кожи коснулся едва заметный холодок. – С помощью камня. Нужное заклинание есть в этой книге.

Он указал на толстенную черную книгу, самую нижнюю в стопке, принесенной нам отцом Ярмом, и продолжил объяснять:

– Читать его вы должны, держась за руки, там, где погибла Катарина. Вас перенесет в тот день, когда все пошло наперекосяк. Ваша задача – понять истинную ошибку. К примеру: если княгиня София погибнет в огне восстания, то барону некого будет освобождать. И... не забудьте о моей награде: вы обещали сжечь мое тело! – Анатолий пылливо взглянул на Влада, перевел взгляд на меня и исчез.

– Боже, как жалко. Такой талантливый, милый мальчик! Был! – Отец Яр пробормотал молитву и направился к выходу. – Пойду, принесу ужин. А за это ты, гость, расскажешь мне о нашем родстве. Просто любопытно, что за прошлое нас связывает.

– Я не знаю. – Ответ Влада заставил его остановиться на пороге и оглянуться.

– Не знаешь или не хочешь говорить?

Влад выдержал его взгляд, усмехнулся и качнул головой.

– Не знаю. Все пути перерождения твоей души мне неведомы.

Отец Ярослав ничего не сказал, только еще несколько мгновений смотрел ему в глаза и вышел под раскрашенное багровыми отблесками заката небо.

Заката?! В поисках разгадок незаметно миновал целый день? Немудрено, что я этого не заметила – окна книгохранилища были закрыты темными шторами.

Интересно, как там Вероника, а главное, где она?

Вскочив, я направилась к двери, чтобы собственными глазами убедиться в том, что закат мне не привиделся, но полюбоваться на краски вечерней зари мне не дали. Пришлось остановиться, разглядывая неведомо как бесшумно материализовавшегося у меня на дороге Влада.

– Куда-то собралась?

Он шагнул ко мне, заставляя отступить.

– Ты... как ты тут оказался? Секунду назад ты сидел на диване, листая книгу! Я даже не слышала твоих шагов!

– Как? Мм... дай подумать. Может быть, у меня хорошая спортивная подготовка? – Он сложил руки на груди, не отводя от меня угольно-черных глаз. – Теперь ты отвечай на мой вопрос. Решила сбежать? Струсила?

– Просто хотела убедиться в том, что уже вечер! – Я тоже сложила руки на груди. – И... почему я должна струсить? Исправлять прошлое – это не моя задача. У меня с прошлым все гладко!

– Уверена?

– Конечно! У меня в роду не было сумасшедших княгинь. И я – не «сосуд», ты прав! А знаешь, почему? Бабушка удочерила мою мать! Взяла из приюта. Понимаешь... Влахо?

– Не называй меня так! – требовательно бросил он, секунду смотрел мне в глаза, затем как-то ссутулился и направился обратно к дивану.

Я проводила его удивленным взглядом и бросилась за ним.

– Значит, все же ты – это он? Это ты написал дневник! Ты сбежал из

башни, где был заточен четыре столетия! А знаешь, что самое интересное? Я видела сон о том, как мати отпускает тебя. – Я остановилась возле дивана и сжала руками виски. – Невероятно! Немыслимо! И хотя я об этом догадывалась, но до последнего не хотела верить! Просто не могла!

Влад холодно взглянул на меня, подвинулся и приглашающе похлопал по дивану.

– Как я уже сказал, все мироздание построено на вере и безверии. Садись. Нам надо еще отыскать заклинание, о котором говорил тот шустрый призрак.

Не отводя глаз, я опустилась с ним рядом. Любопытство, что так мучило меня все эти дни, бешеным потоком прорвало плотину ожидания и догадок.

– Только я не понимаю, почему сейчас ты выбрал меня, а не Веронику?

Он удивленно приподнял бровь.

– А почему я должен был выбрать Веронику?

– Потому что она напоминает тебе Катарину. У нее та же фигура, те же золотые кудрявые волосы. И я, наконец, видела, как ты на нее смотрел! И эти розы с соловьем! Дурацкая романтика, но я поняла – ты любишь ее до сих пор! Я читала дневник! – Злые слезы вдруг затуманили глаза, заставляя поспешно отвернуться.

Пусть думает, что хочет. Не хватало только, чтобы он увидел мою слабость. Причем сиюминутную слабость! Стоит только выпутаться из этой истории, и я уеду домой и забуду все, что со мной было! Мне не нужен этот четырехсотлетний... даже не человек! Не нужен!

Я вдруг почувствовала, как он придвинулся. Что-то металлически щелкнуло, и перед глазами появилась его ладонь, на которой лежал раскрытый медальон, в овальной створке которого таился крошечный портрет. Надо сказать, очень знакомый портрет! Мне озорно улыбалась девушка в пышном белом платье, с белокурыми, убранными на старинный манер золотистыми волосами, локонами спадающими на высокую грудь.

И тут до меня дошло, почему этот портрет показался мне знакомым!

Это же я! Точнее, моя копия, совершенно не похожая на меня.

– Вот так выглядела Катарина. Пойми, я не хотел и не хочу тебя тревожить и впутывать во все это, но мне кажется, один я ничего не смогу исправить.

– Ты думаешь, что если мы с Катариной похожи, значит, я ее перерождение и во мне ее душа? – Я обернулась к нему и замерла, глядя в его глаза.

– А что думаешь ты? – Он был так близко, что меня коснулся идущий от него холодный аромат. Такой... такой знакомый... – Что чувствуешь ты, когда смотришь мне в глаза? Что вспоминаешь, когда говоришь со мной, касаешься меня?

Я пожала плечами и, нервно сглотнув, постаралась, чтобы мой голос прозвучал равнодушно и даже немного отстраненно.

– Ничего. На ум идет только фраза: «В жизни бывает все, кроме

случайностей».

Его красиво очерченных губ коснулась едва заметная улыбка.

– Именно эту фразу любила повторять Катарина. Если ты ее перерождение – ты все вспомнишь. И не ищи узы крови, способные объяснить вашу схожесть. Двойники в этом мире есть у всех, вот только не всем суждено узнать о своих прошлых жизнях.

– Скажи, а как это – быть бессмертным?

Глаза Влада словно выпвели. Он защелкнул медальон, рывком отстранился от меня и снова склонился над книгой, сосредоточенно принимаясь листать пожелтевшие страницы.

– Эй? А обязательно так реагировать? – Что-то невероятно знакомое почудилось мне в этой ситуации, и ощущение дежавю заставило меня действовать: спрашивать, говорить. Все, что угодно, только бы уничтожить это напряженное молчание и... вину? Откуда взялись эти чувства? – Может, объяснишь? Я что-то не то спросила?

– Нет, – бросил он, не отрывая взгляда от книги. – Просто ты повторяешься, а у нас мало времени на повторы. Кстати, – Влад сменил тему, – сегодня мы заночуем здесь. Опасно выходить ночью в лес, особенно мне. Не все белохвостые отнесутся лояльно к нашей благой цели. Поэтому, – он все-таки посмотрел на меня и успокаивающе улыбнулся, – дай мне немного времени, чтобы найти заговор, а после я отвечу на все твои вопросы. Обещаю.

Я кивнула. Влад снова принялся листать книгу, а я задумалась.

Не припомню, чтобы я еще когда-либо задавала ему вопрос о бессмертии, в котором убедилась всего несколько минут назад.

Тут дверь распахнулась, и в дом шагнул отец Яро слав. В одной руке он держал небольшую корзинку, в другой графин с прозрачной водой.

– Не знаю, удовлетворит ли вас простая еда, но... чем богаты. – Он поставил графин и корзину на стол. – Пирог, похлебка, овощи. И вода.

– Освященная? – Влад взглянул на него.

Священник покачал головой.

– Обычная. Кстати, хотел спросить. Останетесь на ночь или уйдете?

– Останемся. – Влад снова уткнулся в текст.

Отец Яр взглянул на меня. В ответ я только пожала плечами, на что тот вздохнул.

– Тогда пойду, схожу за спальниками. Если захотите по нужде – отхожее место сразу за домом.

Я проводила взглядом его рослую фигуру, придвинула к себе корзинку, ноутбук и принялась совмещать полезное с приятным. После прозвучавших откровений любопытство решило известить меня окончательно.

«Когда впереди выросли стены замка, я оглянулся и успокоенно выдохнул:

– Лисы отстали.

– Нет, это временное затишье. – Катарина взглянула поверх моего плеча. – Ты увез меня. Бабушка не оставит это так. Вскоре замок будет

осажден ее слугами.

– Они тебя не получают! – Я вдохнул запах ее волос и... натянул удила. Гром остановился как вкопанный в двух шагах от отца Яна.

Откуда он взялся? Почему я не заметил его раньше?

Катарина сжала мою руку.

– Я уже видела где-то этого человека. Кто он? Что ему надо?

– Подожди меня. Я сейчас. – Дождавшись, когда она возьмет удила, я спешил и подошел к нему. – Что ты тут делаешь... отец? Или...

– Если хочешь, называй меня так. Неужели София поведала тебе свою тайну? – Он хмуро усмехнулся и, внимательно оглядев меня, прищурился. – Когда? До твоего обращения в адскую тварь или после?

– Не все ли равно? – Я постарался остаться бесстрастным. С первых секунд нашей встречи я чувствовал родство и потому доверял ему безоговорочно, а он, вместо того чтобы предупредить, спасти – наблюдал! – Если хотел что-то сказать – слушаю. Нет – прощай. Мы торопимся.

– Да. Хотел. Прежде всего, сказать тебе «прости». Еще до твоего рождения я обещал вернуться, и я вернулся, чтобы спасти тебя.

– А тебе не кажется, что ты несколько опоздал? Я ведь теперь не твой сын, а «адская тварь». Кажется, так ты меня назвал?

– Опоздал. Но осталось последнее. Очищение огнем! Позволь мне сделать для тебя то, что я должен сделать – позволь спасти твою душу. Позволь вернуть тебя в рай! Но это случится, только если ты добровольно предашь себя огню.

Я усмехнулся и указал взглядом на пристально наблюдавшую за нами Катарину.

– Если она будет со мной, мне не нужен рай!

– Но... вам нельзя быть вместе, она ведь...

– ...из вражеского рода? Да. Я знаю.

– Влад, быстрее! Я вижу их! – Голос Катарины заставил меня не мешкая вернуться в седло. Взглянув туда, куда указывал ее пальчик, вначале я ничего не разглядел, кроме какого-то странно белесого поля у стен замка. Затем до меня дошло.

– Лисы? – Их шкуры переливались отраженным светом уходящей луны, и казалось, что в эту теплую весеннюю ночь все поле у замка покрыл снег.

– И их очень много. Но скоро наступит рассвет.

– Тогда они уйдут? – Я прищурился, разглядывая движущийся ковер.

– Нет, они обратятся. – Губ Катарины коснулась невеселая усмешка. – Они не уйдут, пока не получат меня. Влад, может, не стоит рисковать многими жизнями из-за одной? Позволь мне вернуться к себе в имение.

– И не мечтай! – зло рявкнул я, с силой прижимая ее к себе, и протянул руку отцу. – Садись. Прорвемся в замок. Обещаю, тебя никто не станет обращать или убивать. Осада закончится, и ты уйдешь. Бессмертные – не чудовища, способные ради пищи убить божьего человека. Мы просто... другие.

Отец медлил мгновение, а в следующий миг уже сидел на Громе позади меня. Я похлопал жеребца по шее.

Тяжеловато, брат?

Ну, не подведи!

И впился шпорами в его бока. Гром обиженно заржал и сорвался в галоп.

Как мы в ту ночь летели! Гром казался мифическим Пегасом. От его бега сотни, тысячи зверей разбегались в разные стороны, волей-неволей давая нам дорогу. Впрочем, парочка тварей попыталась стащить нас на землю, но болт из арбалета отца Яна и мой меч встретили их серебристые тела, оросив светлое платье Катарины кровавыми каплями. У моста я выхватил рог и несколько раз протрубил.

Только бы открыли ворота! Только бы! Иначе все кончено.

К счастью, одна створка ворот распахнулась прямо перед самым носом коня. Мы влетели во двор, и почти сразу же за нами раздался скрежет и стук. Это слуги торопливо закрывали дверь и задвигали засов. Я спрыгнул с Грома, подхватил Катарину и поставил на камни двора рядом со спешившимся отцом.

Оставшиеся в живых охотники тоже были здесь. Отсалютовав мне, они не подошли, а остались стоять неподалеку от ворот. Что-то взволнованно обсуждая, они бросали на нас настороженные взгляды и жадно прихлебывали из фляжек.

У меня перехватило дыхание от донесшегося терпкого аромата. Я с сожалением коснулся пояса. Моя фляжка осталась где-то в лесу. Жаль...

Первая стадия слабости – голод. Протестуя против обращения в бессмертного, я пытался отказаться от нектара, дарующего силу и жизнь, но... мое восстание бесславно закончилось. Слабость в первые же дни подчинила меня себе. Я не мог пошевелиться, не мог даже дышать, но и умереть я тоже не мог. К тому же кровь в венах становилась огнем и начинала сжигать изнутри невероятной, безумной болью, очень быстро расставляющей все на свои места.

– Влахо? Что произошло? И... что ОНИ здесь делают?

Услышав голос матери, я обернулся. Она приближалась, не отводя взгляда от Катарины и отца Яна.

– Оборотни окружили замок. Мы едва спаслись!

Но матери меня словно не слышала.

– Зачем ты привел их сюда? Ты рискуешь всеми нами, но в первую очередь ты рискуешь жизнью девушки!

– Если попытаешься обескровить это юное дитя, я первым закончу то, что нужно было закончить еще девятнадцать лет назад! – Отец толкнул Катарину себе за спину, и взведенный арбалет уставился острием болта матери в грудь. Кутаясь в длинную черную шаль, она остановилась в паре шагов от нас и вдруг рассмеялась, словно его угроза оказалась остроумной шуткой. Ее хрустальный смех прозвучал одиноко и нелепо и оборвался стоном.

– Мой любимый... Долог же был твой путь домой. У нас вырос сын. –

Она смотрела на настороженно молчавшего отца Яна так, словно вокруг них больше никого не было. – Вылитый ты. Что же ты молчишь? Или ты пришел, чтобы убить нас? Только потому, что мы не похожи на то быдло, что ты привык защищать с пеной у рта? Или потому, что наш век дольше века смертных?

– Потому что ты и твари, подобные тебе, должны гореть в геенне огненной за то, что продлеваете свою жалкую жизнь за счет жизни других!

– Пусть так, но если мы живем под этим небом, значит, твоему драгоценному богу было так угодно! Иначе он не создал бы ни нас, ни тех белохвостых, что с удовольствием освежали бы сейчас тебя, если бы не Влахо!

В ее ласковом взгляде вновь закружились снежинки. Она отвела рукой стрелу арбалета и почти нежно улыбнулась выглядывающей у него из-за плеча Катарине.

– Не бойся, милая. Бессмертные – не чудовища, как говорят о нас святоши. Мы такие же люди, в чем-то счастливее, а в чем-то гораздо несчастнее, чем вы. И нам тоже присущи чувства и слабости. В отличие от графини Мареш, я не буду против вашего союза с Владиславом. Добро пожаловать в семью, Катарина.

Мати обернулась ко мне.

– Ты должен сделать так, чтобы оборотни ушли. Утром они обратятся и станут обычными крестьянами, живущими на землях графини. Как бы я ни хотела, я не смогу удержать мальчиков от желания поохотиться и отомстить за развешенных в прах. К тому же, я уже сообщила барону. Он не станет церемониться. Поверь. – И снова улыбнулась Катарине. – Пойдем, моя дорогая. Я отведу тебя к прислуге на кухню. Они накормят тебя и напоят горячим молоком.

Катарина вопросительно взглянула на меня.

Я кивнул.

– Иди. Ты устала и проголодалась. Ничего не бойся. Я скоро приду...»

Я растерянно уставилась на строчки внизу незавершенной страницы, написанные бабушкой.

«Мари, дорогая, дальше перевод невозможен – листы залиты кровью. Смогла перевести только самые последние записи, но думаю, что история, открывшаяся нам, – уже сенсация! Надеюсь, прочитанное поможет тебе в изучении истории замка. Удачи, родная, и не забывай пытаться выходить на связь, вдруг получится».

Перевод невозможен? Как невозможен? Там же все объяснения! Там все!

Дверь открылась, вновь впуская отца Яро слава. Бросив два кирпичного цвета тюка у дивана, он заглянул в корзину и чуть заметно мне улыбнулся.

– Надеюсь, ужин вам понравился?

Я вернула ему улыбку.

– Спасибо. Пирожки были очень вкусными.

– Тогда я унесу корзину.

– Э-э... – Я бросила взгляд на Влада. – Ты ведь так ничего и не съел...

Он поднял на нас отрешенный взгляд, чуть помедлил, вникая в сказанное, и коротко качнул головой.

– Спасибо, я сыт. А вот воду, пожалуй, оставлю. – Он взял графин с водой и поставил рядом с собой на стол.

– Да, вода – то, что нужно. – Я снова улыбнулась терпеливо ожидающему священнику. Он кивнул, подхватил корзину и вышел.

Глава восемнадцатая

Тебя увидев, я решила – враг.

Но тот мой страх

ты заменил любовью.

Не знала я, что истина в руках,

В губах твоих,

в моей предсмертной боли.

– Зря ты отказался. Пирожки были бесподобными! – притянув к себе оставленный Владом графин, я сделала глоток и вернула графин на стол. Молчание и бесконечный шелест страниц начинали сводить с ума.

Может, попробовать связаться с бабушкой и попросить ее скинуть мне оставшиеся файлы? Ведь каждая фраза в дневнике на вес золота!

Закрыв документ, я нажала на соединение с Интернетом и разочарованно уставилась на мигающий красным значок. Черт! Сеть недоступна!

– Такое бывает. Горы непредсказуемы. – Голос Влада вырвал меня из задумчивого созерцания экрана. – За запоздалое приглашение к ужину спасибо, но я бы все равно не рискнул забрать у тебя пирожки. К тому же ты и сама с ними быстро расправилась.

Я бросила на него смущенный взгляд и виновато улыбнулась.

– Они как-то резво закончились...

– Я заметил. – Он усмехнулся и кивнул на ноутбук. – Все прочитала?

Я вздохнула.

– Листы дневника залиты кровью. Бабушка сказала, что перевод невозможен. Кстати... – Я придвинулась к нему поближе. – А ты не смог бы рассказать мне сам, что тогда произошло?

Он посмотрел мне в глаза и, указав на раскрытую книгу, решительно переменил тему:

– Вот оно! Заклинание перехода, способное оживить казненных и позволить исполниться одному-единственному желанию.

– Всего одному?

Влад внимательно принялся рассматривать пожелтевшие страницы.

– Исполняя желание, камень растворяется, становясь каплями крови.

Заглянув ему через плечо, я нахмурилась, пытаюсь разобрать стершиеся от времени завитушки.

– Это что – латынь?

– Заклинания работают, когда их очень редко произносят. Мертвый язык самое лучшее хранилище для магических знаний. – Влад вдруг захлопнул книгу.

– Зачем ты закрыл?! Столько искал, и... – Я растерянno взглянула на него, потом снова на книгу.

– Я его не забуду. – Он поднялся. Прошелся по комнате, остановился у узкого окна и сорвал закрывающую его темную ткань. Лучи заходящего солнца окрасили золотом его лицо. – Нет ничего лучше заката. К сожалению, скоро наступит ночь. Тебе нужно выспаться. Завтра мы выйдем еще затемно.

– Тебе так не терпится попасть в замок? – Я обхватила плечи руками. Отчего-то стало зябко и тревожно. – Влад, а вдруг у нас ничего не получится? Вдруг мы не найдем место, где умерла Катарина? Вдруг не попадем в прошлое? Я не хочу, чтобы в меня вселялась какая-то бессмертная! Безумно звучит! Если честно, я сама не верю в то, что говорю.

Он обернулся ко мне, но подходить не стал. Остался стоять у окна, привычно скрестив руки на груди.

– Пойми, Мари, от нас ничего не зависит. Все идет своим чередом, и это уже не остановить, можно только разрушить. – Он помолчал. – И меньше всего я хочу того, что вновь произойдет, если мы не сможем исправить ошибки.

– И что произойдет? – Я поднялась и подошла к нему.

– Те, кто не в силах развязать петлю времени, сами заканчивают в петле. Если мы не сможем изменить историю, все повторится. – Он заглянул мне в глаза.

– Что повторится? – Интересно, он нарочно пытается меня запутать? Почему бы все не рассказать!? По пунктам! – Не забывай, что я не помню свою прошлую жизнь. И я до сих пор не знаю, что произошло с Катариной на самом деле! Потому что у меня нет окончания файла, а в дневнике отчего-то оказалось написано совсем другое! Ты специально не даешь мне узнать то, что случилось?

– Более того! Я бы отдал жизнь, чтобы ты никогда не возвращалась к этим воспоминаниям. А дневник... читай внимательно, возможно, он даст тебе то, что ты действительно желаешь знать. – Он вдруг коснулся пальцами моей щеки.

Я замерла, не в силах поверить той нежности, что вдруг прозвучала в его голосе, и закрыла глаза, невольно подставив губы для поцелуя. Тепло ладони вдруг исчезло, а меня заставил очнуться стук захлопнувшейся двери.

Идиотка! Какое, должно быть, жалкое зрелище я сейчас представляю. Я всего лишь *похожа* на ту, которую он любил и, возможно, любит до сих пор,

но я – не она! Я никогда не стану ею. Между нами века!

Ничего, князь Владислав Вайнский, я помогу тебе все исправить. Не знаю как, но помогу, чтобы поскорее уехать и все забыть!

Стиснув зубы, чтобы не дать предательским слезам вырваться на волю, я решительно ухватила спальник, затащила в неприметную дверь, за которой оказалась еще одна небольшая комната, тоже уставленная стеллажами, и расстелила на полу у дальней стены.

Подумав, я отправилась на поиски нужника и нашла его в пристройке за домом. Быстро закончив с насущными проблемами, я вернулась в дом, подхватила лежавшую на диване сумку с дневником, взяла ноутбук и, прошагав в импровизированную спальню, решительно закрыла за собой дверь.

Раздеваться я не стала. Только сняла ветровку и как была, в джинсах, футболке и кроссовках, улеглась на спальный мешок как на матрас. Притянув ноутбук, я снова попыталась выйти в Интернет, но значок сети упрямо показывал ее отсутствие.

Что ж, тогда прочитаю дневник – воспользуюсь советом. Вдруг...

Я с сожалением пролистнула залитые кровью страницы и с опаской вгляделась в уцелевший текст:

«– Владислав, пойми! Только это позволит нам быть вместе! Пока мы по разные стороны баррикад – мы разлучены. И это будет длиться до тех пор, пока ты не сделаешь из меня бессмертную!»

– Нет! – Я притянул к себе Катарину. Не думая, что причиняю боль, сжал руками ее лицо и, глядя в горящие безумием глаза, заговорил, желая только одного. Боже, дай ей разум, что ты отнял, пока меня не было! – Нет! Нет и нет! Я не хочу, чтобы ты испытала то, что испытываю я вот уже шесть месяцев. Этот вечный голод, эту слабость! Ты не сможешь контролировать себя, как бы ни была в этом уверена! За могущество надо платить, и платить большую цену, чем смерть! В тысячу раз большую!»

Я сосредоточенно помассировала виски. Спать хотелось невероятно, но любопытство лучше любого кофе заставляло держать глаза открытыми. Если в прочитанном мною упоминается Катарина, значит, я читаю события четырехсотлетней давности? Отсюда вывод – Влад снова поменял дневники. Но зачем? И как ему удалось так подлинно воссоздать вид второго дневника?

Я тоскливо пролистнула слипшиеся страницы. Интересно, что за тайну вы скрываете вместе с написавшим вас?

Покосилась на закрытую дверь. Знать бы еще, куда он ушел!

И вновь вернулась к переводу.

«– Мне все равно! – Глаза Катарины горели безумием. Как еще назвать эту неоправданную надежду? – Владислав, это наш шанс! Наш единственный шанс быть вместе – бабушка никогда не благословит наш союз, а я не смогу

принадлежать никому, кроме тебя.

– Нам придется вечно скрываться! – Видит бог, я мечтал быть с ней, но позволить ей пройти через то же, что и я... Нет!

– Я согласна на все! Влад! Прошу! Решайся!!! – Ее руки ласкали мое лицо, а пересохшие губы шептали бессвязные уверения: – Мы будем вместе! Вечность! Ты и я! Решайся! Замок осажден сотнями оборотней. Наверняка и бабушка где-то рядом! А значит, и ее колдуны.

– Но мы за стенами и можем продержаться здесь до прибытия армии Барона. – Я усадил ее на разобранную постель. – Слуги графини не смогут причинить нам вред.

– О! Ты не знаешь их мощи, их бешенства, когда загнанная в угол добыча так близка! А колдуны... Они могут подчинить разум смертных обитателей замка, вызвать колебание земли, что разрушит оберегающие вас древние стены, или призвать незатухающий огонь, способный вспыхнуть в самых темных подвалах.

Она была так близка, страстно шепча мне эти угрозы, что я не удержался и впился в ее губы поцелуем.

– Влад, любимый! – Она ответила так страстно, что все померкло перед этим мгновением. – Я хочу быть с тобой! Всегда! Я хочу спасти нас! Позволь стать такой же, как ты!

– Но чем ты спасешь нас, став бессмертной? – Я отстранился, приказывая себе успокоиться. Не время. Да и не место. Не в этой комнате, где прошло мое полное незаслуженных обид и одиночества детство, я бы хотел, чтобы она стала моей. – Ты так же будешь бояться огня и случайного укуса обезумевшей твари, возжелавшей тебя убить. Ты окажешься уязвимой для голода и слабости.

Я поднялся, подошел к окну и остановился, разглядывая раскрашенное уже порозовевшими облаками белесое рассветное небо. Из-за стены вверх потянулись дымные столбы от костров, указывая на то, что время зверей прошло, теперь замок окружают люди, и они решили взять нас измором. Интересно, отчего они не идут на переговоры с требованием отдать Катарину? Чего они ждут?

– Пусть так. Но... ко всему можно привыкнуть при условии, что ты жив. Что ты рядом! Сейчас вопрос в том, как пережить этот день.

– Но если я позволю тебе стать бессмертной, графиня Мареш объявит охоту и на тебя!

– Нет. Бабушка не убьет меня, даже если я стану бессмертной. Она отзовет своих слуг, как только поймет, что я больше не человек. Как только смирится с мыслью, что я не стану одной из Детей леса. Или ты хочешь меня потерять? – Послышались легкие шаги, и теплые пальчики Катарины коснулись моих плеч.

Я обернулся.

– Не хочу. Но ритуал обращения меня пугает! Я ведь должен буду... – не в

силах выговорить ни слова, я решительно покачал головой. – Нет, Катарина! Я не смогу!

– Почему? – Она подошла так близко, что меня опалило тепло ее тела. – Почему?!

И я решился.

– Потому что стать бессмертным можно, только если отдать дань смерти! Понимаешь? Я должен буду тебя убить, чтобы ты воскресла уже бессмертной! Понимаешь ли ты это?! А я даже мысленно не могу представить твою смерть. За полгода я так до конца и не смирился с тем, что тебя нет! Просто не поверил, а тут... – понимая, что уже кричу, я замолчал. Тяжело дыша, подхватил ее на руки и, опустив на постель, склонился над ней. Глядя в ее полные бесконечной мольбы глаза, едва слышно выдохнул: – Я не смогу.

Она отчего-то не стала убеждать и настаивать, просто обвила меня за шею руками. Ее губы нашли мои, и я понял: ничто в этом мире не сможет спасти меня от священного огня, что сейчас жег мою душу и тело, но все же я нашел в себе силы, чтобы подняться и в отчаянии прохрипеть:

– Катарина, я...

– Молчи! – Она села на постели, решительно расстегнула и скинула платье. – Если ты и вправду хочешь со мной расстаться – не стану неволить, но пусть в твоей памяти останутся эти мгновения. А взамен я хочу дитя. И не говори, что он будет проклят, что он родится полукровкой. Неважно! Он останется со мной и когда-нибудь найдет и приведет тебя ко мне.

Не в силах больше противиться страсти, не в силах отвести взгляда от ее совершенных форм, я приблизился. Победная улыбка коснулась ее губ, а пальчики принялись торопливо расстегивать пуговицы на моей рубашке. Вскоре моя одежда тоже оказалась на полу. К ним присоединились и ножны с черненым кинжалом отца Яна. Подчиняясь нежным рукам, любимым губам, я, не сдержав стона, опустился на ее пылающее, желанное тело, и мир исчез. Боже, как я мог жить без нее!»

Услышав скрип двери, я едва успела захлопнуть дневник, как в комнату заглянул Влад. Надеюсь, мое пунцовое лицо меня не выдаст...

– А... ты тут. – Он бросил взгляд на дневник, на закрытый ноутбук и зашел. – Не помешаю? Я думал, ты уже спишь.

– Хм... – Я смерила его подозрительным взглядом и села. – Если ты думал, что я сплю, зачем тогда пришел?

Он словно не услышал моего вопроса. Прошелся по комнате, все внимательно разглядывая, и уселся на корточки в паре шагов от меня.

– Вижу, трудности с дневником исчезли?

– А не объяснишь, отчего они возникли? – Я смело встретила его взгляд. Смущение как-то само собой исчезло.

Почему? Ну почему меня так волновал образ из дневника, а тот, кто его создал, заставлял испытывать гамму чувств – от интереса до глухого

раздражения? Не потому ли, что между этими двумя лежала непреодолимая пропасть в четыре сотни лет?

– Видишь ли... Бессмертные очень хорошо владеют даром иллюзии. – Влад осторожно коснулся ветхого переплета, словно от его прикосновения дневник мог рассыпаться прахом. – Я пожелал, чтобы ты сама поняла все, что есть на самом деле, но... увы. Ты видишь только то, что лежит на поверхности.

– Что ты хочешь сказать? – Я нахмурилась. – Все, что я читала и переводила... этого ничего не было?

– Ну почему же? Было. Только ты читала записи не в дневнике, а здесь. – Он коснулся своего лба и грустно усмехнулся. – Все изменилось. Даже ты...

– Потому, что я ничего не помню? – Я вызывающе сложила руки на груди. – Может, потому что меня, в отличие от Катарины, ты скорее пугаешь и злишь, нежели вызываешь страсть?

– Это нормально. – Он поднялся. – Я даже готов смириться, что в теле, о котором я грезил все эти века, живет совсем иная душа... Только бы это помогло мне...

– ...не дать княгине Софии вернуться в наш мир? – закончила я за него. – Почему ты ее так ненавидишь? Из-за жестокого детства? Обращения в бессмертные?

Влад ответил мне долгим, ничего не выражающим взглядом и с усмешкой качнул головой, вот только в его голосе плескалась боль.

– ...только бы это помогло мне вернуть Катарину. Все остальное я готов пережить тысячу раз снова.

– В ее смерти виновна мати?

Он едва заметно передернул плечами.

– В ее смерти виновен я.

Я встала и шагнула к нему.

– Знаешь, что бы ни произошло тогда, уверена, Катарина, где бы ее душа сейчас ни была, не держит на тебя зла. Скорее, она жалеет, что пришлось покинуть того, кого она любила больше всего на свете.

Его черные глаза прищурились, не отводя от меня тревожащего взгляда.

– Ты думаешь, что можно полюбить чудовище, не дорожащее ни жизнями любимых, ни вечностью врагов?

– Обвинить можно кого угодно. Гораздо сложнее понять.

– Да, я помню... На последнем вечере у Андруша ты очень красиво мне об этом сказала. – Он протянул руку и едва коснулся моей щеки. – Что бы ни случилось, я не дам тебе умереть. Снова. Улыбнись. Не люблю видеть печаль в лицах людей. Люди должны быть... мм... счастливы.

– Где-то я это уже слышала... – насторожилась я, но Влад не удостоил меня ответом. Просто вышел из комнаты и тихо закрыл за собой дверь.

Глава девятнадцатая

Обман или мечта, не понимаю,
Но принимаю правила игры
И словно свечка, таю, таю, таю,
Когда меня огнем сжигаешь ты!

Несколько секунд я стояла, лихорадочно пытаюсь вспомнить что-то ускользающее от меня и, охнув, бросилась за ним.

– На последнем вечере я говорила о своей работе... Андрушу! – Распахнув дверь, я обличительно наставила на него палец и принялась наступать. – Негодяй! Значит... Значит, это был ты? Ненавижу! Не-на-ви-жу!

Ответив мне нахальной ухмылкой, он уселся на диван, раскрыл книгу и, закинув ногу на ногу, глубокомысленно кивнул.

– Именно твои чувства отличают тебя от подлинника.

– Что?! – Ярость выплеснулась наружу. – Значит, я – фальшивка?!

Подхватив графин с водой, я с наслаждением перевернула его на голову невозмутимого Влада, но ни капли не пролилось на его волосы цвета воронова крыла, а то, что произошло в следующую секунду, заставило меня остолбенеть. Моя рука, судорожно сжимая графин, против моей воли взметнулась надо мной, и холодный поток мстительно вылился мне на голову, заставив застонать от холода и бешенства.

– Может, и фальшивка, – Влад невозмутимо оторвался от книги и насмешливо взглянул мне в глаза, затем его взгляд переместился ниже, туда, где мокрая футболка туго облепила грудь, – но есть все шансы стать подлинником. Давай начнем сначала?

Он поднялся.

– Ты – роза, распутившаяся в моем осеннем саду, ты – майская птица, впорхнувшая в мое уставшее зимнее сердце...

Я со всей силы запустила в него опустевшим графином, но подлец увернулся. Стеклянная бомба свистнула рядом с ним и, встретившись со стеной, брызнула во все стороны крошечными осколками. Словно ничего не произошло, Влад направился ко мне, продолжая декламировать:

– Любимая, я тебя все равно найду, вот только вспомнишь ли ты все, что было так безумно давно... Вот только пустишь ли ты меня к себе обогреться...

– Пошел ты... – Я честно мысленно перебрала все, к сожалению, цензурные ругательства и, решив не тратить на них время, просто посоветовала: – Засунь свою розу и соловья знаешь куда?

– Жестокая! – Он, не сводя с меня взгляда с легкой сумасшедшинкой, решительно продолжал наступать. Я попятилась. Мало ли... вдруг он сегодня еще не ужинал... – Вообще-то это слова песни, что любила петь моя сестра своему жениху. Этот романс и тебе когда-то очень нравился. Я прочитал стихи в надежде, что твоя скрытая веками и перерождениями память проснется, но... увы.

Я беспомощно остановилась, ощутив спиной стену, так некстати выросшую на моем пути. Влад подошел так близко, что до меня донесся привычный горьковатый аромат.

– Ты – прав! Я не Катарина! – глядя ему в глаза, зло выпалила я. – Так что не тешь себя надеждами.

Он приподнял мой подбородок и без тени улыбки нежно погладил его. От этой внезапной ласки я растерялась и замерла.

– И ты права. Надежда – глупое чувство смертных. – Его бархатный голос сменил манящий шепот. – Я знаю, что это ты, Кэти, но как пробудить в тебе воспоминания? Может быть, так?

Он склонился, и я ощутила прикосновение его жестких, горячих губ. Не в силах противиться этим странным чарам, я с ужасом почувствовала, как мои руки безвольно взлетели ему на шею, а губы раскрылись, отвечая на его робкий и в то же время властный поцелуй. Тело сделалось податливым и чужим. Страсть переплелась с каким-то сладостным страхом, заставляя подчиняться его напору.

Внезапно этот пленяющий и одновременно пугающий поцелуй закончился, отозвавшись в душе какой-то тоскливой пустотой.

– Ну как? Опыт удался? – Он отстранился, а в его глазах вновь воцарилась равнодушная, пугающая темнота. – Что-нибудь вспомнила?

Рука вскинулась сама, и звонкий звук пощечины стал мне наградой, как и его изумленное лицо. Скользнув у него под рукой, я вбежала в облюбованную мной комнату и так шарахнула дверью, что из косяка выбился дымок пыли.

Шок от произошедшего сменился злостью, наполняющей пузырьками кровь. Надеюсь, поймет! Слишком много он себе сегодня позволил! Поцелуй поцелуем, но даже не это меня задело, а странное беспомощное состояние, что явно было делом рук этого фокусника!

Никто не подчинит и не получит меня, если я того не пожелаю!

Хм... А если бы он захотел мной поужинать или еще чего... «надеюсь, неприличного» – как любит говаривать Вера?

При мысли о подруге адреналин этого вечера внезапно сменился непонятной тревогой. Как она там? Где она? Ведь мы должны были встретиться! Представляю, что она почувствует, если мы не явимся в срок. Знать бы еще, КОГДА этот срок! До полнолуния наверняка осталось еще дня два.

Затем пришла и вовсе пакостная мысль.

А что если Влад специально увел меня сюда? Здесь слугам барона меня не достать, и... за всех будет отдуваться Вероника?

Сердце сдавило чувство вины и стыда.

Я прижалась к двери, вслушиваясь в царящую за ней тишину, затем подошла к спальнику и села.

Обиделся?

Ну и ладно.

Чтобы хоть как-то унять беснующиеся мысли, я притянула дневник и, пролистнув несколько прочитанных страниц, снова принялась за перевод.

«— Влад, скажи, как это — быть бессмертным?»

Ее тихий голосок вырвал меня из неги блаженства, возвращая к царившему вокруг аду. Я сел на постели и принялся одеваться. Мягкие пальчики коснулись моих обнаженных плеч.

— Я сказала что-то не то?

— Нет... Просто этим вопросом ты напомнила мне то, что я должен сделать.

— И что же? — Золотистые волосы пощекотали спину, заставляя страсть вновь проснуться, но... Нет. После! Когда все закончится!

— Выбор. — Я обернулся и легонько коснулся поцелуем ее призывно приоткрытых губ. — Между тем, чтобы позволить тебе прожить отпущенный век и тем, чтобы подарить вечность страха, боли и...

— И любви. — Катарина поднялась, нестерпимо дразня меня наготой, и подхватила с пола платье. — Мне все равно. Главное, ты будешь рядом. Всегда!

— Вечность — это ловушка. — Накинув на плечи рубаху, я надел штаны и повесил ножны. — Вдруг ты меня разлюбишь?

— Не говори глупости! — Она неторопливо оделась,правила платье и подошла ко мне, желая сказать что-то еще, но тут снизу донеслись крики. Катарина бросилась к окну и замерла, кусая губы.

Я в два шага преодолел разделяющее нас расстояние.

— Что там?

— Колдуны бабушки уже тут. Ваши слуги обезумели! — Она указала на дворовых. Толпой человек в двадцать они, вооружившись факелами, вилами и топорами, пытались выбить обитые железом ворота. Из замка появилось несколько охотников. Я отвернулся, чтобы не видеть того, что должно было произойти, но знакомый яростный голос вновь заставил меня посмотреть вниз.

Отец Ян?

Держа меч как распятие, он появился посреди двора и в чем-то принялся убеждать как охотников, так и слуг. В следующее мгновение из глубины замка послышался отчаянный женский вопль. На балкон, расположенный сразу под моими окнами, выбежала одна из близняшек. Если судить по волосам — Гертруда.

— Пожар! — размахивая руками, как безумная завопила она. — Кто-то поджег замок!

Катарина посмотрела на меня долгим взглядом.

— Время делать выбор подошло. Скоро от твоей неприступной крепости останутся одни камни. Колдуны вызвали огонь и заставили слуг открыть им ворота. Впрочем, все, как я и предсказывала! К вечеру я уже снова буду в имени бабушки, и поверь, на этот раз она не станет прислушиваться к моим

мольбам. Меня ждет обращение и свадьба с одним из ее вассалов. Надо сказать – редкостным мерзавцем!

– Но ты была со мной! – Ревность, ярость петлей сдавили горло, едва я представил ее в объятиях другого.

– Поверь, это не имеет никакого значения. Против приказа графини Изабеллы Мареш не пойдет никто. – Холодная, полная горечи улыбка исказила лицо любимой. Казалось, ею она пытается скрыть отчаяние, что терзает ее сердце. – Уже до следующего утра все решится, если ты не решишься сейчас.

Яростные крики во дворе сменились предсмертными стонами и воплями ужаса.

Грубо стиснув тонкое запястье девушки, я потащил ее за собой и, усадив на постель, торопливо заговорил:

– Хорошо! Ты привязала меня к себе этой постелью так крепко, что теперь я способен на все, даже добровольно пойти в ад, только бы ты была со мной. Пусть недолго, но со мной! Я больше не отдам тебя ни старой графине, ни ее шавкам! Это мой выбор!

– Нет, Влад! – Катарина невозмутимо поправила выбившиеся кудряшки и строго заговорила: – Это наш выбор! Пойми, никто не подчинит и не получит меня, если я того не пожелаю, а если бы ты отказался, я не стала бы тебя неволить.

– Я знаю. – Пальцы стиснули холодную рукоять кинжала. Я выхватил клинок и прижал к вздувшимся венам запястья. Черное лезвие, казалось, только задело мою кожу, но о пол застучали тяжелые дурманные капли, пробуждая слабость. Ничего, порез скоро затянется...

Стиснув руку в кулак, я подошел к столу, потянулся к хрустальному бокалу и замер, замороженно глядя, как он постепенно наполняется густым черным нектаром моей крови.

Порез перестал кровоточить, когда бокал наполнился до половины. Хватит. Для воскрешения достаточно и несколько капель, вот только тогда обращение будет долгим. Очень долгим, а сейчас важна каждая секунда.

Все еще сжимая клинок, я взял бокал и протянул его внимательно наблюдавшей за мной Катарине. Болезненная бледность коснулась ее прекрасного лица. Кажется, она уже пожалела о своем выборе, но... зная ее, я мог с уверенностью заявить – Катарина не отступится.

– Ты еще хочешь стать бессмертной?

– Мне нужно это выпить? – Она с трудом отвела взгляд от бокала и смело посмотрела на меня.

– Да. Чтобы ожить, на момент смерти в тебе должна быть кровь бессмертного. – Я дождался, когда она возьмет бокал, и прошел к окну. Я помнил вечер своего обращения, и не желай она так страстно, ни за что не позволил бы ей пройти через этот ужас.

На балконе сестры уже не было, но дымный шлейф, окутавший замок, становился все гуще. Увещевания отца, кажется, не возымели действия. Я

заметил на серых плитах двора лежащие сломанными куклами мертвые тела слуг. Возможно, и среди бессмертных были счастливицы, получившие покой, но это можно было узнать только кого-то недосчитавшись. Пыль, в которую рассыпается тело бессмертного, всегда очень быстро хоронит ветер.

– Я готова. – Руки Катаринины обняли мои плечи. Я развернулся. Посмотрел в ее лихорадочно горящие глаза. – Теперь убей меня. Чтобы я смогла воскреснуть. Ну же? Не медли! Подари мне вечность!

И тут дверь в комнату распахнулась.

– Нет, Владислав! Не делай этого! Не смей!!!

Невидящим взглядом я посмотрел на замершего на пороге отца.

– Влад... я... Жжется... Как жжется!!! – Катарина вдруг сделала пару судорожных вдохов, схватилась за горло и повалилась грудью на зажатый в моей руке кинжал. Выпустив его из рук, я подхватил девушку, сделавшуюся тяжелее мраморной статуи. Она еще успела несколько раз хрипло вздохнуть, прежде чем смерть пролила мутного зелья в ее глаза.

Впрочем, смерть – это всего лишь условие для того, чтобы нам быть вместе. Она скоро очнется.

– Она скоро очнется. – Повторил я собственные мысли и бережно перенес тело любимой на кровать. – Она только спит.

Подняв сползшее на пол одеяло, я укрыл ее и взглянул на отца.

– Я напоил ее своей кровью, и она скоро...

– Она не очнется! – Он подошел ближе и поднял кинжал. – Неужели ты думаешь, что царапина от кинжала смогла так быстро ее убить? Это твоя кровь стала для нее ядом! Катарина не очнется, потому что она – оборотень!

Я слышал его и не понимал. Услышанное не укладывалось в голове и оттого не пугало. Ведь он не знает. Он ничего не знает!

– Она не оборотень! Графиня не обращала ее! Ты ничего не знаешь! Она очнется! – не сразу осознал, что последние слова я прокричал ему в лицо. После сел рядом с Катарининой и хрипло пробормотал: – А теперь уходи.

– Нет, не уйду. Все, что случилось, моя вина. Я должен был тебя предупредить, я все это знал! И именно поэтому я тут, но... я не успел. Так позволь мне вас спасти, пусть не для жизни, но для Бога!

– Интересно как? Сжечь? – Я вдруг расхохотался. Безумный смех рвался из меня вместе с душой, даря облегчение. – Да у тебя просто мания жечь все, что тебе непонятно, и все, чего ты боишься! Поди прочь, но сначала признайся – ты хочешь сжечь Катарину, чтобы в мире не появился еще один бессмертный?

– Прости. Я виновен. Тяжко виновен, что не забрал тебя сразу после рождения или до того, как княгиня создала из тебя чудовище. Но видеть твое безумие... уволь. Я не настолько виноват перед тобой! – Он шагнул ближе, подхватил безжизненно свисавшую с постели руку Катаринины и указал на белесый полумесяц шрама, пересекающий девичью ладонь. – Помнишь укусившую ее на горной тропе лису? А после я дал ей камень, способный

замедлить распространение яда, но я знал, что изменение постепенно свершится, она станет оборотнем – это было предрешиено, к тому же с рождения в ней текла часть проклятой крови Изабеллы Мареш.

– Но... почему она ничего мне не сказала?

– Она не знала.

– И графиня не знала?

– О! Графиня знала. Иначе почему она на полгода спрятала ее от тебя? Ты и дальше считал бы Катарину мертвой, если бы прошлой ночью она не сбежала. Узнав о нападении, она бросилась тебя спасать. Катарина никогда не обращалась и даже не ведала, что стала оборотнем только потому, что носила это! – Он откинул одеяло и указал на белесый камень, лежавший на бездыханной груди любимой. – Помнишь его?

– Да. Помню. Ты подарил ей. Обычная безделушка, какие иногда носят дворовые. – Мой голос сорвался в хрип. Понимание произошедшего, которому так яростно противился разум, вдруг накрыло холодной волной горя, и невыносимая боль адским псом вгрызлась в тело, выцарапывая остатки того, что когда-то билось, любило и заставляло верить. – Я только что сам ее убил? Ту, которую боготворил?

Впервые в жизни я позволил душившим меня рыданиям обрести надо мной власть. Только бы избавиться от огня, выжигающего изнутри мою душу. Через какое-то время я очнулся от непривычно нежно коснувшейся меня руки священника.

– Тише... тише, мальчик... Ты освободил ее душу от выбора, от боли, от сомнений. Она умерла человеком несмотря на все свое наследие. А проклятье... Мне кажется, как бы мы ни старались, довлеющее над всеми нами проклятие не снять.

Сбросив его руку с плеча, я вернул кинжал в ножны и решительно поднялся.

– Прочти молитву, отец. Над той, что была единственной надеждой и смирением для такого отродья, как я. И прощай... – В последний раз я посмотрел в лицо будто уснувшей любимой, накрыл ее одеялом и направился к двери.

– Владислав? – Отец Ян догнал меня. – Что ты задумал?

– Пойду делать то, что у меня получалось лучше всего в моем бессмертии. Убивать. – Я распахнул плечом дверь, дернулся, вырываясь из его цепких пальцев, и шагнул в пелену едкого дыма, уже почти скрывшего коридор.

– Влад! Прошу! Ты не должен! Умереть легко, а ты попробуй все исправить? Бог всегда дает шанс! – догнал меня голос отца, перебиваемый натужным кашлем.

– Какой шанс? О чем ты говоришь? Я ее убил! Ее убил – я!

– Да! – Он неожиданно возник передо мной, заставляя остановиться. – Ее убил ты, и наказание для тебя поистине жестоко – века памяти и вечность боли.

Я кивнул.

– Поэтому не мешай мне! Я не выдержу этого наказания. Я хочу уйти как можно скорей.

– Уйти? Хорошо. – Его глаза подозрительно заблестели. – Но ты никогда не найдешь ее в посмертии. Она – мученица, ты – диавол во плоти! Ваши вселенные не пересекутся, если ты не примешь очищение огнем. Только огонь способен вернуть Богу твою душу!

Я прищурился, спасаясь от едкого дыма и жгучих слез.

– А если меня примет священное пламя, я смогу искупить совершенное мной?

– На все воля Божия, сын. – Отец Ян не ответил ни «да», ни «нет», но какая-то странная надежда заставила меня добровольно направиться за ним в белесую пелену дыма. Крики, доносившиеся со двора, приблизились. Совсем рядом зазвенели встретившиеся в последнем поединке сабли.

Глава двадцатая

Кто-то что-то напороочил
В этой серебристой ночи,
Кто-то где-то затаился
И поймал нас. И убил нас!
Сном предутренным греша,
Слышу шепот, чуть дыша:
«Ну, очнись, моя душа!»

Я проснулась от того, что кто-то тряс меня за плечо. В ушах все еще раздавались крики и звон оружия. Надо же! Уснула, когда читала дневник. Впрочем, неудивительно. За последнюю пару дней я уже и забыла, что такое полноценный восьмичасовой сон!

– Мария! Проснись!

Сообразив, что мне это не снится, а крики и угрожающий звон доносятся в реальности, я распахнула глаза и торопливо села, пытаясь понять, что происходит. В комнате плескались густые сумерки. Возле меня на корточках сидел Влад. Сначала я его не узнала и, увидев рядом чей-то темный силуэт, испуганно отшатнулась, но его сухая и теплая ладонь тут же крепко зажала мне рот, а знакомый голос тихо предупредил:

– Молчи. В обители белохвостые.

–оборотни? – Я едва слышно шевельнула губами. Остатки сна от такой новости разлетелись в клочки.

Он кивнул. Его блестящие в полумраке глаза приблизились.

– Нам нужно бежать. Справишься?

Страх липкой волной подкатился к горлу, вызывая легкую тошноту.

Пересилив себя, я старательно кивнула и не удержалась от вопроса.

– Что нужно делать?

Влад поднялся и рывком поставил меня на ноги.

– Просто иди за мной. Сможешь?

Дождавшись от меня еще одного куда менее уверенного кивка, он развернулся и подошел к окну. Чуть отвел темную ткань занавески и осторожно выглянул.

Не представляю, что можно увидеть в такой темноте!

– За домом пока никого. Выходим и идем к скотному двору.

– А ты уверен, что там их нет? Или надеешься, что я смогу посоревноваться в беге с лисами?

Влад отстранился от окна и односложно ответил:

– Нет. Не сможешь. Но не бойся. У нас есть преимущество.

– Например, какое?

– Время.

Он повозился с задвижкой и бесшумно распахнул створку.

– Ну? Готова?

Миг, и он уже стоял под окном. Я поежилась. Темнота была такая, что казалось, ее можно было потрогать.

– Готова. – Я уже хотела было последовать за ним, но тут меня словно пронзила молния. Дневник! Ноутбук! Я не могу все это здесь бросить!

Ничего не объясняя, я кинулась назад, почти на ощупь нашарила сумку и гладкую крышку ноутбука. Дневник оказался тут же. Не придумав ничего лучше, я сунула его себе за пазуху и принялась вталкивать в сумку ноутбук. Вдруг где-то хлопнула дверь. Послышались торопливые шаги. Бросив попытки спрятать торчавший из сумки уголок ноутбука, я крепко прижала к себе драгоценную ношу, бросилась к окну и спрыгнула в неизвестность. В ту же секунду за спиной с грохотом распахнулась дверь.

Мне повезло. Я упала на взрыхленную землю и, почти ничего не различая в окружающем мраке, поползла вперед, пока не уткнулась в выстроенные рядом гладкие доски. Кажется, забор. Испугавшие меня крики доносились сюда как-то приглушенно, но звон оружия по-прежнему будоражил кровь.

– Станный способ побега – ползком. Слишком медленный. Не находишь? – раздавшийся над ухом шепот Влада заставил сердце радостно затрепыхаться.

– Зато больше гарантии, что не сразу заметят. – Я почувствовала его руку и поднялась. – Кстати, забыла сообщить. Не знаю, на что ты надеялся, но за нами уже погоня. В комнату кто-то вломился в тот момент, когда я совершала кульбит!

Влад тихо выругался. Его пальцы сжали мое запястье, и мы бесшумными теньями бросились куда-то вдоль забора. Точнее, тенью был он, а я повисла у него на руке тормозящим, неповоротливым грузом. Еще бы! Я и при дневном-то свете почти не ориентировалась в этих постройках, а уж в темноте и

подавно.

Влад на миг замешкался, что-то щелкнуло, скрипнуло. В заборе распахнулась узкая дверца, но не успели мы в нее шагнуть, как оттуда бесшумно выскочила здоровенная белая тварь и, не сводя с нас горящих желтым огнем глаз, зло ощерилась.

В руке Влада тускло блеснула длинная полоска стали. Зверь бросился на нас. Влад оттолкнул меня за спину, одновременно сделав неуловимое движение клинком, и оборотень рухнул к его ногам бесформенной тушей. Я лишь успела заметить, как что-то белое откатилось к забору.

Не пряча больше опасного оружия, он скользнул в калитку, огляделся по сторонам и поторопился:

– Быстрее! Он пока один.

– Ты же говорил, что нас не услышат и не заметят? – Я испуганно перешагнула через мертвого зверя и бросилась за Владом. В нос ударил терпкий запах навоза, меда и сена. Я с трудом различила ряд построек. Луна еще не взошла, и были видны только смутные очертания окружавших нас строений.

– Говорил. И это бы сработало, если бы не напавший на нас камикадзе. Дети леса очень хорошо чувствуют смерть сородичей, так что скоро по нашему следу направится вся стая. – Он поднял голову, внимательно оглядел нависающие над нами крыши и быстрым шагом направился вперед. Если судить по звуку, дорожка оказалась посыпана гравием.

– А если они нас догонят? Мы умрем? – Стараясь не отставать, я, как слепая, выставив вперед руки, заспешила следом. Теперь мне всюду мерещились преследующие нас бесшумные тени и следящие желтые глаза.

– Спорное утверждение, – тихо хмыкнул Влад.

– Но ведь яд оборотней, как я поняла из дневника, для тебя смертелен, а меня он превратит в одну из них? Разве не так? – Я еще раз оглянулась.

– На всякий яд есть и противоядие, главное, его вовремя принять, – еще тише пробормотал он. Чтобы услышать ответ, мне пришлось взять его под руку и прижаться так близко, как только можно.

– Значит, ты мог спасти Катарину, дав ей противоядие? – не подумав, брякнула я и охнула от боли: его пальцы стиснули мою руку так, что она мгновенно онемела.

– Не всякое противоядие способно излечить от яда глупости и предательства. – Он посмотрел на меня, и я забыла обо всем, глядя в его фосфоресцирующие красным глаза. – Может, помолчишь?

Второй зверь набросился внезапно, бесшумно обрушившись на нас с крыши ближайшей постройки. Ни рыка, ни тьяканья. Мне показалось, что возле нас кружит призрак, не нападая, но и не подпуская к себе ближе, чем на расстояние вспарывающего воздух клинка. И тут из-за изломанной линии гор показался крошечный бок луны, раскрасив темноту блеклой позолотой и предательски заиграв рыжими блестками на шкурах замерших в засаде еще

пятерых зверей. Они притаились совсем рядом, незаметные в обманчивой тени построек.

Сообразив, что раскрыты, лисы неспешно направились к нам. Я огляделась и не смогла сдержать кривой ухмылки, заметив в шаге от меня прислоненные к стене сарая самые обычные вилы. Что-что, а обращаться с ними я умела, недаром последние десять лет пропадала летом на даче у бабули. Но главное даже не опыт, а стимул: становиться оборотнем на данном этапе жизни мне не хотелось совершенно!

Подхватив вилы, я почувствовала их успокаивающую тяжесть и шагнула к Владу. Желтоглазая тварь продолжала нападать с неослабевающей яростью, не подпуская и, тем не менее, не приближаясь к его живущему своей жизнью клинку. Как будто хотела вымотать врага перед главной схваткой. Напоследок лиса сделала невероятный прыжок в сторону, приземлилась на лапы позади наступающих товарищей и хрипло тьякнула, словно подавая сигнал. В то же мгновение мы оказались в кольце оскалившихся, исходящих слюной зверей. В свободной руке Влада появилась небольшая фляжка. Щелчком открыв ее, он сделал большой глоток, вновь спрятал фляжку и выразительно очертил полукруг вспоровшим воздух клинком. Я поудобнее перехватила вилы и прижалась к нему спиной. Может, никого не убью, но хоть ясно выражу свое мнение относительно местного произвола!

Звери атаковали яростно и быстро. Клинок Влада принялся собирать кровавый урожай. До меня доносились визг и хрипы раненых лис, но ни одна не рискнула зайти с тыла. Может, вил они боятся больше меча? Но как только я подумала, что мне повезло отсидеться у Влада за спиной, передо мной появилась оскаленная пасть. От неожиданности я зажмурилась и принялась наобум тыкать вилами. В какой-то момент мое «оружие» нашло врага. Почти сразу же послышался визг.

– Отходим, – выкрикнул Влад и, не прекращая клинком рисовать вокруг себя стальную полусферу, начал медленно пятиться. – Их слишком много!

Много?

Я бросила быстрый взгляд ему через плечо. И, правда... Четверо оборотней уже лежали на камнях и еще пятеро остервенело нападали. Не уточняя, когда и откуда к лисам пришло подкрепление, я перехватила покрепче вилы и тоже принялась отступать. Мы пятились шаг за шагом до тех пор, пока не оказались прижаты к стене сарая.

Звери затаивались, радуясь загнанной в угол добыче, и в ожидании развязки припали к земле, вот-вот готовясь броситься, но тут с крыши сарая, едва не на головы к нам спрыгнули еще с десятков белоснежных лисиц и, угрожающе рыча на сотоварищей, загородили нас живым щитом.

И тут стена за моей спиной куда-то делась, а над ухом прозвучал знакомый голос.

– Быстрее сюда!

– Отец Ярослав? – Я оглянулась и отбросила вилы.

Лишь на миг на бесстрастном лице Влада отразилось удивление. Он втолкнул меня в темноту сарая, и дверь за нами захлопнулась. Звякнула, закрываясь, задвижка. Тут же, как по команде, с улицы послышалось рычание и звуки свары. Дверь содрогнулась от удара, словно в нее толкнулся великан. Пытаясь хоть что-то разглядеть, я попятилась, споткнулась и упала на что-то мягкое. Тут же рядом послышались чертыханье Влада и звон, какой бывает, когда бьются несколько стеклянных бутылей. В тот же миг, словно только и дожидаясь этого погрома, над нами вспыхнула тусклая электрическая лампочка. Я с любопытством оглядела мешки, на которые приземлилась, и окружающие нас стеллажи, заполненные коробками и склянками.

Влад прищурился, спасаясь от света, и подступил к священнослужителю.

– Что ты тут делаешь? Что происходит? Кто эти белозады, вступившиеся за нас?

– Давайте выберемся отсюда, – он демонстративно обвел рукой склад, рывком поставил меня на ноги и закончил: – Когда будем в безопасности, я охотно все вам объясню. По крайней мере, то, что знаю сам. Но в обмен на одну услугу.

Влад тщательно отер о рукав окровавленное лезвие меча.

Я невольно бросила на клинок полный любопытства взгляд. Если верить археологическим наблюдениям, подобное оружие было очень распространено на территории современной Трансильвании примерно в конце шестнадцатого века. Шутка ли! В деле увидеть хранившийся в музее экспонат!

Крутанув, Влад одним движением вогнал клинок в ножны и посмотрел отцу Яру прямо в глаза.

– Какую?

– Ты расскажешь обо всем, что связывает тебя со мной. Кем я был? Мне кажется, ты знаешь. – Не дожидаясь ответа, священник развернулся и решительно направился к дальней стене, где невысокой египетской пирамидой возвышались коробки всех сортов и мастей. Отодвинув одну из них, он нагнулся и приподнял незаметную крышку, открывая нам путь в никуда. Честно, если бы не большое медное кольцо, я бы даже не догадалась, что вижу люк потайного хода. – Быстрее.

У него в руках появился небольшой фонарик, и узкий луч света, уходя вниз, заскользил по каменным стенам подвала.

Влад прыгнул первым. Следующей рискнула попытать удачу я. Заметив сбоку ступени, осторожно поставила ногу на верхнюю перекладину. Та даже не скрипнула. Я принялась спускаться, пока не почувствовала под ногами каменный пол. Последним к нам присоединился священник. Спустившись на пару ступенек, он захлопнул крышку и немного повозился. Защелкнул засов, и через мгновение отец Яр уже стоял рядом.

– А что с тем, другим священником? – Влад посторонился, давая ему дорогу.

– Сразу после нападения на обитель я отправил его за подмогой к главной

жрице Матери, – терпеливо пояснил отец Яр. – Это он прислал нам подкрепление.

– А куда ведет этот ход? – не унимался Влад.

– Подземный ход выведет нас в миле отсюда. Там неподалеку есть пещера. В ней мы дождемся утра.

– А где гарантия, что эти... мм... – я замялась, подбирая слово, – лисы!.. нас там не найдут?

– Они найдут. И очень быстро, но не смогут пройти. Есть целая карта мест, где Дети леса появляться не могут. – Священник развернулся и направился вперед, разгоняя тонким лучом света окружившую нас темноту.

Не успели мы преодолеть и сотни метров, как где-то позади послышался грохот, будто обвал в горах.

Отец Яр на мгновение замер и поторопил:

– А вот теперь – быстрее! Не хватало еще быть погребенными в этой норе!

Мы, не сговариваясь, бросились бежать. Где-то совсем рядом вновь что-то ухнуло, и по каменной кладке пола застучали камни, коими были выложены потолок и стены подземного хода.

– Что происходит? – выговорила я, задыхаясь. Еще чуть-чуть, и моя стометровка накроется медным тазом. Нашли, кого заставлять бегать – меня! Книжного червя!

– Происходит так называемая магия белозадых! – хмыкнул Влад. Я бросила на него быстрый взгляд и позавидовала. Даже при таком беге он оставался невозмутим, словно мы сидели в домике у Андруша, а не пытались соперничать в скорости с потусторонними силами. – Долго нам еще упражняться в беге?

– Скоро поворот. За ним начнутся Про клятые земли. Они... взяли... твой след, бессмертный. Вместе с ними колдун. Возможно, не один. Должны успеть. – Священнослужителю тоже приходилось не сладко, но он старался не показать виду и даже подтрунивал над Владом. – По всей вероятности, решили тебя здесь похоронить, а то ты, верно, уже и жить-то устал!

– Похоронить? Без твоей любимой кремации? Они наверняка знают, что таким образом только наградят меня долгожданным покоем на парочку столетий. А когда даже щенки их щенков забудут, для чего нужно охранять какую-то безымянную могилу – я вновь вернусь в мир. – Влад ответил ему кривой ухмылкой.

Надо же, еще и шутить изволят! Как будто ничего не происходит!

Когда же будет обещанный поворот?

Вдруг над головой что-то гулко ухнуло, словно на землю уронили огромную гранитную плиту, пол под ногами как-то странно просел, а затем подпрыгнул, сбивая меня с ног. С потолка посыпалась каменная крошка. Я сжалась и, прикрывая голову руками, попробовала подняться, но тут новая волна опрокинула меня на спину, крепко припечатав головой о стену. Мир

померк.

«Страшно, безумно страшно осознавать, что существует некая грань, которая одарит покоем даже бессмертных... Умирать, зная, что когда-нибудь вновь увидишь солнце и луну, куда легче.

Боги, о чем я? Смерть – это самое гуманное, что может сейчас со мной произойти. Только бы не достаться палачам по имени Боль и Память!

– Влахо? Что ты молчишь? Сделай же что-нибудь! – В плечо требовательно вцепились коготки, заставляя очнуться.

Я посмотрел в горящие страхом глаза сестры.

Все мое мятежное семейство оказалось заперто в этой клетке. Испуганная Вероника, обезумевшая, выкрикивавшая проклятия Гертруда и бесстрашная мати. Отчего оборотни не даровали им быструю смерть от укуса, как многим слугам барона? Хотели устроить показательную казнь для старой графини? Тогда это объясняет и то, что их не сожгли сразу же, а оставили томиться в ожидании появления главного судьи. Неужели графиня уже знает о смерти Катарины?

Когда отец Ян вел меня в тюрьму замка, я равнодушно отметил, что ворота открыты, а плиты двора усеяны изломанными, окровавленными мертвыми телами. Интересно, как это – быть мертвым? По-настоящему!

Скоро! Скоро я буду рядом с Катариной. Скоро смогу выпросить у нее прощение, хотя... поздно... Боги, как же поздно! Знай я, что она одна из Детей леса, или знай она о своей природе – никогда бы не произошло того, что произошло.

Значит ли это, что мы попали в ловушку? Кто-то знал обо всем? Кому-то нужна была ее смерть? Кому?

От пронзившей догадки стало тошно. Кто-то с моей помощью только что продолжил бесконечную войну и помог совершить ее новый виток!

Но кто?

Барон?

Кто-то из правящих?

Кто?!

Умирать расхотелось. Сначала найти того, кто виновен в случившемся, а потом утащить его в поджидающий нас ад!

– Влахо!

Я, не узнавая, посмотрел в умоляющие глаза сестры. Вероника. В детстве она достаточно причинила мне боли. Вместе с Гертрудой. Но теперь... Теперь все изменилось. Она изменилась. После брака с бессмертным Вероника стала другой в отличие от сестры, будто созданной из ненависти.

Устав выкрикивать проклятия, Гертруда вцепилась в прутья клетки и безучастно уставилась в одну точку, а в ее глазах горело такое безумие, что липкий страх на мгновение коснулся меня холодными пальцами.

Где-то наверху хлопнула дверь, и по каменной лестнице дробью застучали

деревянные башмаки, какие носили дворовые и жители окрестных поселений. Кажется, к нам направляется целая армия.

Первым я узнал отца Яна, следом за ним спускалось несколько рослых мужчин в простой одежде крестьян. Оборотни. От людей не отличить, если не смотреть в глаза. Желтые, как луна, которую они ненавидят. Впрочем, так же бессмертные боятся солнца, ведь единственное спасение от его лучей – нектар. А значит, новые смерти. Угроза разоблачения и... костер. Во время охоты за белозадыми я много слышал о кострах, инквизиции и демоноборцах. Вот только они все реже изображали из себя героев и все чаще сбивались в стаи в поисках таких, как мы, в погоне за какой-то Кровавой смолой.

Отец Ян остановился у двери, пробормотал что-то по-латыни и распахнул ее.

– Очищающий огонь ждет вас. Софи, хочу, чтобы ты знала. Я хранил твой образ всегда. Прошу – прими спасение! Вероника, Гертруда – воскресните для мира. Владислав – сын мой – освобождение рядом. Помни об этом.

Я взглянул в глаза священнику, закрытые шторами фанатизма и собственной святости. Нет. Сегодня он играет роль судьи и Бога, а значит, из кожи вылезет, чтобы все прошло по его воле. Меня он не услышит и не поможет мне. Надо бежать, но как? Как объяснить, что сначала я хочу истины и отмищения, а после сам шагну в святой огонь?

– Для очищения огнем мне нужны двое. – Возле распахнутых дверей клетки сгрудились оборотни, поглядывая то на нас, то на священника.

– Двое? Вроде у нас большой двор, любимый, – очнулась мати. Ее тонких губ коснулась презрительная улыбка. Она поднялась, подошла и остановилась в шаге от него. – Неужели не нашел места для большого кострища? Зачем разлучаешь нас в этот миг? Или дров маловато?

– Софи, костры горят, но они сжигают павших. Пока лишь двое из вас смогут принять свободу и очищение! – медленно отчеканил отец Ян, не отводя от нее слишком настойчивого взгляда. Словно что-то мысленно ей говорил. Мати вдруг сделалась серьезной, обернулась к нам и, указав на близняшек, приказала:

– Вероника. Гертруда. Отправляйтесь!

– Что?! – Вероника упала на колени. – Прошу, матушка, нет! Пощади!

Гертруда в отличие от сестры бросила на мати уничтожающий взгляд, поднялась и, ни слова не говоря, вышла первой. Ее тут же схватили оборотни и, стянув руки за спиной, выжидающе взглянули на вторую жертву. Я подошел к Веронике. Поднял ее.

– Хочешь, я пойду вместо тебя?

– Нет! Ты останешься здесь! – Голос мати хлестнул плетью. Вероника бросила на нее испуганный взгляд обиженного ребенка, которого отправляют спать одного в темную комнату, посмотрела мне в глаза и вышла вслед за сестрой.

– Уведите их, – отец Ян кивнул дождавшимся приказа здоровякам,

молча проводил взглядом конвой, уводящий близняшек на казнь, и когда за ними захлопнулась дверь, приказал остальным: – Вы отправляетесь на жилые этажи. Где-то там оставалось тело девушки, которое тоже не помешает сжечь, ибо оно заражено кровью одного из бессмертных. Как найдете, возвращайтесь сюда, а я пока отпущу грехи этим двум, пусть и давно умершим для божественного благословения и прощения.

– Но... – Один из оборотней подозрительно оглядел нас. – Может, кому-то остаться с тобой, святой отец?

Тот даже не посмотрел на него.

– Я все сказал! Мне не нужна охрана. Не забывайте, я всю жизнь был воином Бога. Мне не страшна парочка бессмертных.

Парни переглянулись, в нерешительности потоптались и послушно направились вверх по лестнице.

Мы остались вдвоем в этой звенящей тишине. Даже шум двора не проникал сквозь каменные стены замка. Вдруг мать бросилась к отцу Яну и прижалась к его груди.

– Лучиан! Брат! Благодарю за спасение! Я так рада, что ты не бросил меня! Нас!

Ласковая улыбка озарила черты воина Бога. Он прижался губами к высокому белоснежному лбу матери. Я во все глаза смотрел на них, пытаюсь понять, что происходит, пока черты отца Яна не начали стираться, открывая истинное лицо того, кто скрывался под ними.

– Барон?!

Он взглянул на меня и тихо рассмеялся. Н-да... Не ожидал. И чего я так удивился? Хитрость дядюшки безгранична.

– Софи, Владислав! Быстрее! Святоша действительно вскоре собирался идти за вами, но я его опередил. Сейчас он занят делом – сжигает четверых мертвецов, пока они не очнулись бессмертными. За сестер не бойтесь. Их увели Андруш и Богдан. Они выведут их, а я тем временем спасу вас! Оборотней много. Пойдемте!

Ни я, ни матери не медлили ни секунды. Покинув наше узилище, мы отправились куда-то в глубь подземелья, мимо пустовавших клеток и вскоре остановились у не приметной, почти вросшей в землю двери.

Барон едва толкнул ветхие доски, как они разлетелись в щепы. Пригнувшись, он исчез в темноте, таившейся в образовавшемся проеме. Пришлось лезть следом. Какое-то время мы шли за ним по неведомому ходу. Я с жадностью вглядывался в каменную кладку невысоких стен, где мрачным украшением темнели ржавчиной цепи с останками истлевшей плоти. Интересно, какие еще тайны скрываются в этом пропитанном болью и смертью замке?

– Куда ты ведешь нас? – не выдержав неизвестности, матери чуть тронула за плечо шагающего впереди барона.

– В зал жертвоприношений. Туда белозадые не сунутся. Поищут, решат,

что мы сбежали, разграбят замок и уйдут. А мы освободимся и отомстим. Прибывшие со мной охотники ждут в трактире в миле отсюда.

– Но... почему? Почему ты не привел их? Наши силы были бы равны! – Мати забежала вперед и встала перед ним, преграждая путь. – И нам бы не пришлось бежать! Мы бы показали шавкам, кто хозяин на этой земле!

– Не забывай, что я немного предвижу будущее. – Барон остановился. – И в моем видении не было победы сегодняшнего дня. Дети леса пришли за наследницей рода. Их слишком много и вместе с ними Матерь. Они не остановились бы даже перед несколькими тысячами бессмертных. Мы бы погибли здесь все. – Он чуть отстранил мати и продолжил путь.

Мать догнала его и зашагала рядом, но больше ни о чем не спрашивала.

Я шел за ними, а в ушах все еще звучали слова барона. Предвидит будущее? Значит ли это, что он видел смерть Катарины? А вдруг именно он виновен в произошедшем? Хотя бы в том, что не предотвратил, не помешал. И значит ли это, что ему было выгодно все то, что произошло?

Вдруг от тихого рокота содрогнулись древние стены замка. Гул нарастал с каждым мгновением. Задрожал каменный пол, заставляя нас застыть на месте.

– Успеет? – Мати взглянула на барона.

Тот не ответил. Сделал несколько шагов, как вдруг из темноты уходящего вперед коридора вырвалось облако пыли, и послышался оглушающий грохот. Пол вздыбился под нами, словно норовистый скакун, сбивая с ног. На голову угрожающе посыпалась каменная крошка.

– Возвращайтесь! – очнулся барон, развернулся и бросился назад. Следом за ним кинулась мати. Я постоял, глядя им вслед. Остаться? И быть заживо похороненным? Не отомстить, не узнать... Не умереть!

Передо мной рухнула глыба. Пол продолжал ходить ходуном.

Неужели оборотни решили сровнять с землей весь замок?

Не раздумывая больше, я бросился бежать, вслушиваясь в раздававшийся за спиной треск и грохот. Свернув, я едва не налетел на барона. Ухватив за шиворот, тот впихнул меня в разверзшуюся в стене щель. Я услышал только: «Быстрее! Идите наверх! Когда все закончится, я за вами приду», и прореха в стене, то ли от землетрясения, то ли от какой-то неведомой мне магии, затянулась покрытыми мхом камнями, и наступила тишина. Такая, какой не бывает, наверное, даже в посмертии.

Я обернулся, оглядел серые каменные стены и лестницу, спиралью уходящую наверх. А еще здесь был свет. Он шел отовсюду, окутывая серебристой мантией худощавую фигуру мати. Она стояла на ступенях выше, невидящим взглядом уставившись на заваленный камнями ход, и кусала губы, словно ее душил гнев или отчаяние.

– Где мы? Почему все прекратилось? – Не выдержав гнетущей тишины, я еще раз взглянул на завал и поднялся к ней. И пусть мне не очень-то хотелось вступить с ней в разговор, ответы были лучшие неведения.

Как я ошибался...

Смерив меня взглядом, полным бесконечной боли, матери холодно улынулась, развернулась и стала подниматься по лестнице. Я направился за ней и когда уже решил, что мои вопросы остались неслышанными, она наконец удостоила меня ответом:

– Разрушение замка продолжается. До зала жертвоприношений мы бы не дошли, но здесь... Здесь мы в безопасности. Брат создал это безвременное убежище для нас. Он рискнул бессмертием, чтобы мы остались жить.

– Что значит... безвременное убежище? – Я не сводил с нее глаз. – Где мы?

– Не в нашем замке и даже не в нашем мире. Это колдовство перворожденных. Барон – один из них. Ему, как основателю нашего рода, подвластно время и пространство.

– И как нам отсюда выйти?

Мне показалось, что матери вздохнула.

– Без помощи брата мне не выйти... Но он придет за нами. Главное – ждать.

– А когда он придет? – Я почувствовал себя в западне. – Минует лишь несколько дней, и наступит голод. Потом – слабость... Чем это существование лучше смерти?

– Для бессмертного, Влахо, ты еще младенец. Запомни! Любой бессмертный способен пережить слабость и голод.

Лестница сделала поворот, и я замер, разглядывая черные двери. Такие же, как были в зале приемов. Матери на миг остановилась перед ними и, решительно толкнув, шагнула в открывшийся перед нами зал».

Глава двадцать первая

...А мы проклятьем рождены
И потеряли счет векам.
И соком красным бузины
Мы метим дар смертельных ран.

– Печальная история. Но больше всего пугает то, что многое из рассказанного тобой мне приходило во сне. Словно воспоминания... Как выяснилось – из прошлой жизни.

– Почему оборотни стараются нам помешать? Мы ведь хотим предотвратить зло!

– Все дело в Матери. Той, кому сейчас поклоняются Дети леса. Она не верит в возрожденную Катарину. Считает, что это уловка бессмертных, ловушка для того, чтобы как-то обессилить род. Большинство лис на ее стороне. Те, кто встал на вашу защиту, тоже так считают, но больше коварства

вашего рода бояться пришествия еще одной перворожденной. Это очень усилит род бессмертных и даст преимущество в бесконечной войне.

Знакомые голоса сначала доносились до меня, словно из каменного колодца – приглушенно и с каким-то потусторонним эхом, но вскоре эта странность исчезла. Я ощутила собственное тело, полулежавшее-полусидевшее в чьих-то объятиях, ноющий затылок и онемевшие пальцы.

А еще тепло.

Чьи-то руки сжимали меня, придерживая мою голову возле ровно вздымавшейся и опускающейся груди. Чье-то сердце билось, раздаваясь в моей голове уверенным молотом.

Я открыла глаза и долго смотрела на профиль Влада, освещенный серебристым лунным светом, льющим из крошечного оконца под самым потолком. Почувствовав мой взгляд, он чуть повернул голову, посмотрел на меня и, прижав покрепче к себе, как ни в чем не бывало продолжил разговор.

– Значит, верные вассалы Матери хотят нас убить?

– Можно сказать и так. – Полумрак в углу крошечной комнатки шевельнулся. Скосив глаза, я различила рослую фигуру отца Ярослава, сидевшего у стены напротив. – И сейчас они наверняка решают нашу судьбу. Им проще убить воплощение Катарины, чем рисковать, предотвращая возрождение твоей матери.

– Согласен, но они не понимают одного. Если барон решил вернуть из безвременья сестру, он сделает это в любом случае. Любой «сосуд» способен вместить в себя дух княгини.

– Но в теле простой смертной она проживет лишь отпущенный выбранному «сосуду» век. Даже меньше! А потом? – Священнослужитель поднялся, потянулся, разминая затекшее от долгого сидения тело, и принялся мерить шагами комнату. Три шага до одной стены, три – до другой.

– Ты не знаешь барона, если сомневаешься в его мудрости и хитрости. – Влад едва заметно усмехнулся. – Наверняка он припрятал лишние тузы, чтобы вернуть княгиню. И еще. Мне не дает покоя мысль – почему именно сейчас? Прошло четыре сотни лет. Мати может существовать в безвременье вечно, но только там. Это как-то связано с заклинанием, направленным на ее физическую оболочку в день, когда мы оказались заперты в тайнике барона. Он создал идеальное укрытие, где его сестра смогла бы существовать бесконечно долго, но не предупредил, что вернуться оттуда будет трудно. Практически невозможно...

– Ты думаешь, он что-то готовит? – Отец Яр замер, сосредоточенно разглядывая в крошечном оконце что-то, видимое только ему, и кивнул: – Да, кажется, ты прав... Именно сейчас ему и роду бессмертных как никогда нужна поддержка...

Я шевельнула затекшей рукой и попробовала сесть. Руки Влада тут же разжались, давая мне свободу и помогая. Голова закружилась, и подступила тошнота. Кажется, меня хорошо припечатало об пол. Радует, что не завалило

камнями.

А где сумка?

Рука невольно дернулась к плечу. Пусто. Превозмогая слабость, я огляделась, пытаюсь увидеть ее где-нибудь рядом в окружающем нас полумраке. Влад пристально следил за моими безуспешными поисками. Наконец ему надоело.

– Если ты ищешь свою поклажу, утешу – сумка осталась у преследователей.

– У каких преследователей? Где мы? У оборотней? – Не выдержав напора томящихся в моей больной голове вопросов, плотина любопытства наконец-то прорвалась. Я выжидающе посмотрела на Влада и перевела взгляд на подошедшего к нам священника.

Отец Ярослав какое-то время смотрел на меня и со вздохом кивнул:

– Да. Мы в деревне оборотней. Сейчас они решают, что с нами делать: убить или...

– Угу, – перебила я. – Слышала, что убить меня гораздо легче, чем дать нам с Владом шанс все исправить.

Мужчины переглянулись.

– Да. – Отец Ярослав снова сел на деревянный пол и с едва слышным стоном вытянул ноги. – Отпустить вас – для Детей леса большой риск. Есть лишь один шанс на миллион, что вы сможете найти и исправить ошибку, которая свела всех нас, не помнящих друг друга, здесь почти пять столетий спустя. Но поверьте, не все оборотни хотят вашей смерти, иначе мы так долго бы здесь не сидели, ожидая приговора. Скоро утро.

– Если нас решат убить, я заберу с собой как можно больше этих тварей, – буднично произнес Влад, завел руку за спину и словно для спокойствия коснулся спящего в ножнах меча.

– То, что они оставили оружие при тебе и не убили возле подземного хода даже после того, как ты отправил на тот свет с десятков их лучших воинов, говорит о том, что им не нужна ваша смерть. – Священник устало откинул голову и поднял взгляд на светлеющий квадрат окна. Луна больше не смотрела на троих узников, а, равнодушная и величественная, продолжила свой путь, стремясь поскорее скрыться за горами и не встречаться с извечным соперником, готовящимся сменить ее на небосводе. – Сколько себя помню, я изучал легенду вашего возникновения, пытаюсь понять, осознать, поверить, почему именно меня Дети леса избрали хранителем знаний, историй и легенд, накопленных за века их существования.

– Кстати, о возникновении! – Я вцепилась в промелькнувшее слово, словно бультерьер. Уж очень мне не давал покоя именно этот вопрос. – Откуда взялись оборотни и бессмертные? Из дневника я поняла, что война между этими родами идет давно, но область их обитания не выходит за рамки современной Трансильвании и примыкающего к ней участка Карпатских гор. Значит ли это, что только на этой территории можно встретить бессмертных и

Детей леса?

– Скажем так. Именно на этой территории почти девять сотен лет назад находился городок, в котором и случилось то, что привело к возникновению двух непримиримых... мм... – отец Яр задумался, – даже не родов, а скорее, рас? Ведь бессмертные и оборотни по сути – не люди.

– Да... за время пребывания в безвремье я не раз слышал от матери эту историю, – приглушенно буркнул Влад, прислушиваясь к окружающей нас тишине. – Не нравится мне такое долгое молчание белозадых.

– Поспешный суд тоже не дело. Поверь! Им, так же, как и бессмертным, надоела эта война. Надоел подчиняющий их каждый месяц страх перед магией Луны, когда они не владеют собой и не осознают свои превращения. Они, так же, как и вы, хотели бы избавиться от проклятия, но... – священнослужитель замолчал.

– Они не верят, что это возможно? – Влад внимательно смотрел на него. В предрассветном сумраке его лицо казалось выточенным из белого мрамора.

– Простите, что перебиваю. – Чувствуя легкий озноб, то ли от того, что должно произойти, то ли от усталости, которой пропиталось все мое тело, я села, подтянула колени к груди и крепко их обхватила. Может, хоть так станет чуточку теплее? – А нельзя ли мне узнать немного больше фактов и подробностей о возникновении родов, проклятия и о том, как его обойти?

Мужчины снова переглянулись. Влад пожал плечами, словно отдавая право рассказчика священнику, и тот заговорил:

– Что ж... Как гласит легенда, в некоем городке жила многодетная семья зажиточного священника. Господь послал им десять сыновей и в утешение – одну-единственную дочь. Их семья владела храмом, переходящим от отца к сыну вот уже несколько поколений.

– Храм... Церковь, укрепленная высокой стеной? – уточнила я, пытаясь представить общую картину. Если мне не изменяла память, в старой Валахии церковь строилась в центре поселения и укреплялась не хуже крепости, где в трудные времена могли спрятаться все жители, иными словами – паства этого храма.

– Да. Приблизительно такая. Итак, семья священнослужителя входила в правящий совет города, а его род значился одним из основателей. Однажды отец задумал выдать единственную дочь замуж за богача из соседнего поселения, и все начали готовиться к свадьбе. Но никто не знал, что девушка питала нежные чувства к одному бедному юноше, сироте, живущему при храме. Узнав о грозящей им разлуке, молодые люди сговорились убежать: пересечь границу и спрятаться в какой-нибудь деревеньке, пока не стихнет буря и не прекратятся поиски. На том и порешили. Накануне свадьбы они, под покровом темноты, вышли за стены храма и, уповав на Бога, отправились куда глаза глядят. Так шли они несколько дней. Погони не было, и влюбленные успокоились. Дойдя до пещеры, расположенной у вод одного заброшенного горного озера, они решили остановиться.

– Все ясно. – Я разочарованно махнула рукой. – Одного из них укусила бешеная лиса, а второго – голодная летучая мышь.

– Никто никого так просто не кусает, – недоуменно нахмурился отец Яр и поинтересовался: – Хм, лиса – понятно, но при чем тут летучая мышь?

– Так это же символика вампиров!

– А... вампиры... – священник задумчиво кивнул, будто что-то вспоминая. – Элемент фольклора? Да-да...

Теперь настала моя очередь хмурить лоб.

– Элемент фольклора? – Я указала на помалкивающего Влада. – По-вашему, этот человек... мм... бессмертный – элемент фольклора?

– Этот бессмертный, как и все, – жертва колдовства, – парировал отец Яр. – И... я не припомню, чтобы кто-то из бессмертных превращался в летучую мышь.

– Хм... Нет? – Я примирительно пожала плечами. – Ладно. Тогда слушаю дальше.

Священник смерил меня многозначительным взглядом, немного помолчал и продолжил:

– Горожане, разгневанные поступком неблагодарной дочери и коварного прислужника, решили во что бы то ни стало найти беглецов. Они долго бродили по окрестным лесам в поисках влюбленных, но шли дни, а на их след так никто и не вышел. Наконец, семья жениха потребовала возврата золота, свадебных даров и расторжения договора. Объятый горем отец, дабы не лишаться по глупости дочери богатства, столь нужного для семьи и города, пообещал сватам, что найдет непокорную в течение одного лунного цикла, и направился к жившей неподалеку колдунье с просьбой о помощи. Но с условием, чтобы дочь всем сердцем возненавидела безродного. Ведьма согласилась помочь безутешному отцу, но предупредила, что в уплату она заберет у его дочери ночь, а у ее возлюбленного – день. Тот удивился странному пожеланию чертовки, но перечить не стал. Вскоре его дочь сама вернулась в замок. Он не заметил ее лихорадочно горящих глаз, не обратил внимания на то, что вместо одежды она завернута в какую-то невыбеленную холстину, будто украденную из крестьянского дома. Он списал все странности на скитания и лишения. Некоторое время дочь отмалчивалась, была покорной, лишь попросила в спальне занавесить темными шторами окна. Спустя несколько дней священник вновь завел разговор о свадьбе. На удивление, дочь без раздумий согласилась и даже поторопила с венчанием, стараясь провести его до полнолуния. Свадьба состоялась. Два именитых рода объединились, и молодая уехала в дом мужа. А вот о юноше никто ничего так и не слышал. Вскоре в ближайших селеньях начали умирать и пропадать люди. Причем кто-то говорил о красноглазых демонах, которые нападали на селян и, выпивая кровь, умерщвляли их, а кто-то винил огромных белоснежных лисиц, страдающих бешенством. Те, кто встречался с этими тварями, жили в семьях до ближайшего полнолуния и исчезали. Испуганные и растерянные люди пришли

за ответом к пастырю, и тот вновь отправился на поклон к колдунье.

«Что творится?» – спросил он ее.

Та лишь улыбнулась:

«Все происходит по твоему желанию. Я навсегда развела пути твоей дочери и того безродного мальчишки. Теперь между ними стоит сам мир. Они и их потомки будут жить в вечной ненависти друг к другу.

«Но я не просил, чтобы было так! – вскричал растерянный священник. – Как все исправить?»

«Никак, – ведьма передернула плечами. – Когда сам мир устанет от их вражды, дитя твоей дочери, презрев ненависть, рожденную моей магией, полюбит больше жизни того, кого она должна проклинять. И лишь рожденный в этом союзе сможет снять проклятие Солнца и Луны. Но! Рождения этого мессии можно ждать вечность и не дожидаться. Мое колдовство очень сильно!»

«Тогда подари мне эту вечность! – Священник упал перед ведьмой на колени. – Я хочу увидеть, как твое пророчество исполнится».

«Хорошо... – сжалась ведьма над несчастным отцом. – Но ты не будешь ни бессмертным, ни оборотнем. Ты и твои сыновья станете рыцарями Бога. Вы будете судьями в вечном споре Солнца и Луны. Вы будете умирать и снова возрождаться. И не будет вам покоя, пока не закончится эта война».

Отец Яр замолчал, и в нашей тюрьме воцарилась тишина.

– Значит... Значит, Катарина не должна умереть! Ошибка в этом! – Я нерешительно взглянула на священника, затем на разглядывающего меня в упор Влада. – У вас должен родиться ребенок, который и прекратит все это безумие. И тогда больше не будет ни бессмертных, ни Детей леса...

– Видимо, так было предназначено, но... – Влад холодно усмехнулся. – Но этого не произошло. И уже не произойдет!

– Не забывай! Изменив прошлое, ты изменишь и настоящее, – вмешался отец Яр. – Девушка права. Вернись в прошлое и не дай погибнуть Катарине!

– Для начала надо выжить сейчас. – Влад прижал палец к губам и рывком поднялся. Я прислушалась к шуршанию шагов, раздававшемуся неподалеку от нашей тюрьмы, и, подчиняясь его сильным рукам, тоже оказалась на ногах. Дверь в нашу камеру распахнулась, и на пороге замерла женщина. Священник тихо вздохнул, поднялся и шагнул вперед.

– Госпожа, надеюсь, суд Матери оказался разумным? Я бы не хотел выступать в роли твоего врага, но так будет, если Дети леса решат убить этих двоих.

– Остынь, Яро слав. Ты нужен нам как Хранитель наших знаний, а врагов у нас и без тебя хватает. – Женщина смерила взглядом Влада, меня и приказала: – Идите за мной. Суд Матери будет милостив, если только вы примете все ее условия.

– Начинается... Не хватало еще принимать условия белозадых, – тихо буркнул Влад.

Женщина ничего не ответила. Она отступила от двери, и целая стая

белоснежных зверей, ростом со здоровенную овчарку, опасно скаля зубы, выстроилась в шеренгу, поджидая нас.

Влад обнял меня за плечи и повел к выходу.

– Чего бы от вас ни потребовали – соглашайтесь. Помните – если вы погибнете, эта война никогда не закончится, – услышала я приглушенный голос отца Яра, идущего следом, и, замешкавшись на пороге, ступила в невысокую траву. Она пушистым зеленым ковром устилала большую площадь, в центре которой рос здоровенный, в несколько обхватов, дуб. По краю, лепясь к подступающему лесу, стояли миниатюрные домики, вроде того, где столько часов держали нас. В некоторых из них вообще не было окон, либо они были крошечными, как в нашей тюрьме.

– Это дома наказаний, – тихо проронил Влад, наклоняясь ко мне. – Подходят как для проштрафившихся оборотней, так и для сидящих на диете бессмертных. Пленных.

– Не думала, что в войне между вашими родами берут пленных. – Я бросила на него быстрый взгляд, заодно незаметно огляделась. Звери взяли нас в кольцо. Несколько бесшумным конвоем шагали за нами след в след.

– Берут. – Влад едва слышно усмехнулся. – Но только для выпытывания тайн и последующего умерщвления. То, что меня сегодня оставили в живых, мне очень сильно не нравится.

– Молчите. Мы на земле Детей леса. А значит, не нужно их недооценивать и злить! – предостерегающе буркнул отец Яр, обгоняя нас, и выразительно посмотрел на Влада. Хотел посоветовать что-то еще, но только указал на дерево, к которому мы приближались. – Если вас привели к дереву Духов, значит, вы нужны им живыми.

Я запрокинула голову, разглядывая крону гигантского дерева, закрывающую собой светлеющее небо, и шагнула в его тень.

Звери незаметно отстали, словно не могли перешагнуть границу магического круга, а нам навстречу вышли несколько рослых, одетых в камуфляжную одежду мужчин. Будто из тени соткались! Я готова была поклясться, что еще мгновение назад в утреннем сумраке под деревом, кроме нас, никого не было.

– А это еще что за «коммандос»? – вопреки предупреждению отца Яра не выдержала я, растерянно разглядывая самых обычных на вид людей, приближающихся к нам с самыми настоящими автоматами. Неужели тоже оборотни? Не находишь я в этом «театре абсурда», однозначно приняла бы их за местную полицию или военных.

– Скорее, бригада зачистки. – Влад презрительно скривился, холодно разглядывая подходивших к нам мужчин. Нас окружили и, едва не тыча в спину дулами автоматов, коротко бросили: «Вперед». Мы покорно (а куда деваться) направились к толстеному стволу дерева.

– А сейчас не окажется, что это дерево – инопланетный корабль? – довольно громко заявила я и, не в силах совладать с разыгравшейся фантазией,

тихо рассмеялась. Несколько шагнувших впереди оборотней бросили на меня внимательный взгляд.

Еще решат, что я чокнутая. Хотя, как говорит моя мама: «С тихих шизофреников и взятки гладки».

– Все гораздо банальнее! – А вот Влад не стеснялся пристальных взглядов и охотно пояснил: – Это дерево – вход в апартаменты так называемой Матери. Общеизвестного лидера и вожака этих блохастых. Возможно, для них будет откровением такая осведомленность, но среди любой расы найдется тот, кто боится смерти больше позора и за лишний миг существования сдаст с потрохами всех и вся.

Я покосилась на мрачно печатающих шаг проводников и выразительно сжала пальцы Влада, призывая его замолчать. По его губам скользнула легкая улыбка, но вместо того, чтобы успокоиться, он сдал и меня.

– Вероятно, ты так старательно стискиваешь мои пальцы, потому что желаешь, чтобы я перестал говорить правду об этих белозадых? Поверь, мне приятно, что ты так заботишься о моей сохранности. Вот только они так сильно меня ненавидят, что, будь на то их воля, обезглавили бы еще у выхода из подземелья. Но нет! Наверняка великая Мать приказала доставить нас к ней целыми и невредимыми. Поэтому, любимая, за меня не волнуйся. Раньше, чем мы увидимся с этой сукой, я не умру!

Внимательных взглядов стало больше.

Я отдернула руку так быстро, словно он стал покрываться розовой чешуей, и прибавила шагу.

Спасибо за рекламу! Какой бес в него вселился?!

Ответом мне стал хрипловатый голос одного из оборотней.

– Что ж, бессмертный, если ты так явно не желаешь оставаться в неведении относительно своей участи, то я тебя просвещу. Ты нужен Матери только для того, чтобы проверить кое-какое биологическое оружие. Если опыты окажутся удачными, ты издохнешь в мучениях, если нет – я лично прерву твою никчемную жизнь. Уж поверь.

Улыбка на губах Влада стала еще более искренней, а в его глазах вспыхнул красноватый отсвет.

– Будет забавно на это посмотреть. – Он смерил презрительным взглядом говорившего, приблизился ко мне и флигельно обнял за плечи. Я было хотела сбросить его руку, но тут в мои возмущенные мысли проник его голос.

«Что бы они ни говорили – не бойся. Держись ближе к священнику. Он выведет».

Глава двадцать вторая

Не веря больше в чудеса
В аду неведомой войны,

Я умерла в твоих глазах,
Ушла сама, поправши страх,
В страну звенящей тишины.
Да будет так!

Что это было? Почему я услышала его голос? Он больше ничего мне не говорил, просто улыбался и смотрел вперед!

Не придумав достойного объяснения этому феномену, я решила просто быть сторонним наблюдателем. Тем более что мы достигли дерева, и, вопреки моей безумной фантазии, оно оказалось всего лишь деревом, но между его переплетенных корней нас поджидал вполне культурный спуск в укрепленную камнями небольшую шахту (о том, как я в нее спускалась – рассказ отдельный).

Первыми в ее темноте растворились несколько парней из нашего сопровождения. Остальные выразительно направили на нас стволы автоматов, и один из них коротко скомандовал: «Вниз».

Ничего не попишешь. Пришлось, осторожно цепляясь за металлические перекладины и идущего впереди Влада, нырнуть внутрь, красочно представляя спуск на адской тележке и в кромешной темноте.

Зря волновалась.

Неуверенность сняло как рукой, когда я увидела уходившую вниз лестницу, поблескивающую сталью в тусклом свете, идущем от круглых светильников на стенах.

Цивилизованная... нора!

Я даже усмехнулась пришедшему на ум сюрреалистичному сравнению. Кажется, мы в плену маньяков с раздвоением личности. Ну а как еще назвать людей, возомнивших себя лисами, или лис, считающих себя людьми?

Вскоре спуск закончился. Лестница привела в широкий коридор. Как бы ни старались создатели придать ему классический вид, сделать идеально ровными потолок и стены им не удалось. Местами колоритно вздыбливались непокорные корни и вкрапления небольших валунов.

Мы миновали несколько дверей, прежде чем нам приказали остановиться. Один из конвоиров подошел к ничем не выделявшейся из общей массы двери и, распахнув ее, скрылся в святая святых. Вслед за ним, повинувшись довольно бесцеремонным и болезненным тычкам в спину, шагнули сначала я, а затем Влад. Процессию завершал отец Ярослав. Остальные конвоиры замешкались в коридоре и входить не стали.

Этот факт отчего-то придавал мне смелости. Может, если мы договоримся с Матерью, ее слуги не причинят нам вреда?

В небольшой квадратной комнате, по цветовой гамме больше напоминавшей хирургический блок, никого не было. Но в следующее мгновение в стене открылась незаметная дверца, и к нам шагнула довольно привлекательная невысокая белокурая женщина. Окинув гостей внимательным взглядом, она поманила нас за собой и вновь исчезла за дверью.

– Вы приглашены, – тут же прокомментировал ее жест сопровождавший нас конвоир и на всякий случай пояснил: – Бессмертный и девушка, Матерь ждет вас на свой суд. Ты, слуга Бога, тоже можешь войти, а можешь остаться.

Я заметила шальной взгляд Влада, точно он прикидывал, кому первому свернуть шею: Матери или все же начать с охранника. Не дожидаясь трагедии, я первой прошла к гостеприимно приоткрытой двери.

И... попала в самый настоящий сад!

Рассеянный свет, казалось, шел отовсюду: заставлял блестеть ковер ровной, упругой травы бриллиантами капель самой настоящей росы; сиять рубиновым светом лепестки цветущего шиповника. Сирень и клумбы ярких роз источали такое благоухание, что у меня закружилась голова, а посреди этого великолепия, делая его вполне реальным, стоял невысокий стол из белого дерева в окружении точно таких же четырех резных кресел.

В первую минуту мне показалось, что у меня начались галлюцинации. Угу. На почве клаустрофобии. Ведь, как-никак, мы сейчас под землей!

Вошедшие следом за мной Влад и священник тоже оказались удивлены и не скрывали этого.

– Как? Здесь?.. Черт меня дер! – Отец Яр огляделся, подошел к клумбе и недоверчиво погладил бутон розы.

– Довольно странное пожелание для воина Бога. – Из-за кустов сирени, скрывавших, точно ширмой, дальнюю стену, к нам вышла женщина. Я бы смело дала ей лет пятьдесят, если бы не глаза! Таких живых, молодых глаз я не встречала даже среди сверстниц. – Кстати, тебя я сюда не звала. Достаточно того, что ты привел мне этих двоих, но если хочешь остаться... Вижу – хочешь. Оставайся. Только не мешай. Итак?

Женщина внимательно оглядела нас с Владом и довольно улыбнулась.

– Бессмертный, которого я хотела заполучить вот уже столько веков, и двойник наследницы рода. Шикарно! Кстати... – Она довольно резво для своих лет подошла ко мне и с детской непосредственностью заглянула в глаза. – Знаешь ли ты, дитя, что двойники – это самое мистическое явление мира? Это – шанс, данный смертным для исправления ошибок и грехов. Это – как компьютерная игра! Пока не решишь квест – не пройдешь дальше. Не пройдешь дальше – не минуешь уровень, не минуешь уровень – не закончишь игру и не получишь приз. В вашем случае приз – новая жизнь без воспоминаний, угрызений совести... – она бросила взгляд на разглядывающего ее в упор Влада, посмотрела на меня и торжественно закончила: – И без сожаления о неслучившемся.

– И что это значит? – Мне стало не по себе.

– Это значит, что ты будешь проживать одно и то же до тех пор, пока не поймешь ошибку и не исправишь ее. Как ты думаешь, почему ты так непохожа на своих родителей? Непохожа настолько, что твой отец умер, так и не простив твоей матери измену, которой она никогда не совершала. А все потому, что тебе (я говорю о чем-то большем, нежели тело) вновь дан шанс исправить

ошибки.

– И что за ошибки? – Я сморгнула, пытаюсь спастись от власти ее глаз. Таких знакомых и таких опасных!

Женщина улыбнулась.

– Правильный вопрос. Для этого ты и пришла сюда. Первая ошибка, свершенная тобой четыреста лет назад – он! – Ее пальчик устался в грудь Влада. – Ты и умерла-то из-за любви к нему. Хотя тебе было послано предупреждение: смерть отца и братьев. Был дан знак – обращение в ту, кому предназначено стать королевой, предводительницей всего рода Детей леса! Но... ты ничего не слышала. Не видела. Колдовская страсть ослепила тебя, лишила разума. Именно из-за этого ты потеряла жизнь тогда и, если ничего не изменится, потеряешь сейчас. И так будет тысячи твоих перерождений, пока ты не справишься с безумием, что внушает тебе этот бессмертный. А когда это произойдет, ты выберешь преданность роду и доведешь извечную войну до ее логического завершения: победы и освобождения нашей земли от рода кровососов!

Ее глаза горели, а в голосе слышалась такая убежденность, такая страсть, что я невольно взглянула на Влада и отвела глаза. Неужели все, что говорит эта женщина, – правда? Он – моя ошибка? В прошлом, настоящем и будущем?

– И что я должна делать?

Женщина ласково коснулась моего плеча.

– Доверься мне. Доверься своему роду, ждущему тебя все эти столетия! Будь с нами. Стань тем, кем должна была стать – наследницей и предводительницей рода Детей леса.

– Но... – Я растерянно попятилась. – Я думала, мое предназначение в другом. Я читала дневник, и там...

– Твой ноутбук и тетрадь у меня. Поверь. Все это – искусная ложь! – Она принялась наступать. – Знаешь, почему Владислав Вайнский нашел и выследил тебя? Чтобы ты и в этом своем воплощении не смогла исполнить истинного предназначения! Ибо Лучиан Копош, или, как его знаешь ты, барон Геминг – перворожденный, от кого и пошел род бессмертных, – знает еще одно пророчество, о котором Владислав забыл упомянуть, а отец Ярослав не посчитал нужным сообщить: родится двойник убиенной по незнанию, и падет племя боящихся дня! Это о тебе, девочка, и о том, в чем твое предназначение – гибель рода бессмертных.

– Ведьма! – Влад одним движением выхватил висевший на поясе кинжал и метнул в нас. Я даже не успела испугаться, глядя, как медленно, будто в замедленной съемке, со злым жужжанием приближается стальная молния. Я не знаю, успела бы я отшатнуться, спастись от неминуемой гибели, если бы не Великая Матерь. Она оттолкнула меня и вскинула руку, приказывая клинку звонко упасть на каменные плиты, затем невидимым кулаком отшвырнула Влада к дальней стене так, словно он был котенком.

Все это произошло в считанные секунды. Отец Ярослав только успел

выхватить короткий меч из спрятанных под одеждой ножен, но нападать не спешил, не сводя с колдуньи внимательного взгляда.

Женщина предупреждающе качнула головой.

– Лучше не ввязывайся, отец. Твое время заканчивается, не хочешь же ты, чтобы оно закончилось на пару лет быстрее? – Сверля холодным взглядом замершего в нерешительности священнослужителя, она обернулась ко мне. – Видишь? Он даже попытался тебя убить, когда я рассказала истину, дабы ты не стала тем, кем должна стать. Теперь ты знаешь все!

– Не слушай ее, Мари! – Влад стремительно поднялся и бросился ко мне. – Эта ведьма лжет! Ты знаешь наше предназначение! Не дай ей тебя запутать!

– Стоять! – Женщина сделала еще одно неувловимое движение рукой, и он натолкнулся на невидимую стену, попятился и замер, повиснув связанным появившимися из воздуха светящимися тенетами. Мать вновь обернулась ко мне и, будто сожалея, развела руками. – Да. Это так. Я – ведьма, потомок колдуньи, разлучившей непокорную дочь священнослужителя из рода Мареш с ее избранником – безродным мальчишкой Лучианом. Это теперь он стал бароном. Да хоть королем! Как был дворовым, так и остался. Величие не купишь. Оно дается Богом вне зависимости от положения, а поступки, мм... барона Геминга – будем называть его так – говорят сами за себя. Впрочем, поступки этого юноши – тоже. Яблочко от яблоньки.

Она развернулась к неподвижно замершему Владу.

– Признайся, то, что ты наговорил утром встретившейся тебе в лесу советнице – ложь! Вот только зачем ты это сказал? Будто хочешь спасти двойника Катарины и не дать княгине Софии вернуться в этот мир. Зачем? Что ты задумал?

– Зачем мне отвечать? – На лице Влада появилась холодная улыбка. – Ты ведь решила меня уничтожить? Давай.

– Будь уверен. – Глаза Матери прищурились. – Только не здесь. Хоть все это и создано при помощи магии, я не намерена портить мой райский уголок вонью сгоревшего бессмертного!

Она всего лишь взглянула на дверь, и та распахнулась. В комнату вошел уже знакомый конвоир.

– Приказывай, Великая.

– Возьми этого бессмертного, и... ты знаешь, что делать. А девушку...

– Нет. – Все это время молчавший отец Ярослав шагнул вперед. – Если ты хочешь убить бессмертного и обратить девушку, то только так, как позволю я, и там, где я позволю. Не забывай, согласно легенде, ведьма, проклявшая всех нас, создала и воинов Бога, как независимых судей и миротворцев в этой бесконечной войне. Кстати, не подскажешь, для чего? Для чего ей все это было нужно? Ведь не об этом просил отец пропавшей дочери.

Великая Мать какое-то время задумчиво смотрела на него, словно видела впервые, и глухо заговорила:

– Нам не постичь ее мудрости. Говорят, она нашла заклинание вечной жизни без перерождений, построенное на тысячах жертв во имя Солнца и Луны. Она просто воспользовалась ситуацией, немного подыграв глупым людишкам... Не вам ее судить. И... я удивлена, что хоть один из воинов Бога помнит о своем предназначении. Хорошо. Хочешь по правилам? Да будет так. Я тоже не хочу их нарушать. Пусть все идет, как идет. – Она что-то пробормотала, и в цельной стене появилась светящаяся арка. – Где ты хочешь, чтобы все случилось?

– На озере. На Мертвом озере. – Отец Ярослав не сводил с нее взгляда. Его клинок снова вернулся в ножны. – Пусть для Владислава все закончится там, где началось. А для наследницы рода – начнется.

Великая Матерь коротко кивнула, развернулась и направилась к арке.

Комната стала меняться. Изумрудная трава, по которой она ступала, будто втягивалась в каменные плиты пола, цветы жухли, чернели и осыпались пеплом, а кусты шиповника истаяли, как мираж, открыв таящиеся за ними мозаичные пестрые стены. За спиной послышались шаги. Я торопливо оглянулась, разглядывая входивших конвоиров. Отец Яр подошел ко мне и, словно защищая, положил руку на плечо.

На другое мое плечо легла рука Влада.

Когда он приблизился? Только что ведь стоял, окутанный какой-то светящейся паутиной!

Я заставила себя посмотреть ему в глаза и едва шевельнула губами.

– Это правда? Все, что сказала... Матерь. Все подстроено? И дневник? И пророчество?

– Подумай. – Он ответил мне долгим взглядом. – Ты ведь знаешь ответы на все эти вопросы. Нужно только вспомнить!

– Слишком много услышанного, много сказанного и очень мало времени, чтобы все понять и смириться. – Я отвела глаза и, повинаясь приказу конвоиров, шагнула в арку, за которой виднелось бирюзовое небо и каменистый обрыв.

Устала.

Удивляться.

Не доверять.

Любить.

Сомневаться.

Бояться...

Устала! Пусть случится, что должно...

По лицу хлестнул порыв ветра, теплого, с запахом воды и грозовой свежести. Он словно гнал меня прочь, запрещая быть здесь.

А здесь – это где?

Я огляделась.

Передо мной расстилалась ртутная гладь озера, чей безмятежный покой и тайны охраняли вздымавшиеся в небеса горы, поросшие щетками изумрудных

елок.

Затаив дыхание, я не могла отвести глаз от этой красоты. Я дышала этой красотой.

Нет! Невозможно, чтобы здесь с нами случилось что-то плохое.

Я бросила взгляд на Влада. Он стоял рядом и тоже смотрел вперед.

Вдруг меня захлестнуло отчаяние, а на смену ему пришла отрезвляющая злость. Плевать! На мифическую войну между теми, кого не было и нет! Плевать на обещанное поклонение стаи! Плевать на власть, на иллюзорную победу! Я не хочу провести век здесь, в лесах Румынии, в Карпатах. Не хочу, чтобы мама и бабушка всю оставшуюся жизнь искали без вести пропавшую дочь, внуку! Не хо-чу!

Губ Влада вдруг коснулась едва заметная улыбка. Черт, я и забыла, что его рука все еще лежит у меня на плече. Может быть, он как-то может обмениваться мыслями через прикосновения?

В голове тут же зазвучал его голос.

«Ты мне льстишь. Это всего лишь магия Кровавой смолы. Одно из свойств твоего камня».

Я честно попыталась сосредоточиться и так же мысленно ему ответить, но мои усилия были развеяны голосом Великой Матери. Все это время она стояла на самом краю обрыва и что-то беззвучно рисовала в воздухе.

– Здесь! Много столетий назад здесь свершилось великое колдовство, действующее и по сей день. И не в вашей власти, черви, избавиться от него этот мир! – Она развернулась к нам и улыбнулась. – Ее звали Изабелла Мареш. Она была королевой, богиней, чей взгляд ловили все: от братьев до дворовой челяди. В назначенный срок она должна была стать женой сына одного богатея. Отец Изабеллы очень нуждался в средствах той семьи, но его дочь вместо спокойной жизни почтенной матроны избрала риск и нищету. А все потому, что, как ей казалось, очень любила одного из дворовых, с которым вместе выросла и с которым хотела разделить жизнь. Вот только ни отец, ни братья не желали даже слышать о такой партии для любимой, единственной дочери и сестры. И тогда Изабелла пришла к жившей неподалеку от селения колдунье. Очень мудрой и невероятно старой.

«Помоги!» – упала красавица возле ее смертного одра.

«У меня не осталось сил, и время мое почти на исходе...» – прошептала колдунья.

«Проси все, что хочешь!» – взмолилась Изабелла. – Только позволь нам с Лучианом быть вместе».

«Если вы действительно любите друг друга – вы и так вместе, и вам совершенно не нужна моя помощь», – ответила старуха.

«Ты не знаешь моего отца и братьев. Они найдут нас. Не успокоятся, пока не найдут. А после Лучиана ждет смерть, а меня ненавистный брак! Не о такой жизни я мечтаю! Помоги! Я соглашусь на все, только бы прожить хоть немного времени с любимым!» – На глазах красавицы заблестели слезы.

И колдунья согласилась.

«Хорошо. Я помогу, только взамен ты отдашь мне свою молодость и красоту, а твой возлюбленный – жизнь и горячую кровь, заставляющую биться его сердце. Не сейчас, а когда ваша любовь умрет».

«Она умрет только вместе с нами!» – надменно бросила красавица.

В ответ ведьма улыбнулась:

«Тогда тем более тебе нечего бояться! Ваша жизнь будет такой же долгой, как и ваша любовь. Уходите сегодня до полуночи к Мертвому озеру, я запутаю ищеек так, что ваши следы не найдет никто, пока вы сами того не пожелаете».

– Красавица согласилась, а взамен оставила колдунье каплю своей девственной крови. И в ту же ночь никем не замеченные влюбленные вышли из крепости и направились к убежищу, подсказанному колдуньей. Поутру они поднялись к этому озеру. Видите? – Мать неспешно приблизилась к нам и указала на странное овальное пятно, темнеющее на скалистом, обрывистом берегу на другом краю озера. – В той пещере влюбленные прожили два лунных цикла. Их пристанище было окружено водами озера, изломами гор и почти незаметно постороннему взгляду.

– А потом? – Я прищурилась. Что-то во всей этой истории не давало покоя...

Она широко мне улыбнулась.

– Юношеская любовь редко оказывается той, что способна сокрушить смерть и повернуть вспять время. Изабелла была избалованной богатой наследницей, не привыкшей к жизни в лишениях, а Лучиан славился порывистым, упрямым нравом. Однажды они поссорились, да так сильно, что Изабелла в порыве гнева прокляла тот день и час, когда она решила, что влюблена... Думаю, дальше объяснения не нужны?

– В тот миг колдовство и сработало, – раздался над ухом задумчивый голос Влада, воплощая в слова мою догадку. – Ведь именно таким было условие колдуньи? Изабелла и Лучиан умерли для всего мира, как только признались в ненависти друг к другу... Один лишился горячей крови и стал бессмертным, вторая потеряла красоту и стала оборотнем.

– А ты внимательный, выродок! Умный. Н-да... Только у того, в ком течет кровь перворожденного, мог родиться ты – большая ошибка для всего мира, но... – Мать сделала знак нашим конвоирам, и двое мужчин шагнули к нам, вставая между мной и Владом, – мне бы пригодился такой доносчик. В обмен на твою жизнь. Решай.

Влад несколько томительных мгновений смотрел на нее и весело рассмеялся:

– Из этого я делаю вывод, что ты не просто меня боишься. Само мое существование – большая заноза в твоей лапе! Но... я тебе для чего-то нужен. И ты предлагаешь мне стать твоим шпионом, прекрасно понимая, каков будет гнев барона, если он узнает. Таким образом, ты будешь держать меня на

коротком поводке. Прекрасно придумано, вот только для меня итог один: либо смерть сейчас, либо потом.

Мать нервнo покусала губы.

– Действительно. Что ж, жаль. Тогда приступим. Начинайте! – По ее команде стоявший рядом мужчина заломил мне руку за спину и заставил опуститься перед ней на колени. Ладно! Если нужно для дела... Пропали мои новые джинсы! – И так! Я объявляю свою волю! Двойник Катарины, сейчас ты примешь власть, а затем полукровка примет смерть. Все должно быть последовательно и символично. Ведь каждый оборотень носит в себе гнев оскорбленной Лучианом Изабеллы.

– Но... я не оборотень! – Я для убедительности подергалась, пытаюсь освободить руку из стальной лапы моего конвоира, и, не добившись результата, понесла полнейшую белиберду, даже не зная, на что надеюсь: – Я – человек! Из другой страны! У меня политическая неприкосновенность! И если честно, плевать мне на вашу Изабеллу. Я не хочу каждый месяц становиться лисой! Точнее... я и так каждый месяц превращаюсь в зверя... Это, конечно, другое, но мне хватает! Вы только представьте, во время критических дней еще и шерстью обрастать?! А если блохи?! Кому как, а я – не согласна!

– Тебе понравится. – Великая Мать поманила другого слугу, молоденького паренька. А когда он подскочил к ней, ногтем, аккуратно, вывела у него на лбу ломаную линию и что-то пробормотала. Паренька тут же скрутило словно в жесточайшем приступе эпилепсии. Я отшатнулась, во все глаза разглядывая, как его кости заходили буграми, захрустели, словно перемалываясь, одежда провалилась под обрастающую белой шерстью кожу, и, мгновение спустя, возле меня скалила зубы здоровенная лиса. – Но у тебя есть выбор, девочка. Классический – укус этого оборотня – или новшество? Я дам тебе особый напиток, который исполнит все твои мечты.

В руках Матери появилась крошечная бутылочка.

– Как интересно! – У меня над ухом раздался знакомый ехидный голос, а секунду спустя из воздуха, в шаге от меня, вылепился и сам наш (не очень живой) знакомец. Анатолий! От непрошенной надежды отчаянно заколотилось сердце. Может, повезет, и меня минует участь превращения в зверя? – Вы что, наловчились из оборотней яд сцеживать? На манер гадюк? А фармацевтам предложить не пробовали? Уже вижу рекламный ход: «Свечи оборотные – принимать во время меланхолии и депрессии». Можете не благодарить! Бабки пополам. Жалко, мне эти свечи воткнуть будет некуда, чтобы хоть зверьком по земле побегать. Эх... Эй! А вы куда? Я же призрак! Я не кусаюсь и яд сцеживать не могу! Эй!

Я не удержалась от тихого истеричного смеха. Нервы. Но зрелище того стоило. Еще бы! Слуги Матери вместе с ней самой шарахнулись от меня так, что едва не попадали с обрыва, когда до них дошел сам факт происхождения невесты откуда взявшегося здесь наглого, местами просвечивающегося насквозь паренька с ужасным смешным акцентом.

– А ты вовремя. – Возле меня тут же оказался Влад. Он сначала протянул мне руку, но заметив, как я сморщилась, пытаюсь заставить работать вывернутую дотошным слугой кисть, не стал дожидаться и, обхватив за талию, рывком поднял меня с колен. – И чего бы тебе раньше не появиться, разговорчивый ты наш?

– А тебе не кажется, что ты нагловат даже для вампира? – Анатолий с интересом понаблюдал, как называющая себя Великой Матерью попятилась. Чуть-чуть не дойдя до перехода, ведущего в «райский уголок», она вскинула руки к небу и что-то выразительно затянула на латыни. Наши конвоиры столпились рядом с ней, настороженно поглядывая.

– Для бессмертного! – дотошно поправил его отец Ярослав. В руке слуги Бога снова появился кинжал. Поглядывая на Детей леса, он неспешно подошел к нам. – Вампир – элемент фольклора.

– Ах... Ну да, – хмыкнул призрак. – Тешь себя надеждой. Кстати, а вон те, обрастающие шерстью, тоже фольклор, или все-таки вам уже пора делать ноги? Но вы не думайте, что я предупреждаю вас по доброте душевной! Это я для себя стараюсь! Кое-кто мне обещал помочь, а это будет трудно сделать, если на вас нападут эти милые лю... ого! уже зверьки?!

Осознав, наконец, о чем болтает Анатолий, мы дружно развернулись к Матери и попятились. Ведьма все еще продолжала завывать, а вместо людей у ее ног уже скалили зубы здоровенные белые твари.

– А разве они могут обращаться при свете дня? – Я нервно сглотнула, пытаюсь реанимировать мгновенно пересохшее горло. Так! Спокойно! Нас – трое. Ну, пусть будет четверо: Анатолий сойдет за психологическое оружие, но их-то, даже по грубым подсчетам, около двадцати! И любой укус сможет отправить на тот свет Влада и сделать мутантом меня!

А ведь я сама хотела сюда поехать!

Хотела. Сама!

И кого теперь винить? Нет, неправильный вопрос. Кого теперь «мочить»? Жаль, нет вил, а оружие пролетариата – ноутбук – отобрали...

– Да легко! – буркнул отец Ярослав, отвечая на мой вопрос. – Особенно если этого пожелает во-о-он та завывающая на латыни особа...

Словно дожидаясь этих слов, Мать замолчала и, оглядев застывших у ее ног, истекающих слюной зверей, бросила:

– Они ваши. Святошу и выродка – убить. И если я не смогу получить девчонку живой, я согласна довольствоваться тем, что ее не станет.

От удивления я даже перестала бояться и возмутилась:

– Вас не поймешь! Вы же сами говорили, что я нужна вам для победы в войне. Что я – наследница!

Лицо женщины обезобразила гримаса брезгливости.

– Ты не хочешь победы, значит, ты принесешь нам поражение. Впрочем, поговорим, если выживешь...

Многообещающее начало! Дослушать ее мне не дали. Разноголосое

тявканье покатило на нас вместе с белоснежной волной. Отец Яр что-то крикнул Владу. Тот молча кивнул, закинул меня к себе на плечо и, разбежавшись, прыгнул с обрыва.

Я даже не осознала, что лечу в ртутную бездну озера, а в следующий миг над нами уже сомкнулись ледяные воды. Сначала меня окатило жаром, затем тело затряслось в ознобе. Я поняла, что от дикого холода не могу дышать. Тело словно онемело. Если бы не Влад, вряд ли я смогла бы выплыть из этой ловушки. Одним сильным гребком он вытолкнул нас на поверхность и, придерживая меня, поплыл вперед. Я с наслаждением глотнула воздуха и, повертев головой, сфокусировала взгляд на стремительно уменьшающемся обрыве, с которого, даже сквозь плеск воды и грохот сердца в ушах, доносился визг, лай и какой-то совершенно сумасшедший хриплый хохот.

Позади снова раздался всплеск, и несколько тел одновременно ушли под воду. Мне показалось, или я видела темную одежду священнослужителя?

– Отец Ярослав! – Я затормошила уверенно плывущего к пещере Влада. – Там отец Ярослав! Нам надо его спасти! Они же его убьют!

– Сначала я спасу тебя. – Еще один рывок, и он достиг противоположного берега, почти отвесно поднимавшегося высоко вверх над нами. Затем, удерживая меня одной рукой, Влад, не особо напрягаясь, вскарабкался на каменистую площадку, неподалеку от которой чернел вход в пещеру.

– Стоять сможешь? – Он поставил меня на ноги и, отодвинув на расстояние вытянутой руки, критически оглядел.

– Как же холодно! – Я в ответ простучала зубами, трясаясь, словно в приступе лихорадки. И тут мой взгляд привлекла картина. К нам плыл отец Ярослав, но как-то неровно и медленно, а его настигали три белых пятна. – Влад... смотри!

Я указала на погоню. Он прищурился, затем разбежался, оттолкнулся от обрыва, некоторое время парил над зеркалом озера и, наконец, повинуясь земному тяготению, исчез под водой в нескольких гребках от беглеца. В следующую минуту он появился рядом с отцом Ярославом и, придерживая его, поплыл вперед. Лисы еще некоторое время плыли за ними, надеясь догнать, а потом будто наткнулись на стену. Несколько мгновений они хаотично сновали вокруг невидимой преграды, но, поняв бесплодность попыток, повернули назад.

Я смотрела, как Влад, поддерживая священнослужителя, сильными гребками приближается к берегу. Вскоре он уже втаскивал на площадку тяжело дышавшего отца Яра.

– Повезло! – неслышно поаплодировал им появившийся рядом со мной Анатолий. Отец Ярослав вымученно ему улыбнулся:

– Тебе спасибо. Если бы ты не отвлек молитвами внимание взбесившихся зверей, мне пришлось бы туго. Старая ведьма решила отыграться на мне за всех! И это после всего того, что я сделал для этого племени!

– Да не за что. – Анатолий усмехнулся, видимо, что-то вспоминая, и

посмотрел на меня. Улыбка сползла с его губ. – Кстати, пещера, где похоронены мои останки, совсем близко отсюда. Не забудьте обо мне, а то, если честно, устал от неопределенности. И здесь чужой, и на небесах пока не нужен...

– Не забудем! – пообещала я и обхватила руками плечи, пытаюсь сдержать озноб. – Лично я от своих слов не отказываюсь, только сначала разведем костер и обсохнем. Мне очень не хочется становиться оборотнем, а уж сопливым оборотнем – тем более!

– Подождать еще немного я смогу! – хмыкнул Анатолий и исчез.

– Пойдемте в пещеру? – Отец Яр указал на темнеющую арку и рывком поднялся, но вдруг охнул и скрючился, словно от безумной боли. Забыв обо всем, я бросилась к нему, но Влад оказался быстрее, подхватил его на руки и понес к пещере. Священник выдохнул и часто-часто задышал. На высоком лбу заблестели бисеринки пота. – Здесь они нас уже не достанут. Тут начинается заповедная территория. Если бы ведьма не была уверена в своем численном и силовом превосходстве над нами, то никогда бы не позволила вам и близко появиться рядом с Мертвым озером.

– А в чем тайна заповедных территорий? – Я шла рядом, с тревогой поглядывая на отца Яра. Странно! Он будто изнывал от жара. Пусть на дворе июнь, но воды горного озера – ледяные, «летний ветерок», вместо того, чтобы согреть, в мгновение ока сделал из меня сосульку, а священник весь в испарине! – Почему оборотни не в силах сюда попасть?

– Здесь как раз все просто. Магия! Меня больше интересуют тайны, которые скрывает Матерь...

– Например? – легко перепрыгивая с валуна на валун, Влад упорно приближался со своей ношей к пещере. Во время очередного прыжка отец Яр поморщился и хрипло пояснил:

– Впервые наша встреча произошла двадцать пять лет назад. Я увидел эту женщину, когда меня пригласили в обитель на должность Хранителя знаний. Так вот! Тогда она была точно такой же, как сейчас.

– Хотите сказать – она не стареет? Ну и что? – Я нахмурилась, пытаюсь понять, что же во всем этом отец Яр нашел таинственного. – Она же оборотень...

– Оборотни, как и люди, стареют и исчезают в свете Луны, как только приходит их срок. Они не бессмертны. Просто живут дольше, – снисходительно объяснил Влад и остановился на границе тени, что жила в раззявившей пасть пещере. – Но она НЕ оборотень. Я чувствовал струящуюся по ее жилам кровь человека. Слышал, как бьется ее сердце. Сердце человека.

– Тогда что все это значит? Почему человек имеет такую власть над лисами? – Я требовательно взглянула на отца Ярослава, затем посмотрела на Влада. – Что вы недоговариваете?

– Влад, поставь меня на ноги. Я еще в состоянии ходить на своих двоих. – Отец Яр требовательно дернулся, и когда ощутил под ногами холод скалистого

берега, нагнулся и закатал штанину. Мы с удивлением и ужасом уставились на багровые отметины зубов. – Меня укусили. Завтра полнолуние... и уже завтра Луна призовет меня в вечное рабство.

Глава двадцать третья

Улетайте да в пустыню, души-птицы!
У потухшего костра уже не спится.
И в кругу тебе знакомом не сидится.
Улетайте да в пустыню, души-птицы!

– Надо что-то делать! Уж лучше вообще не иметь тела, чем не иметь власти над ним, пусть даже в дни полнолуния! – Анатолий тоскливо вздохнул, протянул руку к языкам пламени и замер, разглядывая, как огонь проходит сквозь его призрачную ладонь. – Хотя я и сам сейчас в такой же жо... Гм... Жаль, что так вышло, отец Ярослав!

Мы обосновались в пещере, прячась от пронизывающего ветра. Здесь обнаружился заботливо выложенный камнями очаг и связка сухих веток. Вскоре мы сидели возле весело потрескивающего костра и говорили о том, что сейчас тревожило всех нас.

– Итак. Твоего превращения можно как-то избежать? – Влад не сводил с отца Яра внимательного взгляда.

Тот невозмутимо пожал плечами.

– Бесспорно! Есть одно заклинание, только нужно слишком много ингредиентов, чтобы оно сработало. И есть еще один вариант. Я останусь человеком, если только... род белозадых прекратит свое существование.

– И у вас есть только один-единственный шанс уничтожить оборотней, исправив ошибки в прошлом, – глубокомысленно поддакнул Анатолий. – Вот только не стоит забывать о том, что, если прекратит существование род белозадых, исчезнут и бессмертные.

– Мы все станем людьми! – стиснул зубы Влад, не сводя с него горящих глаз.

– Значит, нужно попасть в замок и попытаться сделать это. – Я перевела взгляд на завораживающую пляску огня. – Хотя я до сих пор не очень-то верю в то, что это может произойти.

– Все верно. Попасть в прошлое вам будет очень трудно, практически невозможно – в замке вас уже поджидает барон Геминг, и он не допустит этого! – Отец Яр погладил распухшую лодыжку и поморщился. – И у него совсем другие планы касательно «Кровавой смолы». Этот камень – ключ от узилища его сестры, и он так просто его не отдаст. Я, конечно, вам помогу, чем смогу, но я не всемогущ. Особенно теперь... Я чувствую, как меняюсь.

– Завтра ты уже будешь одним из них. – Влад нахмурился. – А значит, ты

не пойдешь против стаи и выполнишь любой приказ этой... Матери.

– И все же интересно, как эта женщина – человек – может иметь такую власть над целым родом сверхъестественных созданий? – У меня перед глазами тут же возникла Мать, рисующая знак на лбу коленопреклоненного мужчины. – Помнится, она говорила, что ее предок – колдунья, проклявшая Лучиана и Изабеллу.

– Возможно, магический дар племени передается избранным по праву рождения, – тут же буркнул священник. – Но, боюсь, эта женщина нечто совсем иное...

– Как-то раз мне попался разговорчивый пленный... – Влад внимательно уставился в огонь и нехотя заговорил, будто пересказывая то, о чем потрескивали пожираемые пламенем ветки. – Так вот. Под пытками он поведал, что после смерти Изабеллы Мареш в племени белозадых встал вопрос об избрании нового предводителя рода. И вот однажды в имение Мареш пришла женщина. Она знала все тайны и магию рода. Она могла слышать мысли и мысленно говорить с каждым из Детей леса. Многие решили, что она – воплощение души умершей графини.

– Ты думаешь, это была она? – Анатоль с интересом взглянул на него.

– Уверен. К тому же с тех пор... – Влад задержал дыхание, словно готовился поведать тайну. – С тех пор я не слышал, чтобы у белозадых сменялась предводительница.

– А еще, она знала Катарину! – не выдержала я, чем заслужила удивленные взгляды. – По крайней мере, она точно знает, как та выглядела, потому что ни на мгновение не усомнилась в том, что я – ее двойник.

– Могли остаться портреты... – пожал плечами отец Яр.

– Только один, и он здесь. – Влад потянул за цепочку, доставая уже знакомый мне медальон, и тут же снова спрятал его под рубахой. – Все остальные портреты сгорели во время пожара в имении ее отца, а этот она подарила мне лично.

– Хочешь сказать, – Анатоль замешкался, прежде чем произнести то, что вертелось на языке у всех, – Мать жила в то время?! Но она не оборотень и не бессмертная! Как такое возможно?

– А что если она... – отец Ярослав неуверенно оглядел всех нас и уже открыл рот, чтобы высказать догадку, как его перебил знакомый голосок.

– Ты был прав, дорогой! Они уже здесь!

Мы оглянулись, разглядывая два силуэта, замерших у входа в пещеру.

– Вера? – Вскочив, я бросилась к подруге и обняла ее. – Андруш? – затем улыбнулась стоявшему у нее за спиной здоровяку, но тот лишь хмуро кивнул и прошел к огню. – Как вы нас нашли?

– У бессмертных очень хорошее чутье на кровь... – пробормотал отец Ярослав и, смерив гостей подозрительным взглядом, опустил штанину, скрывая все еще сочившуюся сукровицей рану.

Вероника проигнорировала наблюдение священника, выпустила меня из

объятий и шагнула к поднявшемуся ей навстречу Владу.

– Ну, привет, братец.

Он помолчал и вдруг улыбнулся.

– Решила раскрыть все тайны? Не рано ли?

Я нахмурилась, пытаюсь понять, как Влад умудрился понять фразу, сказанную Верой на русском, и что означает его ответ.

– *Tu deschis mult mai devreme secretele...* – вдруг произнесла подруга на чистейшем румынском языке и прильнула к нему. Влад с нежностью коснулся ее губ легким поцелуем.

И тут я не выдержала.

– Вера! Ты говоришь на румынском языке?! Но как?! И что за фамильярность, какой он тебе братец! – И тут до меня дошло. – Братец?!

Ну и глупый же у меня, наверное, вид.

Подруга отстранилась от Влада и виновато мне улыбнулась.

– Мари, я все объясню. Но позвольте нам немного отдохнуть. Даже бессмертные могут натереть мозоль, прыгая по отвесным скалам.

Я растерянно помолчала, глядя, как Андруш уступает ей свое место у костра. От меня не укрылся его холодный, оценивающий взгляд, что он бросил на священника. Тот тоже его заметил и предпочел пересесть по другую сторону костра.

Влад подошел ко мне и, глядя в глаза, тихо произнес:

– Погибла только одна моя сестра. Поверь, у тебя впереди еще очень много нераскрытых тайн. – Обняв за плечи, он повел меня к костру. Если честно, будь моя воля, я бы променяла все эти тайны на шанс оказаться сию секунду дома, но... мечты остались мечтами.

Я оглядела расположившихся у костра Веронику, непривычно хмурого Андруша и отца Яра. Призрак Анатоля незаметно исчез, надо полагать, снова до поры до времени.

Усадив меня рядом с Вероникой, Влад сел возле священника и посмотрел на Андруша.

– Как вы прошли через заслоны белозадых?

– По меткам, оставленным бароном, – ухмыльнулся тот. – Но пришлось побегать. Часть озера окружена этими тварями так плотно, будто они решили основать здесь деревню. Кстати, не все земли, отмеченные им на карте, теперь под запретом. Пару раз мы едва спаслись, нарвавшись на засаду лис там, где их не должно быть. Мне кажется, они как-то научились проходить по запрещенным территориям.

– Возможно, барон просто неточно отметил границы? – пожал плечами Влад.

– Или одна знакомая ведьма как-то смогла снять запрет. – Отец Ярослав поворошил коротеньким прутиком постепенно прогорающие ветки и подбросил новых. Огонь с радостью накинулся на предложенную еду. В пещере стало светлее.

– Неужели она так сильна, что может обойти такое древнее заклинание? – Андруш и Вероника переглянулись.

Священник поморщился и заявил:

– Думаю, она и есть та, которой оно создано. Создавая непримиримых врагов, ей было необходимо обозначить границы враждующих кланов и нейтральную землю, на которой бы не шла война.

– Ты хочешь сказать, что ведьма, которая сейчас правит оборотнями, и ведьма, что прокляла дочь священника и того, кто впоследствии стал бароном Гемингом – одно лицо? – Глаза Влада расширились. – И она еще жива?

– Древняя магия очень сильна, особенно если за результат заплачено сотнями тысяч душ. – Отец Ярослав тяжело вздохнул. – Трудно нам будет.

– Господа, речь идет о той старушенции, что в компании бешеных лис вопила с обрыва страшные проклятия? – Андруш презрительно поморщился. – Да она просто безумна!

– Ага, сумасшедшая. Вечная жизнь в таком неказистом теле кого хочешь сведет с ума, – фыркнула Вероника. – Как ее бояться? То, что смешно – не страшно.

– Не стоит недооценивать врагов, – строго бросил Влад.

Так! Если не хочу тоже стать сумасшедшей, самое время потребовать объяснений!

– Не скажу, что в этой запутанной истории мне все понятно, и кое-какие темные пятна все же есть. Может, проясните? – Я оглядела высвеченные пламенем лица и остановила взгляд на Веронике. – Что, если я начну с тебя, подруга?

Она потупилась.

– С меня? А что я? Со мной как раз все предельно ясно!

– Ясно? – Я не сводила с нее глаз. – Не знаю, кому и что тут ясно! Может, объяснишь, как ты из практикантки и моей подруги в один миг превратилась в... непонятно кого! Или расскажешь поподробнее о твоей жизни после сожжения замка?

Ее губ на миг коснулась легкая улыбка. Разглядывая огонь, она заговорила:

– Знаю, ты закончила перевод. Последние освещенные в дневнике события: как нас с Гертрудой уводят якобы на казнь. Во дворе царила суматоха. Андруш и его друг вывели нас к воротам, от которых к тому моменту почти ничего не осталось, да они были и не нужны. От магии колдунов стена просела, осыпалась, а кое-где и вовсе зияли дыры, сквозь которые прошел бы даже бык, а не только лиса. И вот, когда нам показалось, что мы получили долгожданную свободу, на нас напали слуги графини Мареш. Пришлось пожертвовать Гертрудой. – Она посмотрела на меня. – Возможно, ты посчитаешь меня излишне жестокой и коварной и... Что еще приписывают вампирам в фольклоре? Но и люди, и бессмертные, и оборотни – все мы одинаковы, когда речь заходит о собственном спасении! К тому же Гертруда всегда была немного

сумасшедшей и... злобной сукой!

Я, не отрываясь, смотрела в ее меняющиеся глаза. Сквозь лазурную радужку медленно проступала багровая чернота.

– Твои глаза...

– Мари, все это иллюзия. – Вероника снова улыбнулась, провела руками по белокурым кудрям, будто что-то стряхивая. Мгновение спустя передо мной сидела яркая черноглазая брюнетка, в которой я бы ни за что не узнала свою подругу-хохотушку. – Всем нам при обращении дается какой-то дар. Мой дар в том, что я могу внушать. Давать людям то, что они хотят увидеть. Тогда... во время разрушения замка я всем внушила, что вместо Гертруды оборотни видят своего злейшего врага – барона, и когда на сестру напали, мы с Андрушем ушли. Я понимаю, что пожертвовала сестрой и бессмертным, пытавшимся ее спасти, но это того стоило! Почти четыре века после этого я с любимым мужем прожила в покое и достатке под крылом барона Геминга, пока... Пока из безвременья не вернулся Влад с заявлением, что наша мать почувствовала пришествие своего двойника и пожертвовала Кровавой смолой, чтобы открыть для него дверь.

Вероника подмигнула Владу, не отводящему от нее взгляда, и тяжело вздохнула:

– Именно в тот день моя спокойная жизнь закончилась. Мне пришлось помогать барону в поисках «сосуда» для его любимой сестры. Я потратила полгода в вашем захолустном институте, чтобы привезти тебя сюда... Да-да, и не смотри на меня так. Втереться в доверие было проще простого! Чтобы расположить тебя к себе, я взяла из твоей памяти образ подруги детства. Впрочем, мне не пришлось сильно меняться. Лишь изменить цвет волос и глаз. Ведь ты запомнила в ней именно это. А еще характер. Прости, но мне ничего не оставалось, кроме как превратиться в недалекую, озабоченную блондинку. Я приехала в Россию, устроилась в институт, где работала та, что смогла бы стать идеальным «сосудом» для моей матери, но... увы! Все мы опоздали в ее поисках почти на столетия. Двойник моей матери оказалась бодрой, полной сил старушкой. Если использовать ее в магическом обряде, она может не выдержать, и в самый ответственный момент моя матушка лишится всего. Старое тело двойника может не принять в себя ее дух. Все это я поняла, едва увидела твою бабушку, Мари. Но! Я не могла вернуться к барону с пустыми руками. А затем я увидела тебя, и задача оказалась решена. Я честно рассказала все барону. И о старости двойника, и о внучке, в которой течет (а как же иначе) истинная кровь Вайнских князей. Получив «добро», я начала действовать. В ход пошел дневник моего романтического брата. Я внушила твоей бабушке, что это не только шанс для ее горячо любимой внучки остаться после распределения в институте, но еще и шанс попасть на родину предков, куда ее всегда тянуло.

– Для тебя так важно хорошо выполнить приказ барона и воскресить мать? – перебила я ее. – А мне почему-то на миг подумалось, что ты помогаешь

мне и Владу...

– Боже мой! Только ты можешь оскорбить одним взглядом, утопив в море презрения! – Вероника звонко расхохоталась и, снова став серьезной, заявила: – Мне наплевать на воскрешение матери! Она всегда была эгоистичной стервой, думающей только о себе. Как ты думаешь, каким образом я оказалась замужем? Мне было всего пятнадцать, когда она решила, что ей не помешает капиталовложение со стороны. А через месяц я стала женой бессмертного, который был старше меня на добрую сотню лет. И я бесконечно счастлива, что моим заботливым и нежным мужем оказался Андруш!

Ну, конечно! Ведь в дневнике не раз упоминалось это имя. Так значит...

Я с силой потерла лоб.

– Просто невероятно встретить в реальной жизни тех, о ком было написано четыре столетия назад! Ты так искусно притворялась, будто не понимаешь язык! И еще. Откуда ты так хорошо знаешь русский?

– Дорогая моя! – снисходительно фыркнула Вероника. – За четыре сотни лет можно выучить все языки мира. Особенно если ты обладаешь отличной памятью и твой разум не обременен мыслями о торопливо утекающей жизни.

– А как ты попала в институт? Втерлась в доверие к Игорю Владимировичу? Внушение?

– Знакомство. И дружба. Мы с «папой» хорошие друзья вот уже... более двухсот лет.

Я с усилием заставила себя оставаться спокойной.

– Значит... Игорь Владимирович... тоже?

– Ага, – легко согласилась Вероника и накрыла мою руку ладонью. – Единственное, о чем бы я очень сожалела – потеря твоей дружбы. Поверь, мне будет очень не хватать твоих занудных нравоучений и нотаций.

– А мне твоих дурацких заигрываний и шуток. – Я невольно улыбнулась. Обида, злость, волнение, переполнявшие меня, неожиданно исчезли, будто эти чувства выдул летний ветерок. Какая теплая у нее рука... Почему? – Кстати, давно хотела спросить... В дневнике, может быть, упоминалось, но я не совсем поняла: разве вамп... мм... бессмертные не должны быть холодными?

– С какой стати? Мы живы. В нас течет кровь. Правда, не всегда своя... но... – Вероника смущенно пожала плечами, – когда мы пьем нектар, мы чувствуем себя богами!

– Не слушай ее. Просто моя сестренка так давно не снимала это... – Влад коснулся серебряной полоски кольца, обвивающей его безымянный палец, – что забыла о некоторых свойствах своего организма. Это – защита. Чтобы люди не почувствовали нас.

– Кстати... – немного резко перебила его Вероника, нервно потерев такое же кольцо на среднем пальце. – Прежде чем попасть сюда, мы виделись с бароном. Он ждет «сосуд» завтра.

Сосуд! Какое же идиотское слово!

Не выдержав, я рассмеялась истерическим, тоненьким смехом. Я смеялась

с наслаждением, выплескивая страх и сомнения. Смеялась так, будто смех был моей единственной защитой. Я смеялась, боясь замолчать и снова как-то реагировать на происходящее; на моих спутников, не сводящих с меня глаз: равнодушных – Андруша, сочувствующих – Вероники. Священник смотрел с пониманием, а Влад... Огонь пощечины вдруг ожег мне щеку. Я захлебнулась смехом и непонимающе уставилась на него.

– Не за что. – Он отвел взгляд.

Я резко выдохнула.

– Не могу поверить, что это происходит со мной! Я – «сосуд» для одной из перворожденных! Но... – В голове словно щелкнул выключатель. – Стоп! Какой «сосуд»? Я ведь не принадлежу вашему роду! Значит, я не подойду на эту роль!

– Любая смертная сможет стать «сосудом». Но... – Вероника одарила меня долгим всезнающим взглядом. – Всегда есть «но». Если ты хотела удивить меня тем, что в тебе нет ни капли крови Вайнских князей – тебе это не удалось. Я лично знала Катарину, и когда я впервые увидела тебя в коридоре института, то испытала нечто очень похожее на растерянность и бесконечное удивление. Еще бы! Искала двойника матери, а нашла невесту брата.

Она сочувствующе усмехнулась и развела руками.

– Игра крови, богов, природы – назови, как хочешь! Создать точную копию человека, но по-другому раскрасить. Катарина была блондинкой, ты – брюнетка; длинные роскошные косы сменились прямыми, неровно обрезанными патлами, завязанными в унылый хвост. Золотисто-карие глаза стали блекло-голубыми. И не морщись! Я тебе говорила о твоих недостатках! Если бы ты слушала меня, то за последние полгода, что мы с тобой общаемся, я бы создала из тебя супермодель! Увы! Природа позаботилась только о сохранении твоей невероятной гордыни и непробиваемого самомнения! Ты всегда прекрасно знала и знаешь, что тебе нужно! Ты не слушаешь ничьих советов!

– Гм... – Я громко кашлянула, перебивая поток обличительных слов. – Видимо, Катарина была не очень-то приятной личностью. Но меня больше волнует другое. Какотреагирует барон, когда узнает, что вы привели не ту?

Вероника бросила быстрый взгляд на Андруша, словно ожидая подмоги, и не дождавшись, хитро мне улыбнулась.

– Мне больше нравится слово «если». – И тут же шутливо принялась мне выговаривать: – Ну, что я говорю! Суешь свой нос, куда тебя не просят! Если честно, полгода с тобой, Мари, для меня показались вечностью!

– Не слушай ее, Мари. – Влад попытался скрыть усмешку. – Сестренка всегда смотрела на тебя с восхищением.

– Для начала усвой, что сейчас ты говоришь не о Мари... – тут же поправил его отец Яр, – а о Катарине. Она – закрытая память Мари, и чтобы все вспомнить, ей нужно окунуться в ту жизнь. Переместиться в прошлое. Только наложение настоящего и прошедшего дает полноценные воспоминания.

– Надеюсь, у нас будет шанс все исправить. – Влад помрачнел.

– Исправить? – Вероника нахмурилась, настороженно его разглядывая. – Что ты затеял, братец? Вообще-то... я думала, что ты всего лишь хочешь помочь ей бежать.

– Мы и сбежим. В прошлое. – Влад тоже не сводил с нее глаз. – Катарина не погибнет, а матери сгорит на площади замка. Сама подумай – как она вернется в этот мир, если ее казнят?

– Хм... – Вероника задумалась. – Так значит, ты хочешь пробраться в прошлое и все изменить? Эх, братец, боюсь тебя разочаровывать, но... как бы ты ни старался, Катарина все равно умрет. Не от предательства, так от старости. А ты будешь жить... без нее... потому что ты – бессмертный...

– Пусть так... – Влад снова уставился в огонь. – Зато я буду знать, что той весной она осталась жива. Мне нужна помощь. Первая задача – попасть в замок и не дать барону заполучить Кровавую смолу!

В ожидании ответа он обвел всех взглядом. Отец Яр коротко кивнул. Вероника посмотрела на безмолвствующего Андруша.

– Не скажу, что мне нравится эта история... – наконец хрипло буркнул он. – С одной стороны, освобождение княгини – это усиление армии бессмертных еще одной перворожденной и преимущество перед оборотнями; с другой стороны, перемены еще никогда не были к лучшему в этом богом забытом уголке. Но я надеюсь, что однажды случится то, что позволит мне просто жить.

– То есть... ты бы хотел все оставить как есть, только избавиться от власти слабости, не сходить с ума от вкуса нектара и не быть солдатом вечной войны, в которую мы все были втянуты умирающей ведьмой? – уточнил священник. В его чуть прищуренных глазах отражалось пламя костра.

– Именно. – Андруш кивнул и заговорил медленно, будто подбирая слова: – Я и бессмертным-то стал по недоразумению. Барон обратил всю мою семью только потому, что ему нужны были свои бессмертные в городском совете. Я не люблю войну. И не люблю рисковать. А ведь он готов положить на алтарь победы все и вся!

Священник решительно покачал головой.

– Он продолжает войну, потому что не может иначе. Ему и той, кого он когда-то любил, с самого рождения внушили, что от победы в этой войне будет зависеть все! Их потомки до сих пор ведут войну лишь потому, что их кровь и их жизни питают ту, что нашла идеальный способ достичь бессмертия. – Отец Яр поморщился, коснулся раненой ноги и вдруг усмехнулся. – В превращении есть один плюс. Начинаешь узнавать тайное. Мой разум готовится к тому, что уже завтра я буду частью идеального, слаженного механизма, которому безразличны узы сострадания. Но пока я – человек, и можете на меня во всем положиться.

– Мы вам поможем, Влахо! – серьезно кивнула Вероника. – Будет забавно, если ты сможешь переписать историю.

– Вот только результаты тебе могут не понравиться... – Влад смерил ее долгим взглядом.

– Даже не сомневаюсь! Так бывает всегда, когда за дело берешься ты! Но... я бы не отказалась расшевелить это болото! – Вероника поднялась. – Уже ночь. Нашим смертным друзьям не помешало бы выспаться перед завтрашним днем.

Глава двадцать четвертая

Что опечалит дух твой,
вечностью согретый?
Кто отпоет меня
в пучине долгих дней?
Где ждет тебя покой,
тот, что уж канул в Лету?
И бубен отзвенит
по верности моей.

Я поежилась. Вряд ли смогу сейчас уснуть. Мелкая противная дрожь колотила все тело, смешивая воедино симптомы простуды и нервного перенапряжения.

Во загнула!

Даже самой стало страшно от такого диагноза.

– Да... – Отец Ярослав послушно поднялся вслед за Вероникой. – Пожалуй, я воспользуюсь советом. Сон – благодать, данная нам богами, и даже если он навсегда изменит мою сущность – я иду спать. Кстати, там, дальше, – он махнул рукой куда-то в темноту, куда не добирались отсветы затухающего костра, – есть еще одна большая ниша с уютным ложем из соломы. Поместимся все!

– Откуда ты знаешь? – Влад не сдвинулся с места, продолжая сидеть у костра.

Священник ухмыльнулся.

– Просто как-то довелось здесь заночевать. Захотелось побыть одному в месте, где меня не достанет ни один белозадый, а заодно своими глазами увидеть пещеру, где жили Изабелла и Лучиан.

– Скажи, а зачем ты попросил Матерь перенести нас именно сюда? – Глаза Влада прищурились. – Из-за границы? Или у тебя был какой-то план?

– Ну и из-за границы тоже. Вообще-то я знал, что у нас мало времени, а от этого озера до замка Вайн всего несколько миль.

– Практично, – оценил Влад.

– Мудро, – поправил его священник и направился в темноту, плескавшуюся в глубине пещеры. Послышался шорох сена и чертыханье.

Влад проводил Ярослава взглядом и мрачно уставился в багровые угли. С агонией умирающего костра стал заметнее сумрак, затягивающий вход в пещеру.

Украдкой следя за Владом, я и не заметила, куда подевались сперва Андруш, затем Вероника. Воцарившуюся в пещере тишину можно было резать ножом – такой живой и плотной она стала. Наконец, набравшись смелости, я решилась прервать затянувшееся молчание.

– Мне почему-то кажется, что я завязла в паутине дурного сна...

Влад посмотрел на меня.

– Все наше существование – сон. А дурной или хороший – выбирать тебе.

– Это только слова! – упрямо вскинулась я. – Что ты сделаешь, если утром нас встретит целая армия оборотней во главе с вашей всемогущественной создательницей? Как бы я ни хотела победить, произойдет то, что должно произойти. Как ты можешь рассчитывать на выигрыш, если не доверяешь даже тем, кто верит в тебя?

В темноте его глаз зашевелился багровый туман.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты утаил от Вероники и Андруша то, ради чего мы хотим попасть в нашу прошлую жизнь. – Я выдержала его взгляд, сглотнула и выпалила: —Если нам удастся сохранить Катарине жизнь, сбудется пророчество и... колдовство исчезнет! Все вы исчезнете! Не будет ни бессмертных, ни лис-переростков. Ведь так?

– Не так. – Его губ коснулась самая настоящая искренняя улыбка. – Мы останемся, чтобы прожить наши жизни, как и должны были их прожить: мы станем людьми. Знаешь, бессмертные не видят снов, но... иногда мне вспоминается сон, который я видел, еще будучи человеком: я, в строгом современном костюме, иду по длинному коридору с множеством дверей. Мимо меня снуют юноши и девушки. Я открываю дверь. Вхожу в огромный зал... и вижу тебя. Не Катарину, не Мари, не еще какие-то другие твои перерождения! В этом сне была именно ты. Я верю, что все это не просто так. Даже барон Геминг где-то глубоко внутри, за шелухой прожитых веков и потерь – всего лишь растерянный дворовый мальчишка – Лучиан Копош, не понимающий, почему он должен ненавидеть ту, которую еще вчера любил больше Создателя! Победы в этой войне не будет. Как не будет и проигрыша. Понимаешь, что я хочу сказать? Все это – иллюзия, в которую нас заставили поверить. А я хочу освободиться.

Он поднялся, обошел костер и сел рядом.

– Сегодня ты говорила как Катарина. Воспоминания о той жизни постепенно просыпаются. Скоро ты вспомнишь все, что было между нами. – Его рука обняла меня за плечи и притянула к себе. Я уткнулась ему в плечо. Вспомню? Мне кажется, что я и не забывала... Волнение, усталость дали о себе знать, и мною снова овладела нервная дрожь. – Тебе холодно?

– Наверное. Одежда уже высохла, а воспоминания о ледяной воде –

остались.

Он прижал меня к себе еще сильнее.

– Тогда я не выпущу тебя из объятий, пока ты не согреешься.

– Звучит заманчиво, – я посмотрела ему в глаза, – но тогда ты очень рискуешь услышать мой храп. Спать хочу – зверски!

– Тогда я буду сторожить твой сон. – Не переставая улыбаться, он коснулся поцелуем моих глаз, вынуждая их закрыть, а затем его мягкие, теплые губы ласково и настойчиво нашли мои. Замирая от волнения, я ответила на его поцелуй и чуть не застонала от разочарования, когда он отстранился. В следующее мгновение я оказалась у него на руках, а над ухом раздался его голос: – Спи, а я буду беречь твой сон.

Угу. Уснешь тут!

Я собралась озвучить свои мысли, но вдруг поняла, что не могу пошевелиться, не могу издать ни звука, не могу открыть глаз...

Так, размышляя над этими странностями, я незаметно для себя уснула. А затем я будто со стороны увидела себя и... Влада!

Аккуратно уложив меня неподалеку от очага, он поднялся и вышел. Ловко вскарабкался по скалистому берегу выше, туда, где убегала в горы неприметная тропинка, и зашагал по ней.

Видение сменилось другим. И вот уже Влад входит в пещеру.

Темнота показалась мне живой. Я ощутила чье-то присутствие, и тут вспыхнул огонь, такой яркий и сильный, что я ощутила жар, идущий от него. На миг передо мной предстало лицо Анатоля, и я услышала голос, что настойчиво зовет меня:

– Мари! Мари-и-и!

Казалось, я не спала ни секунды! Что за спешка?

С трудом открыв глаза, я увидела профиль склонившегося надо мной Влада. Начинался рассвет. Я попыталась подняться и тут же об этом пожалела. Все тело прошили крошечные иголки.

Заметив мои мучения, Влад рывком поднялся, поставил меня на ноги и, отвечая на мой безмолвный вопрос, заторопил:

– Пора идти.

– А разве нам не нужно дождаться восхода солнца? Ведь оборотни...

– Мы пройдем по границе, подруга. Нас не тронут, – раздался позади задорный голос Вероники. Подруга? А вправду, как мне теперь к ней относиться? Я обернулась, разглядывая ее точеный силуэт. – Что касается меня, я буду для тебя тем, кем ты сама пожелаешь. Хочешь – буду подругой, а хочешь – врагом.

Я нахмурилась.

– Ты умеешь читать мысли?

В ответ раздался ее легкий смех.

– Я умею читать мимику, а у человека, который думает, что его никто не видит, она очень выразительная! Ну как? Я угадала?

– Угадала! – Я улыбнулась в ответ. Вот черт! Нужно быть осторожнее...

– Путь свободен. – Серый утренний свет, льющийся в пещеру, загородила собой широкоплечая фигура. Андруш! – Белохвостые ушли. Поднимайте святошу.

Что это с ним? Где тот улыбчивый здоровяк, к которому я привыкла? Мрачный, холодный, угрюмый. Его словно подменили!

– Я не сплю! – послышался из глубины пещеры хрипловатый баритон отца Яра, и до меня донеслись его чуть шаркающие шаги.

– Отлично. Значит, мы можем идти. – Влад первым вышел из пещеры. За ним потянулись и все остальные.

От предательской мысли у меня затряслись колени: «Сегодня. Все произойдет уже сегодня!»

Я с силой выдохнула, стараясь задавить так не вовремя проснувшуюся панику, и тоже направилась к выходу.

Ну и пусть! Пусть произойдет. Ждать неизвестно чего – еще хуже!

Выйдя из пещеры, я замерла, пораженная увиденным. Передо мной, в серебристом тумане, раскинулось озеро, и чуть наискосок, разделяя его пополам, проходила незамутненная дорожка чуть зеленоватой воды.

– Это граница. – Отец Яр стоял в шаге от меня и тоже не отводил взгляд от увиденного. – Ее можно различить и днем, особенно если знаешь, что ты хочешь увидеть.

Он развернулся. Прихрамывая, подошел к насыпи камней и по валунам принялся тяжело подниматься вверх, будто по ступеням. Я замерла, пытаюсь отогнать навязчивое чувство тревоги и дежавю. Сон! В моем сне Влад так же поднимался... И когда вслед за ним все мы взобрались на холм, я ничуть не удивилась, увидев под ногами *ту самую* тропинку!

Значит ли это, что мой сон вовсе не был сном?

Я огляделась, пытаюсь увидеть что-нибудь еще, что подтвердило бы мою догадку, но дорожка, змеясь вдоль берега, скрывалась в лесу, больше ничем не напоминая о моем сновидении.

Чтобы хоть как-то отвлечься от сводящих с ума догадок, я принялась разглядывать невероятно красивое озеро, окруженное невысокими горами, густо поросшими щеткой леса.

Вспомнилась история влюбленных.

Интересно, что послужило причиной их ссоры и расставания? Вплоть до того, что они возненавидели друг друга! А если... ведьма внушила им эту ненависть?

Вскоре тропинка, ведущая нас вдоль озера, свернула в лесок и, петляя меж разлапистых елей, принялась подниматься вверх, исчезая в темном ущелье.

Я изо всех сил старалась не отстать от нашего маленького отряда, но все же годы пассивной жизни взяли свое. Мне пришлось остановиться. Облюбовав невысокую елочку, я повисла на ней как на спасательном круге, провожая взглядом исчезающих в ущелье спутников, даже не подозревающих о моем

вынужденном привале.

Дожила! Даже раненый священник шагает так, что даст фору бессмертным! А я, словно клуша, расклеилась после первого же километра!

Стиснув зубы, я сделала над собой усилие, отлепилась от дерева и уже хотела продолжить путь, но тут передо мной, словно из воздуха, возникла белая лиса и угрожающе оскалила зубы. Волна ужаса прокатилась по всему телу, заставляя меня оцепенеть. Сзади беззвучно подкралась еще одна тварь и опасно ткнулась мне в руку холодным носом. Мой рот инстинктивно распахнулся, готовясь издать переливчатый вопль, но тут же захлопнулся: из-за разлапистых ветвей ближайшей елки ко мне вышла одетая в камуфляжный костюм молодая женщина и выразительно прижала палец к губам.

– Не надо крика. Мальчики не причинят тебе вреда. Только проводят к Матери. Твоим спутникам тоже ничего не грозит. Мы пропустим их к замку. Кивни, если поняла, и подойди ко мне.

Я медленно кивнула, но не успела сделать и пары шагов, как из-за ее спины показался Влад. Темное лезвие клинка стремительно взлетело к горлу девицы. Она дернулась в смертельных объятиях и беззвучно осела. Караулившие меня лисы с хриплым тьявканьем бросились на Влада, но тут между ними с неба спикировала женская тень, и оборотни упали с распоротым брюхом. Я замерла, не в силах отвести взгляда от окровавленных тел. Секунду назад это были лисы, и вот передо мной лежат, глядя мертвыми глазами в утреннее небо, два парня. Совсем еще мальчишки.

Я подняла глаза на спасительную «тень», прячущую за голенищем сапога широкий охотничий нож.

– Вероника?

– Можешь не благодарить. – Она выпрямилась и, откинув со лба темную прядку волос, улыбнулась. – Испугалась?

– На священника и Андруша тоже напали! – хрипло выпалил Влад и приказал, обращаясь к Веронике: – Уводи ее назад, к границе!

Я даже не поняла, когда он исчез. Все еще продолжал звучать голос, а его самого уже нигде не было.

– Черт! – Вероника зло выдохнула и скомандовала: – Пойдем.

– Куда пропал Влад? – Я, будто не услышав приказа, продолжала выискивать его глазами.

– Зря стараешься. – С лица Вероники словно стерлась сама жизнь. – Он уже в ущелье. Оборотни преградили единственный путь, ведущий отсюда к замку. Так сказать – страховка на случай, если жрице не удастся тебя увести. – Она пнула носком сапога безжизненное тело девушки и с угрозой повторила: – Пойдем!

– Куда? – видя ее решимость, я попятилась. – Назад, к пещере?

– Я не собираюсь там отсиживаться. Мне приказано доставить тебя в замок, и я сделаю это. С Владом или без него! Прости. Я отдам за него вечность, если она ему будет нужна, но умирать по глупости не стану. К тому

же, у барона тоже есть страховка. Андруш! Поторопись, подруга. Нас ждет перворожденный.

Глядя в ее глаза, горящие цветом свежепролитой крови, я попятилась, развернулась и понеслась, не разбирая дороги, туда, где темнело затаившимся в нем ночным сумраком предательское ущелье. Не знаю, что заставило меня забыть об усталости: страх перед готовой на все незнакомкой, которая еще совсем недавно была мне другом, или ужас снова потерять того, кто стал мне дороже жизни.

Сзади слышались звуки погони. Дико заболела спина. Я метнулась в сторону, спасаясь от норовивших вцепиться в меня рук Вероники, из последних сил вбежала в ущелье и... растянулась на каменистой тропинке, споткнувшись об обезглавленное тело лисы. Холодные пальцы бессмертной тут же вцепились мне в ворот ветровки и с силой дернули, заставляя подняться.

– Ты что-то не поняла? – прошипела мне на ухо Вероника. – Я приведу тебя в наш чертов замок человеком, хочешь ты этого или нет! Даже если меня саму обратят в прах!

– Какая преданность делу... – позади нас слышался знакомый язвительный голосок.

Великая Мать и сегодня не осталась в стороне!

Мы с Вероникой переглянулись. Я почувствовала, как ее пальцы разжались, и, ощутив свободу, бросилась бежать туда, где между отвесными скалами синел клочок неба, а в безмятежность утра врвались звуки битвы. Следом за мной вспугнутым зайцем припустила Вера.

– Взять их! – Слышался перестук камней, потревоженных лапами лис, пущенных за нами в погоню.

Глава двадцать пятая

Разбуженная битвой тишина
Ночной совою уплыла незримо,
И память в этой полночи брела
Тропою безымянных пилигримов.

Мне казалось, я лечу, не задевая ногами камни, но посланный мне вдогонку зверь оказался быстрее. Я спиной чувствовала его дыхание и уже ощутила клыки, пронзающие мою кожу, но тут откуда-то сверху на тропинку бесшумно скользнули четверо мужчин, одетых в маскировочные костюмы. Пропустив меня, они выхватили певуче звякнувшие мечи. Раздался визг, перешедший в хриплое тьяканье.

Сила страха, гнавшего меня вперед, иссякла; навалившаяся усталость внезапно сделала ноги свинцовыми. Споткнувшись о камень, я больно ударила коленом. Злые слезы защипали глаза.

Плевать! Пусть будет, что будет! Согласна стать даже оборотнем, только бы меня оставили в покое!

Вот только никто не спешил на меня нападать. Угрожающее рычание раздавалось приглушенно и где-то позади.

Я приподнялась и оглянулась.

Картина, открывшаяся мне, завораживала: шеренга готовых к нападению белых зверей против вооруженных мечами четверых мужчин.

Смертельное противостояние.

Тут же равнодушно подумалось: кто победит?

Словно стремясь поскорее ответить на мой вопрос, лисы бросились первыми. Тихо лязгнуло оружие, начиная пляску. Мужчины и оборотни слились в черно-белый водоворот. Только зазвенели клинки, стремясь достать шустрых врагов, на радость Смерти, ожидавшей дани в это утро. Мне на миг действительно показалось, что я вижу нависшую над ущельем огромную тень в капюшоне и с косой.

Первыми упали две обезглавленные лисы, окрашивая черной кровью серые камни. Бессмертные тоже несли потери: один из мужчин выгнулся, словно от сильнейшей судороги, и... исчез! Только его одежда серой тряпкой упала к ногам товарищей, и белесая пыль запорошила сражающихся.

Чем закончилось сражение, я не увидела. Передо мной словно из воздуха выткался Влад, скользнул по мне быстрым взглядом, закинул на плечо и кинулся бежать. Вскоре мрачное ущелье закончилось, выпуская нас в долину, раскрашенную всевозможными оттенками зелени. Яркие лучи нового дня играли в каплях росы, превращая их в рассыпанные по лугу самоцветы, а вдалеке, на фоне окружавших равнину изумрудных гор, будто в укор этой красоте в небо вздымалась темная громада замка. Кое-где даже сохранились фрагменты окружавшей его некогда стены.

Послышалось приближающееся таяканье, и из ущелья вслед за нами вырвалось несколько десятков зверей. Влад на бегу оглянулся, но вместо того, чтобы спастись, вдруг остановился и поставил меня на густую, влажную щетку травы.

– Что ты делаешь? – Я бросила на него быстрый взгляд и развернулась к лисам. Вопреки опасениям звери отчего-то прекратили преследование и уселись, плотоядно поглядывая на нас. – Что происходит?

– Граница! – прозвучал у меня за спиной голос Вероники. Во время нашего бегства она куда-то исчезла, а теперь появилась будто из воздуха. Вместе с ней соткался и Андруш, державший отца Ярослава, отчего-то связанного по рукам.

– Да. Говорят, оборотни не могут пересечь дорогу, по которой шел после разрыва с любимой Лучиан Копош. Жаль, что бессмертные тоже не везде могут пройти. – Андруш подтолкнул словно не замечавшего ничего вокруг священника.

– Видимо, кое-кто этих границ не знает. – Влад смерил настороженным

взглядом показавшуюся из сумрака ущелья невысокую фигурку Матери. Шагнув в изумрудную зелень травы, она прищурилась, привыкая к ярким лучам солнца, и направилась к нам. Уверенно миновав мистическую грань, она не дошла до нас всего несколько шагов, остановилась и, глядя прямо в глаза Андруша, приказала:

– Отдай тех, кто принадлежит мне, и я прощу убийство моих слуг, а также отпущу всех вас, без какого бы то ни было с нашей стороны преследования.

– Попробуй, заberi. – Андруш холодно улыбнулся. – Вот только священник пока не стал твоим слугой, а что касается девушки – у моего отца на нее совсем другие планы.

Я нахмурилась, слушая его голос, низкий, хлесткий, властный... Незнакомый! И, пораженная догадкой, уставилась на него, разглядывая во все глаза: массивное круглощекое лицо словно опало, вытягиваясь. Голубые глаза изменили разрез и потемнели. Пухлые губы сжались, вытягиваясь в строгую ниточку, массивный подбородок заострился, волосы почернели и рассыпались по плечам.

Это не Андруш! Тогда кто это?

– Виктор? – Влад стиснул мне плечи, притягивая к себе. – Зачем ты здесь?

– Отец послал проследить за доставкой «сосуда». Я подменил Андруша еще на гостинном дворе, отправив его в замок.

Так вот что означают странные слова Вероники! Она знала, что с нами идет Виктор, и поэтому упомянула, что Андруш – «страховка» барона!

Я невольно вжалась в спину Влада, глядя в равнодушные, холодные глаза Виктора. Тот заметил мое движение и, смерив меня взглядом, приветственно склонил голову.

– Госпожа, мы знакомы, но не были представлены друг другу как должно. Мое имя – Виктор. Я сын барона Геминга, или, если пожелаете, перворожденного Лучиана Копоша. Я сам провожу вас в замок и ручаюсь – ни эта ведьма, ни ее блохастые отродья не потревожат вас в пути!

– Если ты выучил пару заклинаний, мальчик, не нужно бахвалиться своим невежеством! – выпалила Мать, что-то пробормотала, и возле нас широким кругом поднялось пламя. Бесстрашно шагнув в него, она оказалась по нашу сторону огненной границы. – Бессмертные не любят огонь. Ибо он, как слабость, сначала пожирает плоть, затем душу. Но зато он несет освобождение! Кто из вас первым хочет получить свободу? Как бы я ни любила Детей леса, созданий, защищающих свой дом и оберегающих эти земли, мне пришлось создавать и противовес. Я – та, на кого вы должны молиться! Именно я создала ваш никчемный, паразитирующий род!

Неожиданно пламя погасло так же быстро, как загорелось, и рядом с колдуньей вылепилась фигура высокого, худощавого и невероятно красивого парня.

– Эффектная речь, мадам Матильда. Вот только тело на этот раз подкачало...

Я замерла, не в силах поверить своим ушам. Этот голос я бы не спутала ни с каким другим. Уж очень он запомнился мне в первый же день нашего пребывания на «гостеприимной» земле Трансильвании.

– Барон Геминг... – Колдунья улыбнулась. – Люблю, знаешь ли, естественность... Ведь именно такой я была в тот миг, когда твоя несбывшаяся любовь так бездумно согласилась отдать мне свою молодость и красоту, а также твою жизнь и кровь. Но если ты так хочешь...

Ее на мгновение окутал густой туман, и перед нами появилась яркая, молодая темноволосая женщина. Невероятно знакомая!

– Дама в красном... – озвучила мою догадку стоявшая рядом Вероника. – Мадам Матильда.

– Проще сказать, ведьма, обманом создавшая два отверженных богом рода! – приговором прозвучал голос Влада. – И, право, неизвестно, кто из нас больший паразит!

– А ты бы упустил свой единственный шанс снова стать молодым и красивым? Снова жить? – стремительно развернулась к нему колдунья. – Нет! И потому никто из вас не вправе обвинять меня в том, что вы существуете! Кстати, барон... Мы, кажется, все с тобой обсудили? Я пообещала молодость твоей сестре, как только она вернется из безвременья, а ты взамен поклялся не подпускать девчонку к замку... Так почему она *здесь* ?!

Молодой барон Геминг, чем-то неуловимо похожий и на Виктора и на Влада, вдруг виновато улыбнулся и развел руками:

– Кое-какие обстоятельства заставили меня действовать на мое усмотрение.

Ведьма прищурилась.

– И что же такое могло произойти, что заставило тебя нарушить договор со мной?

– Твоя ложь! – Парень перестал улыбаться. – Если бы похищенный нами святоша не рассказал Виктору правду, ты бы все списала на несчастный случай? Ответь! Ты ведь не собиралась возвращать из безвременья княгиню Софию Вайнскую?

Мадам Матильда удивленно вскинула брови.

– Я очень рада твоей предусмотрительности и осторожности, но искренне поражена твоим недовольством. Неужели ты действительно подумал, что я добровольно позволила бы жить той, что в свое время уничтожила тысячи моих слуг? Не для того я наложила на нее заклятие распада! И если бы не созданное тобой убежище, она бы превратилась в прах еще в день восстания!

– Лживая тварь! – Ангельский лик парня исказила ярость, и секунду спустя я уже смотрела в холеное лицо барона Геминга. – Ты же сама пришла с просьбой начать новый виток войны между нашими родами! Ты же сама подсказала мне, где нужно искать «сосуд», чтобы вернуть в мир Софию! Ты...

– Ладно-ладно! Не горячись... – Лицо мадам Матильды снова скрыл туман, стирая молодость, и перед нами вновь предстала Великая Матерь. – Да,

я хотела схитрить... Но, как ты говоришь, обстоятельства изменились! Давай при свидетелях вновь заключим договор. Я выполню свою часть сделки, а затем ты вернешь мне девочку.

Барон скользнул по мне взглядом, ухмыльнулся.

– Видимо, она тебе очень нужна? Догадываюсь, зачем. Впрочем, мне твои тайны не интересны. Ладно. Пусть так. Я отдам смертную, но только когда моя сестра выйдет невредимой из твоей ловушки, и ты вернешь ей молодость! А если снова попробуешь обмануть – сверну девочке шею.

Ведьма прищурилась, словно что-то обдумывая.

Слушая их разговор, я честно пыталась понять: если мне уготовано стать «сосудом» княгини, то зачем возвращать молодость? А может, это особенность магического ритуала? Например, тело, куда перемещается душа бессмертного, теряет какую-то жизненную энергию? Стареет? С другой стороны, барон только что согласился после ритуала отдать меня этой ведьме! Но как? Зачем?! Ведь в моем теле будет душа княгини!

Пытаясь разгадать ребус, я украдкой всех оглядела.

На лице Матери застыло мучительное раздумье, в глазах барона горела плохо скрываемая ярость. Казалось, он едва сдерживается, чтобы не выполнить угрозу прямо сейчас. По бесстрастным лицам Вероники и Виктора вообще было трудно что-либо прочесть, а отец Яр стоял, закрыв глаза, неестественно бледный, с впалыми щеками, заросшими густой щетиной, и с черными тенями, залегшими под глазами. Почему Виктор его связал? Что произошло? Неужели обращение закончилось?

Влад склонился ко мне, губами коснувшись моих волос. Словно хотел успокоить. Я вздрогнула. Совсем забыла о его присутствии. Как бы я хотела сейчас посмотреть в его глаза, услышать, что мне ничего не грозит и все это лишь плохо поставленный спектакль!

– Договорились! – наконец решила ведьма. – Я приду на закате. Предупреди слуг. И... еще одна просьба. Следи за своим вырождаком и держи его подальше от Мари.

Старуха бросила мрачный взгляд на меня, затем выразительно посмотрела на барона Геминга, развернулась и направилась к терпеливо ожидающим ее лисам.

– Стрига! – зло сплюнул ей вслед Виктор и толкнул в плечо не подающего признаков жизни священнослужителя. – Шагай!

Отец Яр вздрогнул, но глаза не открыл. Сделал несколько шагов и снова остановился.

– Что вы с ним сделали? Почему он связан? – не выдержала я, переводя взгляд то на Виктора, то на Веронику. Влад вцепился мне в плечи, пытаясь утихомирить, но меня понесло: – Какое вы имеете право так с ним обращаться? Он живой человек! В отличие от вас!

Виктор уставился на меня таким тяжелым взглядом, что в душе шевельнулся страх. Даже не страх – ужас! Боги знают, чего мне стоило не

съежиться, не спрятаться за спины попутчиков, не закопаться в землю!

Наконец пытка взглядом закончилась, и он заговорил:

– Он *был* человеком. Сейчас он меняется, и в сотни раз опаснее прошедших обращение тварей. Его сознание бродит по иным мирам, выискивая звериную сущность, с которой он должен будет слиться, и поэтому сейчас он не чувствует, не понимает и не слышит. Так будет до тех пор, пока он не станет одним из слуг ведьмы. А что касается его связанных рук – это самозащита! Он попытался на меня напасть.

Я снова растерянно посмотрела на священника. Глаза закрыты. Словно он спит! Неужели это правда и изменения коснулись его уже так сильно, что почти ничего не осталось от того мудрого и смелого человека, каким я узнала его за эти несколько дней?

И тут, будто услышав мои мысли, мою тревогу, отец Яр открыл глаза и, словно о чем-то предупреждая, посмотрел на меня долгим взглядом. Прямо в душу...

Может, Виктор и не лгал, говоря, что отец Ярослав напал на него, но напал отнюдь не из-за рождения нового зверя! Более сосредоточенный и ясный взгляд трудно себе представить.

Я потупилась, старательно скрывая радость.

Как бы то ни было, Виктор ошибся! Нет пока никакого нового оборотня. Есть только человек – все тот же отец Яр, который не раз выручал всех нас.

– Пешком к замку не пойдем. Не верю я этой ведьме. – Барон Геминг проводил взглядом скрывшихся в ущелье последних зверей и что-то пробормотал. Слов я не поняла. В глазах закружились мушки. Я зажмурилась, стараясь унять головокружение, а в следующий миг руки Влада, лежавшие на моих плечах, сжали меня, заставляя открыть глаза.

От неожиданности я даже пошатнулась, разглядывая обожженные полуразрушенные стены, внезапно вздыбившиеся рядом с нами, будто к глазам поднесли бинокль. Замок, вздымавший к небесам изуродованные остовы как минимум в нескольких часах пути от нас, вдруг приблизился, раскинув над нами зловещую тень.

– Отойди от девушки, Владислав. Ты будешь стражем священнику. Смотри, чтобы не сбежал. Его мы принесем в жертву Луне, дабы все прошло, как и должно! – холодно произнес барон и приказал: – Виктор с Вероникой отведут ее.

Затем развернулся и неспешно направился к огромному разлому, зиявшему в высокой каменной стене, окружавшей замок. Сквозь него мне были хорошо видны гостеприимно распахнутые двери. Пусть искореженные и провисшие от времени, но по-прежнему хранившие дух ушедшей эпохи.

Перед глазами так явственно возникли обитые железом, потемневшие от времени толстые бревна ворот, что я даже помотала головой, пытаясь развеять наваждение.

Ко мне, выполняя приказ, подошел Виктор.

– Пстой, Лучиан! – Влад шагнул вперед, закрывая меня собой. – Я хочу...

– Не надо просьб, Влахо. – Барон нехотя обернулся, всем своим видом показывая скуку. – Я не перемену решения. Роли написаны и распределены.

– Я знаю. – Влад подошел к нему. Я поежилась, почувствовав прохладный ветерок, коснувшийся моих плеч там, где только что касались его руки. – Единственное, что я хочу – объяснений! Почему ты исполняешь волю ведьмы, что уничтожила твою жизнь? Почему ты ведешь себя, как ее слуга? Почему не доверяешь мне? Конечно, можешь не отвечать, твое право, но я думаю, что заслужил хоть толику правды!

– Правда? Доверие? – Барон Геминг опасно прищурился, разглядывая его, и вдруг рассмеялся низким грудным смехом. – Как я могу доверять тебе? Ты дважды предал породивших тебя!

– Например? – Влад скрестил руки на груди.

Барон подошел ближе.

– Скажи, отчего ты, выйдя из безвременья, сразу не нашел меня?

– Я отправился на поиски «сосуда»! – Влад невозмутимо выдержал его взгляд.

– Именно! – Барон помрачнел, словно о чем-то раздумывая. – Ты отправился на поиски и нашел двойника Софии! Но вместо того, чтобы привести девчонку ко мне, ты помог бежать ее семье, а мне сказал, что, томимый голодом, случайно лишил ее жизни! Почему ты мне солгал? Зачем?!

– Я не был уверен в том, что ты хочешь вернуть мати из тюрьмы, в которой мы ждали освобождения почти пять веков! – Глаза Влада замерцали цветом свежепролитой крови. – Более того. Я думал, что это наше последнее пристанище, и мы должны исчезнуть из памяти этого мира! Поэтому, оказавшись на свободе, я первым делом нашел девчонку и вывез из страны! Но только лишь для ее безопасности! В мире шла война. А когда я встретил бессмертных и тебя, то сказал именно то, что сказал, но опять же потому, что побоялся того, что ты не захочешь возвращать мою мать и попросту убьешь ее двойника!

Барон еще какое-то мгновение смотрел ему в глаза и улыбнулся.

– Что ж. Достойное оправдание. В свою защиту скажу: да, я не смог открыть дверь в безвременье, не навредив Софии! Я изучил миллионы заклинаний, но ни одно не могло справиться с колдовством Матери. Оставалось лишь ждать появления в мире двойника. Я знал, что в конце концов это случится, и я смогу в обход разрушающего заклинания освободить сестру. – Лучиан устало потер высокий лоб и продолжил: – Шли годы. В войне с белозадыми наступило относительное затишье. И вот однажды Мать сама пришла ко мне и предложила разбавить это пресное болото новым витком войны. Пообещала усилить наш род, вернув в мир мою сестру. Софию. Она сама рассказала мне, что двойник сестры остался жив. Сообщила о месте, где его можно отыскать. Да, я не поверил ведьме, но и не отказался поверить, зная,

что это – последний шанс освободить Софию. Даже если ее плоть рассыплется пеплом от чужеродной магии, ее душа найдет путь в тело двойника. Ведь они – магия самого мира!

– Но почему ты не попросил Мать снять заклятие? – Владислав нахмурился. – Тогда княгиня смогла бы выйти из безвременья без помощи двойника. Ведь я здесь.

– Чему я до сих пор несказанно удивлен! – задумчиво хмыкнул барон, ловко меняя тему. – Я знаю, для открытия врат София дала тебе силу Кровавой смолы, но этого могло не хватить. Был лишь один шанс из миллиона, что ты преодолеешь границу. Мати очень рисковала тобой, выпуская на свободу.

И тут выдержка отказала Владу.

– Хочешь сказать, я был для нее жертвенным тельцом? – Он стиснул зубы так, что заходили желваки.

– Скорее, единственным шансом. Ты был тем, кто первым узнал о рождении ее двойника и принес эту весть в мир. – Барон с печальной улыбкой развел руками. – Пойми, на ведьму я больше не надеюсь, и единственный шанс для моей сестры – возродиться в новом теле. И сегодня София вернется в мир.

– Сегодня? Как? Но... – Влад бросил на меня быстрый взгляд, качнул головой, будто сожалея, и решился: – Мари – не «сосуд» для княгини Софии! Ты сделаешь ошибку, завязав ритуал на нее!

– А никто и не собирается использовать ее как «сосуд»! Она мне нужна для гарантии, и только! Едва София окажется в этом мире, я отпущу девчонку на все четыре стороны, мм... точнее, отдам старухе. Уговор есть уговор. – Барон развернулся и продолжил свой путь, оставив Влада бессильно кусать губы.

Мне на плечо опустилась холодная ладонь Виктора.

– Госпожа пойдет сама или...

Я встретила взглядом с Вероникой, посмотрела на Влада, хмуро разглядывающего траву под ногами. Бросила взгляд на замершего истуканом отца Ярослава и, сбросив холодную ладонь бессмертного, решительно направилась вслед за бароном к покореженным дверям замка, за которыми, как щупальца неведомого оживающего чудовища, шевелилась темнота.

Глава двадцать шестая

В моих глазах озерный мрак
Подернут тиной ожиданья,
И вновь, как в час мирозданья,
В ночи опять крадется враг.
Ну что ж, я жду. Пусть будет так.

За спиной осталась полуразрушенная стена. Я ступила на гладкие, будто

отполированные камни двора, сквозь которые густо пробивалась блестящая росинками трава. Воображение ярко нарисовало богатый, мощный новенькими булыжниками двор некогда гордого замка, чьи обгоревшие руины приближались ко мне с каждым шагом как нечто неизбежное.

Больше не было паники. Не меня избрали «сосудом» в предстоящем обряде. Главное – выжить, а с Матерью я договорюсь. Надеюсь... Одно лишь смутно царапало душу. Если опасность миновала, почему так мрачен Влад?

Помедлив у распахнутых дверей замка, я заглянула в ожидающий меня густой сумрак и шагнула внутрь. Запах склепа и сырости заставил меня остановиться, словно я налетела на стену. Чувствуя себя слишком беспомощной, я попыталась взглянуть в темноту, населенную шорохами.

Тут с улицы послышались шаги, заставившие меня поспешно отступить и обернуться. Мимо меня прошел Виктор и насмешливо бросил, обращаясь к кому-то в полумраке:

– Отец, ты снова смог убедиться, что люди – наиглупейшие создания, слишком уверенные в важности своего сиюминутного существования! Надеюсь, моя миссия закончена?

– Твоя миссия только начинается! – гулко ответил ему низкий голос барона Геминга откуда-то из темноты. – Что же ты, води к столу нашу дорогую гостью.

Я вдруг с удивлением поняла, что окружавшая меня темнота сменилась полумраком, разбавленным светом тонких солнечных лучей, пробивающихся сквозь щели разошедшихся от времени ставен.

Весь первый этаж замка представлял собой большой зал высотой в три моих роста. На каменной кладке серых, закопченных стен кое-где оставались фрагменты нетронутых огнем и временем гобеленов и орнаментов.

Вместо привычных люстр и светильников – подсвечники на десяток свечей, укрепленные между закрытых ставнями окон. У противоположной стены хранили свои тайны три массивные деревянные двери. Я даже разглядела выход на лестницу и каменные ступени, уходившие куда-то вверх.

В центре зала я заметила три поблескивавших парчой дивана вокруг длинного овального стола на вычурных гнутых ножках, где теперь уютно расположились несколько незнакомцев во главе с бароном Гемингом.

Позади снова послышались шаги. Я оглянулась, с радостью узнавая высокие силуэты Влада, отца Яра и миниатюрную фигурку Вероники. Но едва они ступили под сень замка, как сумрак рядом со мной обрел плоть, и запястье вежливо, но крепко стиснули ледяные пальцы Виктора. Над ухом прошелестел его голос:

– Прошу за мной...

Я взглянула в его фосфоресцирующие красным глаза и послушно направилась следом. Еще бы! Сила, с которой он сжимал руку, просто не оставляла мне другого выбора.

Нам навстречу поднялся барон Геминг.

– Прошу, моя дорогая. Садись. Что будешь пить? У нас впереди еще целый день. Я бы предложил тебе нектар, но... – он повел рукой, указывая на две пузатые, затянутые в темную ткань бутылки, окруженные высокими бокалами, доверху наполненными темной жидкостью, – я обещал великой Матери вернуть тебя человеком... Поэтому, Веро ника, – барон с улыбкой взглянул на приблизившуюся Веронику, – прошу, принеси нашей гостье воды.

Она едва заметно кивнула и, ни на кого не глядя, торопливо скрылась за одной из дверей.

Виктор толкнул меня на тихо скрипнувший диван. Какой же он жесткий! Потирая ушибленный бок, я украдкой оглядела сидевших за столом мужчин. Одного из них я знала по званым вечерам у Андруша. Кажется, Владиш... Лица других мне показались незнакомыми... Впрочем, у меня всегда была не очень-то хорошая память на лица и имена.

Барон опустился на диван напротив.

– Владиша ты знаешь, а знакомить тебя с другими – не вижу смысла, – подтвердил он мою догадку. Взял наполненный темной жидкостью бокал и, сделав небольшой глоток, отставил. Бессмертные о чем-то пошептались и тоже подняли бокалы. – За наш успех! Так вот... Зачем тебе имена тех, кого ты, возможно, никогда больше не увидишь? Кстати, скучать тебе в нашем обществе осталось недолго. Очень скоро тебя ждет сюрприз.

Не ответив, я поискала взглядом Влада, но ни его, ни отца Ярослава в зале уже не было.

Куда они подевались? Господи, что происходит? Отчего мне все больше кажется, что творится здесь совсем не то, в чем меня убеждали? Никто не планировал меня спасти! И никто не желал разрушать проклятье и исправлять ошибки...

– Знаешь, – барон все это время не отводил от меня глаз и словно прочел по моему лицу все мысли и страхи, – бессмертные сильны тем, что ставят интересы Рода превыше собственных, и Род хранит всех нас. Возможно, ведьма и хотела создать нас слабыми в противовес своим любимчикам – Детям леса, но... не все можно продумать и учесть, когда исполняешь роль создателя. Когда-нибудь она проиграет эту войну...

– Сомнений нет. – Виктор переглянулся с Владишем, отсалютовал бокалом всем присутствующим и одним глотком выпил. – Мы разорвем эту тварь!

– Зачем? – Я посмотрела в глаза барона. Страх, нет, даже не страх, а какое-то благоговение перед ним развеялось, как струйка сигаретного дыма под порывами ветра. – Зачем нужна такая победа? Вы целую вечность живете по воле случая, и за это время потеряли всех, кто когда-то был вам дорог. Вы – одиноки!

– Ты многого не знаешь и не понимаешь... – Он смерил меня тяжелым взглядом. – Жить можно вечно, но ни одно человеческое чувство не способно выдержать пытку бессмертием! Когда в тебе умирают любовь, страсть,

дружба – остается одно. Страх. Из него рождается верность, подчинение... А что еще нужно от подданных и собственных детей такому, как я?

Какая-то нотка в его голосе говорила, кричала, умоляла не продолжать этот спор, но я не услышала предупреждения. Почему-то мне не было страшно! Больно, обидно, но не страшно!

Я обвела взглядом не вмешивающихся в спор, но внимательно слушавших нас мужчин и вновь упрямо посмотрела в глаза барона.

– Это только слова. И возможно, когда вас никто не видит, ваше сердце обливается тем, что вы все называете «нектаром». Возможно, вы мечтаете о покое, которого вас лишила ведьма, или, может, рисуете обычную жизнь вместе с любимой. А страх... Сильное, но глупое чувство. Можно бояться за кого-то. Можно бояться смерти, неизвестности... Но... все равно наступает миг, когда ты не в силах что-либо изменить. Боишься этого или нет...

– Да? А вдруг ты так говоришь, потому что знаешь – сегодня ты не умрешь? – Барон Геминг поднялся, обошел стол и приблизился ко мне. – Пойми, страх сидит в каждом из нас. И именно он позволяет подчинять. И именно он делает нас слабыми. Кстати, ты меня почти убедила в своей уникальности, но... ты тоже боишься.

Боюсь? Да... Наверное, боюсь потерять того, кого у меня никогда в этой жизни не было и не будет, да и быть не может, потому что между нами вечность...

Я усмехнулась и смело встретила его взгляд.

– И чего же?

Но он не ответил. Настороженно замер, глядя на распахнутые двери замка. Вскоре послышались голоса.

На его тонких губах заиграла искренняя улыбка:

– Боже, какие гости решили посетить наше родовое гнездо!

Все как по команде устались на вновь прибывших гостей: двух мужчин и одну невысокую женщину, одетую в летний брючный костюм. Ее пышные кудрявые волосы в ореоле солнечных лучей казались золотыми. Жаль, лица гостей скрывал вуалью полумрак зала. Впрочем, если судить по высокой, чуть полноватой фигуре мужчины, стоявшего рядом с гостьей – мы дождались Андруша. С обещанным сюрпризом...

Обогнув диван, барон Геминг торопливо направился к ним, не забыв при встрече каждому пожать руку.

– Игара, друг мой! Мое почтение, госпожа! Может быть, желаете отдохнуть после долгой дороги? Андруш, поднимись наверх и все устрой!

Сердце тревожно замерло, когда я услышала голос женщины, чуть хрипловатый, властный, уверенно произносящий на чистом румынском языке:

– Не стоит беспокоиться! Я так долго мечтала вернуться в страну, где жили и живут мои предки, что вряд ли усну в ближайшие несколько дней. Благодарю за приглашение, барон Геминг. Можете звать меня просто – Софи.

Бабушка?!

Я вскочила, но тут же снова села, подчиняясь грубой силе Виктора. Он опустился рядом со мной на диван, сжал, словно клещами, мое плечо и зашептал:

– Запомни, твоя родственница ничего не знает. Ее пригласили сюда на экскурсию. Когда придет время, она ничего не почувствует и не успеет познать страх. Решай. Ты можешь все ей рассказать уже сейчас и поселить в ее сердце панику, но это ничего не изменит; либо можешь сделать приятными ее последние часы.

– Поняла... – я едва шевельнула губами, чувствуя, как огненная боль разрывает мое плечо. Его пальцы тут же разжались, и я ощутила себя свободной.

– Иди же. Обрадуй своим присутствием бедняжку. – На губах Виктора заиграла довольная ухмылка.

– Очень счастлив, госпожа Софи! Приятен ли был ваш путь? – тем временем распинался барон. Подхватив под руку слепо озиравшуюся бабулю, он повел ее к нам. – Позвольте сделать вам сюрприз? Одна из наших милых гостей, что присутствует здесь и сейчас – ваша внучка, госпожа Мари!

– О, да! – промурлыкал мягкий, знакомый до боли баритон. – И одна из самых талантливых студенток моего вуза!

Что-о-о-о?! Так вот кто был третьим! Игорь Владимирович! Или как там его?

Я постаралась изобразить искреннюю улыбку и поднялась.

– Бабушка?! Игорь Владимирович? – Надеюсь, мое изумление прозвучало искренне. – Но как?! Какими судьбами вы здесь?! Что вы тут делаете?!

– Контролирую свои инвестиции. – Декан вернул мне улыбку и строго заговорил, да так, что, не зная я, кто он на самом деле, бросилась бы оправдываться: – Итак, Мария, почему я должен следить за вами? Почему должен контролировать ваши легкомысленные поступки? Где отчеты? Вас просили раз в день выходить на связь! Итог – вы исчезли на три дня! Ваша бабушка позвонила мне вчера и, умело скрывая переживания, попросила узнать что-нибудь о вас. Чтобы вернуть ей душевный покой, мы созвонились с бароном Гемингом и первым же рейсом вылетели сюда! И очень хорошо, что его друг, Андруш, смог встретить нас и привести в замок!

Я прикусила губу, боясь ляпнуть что-нибудь запрещенное, и виновато опустила глаза. Бабушка тут же бросилась на мою защиту.

– Да полно вам, Игорь Владимирович! Спасибо, конечно, что сделали мне такой подарок, но... Мари ни при чем! Она честно предупредила меня, что отправляется к замку и могут быть проблемы со связью! Так что... признайтесь, вы решили сделать мне подарок в виде этой шикарной поездки? Так сказать, за долгие годы службы в вашем институте?

Бессмертный смущенно улыбнулся.

– Ну... В какой-то степени вы правы. Раз институт выделил финансирование на эту экспедицию, то было бы печально что-нибудь упустить,

а так как вы специалист, да к тому же, как говорят, сами родом из этих мест... вот я и подумал...

Боже, какая игра! Какой актер!

– Так что мы решим? – вновь вклинился в их диалог барон Геминг. – На втором этаже имеются отреставрированные комнаты. Желаете отдохнуть с дороги и пообщаться с внучкой? А я и мои коллеги тем временем подготовим наш родовой замок к показу.

– Ах, милый барон, если вы настаиваете... С удовольствием подожду. А пока осмотрю предоставленную вами комнату и, конечно же, пообщаюсь с Мари. – Бабушка чуть склонила голову в знак благодарности и обернулась на скрип.

Одна из трех дверей открылась, впуская в зал Веронику. В руках она держала бокал и небольшой, наполненный доверху бесцветной жидкостью хрустальный кувшин. Ах да! Барон же приказал ей принести воду...

Увидев бабулю, она на мгновение замерла, заулыбалась и направилась к нам, тарахтя на чистейшем русском:

– Ой, здравьте, Софья Александровна! А вы какими судьбами? Игорь Владимирович?! Ого, а что случилось? Мы вас и не ждали! Соскучились?

– Здравствуй, милая! – сдержанно улыбнулась ей бабушка и тихо добавила на румынском: – Вот кого, с ее рязанским акцентом, к Румынии нельзя было даже подпускать...

– Что, простите? – старательно улыбаясь, Вероника приблизилась, доверху наполняя бокал. – Желаете ли пить? Или устали?

– Отнюдь! Я просто восхищаюсь тем, что наконец-то все мы оказались в этой прекрасной стране. За это можно и выпить! – Бабушка подхватила бокал и в два глотка осушила его до дна. – Ох, какая чистая, холодная водица! Спасибо! Очень хотелось пить. День обещает быть жарким.

– Вы даже не представляете, насколько вы правы! – Вероника заулыбалась еще шире. – Тут каждый день так. То жара, то гроза.

– Так может, я все же провожу вас с внучкой наверх? – барон Геминг в ожидании ответа чуть склонил голову набок.

– Почту за честь. – Бабуля улыбнулась и нашла меня глазами. Я почувствовала, как напрягся сидевший рядом Виктор, но молча отстранился, когда я поднялась из-за стола и подошла к бабушке. Не замечая моего встревоженного вида, она подхватила меня под руку, дождалась, пока барон соизволит добровольно записаться к нам в проводники, и потащила меня к лестнице. – Кажется, в конце шестнадцатого века здесь произошло восстание крестьян? Мне удалось кое-что раскопать о замке. Но пострадало не только строение, но и правившая здесь в то время семья. А именно, княгиня София Вайнская и ее дети?

– Совершенно верно. – Барон первым поднялся по винтовой лестнице наверх, оставляя на покрытых пылью каменных ступенях чуть заметные следы, на мгновение замешкался у массивной двери и, распахнув ее, посторонился,

позволяя нам первыми войти в коридор второго этажа.

Мы с бабушкой в растерянности огляделись. На некогда каменных полах – деревянный паркет, стены оштукатурены и покрашены светло-бежевой краской, на потолке – лепнина.

– Здесь, судя по всему, совсем недавно был проведен ремонт? – По коридору я насчитала восемь темно-коричневых дверей с золотыми ручками. Вот только электричество тут, судя по всему, было не в чести. Между комнатами на стенах сияли позолотой подсвечники, такие же, как и на первом этаже. В конце коридора вверх уходила еще одна лестница. Я указала на нее барону.

– Вот эта лестница ведет на третий этаж?

– Да. Та, по которой мы поднимались, была разрушена еще во времена восстания. Кстати, если интересно, скажу, что планирую в дальнейшем восстановить точную копию замка Вайн. Чуть позже, если пожелаете, я покажу вам весь замок и даже башню. Вот только вход в нее идет через зал обрядов. Чтобы попасть на ту лестницу, нужно полностью пройти коридор второго этажа.

– С удовольствием! – расцвела бабуля.

Барон снисходительно улыбнулся, остановился у предпоследней двери, позвенел ключами и, распахнув ее, склонил голову.

– Прошу! Отдыхайте. Я прикажу вам принести еды и питья. А вечером приглашаю на экскурсию по замку.

– Благодарю. – Бабушка не осталась в долгу и, стремясь переплюнуть его в манерах, вернула поклон. Затем подхватив меня под локоток, шагнула в комнату и захлопнула дверь перед самым его носом. – Боги, я счастливейшая из смертных, раз попала в этот прекрасный замок!

Она оглядела наши хоромы, покривилась и шепотом продолжила:

– Надо же было так бездарно испортить его. Знала бы, что вместо исторической реликвии попаду в третьесортную гостиницу, ни за что бы не поехала!

Я усмехнулась. Комната действительно напоминала дешевый мотель. Две кровати. Два стула. Стол. На столе подсвечник. На полу потертый ковер. Ведро для нужд и крошечное окно.

– А еще эта комната мне напомнила тюремную камеру... – хмыкнула я и едва не поперхнулась. Бабуля, только что изображавшая избалованную светскую львицу, вдруг прислонила палец к губам, прижалась ухом к двери и, постояв возле нее, развернулась ко мне:

– Значит, так. Слушай и не перебивай! Я все знаю!

Глава двадцать седьмая

Верить не нужно. Плакать не нужно.

Все что останется – все позабудется.
Все перемелется, все перемолится.
Даже не верится... Даже не чудится...

– Что именно? – помня совет Виктора, я попыталась изобразить равнодушие. А ведь действительно, мало ли что может знать моя бабуля. Любимая... единственная... самая родная... Которую сегодня принесут в жертву...

Бабушка настороженно помолчала, к чему-то прислушиваясь, и направилась к окну. С интересом выглянув, она восторженно огляделась и обернулась ко мне.

– Подойди, Мари. Вид отсюда просто чудесен.

Оказавшись рядом, я выглянула в окно, с наслаждением подставляя лицо солнечным лучам и теплому ветру, напоенному ароматом летних цветов. Насколько хватало взгляда, замок окружали невысокие изумрудные горы. Они гордо вздымали ввысь вершины на фоне лазурного небесного полотна, украшенного редкими перьями облаков. Это выглядело так, будто я попала в сказку. Страшную сказку...

– Красиво... – Я бросила взгляд вниз. Не очень высоко, но голова закружилась. К тому же под окном, очерчивая неровный круг, лежали глыбы камней и кое-где в небо смотрели остатки стены, некогда защищавшей замок. Просто так не спрыгнуть... Эх, веревку бы!

Заметив изучающий взгляд бабули, я вздохнула и попыталась ей улыбнуться.

– Так что такого важного ты знаешь? И что тебя сюда привело? Я, конечно, понимаю все твои восторги, но...

– Я ничуть не слукавила. Вчера вечером ко мне позвонил Игорь Владимирович и предложил посетить замок Вайнских князей. Якобы у него остался лишний билет, а особа, с которой он хотел бы провести этот познавательный экскурс в историю, так некстати сменила планы. Но больше всего меня привлекло его предложение встретиться с потомком княгини Софии – бароном Гемингом и его сыном. Виктором, кажется? А также присутствовать при обряде, назначенном на сегодняшний вечер. Как он объяснил, для вызова и общения с душами давно почивших предков этого древнего рода. К слову сказать, и моих тоже.

– Так вот ты о чем... Об обряде... – Я опустила глаза.

Господи! Как ловко они заморочили мне голову! Ведь если бы я знала раньше, что именно бабулю прочат на роль жертвенного агнца, я бы смогла отговорить ее от этой поездки!

Угу... Так бы она и послушалась...

– Не только... – Она развернулась и прошла к кровати. – Иди сюда. Не думаю, что наши тюремщики считают, будто мы заслуживаем их внимания. Наверняка они собрались, чтобы еще раз обсудить все детали возвращения

княгини Вайнской.

Проводив ее изумленным взглядом, я бросилась следом.

– Что?! Как?! Откуда?!

Бабуля развела руками, уселась на кровать, дождалась, когда я сяду рядом, и заговорила:

– С самого детства я видела сны. О себе... Нет. О ком-то, очень похожем на меня. Она звала меня. Говорила, что ждет. Мечтает стать единым целым. Клялась, что если я дам ей второй шанс, она восстановит наше поправное имя. Восстановит имение, замок. Вначале я считала все это... просто снами. Потом появился он. Впервые я увидела его, когда мне было всего два года. Я помню грохот взрывов, выстрелы. Он пришел в наш дом ночью. Убедил мать собраться. Следующее воспоминание – мы с мамой едем в закрытом, без окон и дверей поезде. Затем воспоминания обрываются, и я помню себя только в детском доме. Что стало с моей матерью, куда делся незнакомец, мне неизвестно. Со временем я выросла, собралась замуж, и этот мужчина появился снова. И вот что странно! За все это время, что я росла, взрослела, он ни капельки не изменился. Он подошел ко мне, когда я возвращалась из института. И просто сказал... Предупредил, что на мне родовое проклятие и мне нельзя выходить замуж. А еще он произнес, что «Она убьет твоего избранника и не даст родиться детям. «Сосуд» должен быть чист». Я посчитала это бредом. Не поверила... Как в такое поверить? К тому же тогда был век безверия... Но где-то в глубине души я знала, что он прав. Незнакомец ушел. А в день свадьбы я сменила фату на траурные одежды. Мой жених – молодой, сильный, здоровый мужчина – умер. Прямо в ЗАГСе. Врачи сказали – слабое сердце. Чтобы все это поскорее забыть, я удочерила ребенка из детского дома, в котором воспитывалась сама, и ушла с головой в материнство и учебу. Окончила институт, затем поступила в аспирантуру. После я решила найти свои корни. Незнакомца я больше не видела, но внезапно начали обнаруживаться материалы о роде Вайнских князей. Затем, когда ты уже заканчивала школу, меня нашел Игорь Владимирович и просто-таки заставил перейти на работу в его институт. Да... и насчет дневника... Я попросила подругу, работающую в хранилище документов и старых книг, сказать, что обнаружился дневник одного из князей рода Вайн. Я знала, что Игорь Владимирович поручит его перевод мне, и попросила отдать тебе эту работу.

– То есть... – Я сидела не дыша. Боясь пропустить хоть слово, жест, интонацию... Значит, бабушка видит во сне мать, и она понимает, что должно сегодня произойти... Если бы я знала это раньше! Если бы я только знала!!! – Ты хочешь сказать, что дневник Владислава Вайнского нашла ты?

– Да. Просто обнаружила его в портфеле. Прочитала и, прости, отдала тебе. Меня немного задевало то, как ты относишься к своим корням. Я вдруг захотела, чтобы ты поняла мою одержимость этой страной, этим родом. Поняла и приняла. – Ее мягкая, теплая ладонь, как в детстве, ласково погладила меня по голове. – Ведь не просто же так ты здесь?

– Бабуля! Это... это просто свинство с твоей стороны! Ты прекрасно знаешь, как я отношусь к тебе и к этой стране, но... ты должна понять: я – чужая этому роду. Более того. Я – враг той, что приходит к тебе во сне! – Не в силах больше сидеть, я поднялась и принялась мерить комнату шагами. – Почему ты ничего не сказала раньше? Мы бы что-нибудь придумали! Ты смогла бы отсидеться на даче или... уехать на необитаемый остров!

– Не смогла бы. – Ее губы искривила грустная улыбка. – Она... зовет меня. Всегда звала приехать в этот замок, освободить ее и стать частью рода. Я устала бояться ночи. Устала видеть эти сны... Поэтому, когда Игорь Владимирович предложил мне поездку, я с радостью согласилась. К тому же очень волновалась за тебя...

– Бабуля! – Я остановилась рядом с ней. – Как ты не понимаешь? Игорь Владимирович с ними заодно! Для тебя смертельно опасно находиться здесь! Ты... тебя... сегодня тебя...

– Убьют? – Она отмахнулась от меня, словно я сказала что-то смешное. – Ради бога, деточка, посмотри на меня. Я не боюсь смерти. К тому же... та... из сна, наоборот, обещала мне бессмертие и молодость... Понимаешь? Мне – интересно! Я поучаствую в языческом ритуале! Я... я даже не мечтала о таком везении. Только... больше всего меня тревожит, зачем им нужна ты! Ты...

Глаза бабушки вдруг распахнулись, став почти круглыми от изумления. Ее взгляд поднялся выше. Не в силах сказать что-либо еще, она только повторяла:

– Ты... Ты... Ты...

Позади меня послышался шорох, и низкий бархатный голос, заставив меня застыть от волнения, негромко произнес:

– Она – гарантия того, что ты согласишься принять в себя дух Кровавой княгини... – Теплые ладони тяжело опустились мне на плечи, а моего затылка коснулись мягкие губы.

Я развернулась, секунду смотрела в темные глаза Влада и прижалась щекой к его черной шелковой рубашке, всхлипами вдыхая холодный аромат его одеколона.

– Как? Откуда? Почему?

– Ты забыла, что я родился в этом замке... Он весь пронизан потайными ходами. – Он обнял меня и коротко кивнул ошарашенной бабушке. – Рад снова видеть тебя, госпожа, жаль, что здесь... Я слышал все, что ты рассказала Мари. Увы. Твои сны подтверждают мои подозрения. Моя матушка не доверилась мне. Впрочем, как могло быть иначе?

– Ты... – Бабуля наконец отвела от него взгляд, взяла себя в руки и поднялась. – Откуда ты знаешь мою внучку?

– Ба... – Я шагнула к бабушке. – Это – Владислав Вайнский. Тот самый! Это он написал дневник...

Она строго посмотрела мне в глаза, шумно выдохнула и снова села.

– Но тогда ему должно быть больше четырехсот лет... – Бабушка помолчала, переводя взгляд с меня на Влада, и вдруг звонко рассмеялась. –

Ха... А я-то, дура, себя считала старой... Да по сравнению с тобой, Владислав, я – девочка! Спасибо, утешил... – Она на миг помрачнела и строго взглянула мне в глаза. – А теперь я хочу услышать правду. Кто он, Мари? И почему он так похож на того незнакомца, что помог бежать моей матери, а после предупредил меня о гибели мужа?

– К сожалению, мне придется подтвердить слова Мари. Я и есть тот самый незнакомец. Болезни крови и сумасшествие здесь ни при чем. А живу я так долго оттого, что одна ведьма украла мою смерть. Я – бессмертный. Нет, я не говорю, что я неуязвим, но мирно умереть от старости я не смогу. А Мари... Она двойник той, что была дарована мне богами, но...

– Я... – Бабуля сосредоточенно помассировала виски и вдруг выпалила – Я знаю, как ты умрешь...

– Интересно... – Влад прошел к окну и встал, разглядывая что-то видимое только ему.

Бабушка вдруг зевнула, легла на кровать и, закрыв глаза, монотонно заговорила:

– Она хочет возвести тебя на жертвенный алтарь. Как ей было велено ведьмой. Ты – полукровка, который может изменить все. Они боятся... Первороденный откроет твоей кровью двери. Священник не защитит. Он сам боится магии ведьмы. К тому же, для магических запретов все равно, какой будет ключ, золотой или платиновый... Она сказала мне это сегодня ночью... Она готова...

Я не сводила с нее глаз, ожидая очередного откровения, но вместо этого она сонно засопела, время от времени постанывая.

– Бабуля! Ба! Проснись!!! – Я села возле нее на кровать и осторожно потрясла за плечо. Конечно, было, и не раз, когда она засыпала с книгой или за просмотром фильма, но так... во время беседы... Отчего-то мне вдруг показалось, что это последний раз, когда я вижу бабушку живой. – Что с тобой?! Ба!

В следующую секунду меня заставили подняться цепкие руки Влада.

– Оставь ее, она спит!

– Это ты сделал? Как ты мог?! – Я гневно уставилась ему в глаза и принялась вырываться с удвоенной силой. – Конечно! Зачем слушать бредни старой женщины? Ведь проще применить гипноз, чтобы не отвечать на вопросы. Ты тоже относишься к ней, как к рождественской индейке!

– Не я заставил ее отключиться. – Он с силой прижал меня к себе, лишая возможности даже пошевелиться. – Всею виной вода, что принесла Вероника. Там было снотворное, и оно предназначалось тебе. Ты сыграла свою роль, и барону больше не нужна. А чтобы не мешала – тебя решили усыпить, чтобы после отдать Матери.

– Усыпить? Как собаку? – Почувствовав себя свободной, я растерянно взглянула на бабушку. Боже, никогда не замечала ее возраста! Она всегда казалась мне молодой и энергичной. Такой я видела и знала ее. Сейчас же она

словно утратила какой-то свет. Ее пергаментная кожа обтянула заострившиеся, все еще красивые черты. Идеальные кудри растрепались, неряшливо рассыпались по маленькой «казенной» подушке.

– Да. Мы не нужны ни ведьме, ни барону, и твоя бабушка своим откровением только что это доказала... Ты думаешь, я удивлен моей предстоящей ролью? Нет. Потому что она была предопределена очень давно. Я не понимал, почему мати меня ненавидит. Оказывается, все дело в страхе. Я – выродок, не имеющий права жить! Так же как и Катарина. Мы – реальная угроза для всех. И в первую очередь, для ведьмы. Мати это понимала и боялась, но предпочитала держать меня при себе. Когда стало ясно, что пророчеству не сбыться из-за смерти Катарины, мати взяла меня с собой. В безвременье. Но лишь как шанс вернуться, когда придет срок... – Влад опустил на соседнюю кровать. Задумчиво помолчал и посмотрел на меня. – Если мы ничего не сделаем, будет так, как напроорочила твоя бабушка: я пойду на жертвенный алтарь вместе с отцом Яром, а тебя заберет Матерь.

– Но зачем княгиня отпустила тебя из безвременья, если она тебе не верила? Если она сама могла общаться с двойником? – Я села на пол у кровати рядом с бабушкой, украдкой разглядывая его. Мягкие лучи перевалившего через зенит солнца заглянули и в наше пристанище и теперь путались в его густых, иссиня-черных волосах, добавляя непривычные золотистые нити.

Его губ коснулась улыбка.

– Моя задача оказалась куда проще – я должен был предупредить барона о пришествии в мир двойника. – Влад вновь перевел взгляд на застонавшую во сне бабушку. – Глупая... Она ведь пришла сюда не за тайнами... Она боялась за тебя...

– Мы должны ее спасти. – Я упрямо нахмурилась. Не знаю, что я сделаю, но сделаю обязательно. Бабуля сегодня не умрет!

– Это произойдет само собой, если мы попадем в прошлое...

– Не «если», а «когда»! – безапелляционно заявил до боли знакомый голос. Влад, еще секунду назад как ни в чем не бывало сидевший на кровати, оказался на ногах, стискивая рукоять обнаженного клинка, и беззвучно выругался.

– Это твое хобби – появляться, когда тебя не ждут?

Я легко вскочила и с улыбкой оглянулась, уже зная, кого увижу.

– Анатоль?! Куда ты исчез вчера?

– Никуда. Просто решил не появляться на глаза некоторым присоединившимся к вам. Уж очень мне не нравится время от времени встречаться с тем, кто так бесцеремонно превратил меня в это! – Призрак развел руками, вынуждая меня сочувственно покивать, и тут до меня дошло.

– Точно! К нам присоединились Вероника и Андруш, который впоследствии стал Виктором! Ведь это он тебя убил?

– В точку. Убил. Но в землю не закопал и надпись не написал! Кстати, спасибо, Влад. Пожар в пещере был как нельзя кстати. И, знаете, я был уже на

полпути к свету, когда подслушал ваш разговор и пришел к выводу: ты, Владислав, дело говоришь! Смотри! Система простая. Меня убил бессмертный. Но! Если бессмертных не будет, меня никто в ту ночь не обескровит! И более того! Я останусь жив! И, может, даже в Россию скатаюсь. Ненадолго. Короче, вам надо как можно быстрее вернуться в прошлое!

– Хорошо. Я не против. Хоть сейчас... Кстати, о каком пожаре ты только что говорил? – У меня перед глазами снова встал уже почти забывшийся странный сон.

– Мари, отдай мне камень, – проигнорировал мой вопрос Влад. Меч лязгнул, возвращаясь в ножны. – А если его потребует барон – скажи, что потеряла. Сделай удивленное лицо, тревожно похлопай по груди... Ага, вот так. Как достоверно у тебя получается...

– У меня его нет... – Я растерянно посмотрела на Влада. Старательно прохлопала футболку и джинсы. Даже до кроссовок добралась – подвеска, висевшая на тоненькой цепи, исчезла. Словно и не бывало. – Я действительно его потеряла, или у меня его забрали. Только не знаю, кто и когда.

Влад скрипнул зубами.

– Ладно. Я попробую его вернуть. У нас еще есть время... – Он подошел к стене и словно провалился в нее. Плиты разошлись, крутанулись и снова встали на место. Подбежав, я коснулась холодной кладки, даже надавила, но... стена казалась монолитом.

– Потайной ход?

– Тихо... – Анатолий чуть наклонил голову, к чему-то прислушиваясь, и я поняла, что осталась вдвоем с безмятежно посапывающей бабушкой.

К слову сказать, ненадолго...

Глава двадцать восьмая

Яркими зарницами улетаю птицы
В закат тех очень долгих лет...
Надоело биться и следить за лицами,
От которых даже праха нет.

Дверь неожиданно распахнулась, заставив меня вздрогнуть. На пороге стояла Вероника.

– Привет, подруга, как дела?

Смерив ее презрительным взглядом, я отвернулась к окну.

– С предателями не общаюсь.

Позади послышались легкие шаги.

– Маш, да ведь я специально твоей бабушке водичку с сонным порошком подсунула. Немного воздействия, и она пожелала утолить ею жажду. Смотри, как сладко спит. Как младенец...

– Кто просил это делать? – Я развернулась и, уже не сдерживаясь, налетела на нее. – Она ведь даже не сможет сопротивляться! И когда в нее вселится эта тварь, она...

– Эй, вообще-то ты говоришь о моей матери... – Вероника нахмурилась и тут же рассмеялась: – Расслабься. Насчет «твари» – никто не спорит. Паучиха. Уж если кто попал в ее сети – все! Так что для твоей бабушки так будет даже лучше. Как я поняла, она давно в ее сетях?

– Вер... – Я вздохнула, заглянула ей в глаза. – Наверное, плохо так жить? Без подруг... Ведь таких, как ты, все боятся...

– Если ты о том, что я работаю на два фронта, дабы уберечь свою на фиг никому не нужную жизнь и жизнь Андруша, то это нормально. Посмотрела бы я, как ты повела себя на моем месте, когда твоя жизнь принадлежит тысячелетнему психопату и очень хочется вместо осточертевшей войны как минимум пятерых сопливых ребятишек и маленький домик. Понимаешь? Случается и такое, когда твоя бессмертная жизнь принадлежит не только тебе и зависит не только от тебя! – Она смерила меня холодным взглядом. – Я не очень-то уверена в идеях брата, но если моя помощь принесет свободу всем нам – я помогу. Кстати, а где Влахо?

– Ушел. – Я посмотрела в окно. Голубое небо раскрасилось золотистыми нитями склоняющегося к закату светила. Сколько сейчас? Три? Четыре? В горах быстро темнеет...

– Кстати, меня послал за тобой барон Геминг.

Я бросила быстрый взгляд на бабушку, но Вероника его заметила и правильно истолковала.

– За нее не волнуйся. Она останется здесь.

Вот только больше я ей не верила. Ни капли.

– Зачем я ему понадобилась?

– Пришла Великая Матерь. – Ее кукольное лицо на миг исказила брезгливая гримаса. – Со слугами. Желает убедиться в том, что ты жива и все еще человек.

Она подошла к двери и, распахнув ее, выжидающе посмотрела на меня.

Еще раз бросив на бабушку внимательный взгляд, я вышла за Вероникой следом и прикрыла дверь. В коридоре она меня остановила.

– Что бы ни случилось, ничего не ешь и не пей. Что сказал Влад? Когда наступит время для вашего перемещения?

Я равнодушно повела плечами.

– Какая разница? У меня исчез камень.

Ее глаза хищно блеснули красным.

– Поправь меня, если я ошибаюсь... Камень... Такой красный, непрозрачный? У нас осталось всего несколько часов, а ты потеряла единственный шанс на спасение? – Она вдруг вцепилась мне в плечо и стремительно потащила к лестнице.

– Именно. И я его не теряла! Его украли! И сделать это мог кто угодно!

Даже ты! – Я вырвалась из ее цепких пальцев, посмотрела ей в глаза и зашагала вперед.

Она меня догнала и пошла рядом.

– Я его не крала! Ты должна мне доверять! То, что я наговорила тебе в ущелье, было следствием страха. Если бы я тебя не привела, барон уничтожил бы Андруша. Я все равно знала, что тебе ничего не грозит! И я намерена помочь тебе и Владу!

– Помочь? А мне кажется, вы все боитесь неопределенности! – Я остановилась у лестницы и посмотрела на нее. – Если Влад сможет уничтожить ведьму, исчезнете и все вы!

– Мы не исчезнем! Мы станем людьми!

– Смертными! Ведь именно этого вы боитесь?

Она не ответила. Приложила палец к губам. Вцепилась мне в плечо и потянула к лестнице. Я вздрогнула, заметив в полумраке беззвучно стоявшего на ступенях мужчину. Вероника прошла мимо охранника, продолжая тянуть меня за собой.

Едва мы спустились в зал, ее хватка ослабла. Вера подвела меня к диванам и легонько толкнула, приказывая садиться.

– Вот, господин. Вы хотели ее видеть? Вот она!

– Очень хорошо, моя милая! – Барон ласково ей улыбнулся. – Твоя преданность мне и нашему роду очень скоро будет вознаграждена. Такая верность дорогого стоит. Кстати, где Владислав? Ведьма уж очень переживает о нем. Точнее, о том, чтобы он держался подальше от девчонки. С чего бы это?

Вероника равнодушно дернула плечом.

– Может, ее мотивы скрыты в прошлом? Ведь Мари – двойник возлюбленной Влада. Возможно, мадам Матильда опасается, что под влиянием чувств Владислав захочет обратить девушку, чтобы после оставить ее с нами?

– Да... Я тоже подумал об этом, но... такой поворот не входит в мои планы. Я не позволю уничтожить то, что так долго создавал и чего ждал. Так где он?

– Не знаю. Вы приказали ему запереть священника в винном погребе, и в последний раз я видела их у дверей. – Вероника вежливо улыбнулась. – Что-то еще?

– Пока свободна. Кстати, сможешь пригласить к нам мадам Матильду? Она на улице в окружении слуг.

– Хорошо. – Вероника развернулась и направилась к распахнутым дверям замка. Солнце уже не стремилось проникнуть под древние своды, чтобы выжечь скрывающуюся здесь тьму. Теперь оно, словно проиграв извечное сражение, стремительно катилось к вершинам гор, чтобы спрятаться за ними и забыть о своем поражении до следующего утра.

Вскоре послышались голоса. Я обернулась, разглядывая приближающиеся широкоплечие силуэты, окружавшие невысокую фигурку.

Ведьма.

Процессия неспешно приблизилась и остановилась в нескольких шагах от нас. Колдунья прошла вперед и поманила меня к себе.

– Подойди, дитя мое.

Я поднялась, чтобы выполнить ее просьбу, но меня осадил властный голос барона Геминга:

– Сейчас она никуда не пойдет. Сначала обряд, и только потом ты получишь ее.

– Мне... довериться тебе? Чего ради? – Она подбоченилась. – Где гарантия, что, когда все закончится, ты не отдашь ее своему выродку?

– Отдам, если будешь так недоверчива. Шутка... Я в ответе за свои слова. Если я обещал – ты ее получишь!

– Именно так! – процедила ведьма. – В противном случае ты не вернешь сестру! Или вернешь, но в очень морщинистом состоянии. И до конца вечности она будет ненавидеть тебя за то, что наделил ее бесконечной старостью!

– Все! Как я сказал, так и будет! Но в обмен на твое пребывание здесь проследи, чтобы твои блохастые слуги оставались людьми. Либо пусть они покинут мой дом.

– Боишься? – Ведьма не удержалась от ухмылки.

– Не хочу инцидентов. Сегодня ночь полнолуния, и моя армия готова прийти на зов. Ты хочешь битвы?

– Нет, – покусав губы, задумчиво выдала она. – Не время. Да и не место. Ты и твои отродья на своей земле, и мои дети даже в ночь силы тут будут слабы. Я помню сотни напрасных жертв в памятный день падения твоей крепости.

– Ты всерьез просчитывала возможность нападения! – восторженно хмыкнул Виктор.

– Идет война. И мы не в выигрыше. – Она бросила на него цепкий взгляд и внимательно оглядела зал. – Кстати, позволь узнать, где Владислав?

Барон Геминг пожал плечами и приказал Виктору:

– Проводи даму в винный погреб. Кажется, там содержится священник. Владислав должен быть вместе с ним, послушно исполняя роль стража.

Тот недовольно покривился, но поднялся и направился к обитым железом дверям. Миновал первую дверь, вторую. У третьей, самой дальней двери он чуть замешкался, взялся за вдетое в ручку кольцо и, дернув, замер на пороге.

Я затаила дыхание. Сейчас он увидит, что Владислава там нет. Начнутся поиски.

Неожиданно послышалось нестройное пение, в котором можно было различить несколько голосов. Все, как один, повернули головы в сторону доносившихся из подвала тоскливых звуков:

Pom, pom, pom eram eu, pom.

Pom eram cu frunza verde

Și verdeața mi se pierde.

Om, om, om eram eu, om.
Om eram eu mai nainte
Și de treabă și cu minte.
Hai, inimă, hai!
Hai, inimă, mai nainte
Să scăpăm de trei cuțite.
Hai, inimă, mai la vale
Să scăpăm de strîmbătare.
Hai, inimă, mai departe
Săpăm de ceas de moarte.

Виктор чертыхнулся и исчез за дверью. Его не было всего несколько секунд. Песня прервалась на надсадной ноте, и на мгновение наступила звенящая тишина, вдруг прервавшаяся чистейшей русской речью:

– Ага! Попался, гад ползучий? Чего взбледнулось-то? Призраков никогда не видел? Это че... Я тут с твоими жертвами пообщался, хочешь еще и им в глаза посмотреть? Они-то местные, не такие разговорчивые, до сих пор тебя боятся, а мне терять уже нечего! Кстати, я когда-то на стоматолога учился, так что если клыки жмут, враз удалю, чтоб другим неповадно было.

Из-за двери, пятась, показался Виктор, не сводящий безумного взгляда с плывущего за ним по воздуху Анатоля. Тот грозно наступал, потряхивая зажатой в призрачном кулаке цепочкой с висевшим на ней заветным камнем. Следом за ними появились отец Ярослав и Влад.

– Н-да-а-а... – Тихо хмыкнула неведомо как оказавшаяся позади меня Вероника. – Русские – уникальная нация. Даже мертвыми умудряются нервы портить.

Барон поднялся.

– Что ты стоишь?! – Его привычные черты вдруг стали таять, как туман под первыми лучами солнца. Мгновение спустя перед нами стоял Лучиан Копош. Его багровые глаза, не отрываясь, смотрели на кровавый камень, маятником покачивающийся на длинной цепочке в загребуших лапках Анатоля. – Забери у него Кровавую смолу! Это всего лишь призрак!

– Забыл о предсказании? – Виктор бросил на него быстрый взгляд.

– О том, что тебе нагадала дорожная ведьма? Брось! Этот мир принадлежит нам! Как бестелесный дух сможет тебя убить? Но если ты упустишь Кровавую смолу, я сам тебя сожгу, чтобы получить этот камень. Хватай его!!!

Произошедшее следом напомнило театр абсурда. Причем его лучшую пьесу. Виктор, как в замедленной съемке, бросился к Анатолю. Тот не стал его дожидаться и растворился в воздухе вместе с камнем. Меня, как ребенка, подхватили сильные руки Андруша. Прижимая меня к груди, будто хрупкую вазу, он бросился бежать к уходящей на второй этаж лестнице, где нас уже ждал Влад.

– Андруш, быстрее! Ведьма призвала помощь! – рядом прозвучал встревоженный голосок Вероники.

Я попыталась оглядеться. Робкие лучики солнца больше не просачивались сквозь щели разошедшихся ставен. Теперь зал освещал только тусклый свет свечей. Вдруг перед нами полумрак разорвали заплывавшие в воздухе серебристые воронки, из которых один за другим стали выпрыгивать белоснежные звери. Не выпуская меня из рук, Андруш заметался в кольце оскаленных морд.

– Я знала! Я предвидела! – хлестнул яростью голос Матери. – Владислав, тебе никогда не исполнить мое условие! Не получится! Ненависть между вашими родами – абсолютна, она не может породить любовь. Лучиан! Вы с Изабеллой нашли правильный выход – полукровки. В результате на свет появились Владислав и Катарина, но! – ты сам не пожелал проверить: истинно ли мое пророчество. Слишком быстро ты осознал угрозу для всей твоей империи, идущую от них. Ты понял: если мое колдовство разрушится, исчезнете и вы! Ты понял, что власть куда важнее смертной жизни, которая очень быстро закончится! – Она подошла к Лучиану. – Но было поздно. Если бы ты послушался меня, как когда-то послушалась твоя сестра, София, то сейчас не было бы этих проблем. Я просила уничтожить Владислава как потенциальную опасность для существования всех нас, но ты стал мягкотелым и сентиментальным от прожитых веков!

– Никакой проблемы нет! – Барон уверенно выдержал ее взгляд. – Эта смертная – не Катарина. Всего лишь ее двойник.

– Всего лишь двойник? – ведьма рассмеялась его словам, словно шутке, и тут же стала серьезной. – Ты даже не понимаешь, что проблема есть, и она куда серьезнее! Ярываю наш договор. Каким ты был спесивым гордецом без роду и племени, таким и остался! Возвращай Софию сам! Как хочешь и в кого хочешь, а я в это время постараюсь спасти всех нас!

Она что-то пробормотала, и окружавшие нас звери словно отразились в невидимых зеркалах, раздвоились и обрели плоть. В ответ на ее колдовство в углах замка зашевелилась тьма, истинная хозяйка этой мрачной обители, превращаясь в вооруженных черными мечами, одетых в темные кожаные доспехи воинов. Лисы угрожающе оскалились и первыми бросились на своих извечных врагов.

На миг ведьма исчезла и тут же появилась рядом с нами, пригрозив Андрушу:

– Если не хочешь мгновенной смерти себе и своей ненаглядной женушке, лучше отдай девчонку мне.

Тот только крепче прижал меня к себе, огляделся и передернул плечами:

– Забирай. Мне не очень-то хочется уходить в тень из-за смертной. Только поклянись, что выпустишь меня и Веронику невредимыми.

– Ох, ну и мелочные же вы, твари. – Ведьма победно ухмыльнулась. – Клянусь. Мне до вас нет никакого дела. Девушка – вот мой самый ценный приз.

Отдай ее, и я никому не причиню вреда.

– Отдай девчонку! Она мне больше не нужна, как не нужна и помощь этой двуличной карги! – Барон угрожающе оплел пальцами рукоять притаившегося на поясе клинка, но пускать его в бой не спешил.

– Договорились! – Андруш вдруг шепнул мне: «Ничего не бойся», присел и, как куклу, швырнул куда-то вверх.

Постанывая от страха, я со всей силы зажмурилась и сжалась в комок в предчувствии падения. Изумленное молчание вдруг взорвалось криками, рычанием, стонами и лязгом мечей. Внезапно мой полет закончился, но не так, как ожидала я. Меня подхватили чьи-то руки, а над ухом раздался горячий шепот:

– А теперь держись крепче!

Я распахнула глаза.

– Влад?!

Его лицо скрывал шевелящийся сумрак, сквозь который лишь угадывались его черты.

Он не ответил. В два шага преодолел расстояние, отделяющее нас от лестницы, и, перепрыгивая через несколько ступенек, бросился наверх, а за нами катились рычание, тьяканье, крики.

Выглянув из-за его плеча, я замерла, бессильно глядя на стремительно догоняющую нас серебристую волну. В полумраке лестницы шкуры оборотней светились мягким призрачным светом.

Наконец, ступени остались позади. На втором этаже было гораздо светлее, и я первой заметила темную фигуру, шагнувшую к нам словно из воздуха.

– Это я!

Влад на мгновение остановился.

– Отец Яр?

– В твою комнату! Быстрее. Если я не успею, сделай все сам, – выдохнул священник и шагнул к лестнице, что-то тихо бормоча. Серебристая волна, скуля и лая, влетела на второй этаж лишь мгновением позже и точно влипла в мед. Звери били лапами, тьякали и скулили от бессилья, но продолжали оставаться на том месте, где их настигло колдовство. – Я тоже кое-чему научился, пока был хранителем знаний.

Отец Яр довольно ухмыльнулся, обернулся к нам в ожидании похвалы.

– И насколько это их задержит? – Влад перехватил меня покрепче.

– Ненадолго. Бежим! – очнулся отец Яр и устремился прочь по коридору. За ним, не отставая, бросился Влад.

– Надо забрать бабушку! – задергалась я, едва мы поравнялись с последней дверью.

– Поздно! Колдовство скоро развеется! – выдохнул священник.

– Мари, госпожи Софии уже здесь нет. – Влад, не останавливаясь, лишь сильнее прижал меня к себе и нырнул под каменные своды лестницы,

уходившей на третий этаж. Последнее, что я увидела, глотая слезы отчаяния, – белоснежных зверей, отчаянно трясущих головами и делающих первые шаги вслед за нами.

Лестница сделала виток и вывела нас к двери. Влад поставил меня рядом с собой и толкнулся в нее плечом так, что вспугнутое эхо заметалось, гулко отскакивая от стен. Дверь даже не шелохнулась.

– Быстрее. Я задержу их! – Отец Ярослав бросился по ступеням вниз. Рассерженно звякнул клинок, покидая ножны.

Влад вновь обрушился на дверь, еще раз и еще. Где-то внизу раздались приближающееся тьяканье и шелест бегущих лап. Я услышала проклятие, сорвавшееся с губ священника, визг раненых зверей и осторожно заглянула в лестничный проем. Широкоплечую фигуру отца Яра захлестнула серебристая волна, и, хоть его меч собирал кровавую дань, все же лисы медленно, ступеньку за ступенькой, заставляли того сдавать свои позиции.

Наконец под напором Влада дверь хрустнула, поддалась и с обреченным скрипом приоткрылась. Священник из последних сил с яростным рычанием атаковал лис, заставив их отступить, попятиться, а сам развернулся и бросился к нам.

Влад втолкнул меня первой, ворвался следом, но споткнулся об обломок колонны и, не удержав равновесия, рухнул на усыпанный истлевшей ветошью пол. В следующее мгновение к нам вломился отец Ярослав и навалился на дверь, но закрыть не успел. Над ним пролетело белоснежное тело. Зверь плавно приземлился на лапы и напрямик бросился к Владу, метя в горло, но тот в последнюю минуту откатился и вскочил. Вжикнул нож, посланный священником, оттолкнул оборотня к стене, где его и упокоил меч Влада.

Отец Ярослав брезгливо пнул подкатившуюся к нему голову зверя и вновь навалился на дверь, с трудом сдерживая напор припозднившейся стаи. Влад бросился к нему. Вдвоем в последнюю минуту они закрыли массивную створку прямо перед носом взбешенных лис, задвинули щеколду и, тяжело дыша, привалились к ней спиной. Священник запрокинул голову и, глядя сквозь брешь в полуразрушенной крыше на усеянное первыми звездочками небо, затаил молитву.

Рядом с ними, здесь, практически без шанса на спасение, я впервые почувствовала себя в безопасности за этот долгий сумасшедший день и позволила себе оглядеться.

Длинная не то комната, не то коридор и впрямь была сильно разрушена. Выбоины в стенах, латаная крыша. Глазницы выбитых окон смотрели на подступающие горы с бесконечной горечью слепца, что когда-то видел прелести окружающих красот, а теперь лишь смотрит в темноту и живет воспоминаниями. Пол ровным слоем устилали камни, стекла и черепица, а все, что некогда было богатым убранством, превратилось в серую лежалую ветошь, не в силах противостоять разрушительной власти времени, солнца и непогоды.

Под ногами что-то хрустнуло. Разглядев, на что наступила, я едва не

взвизгнула. Проворно отпрыгнув, я уставилась широко раскрытыми глазами на побелевшие от ветра и солнца длинные костяшки пальцев.

– Что... Что это?

Словно в ответ на мой хриплый голос, дверь вновь затряслась под ударами. Да такими, словно лисы изобрели таран, способный приблизить их к цели.

– В этом замке покоится слишком много людей... – Отец Яр перекрестился и подпер плечом сотрясающуюся дверь. – А бессмертным и оборотням – нет дела до непогребенных костей. Здесь и на втором этаже все просто пропиталось духом склепа...

– Но... второй этаж и холл более-менее приличны! – возразила я. – Барон обмолвился, что делает реставрацию замка.

– Это иллюзия! Для наших особых гостей! – буркнул Влад, помогая удерживать дверь, и бросил быстрый взгляд на священника. – Что теперь?

– Я думаю. – Упираясь в пол, тот даже прикусил от напряжения губу.

Вдруг в огромную прореху крыши я заметила стройный силуэт на фоне темнеющего неба. Незнакомец ловко, словно в нем имелись все таланты человека-паука, пробежался по краю разлома и, сделав безупречное сальто, грациозно приземлился в нескольких шагах от меня.

Влад выхватил клинок и, не сводя глаз с незнакомца, направился к нему, но тут гость, точнее, гостя заговорила:

– Спокойно, это я. У меня всего лишь несколько минут.

– Вероника? – Я шагнула к девушке, но была остановлена Владом.

– Мари, назад! Вполне возможно, что моя мудрая сестра выполняет миссию по твоему похищению.

– Влад, нет времени на недоверие! Я пришла предупредить.

– А где гарантия, что тебе можно верить? Твой супруг посмел умыкнуть из-под носа ведьмы и барона ту, что очень важна для них обоих!

– И за это ему подарили покой! Из-за тебя! Из-за твоего бредового плана! – Вероника вышла из тени и остановилась, глядя на него полными боли глазами, горящими алыми отсветами.

Андруша – убили?

Я поежилась. Бесстрастность, с которой держалась Вероника, оказалась страшнее, чем если бы она сейчас билась в истерике.

Не убирая оружие, Влад подошел к ней ближе.

– Тогда и тебя должны были распылить как предательницу!

– Да, меня хотели казнить вместе с Андрушем, но я вымолила еще один шанс. Барон помилует меня, если я выкраду Смолу. – Она усмехнулась. – Чтобы попасть сюда, к вам, мне пришлось изображать дуру, умирающую от страха за собственную ошибку! Впрочем, опыт есть. План перворожденного такой: пока оборотни штурмуют дверь, Лучиан доберется до вас через крышу, а затем освободит мати. Короче, у вас есть две минуты, а после за мной пойдут слуги барона.

– Хорошо, что барон укрепил эту дверь железом! Подтащите-ка мне во-он ту колонну. – Отец Ярослав указал на длинный цилиндрический валун, что недавно попал под ноги Владу. – Быстрей. Я не смогу долго удерживать стаю. Они зовут меня.

Влад привычным движением вернул клинок в ножны и бросился выполнять его просьбу. Подняв колонну, словно она была сделана из пенопласта, он с видом вождя революции закинул каменюку на плечо, подошел к нам и, сделав священнику знак поберечься, сбросил ее. Подняв невообразимый грохот и тучи пыли, колонна разломилась пополам, надежно забаррикадив дверь.

– Быстрей. Быстрей! Быстрей!!! – Отец Ярослав торопливо зашагал вперед, выуживая из-за пояса небольшую темную бутылочку. Мы с Вероникой бросились за ним, стараясь не замечать похрустывания под нашими ногами. – Влад, ты помнишь, где умерла Катарина?

– К сожалению, да! – Он догнал нас и обратился ко мне: – Мари, видишь, впереди чернеет проем? Когда-то здесь были обитые железом двери, за которыми скрывалось сердце этого замка.

Влад подошел к прямоугольному провалу, за которым шевелилась темнота, и, разглядывая что-то, видимое только ему, невесело усмехнулся.

– Здесь был зал приемов, но матушка принимала в нем редко, и в основном особых гостей. Здесь я умер...

– Я помню этот вечер... Только тогда ты скорее родился. – Вероника подошла к нему, заглянула в темноту и направилась к следующей комнате. Скрипнув сохранившейся дверью, она исчезла за ней, и до нас донесся ее голос: – А в твоей комнате почти ничего не изменилось... Где же Катарина?

От ее слов внутри меня все похолодело. Не знаю, чего я боялась. Возможно, возвращения в прошлое, а может, встречи с останками той, кем я когда-то была... Не в силах справиться с дрожью, я остановилась в двух шагах от страшной комнаты.

– Бедное дитя... – Отец Ярослав, что-то бормоча, снова перекрестился и тоже исчез за дверью.

Влад отступил от разрушенного проема, в два шага преодолел расстояние между нами. Несколько секунд смотрел мне в глаза и, ни слова не говоря, решительно втянул меня в комнату.

Не в силах справиться с волнением, я даже зажмурилась. Пальцы Влада тут же разжались. Почувствовав себя свободной, я приоткрыла глаза и настороженно огляделась.

Небольшая комната с каменными стенами и крошечным окном оказалась совсем не такой, как я себе представляла. От мебели остались только щепы, смешанные с какими-то черепками. А у стены на провалившемся, истлевшем ложе я отчетливо увидела светящийся фантом лежавшей на спине девушки. Она как будто безмятежно спала среди этого хаоса и разрухи.

– Где тело Катарини? – Влад развернулся к Веронике. – Кто ее забрал?

– Я не появлялась здесь почти полтысячелетия, братец. – Она дернула плечом. Скользнула взглядом по ложу и, будто не замечая призрачного силуэта, подошла к окну, осторожно выглянула и тут же отшатнулась. – Слуги барона! Они уже поднимаются! Слишком поздно...

Отец Ярослав все это время бесшумно стоял у покосившихся дверей, что-то бормоча, и словно дожидался этих слов. Прошагав в центр комнаты, он принялся рисовать огромный круг, разбрызгивая что-то из бутылочки. Я почувствовала легкий аромат роз и ладана.

– Влад, Мари. Вероника. Подойдите ко мне! Быстрее!

Очертив невидимую линию, он выкинул опустевшую бутылку, достал коробку спичек, несколько раз чиркнул и бросил на пол вспыхнувший огонек. Пламя весело занялось и побежало по дорожке, пока не сомкнулось в неровный круг.

– Церковное масло. – Отец Ярослав отшатнулся от огненной черты и шагнул к нам. – Если его поджечь, получается граница, которую не переступить ни бессмертным, ни оборотням.

– Пока не сгорит? – Вероника бросила на него насмешливый взгляд и выжидающе оглядела провалы крыши, в которые бесстрастно и равнодушно смотрели на нас далекие бусины звезд. – А потом?

Отец Ярослав легкомысленно отмахнулся.

– Горит оно довольно долго. Успеем. – И обратился к Владу: – Где место смерти Катарини? Если судить по книге, заклинание перехода в прошлое должно быть прочитано только на месте гибели двойника!

– Она погибла там. Затем я перенес ее на кровать. – Влад указал на каменные плиты у окна, освещенные робкими бликами восходящей луны. Насторожился и завел руку за спину. Лязгнул, покидая ножны, меч.

Священник и Вероника тоже застыли истуканами, не сводя взгляда с нависающего над нами кое-где разрушенного потолка. Где-то по-прежнему трещала от ударов дверь, где-то слышались тявканье, голоса...

Вдруг сквозь дыру в потолке к нам слетела темная фигура. Я не заметила, как зашипел разрезанный сталью воздух, не услышала ни стоны, ни хрипа. Гость внезапно сложился пополам и попятился. Его нога оказалась в миллиметре от огненной границы. И колдовской огонь не упустил своей добычи. Камикадзе вспыхнул словно спичка, стремительно и быстро, и мгновенно сгорел. Миг, и только белый пепел запорошил устланный ветошью пол.

Не пряча клинок, Влад вдруг заговорил, обращаясь к невидимым слушателям:

– Вы видели, что сейчас произошло? Подумайте, прежде чем рисковать вашим бессмертием!

– Владислав, отдай мне девочку и камень! – раздался в ответ голос барона. – Обещаю, я позволю всем вам уйти. И тебе, и Веронике, и священнику. И даже пообещаю не преследовать. Но самое главное, я отпущу с вами и ее...

У меня замерло сердце от боли и вины, когда я услышала голос бабушки. Он зазвучал приглушенно и так близко, словно она была здесь, с нами:

– Мари, детка, выйди к барону! Он не тронет тебя. Он отпустит нас. Он понял, что без помощи великой Матери сестру ему не вернуть!

– Не верь! – глаза Вероники заалели прямо передо мной. Она вцепилась мне в плечи и убежденно зашептала: – Это барон. Он лжет! Он не откажется от идеи воскресить мати!

– Я уже не знаю, кому верить... – Я скинула ее руку и отстранилась.

– Вероника права, – поддержал ее отец Яр. – Барон не отпустит нас. Все мы играем какую-то роль в его спектакле. Влад открывает своей смертью дверь, меня приносят в жертву. Тебя приберегли для откупа ведьме, а твоя бабушка – истинный сосуд для духа княгини Софии.

Я почувствовала на щеке прикосновение холодного ветерка и провела пальцами по коже, размазывая предательские слезинки. Я уже ничего не хотела, ни о чем не мечтала, только бы все это закончилось! И вопреки здравому смыслу – закончилось хорошо!!!

– Впрочем, – продолжая беседу, отец Яр подошел ближе, – у тебя есть шанс все это исправить. Помнишь? Изменишь прошлое, изменится и настоящее. Но... все это случится не сегодня и не сейчас. Посмотри правде в глаза – по сценарию сегодня нас всех убьют. – Отец Ярослав перевел взгляд на Влада. – Нужно торопиться, всходит луна!

– Но у нас нет камня! – буркнул тот, не забывая внимательно поглядывать наверх и держать наготове оружие.

– Он у Анатоля! – возразил священник.

– Призрака! – фыркнул Влад.

– Ты что-то имеешь против призраков?! – Перед нами стало сгущаться белое облачко, которое очень быстро приняло черты Анатоля. – А я стою, жду, когда, наконец, обо мне вспомнят!

– Раньше, чтобы помочь, тебе приглашение не требовалось! – Владислав нервно смерил призрачного гостя взглядом, прошел к окну и сел на корточки в опасной близости от весело полыхающего пламени. – Спасибо, что помог.

– Не за что! Долг платежом... так сказать... Держи. – Призрак подплыл ближе, и на ладонь Влада упал багровый камень. – Что теперь?

Влад ничего не ответил, просто взглянул на меня. И я, не смея противиться, направилась к нему, медленно шагая по лунной дорожке, которая становилась все шире. Все длиннее. Все ярче...

Я замерла в шаге от него и поняла, что не в силах пошевелиться.

– Здесь.

Он нахмурился.

– Не уверен. Ты была у самого окна, когда...

– Здесь! – перебила я, ощущая в ногах щекотку. – Просто поверь!

Влад больше не стал мне перечить. Поднялся и протянул руку. На его ладони каплей крови лежал подаренный бабушкой кулон.

Помня условие, я накрыла его руку своей, и Влад начал читать. Негромко, внятно. Я знала, что слышу старорумынский, но не могла понять ни слова! Затем наши руки сплела неведомая сила.

Где-то рядом послышался грохот. Крик. Полный муки стон. Хруст меняющейся плоти. Рычание зверя и оборвавшийся на высокой ноте визг Вероники.

А я не могла обернуться.

Не могла пошевелиться.

Единственное, что я могла, это смотреть в глаза стоявшего передо мной незнакомца. Затем пришло узнавание. Влад! Владислав?! Влахо...

Я смотрела на него до тех пор, пока лунная дорожка не вспенилась ярким светом и не поглотила все вокруг.

И наступила спасительная темнота.

Глава двадцать девятая

Серый день окутал пылью
Белый дом. В степи ночной
По завьюженной полыни
Возвращаемся домой.

– Катарина? Просыпайся, дитя мое! Сегодня важный день, ты не забыла?

Голос бабушки, властный, звонкий и молодой, колокольчиком ворвался в сознание, заставляя кошмар рассеяться. Не открывая глаз, я от души зевнула и перевернулась на бок, не желая выбираться из-под теплого тяжелого одеяла.

Да уж! Ну и сон!!! Память старательно подсовывала обрывки видений. Это же надо! Будто я встретила Владислава, которому больше четырех сотен лет! А еще он, кажется, был... бессмертным?

– Катарина! Вставай, лежебока! К полудню приедет Вацлав! – горячие пальцы, привычно пахнувшие травами и сдобой, поворошили мои волосы и шутливо дернули за нос.

Я поморщилась. Перед глазами тотчас возник образ Вацлава – переростка и напыщенного гордеца, считающего себя как минимум королем поместья и всех земель графства Мареш.

Мареш? Стоп! При чем тут старая графиня? Я же дома! Мне приснился сон о...

Мои глаза распахнулись так, словно на меня вылили ведро ледяной воды.

Переход! Влад! Бабушка! Вера!

– Ну, наконец-то! Вспомнила? Надо собираться!

– Мама?! – Как такое возможно? В полудреме я точно знала, что слышу голос бабушки!

Я села, во все глаза разглядывая ее родное лицо. Те же милые черты,

заостренный носик, высокий лоб, тонкие ниточки бровей над серыми, глубокими, всезнающими глазами и всегда улыбающиеся губы. Как я могла ее в чем-то обвинять? Только сейчас, пройдя через все, я осознала, что ближе семьи у меня никого нет и не было! И даже века не смогли это изменить!

– Кэти... – Она отчего-то побледнела, поправила идеальную, непривычно высокую прическу и завитушки кудрей у висков. – Почему ты меня так назвала?

– Кэти? – Либо я еще сплю, либо переход случился.

Я хотела было снова улечься под одеяло и честно попробовать проснуться, но тут мне на грудь скользнула длинная прядь золотистых волос.

Золотистых?!

Хотя неважно. Теперь я знаю, как проверить, реальность ли это!

Успокаивающе улыбнувшись маме, с тревогой наблюдавшей за моими манипуляциями, я намотала на руку прядь и дернула так, что из глаз брызнули слезы.

Ничего не изменилось, если не брать в счет резкую боль. Мама торопливо подошла ближе и принялась разматывать волосы, одновременно поглаживая меня по голове.

– Тише. Тише! Если тебе так не нравятся длинные волосы, я сейчас же велю Ольхе тебя подстричь. Но не вырывать же их!

Значит, я в прошлом. Переход получился!

Сердце тут же царапнуло вина и боль. Я-то спаслась... А бабушка? Я слышала, как у меня за спиной отец Ярослав обращается в зверя. Слышала звуки борьбы и визг Вероники. Андруш погиб из-за меня! Вероника...

Как я смогу жить с этим?

И тут до меня дошло...

Жить? Ведь в прошлом я умерла! Хорошо! Пусть я знаю, как, но... Если мне суждено умереть, это произойдет! Допустим, Катарина не умрет по вине Влада. Но она... то есть я – окажусь в самом эпицентре восстания! Меня может убить любой бессмертный! Что я должна исправить? Не умереть? Вообще не встречать Влада?

Знать бы еще, когда я...

Тут до меня дошло, что женщина, так похожая на мою маму, стоит рядом и, глядя мне в глаза, что-то убежденно говорит.

Так... послушаем...

– ...никогда! Пообещай мне! Я... я не знаю, кто тебе все рассказал. Не знаю. Но ты должна об этом забыть. Пусть все останется, как было! Пообещай мне!

– Эгм... – Знать бы еще, что я должна пообещать. Надо же было так громко думать! Я старательно потерла саднящий висок. Чуть скальп не сняла. Сама себе. Оригинальный способ свести счеты с жизнью. – Обещаю. Только, мам, а что... именно я должна забыть?

– Именно это! И называй меня как обычно. – Она строго посмотрела на меня, развернулась и, в два шага достигнув двери, бросила: – Поторопись,

дорогая. Твоя помолвка состоится уже через час. В обеденном зале. В присутствии старейшин нашего рода.

Я растерянно поморгала, изучая захлопнувшуюся за ней дубовую дверь. На темно-медовых досках виднелся рисунок из всевозможных кругов и овалов. Следы от мелких веток и сучьев. Внизу иверху двери тускло поблескивали медные петли, а ручка была выполнена в виде оскаленной морды зверя.

Комната оказалась небольшой. Всего одно окно. Рядом сундук из светлого дерева, крошечный камин и кресло. Кровать у стены. Над кроватью – светильник с закопченным стеклом и крошечным огарком свечи. Камень стен скрывали вышитые лесными пейзажами гобелены, а на полу лежал толстенный, украшенный орнаментом ковер.

Я поднялась, поправила длинную белоснежную ночную рубашу и первым делом внимательно себя оглядела. Рост ничуть не изменился. Фигура тоже осталась прежней. Значит, Влад прав? Единственное отличие – цвет волос? А... глаза? Знать бы, какие они...

Интересно, а кто для Катарини та женщина, которая меня разбудила...
«Бабушка».

Я испуганно вздрогнула, словно услышав чей-то голос, – так реально и словно само собой возникло в мыслях это слово.

Значит, в прошлом моя мама играет роль бабушки Катарини? Как все запутано! И как всегда на повестке дня вопрос – что делать?! Влада искать я не пойду. Тогда не будет и восстания! И матери не заточат в безвременье.

Где-то слышались голоса.

Я поежилась. То ли от стен несло холодом, то ли мне стало неуютно в тонкой батистовой рубашке, но ощущение беспомощности усиливалось по мере приближения голосов. Одежда! Надо было спросить у мамы, точнее, бабушки... (только бы не перепутать), короче, у женщины, что меня разбудила, где взять эту самую одежду, но тогда этот вопрос окончательно уверил бы ее в том, что я, гм, точнее, Катарина сошла с ума. Нет, не так! Одолел склероз?

И тут дверь распахнулась, заставив меня поспешно ретироваться на кровать, натянуть на себя одеяло и уставиться на двух дородных темноволосых женщин, бесцеремонно вошедших в мою спальню.

Те остановились на пороге, видимо, несколько озадаченные моими действиями, но затем они понимающе переглянулись и решительно направились ко мне, держа в руках по две стопки цветастой ткани.

– Госпожа, нам сообщили, что вы проснулись и желаете как можно скорее одеться. Скоро приедет ваш суженый.

– Не волнуйтесь. Создание семьи – дело хлопотное и волнительное, даже для таких, как мы. А Вацлав – паренек хороший.

– Лучший в стае!

Ага... Значит, сегодня Катарину должны выдать замуж?

– Свадьба? Сегодня? – Голос сорвался, вполне правдоподобно отобразив набирающую обороты истерику. Теперь понятно, почему Катарина сбежала...

– Что ты! – Женщины даже смущенно переглянулись и совсем по-девичьи хихикнули. – Сегодня ваша помолвка! Свадьба только ближе к полнолуннию. Как всегда.

– Ага. Недельку потерпеть придется.

– Сначала обращение.

– Зато щенки отменные получатся!

Теперь смущаться пришлось мне. Щенки? Только этого мне и не хватало!

Я откинула одеяло и поднялась.

– Хочу одеться! – Мой властный голос, удивив даже меня, заставил служанок мигом стать серьезными и завертеться передо мной, напяливая горы юбок. Затем надели и затянули корсет, а потом и юбки и корсет скрыло длинное белоснежное платье. После меня обули в легкие, сшитые из дубленой кожи тапочки. И принялись за мои роскошные волосы. Расчесали. Чем-то сбрызнули и, больно дергая, начали заплетать, сооружая на голове что-то непонятное. Вскоре о том, что у меня длинные волосы, напоминали только два золотистых локона, спускавшиеся на обнаженные плечи.

– Все готово, госпожа.

– Шаль, госпожа.

Мне на плечи накинули золотистый кружевной невесомый платок, распахнули дверь и, дождавшись, когда я выйду в освещенный яркими солнечными лучами коридор, выскользнули следом.

Интересно, куда теперь?

Я удивленно почувствовала, как ноги сами повернули направо и уверенно понесли меня к винтовой каменной лестнице, а затем вниз. Туда, где слышались голоса.

Мне навстречу вынырнули две девочки-подростка, крепко держа деревянные ведра с водой и серую ветошь.

– Доброе утро, госпожа.

– Как спалось?

Я знала, что многие из прислуги – люди, считающие Детей леса чуть ли не богами и радующиеся тому, что божествам и защитникам нужна их скромная помощь. Впрочем, это было далеко не самым главным, чем руководствовались селяне, не побоявшиеся прийти в услужение к оборотням. Истинной причиной было то, что Дети леса охраняли их и их семьи от живущих в ночи таинственных бессмертных. Многие приходили в имение еще и потому, что мечтали однажды стать одними из тех, кто владеет магией превращения и божественной силой леса.

В общем, причин было много, и в имении Мареш всегда было оживленно.

Я сбилась с шага, прислушиваясь к собственным мыслям. Как непривычно осознавать, что в этом теле борются за право быть сразу две частички меня. Хотя, если честно, эта борьба успокаивала. Я очень боялась что, попав в прошлое, забуду все, что меня сюда привело.

Меж тем девицы раскланялись и, не дожидаясь ответа, дунули наверх, о

чем-то оживленно перешептываясь. Впрочем, тема их разговора не была для меня тайной. Я знала причину волнения, царившего в имении Мареш, – помолвка и свадьба Катарины.

Интересно, как мне себя вести? Что отвечать? Ведь, если мне не изменяет память, Катарина отказалась от предложенного бабушкой брака. Черт! Знать бы еще, в какой день до описываемого в дневнике восстания меня занесло? А может, все же найти Влада? Он должен быть где-то рядом. Хоть объяснит...

Лестница привела меня в небольшой уютный холл, где возле белокурого красавца великана, посмеиваясь, толпились мужчины. Женщины, бросая на них игривые взгляды, стайками метались из кухни в обеденный зал, уставляя всевозможными угощениями длинный дубовый стол, краешек которого виднелся в распахнутые двери. Заметив меня, мужчины замолчали и склонились в приветственном поклоне, а великан, радостно улыбаясь, направился ко мне.

– Здравствуй, Катарина. Как спалось? Надеюсь, я снился тебе? Верю, что ты ждешь нашей свадьбы так же, как и я.

– Вацлав? – Я смирала его взглядом с головы до ног так, что смуглые щеки моего жениха тронул заметный румянец. Конечно, я знала, что это он, едва увидев. И даже не потому, что в мыслях возникло это имя. Нет. О том, что именно этот голубоглазый, высоченный блондин-красавец и есть мой нареченный, мне подсказали возникшие в душе сожаление, досада и глухая злость.

Интересно, чем он так досадил Катарине?

– Ты, любимая, снова решила со мной поиграть? – В ответ на мое безобидное уточнение парень так стиснул мне запястье, что я едва не застонала, придвинулся вплотную и зашипел: – Уже ничего не изменить! И ты – моя! Хочешь этого или нет!

В ту же секунду почувствовав себя свободной, я отшатнулась, баюкая руку, и прищурилась, глядя ему в глаза, уже не тая переполняющего меня бешенства. Его губ коснулась торжествующая улыбка, и все окружающие нас мужчины, кто тайком, а кто и в открытую, заухмылялись, словно он сделал что-то смешное.

Кажется, я начинаю понимать Катарину и причины ее отказа.

Я открыла рот, чтобы высказать ему свое мнение, но вместо заготовленных слов проговорила:

– Я никогда не буду твоей! Лучше мгновенная смерть от яда бессмертного, чем позор разделенного с тобой ложа!

Парень словно только и ждал этих слов и презрительно выплюнул:

– Я беру тебя только потому, что об этом меня попросила госпожа! Ты опозорила наш род, сохранив жизнь бессмертному, самому жестокому и безумному! Погубившему сотни Детей леса! Но я исправлю твою ошибку! Да свершится Ночь Великого Возмездия!

И тут же перед глазами возникла вереница образов. Вот обессиленный,

искусанный Влад... Вот я, обмывающая ему раны... Вот он садится на коня. Мы договариваемся о встрече, и... он не пришел. Ни в тот день, ни потом. А после на оборотней стали совершаться нападения охотников из дьявольского замка Вайн...

И тут же в голове зазвучал другой голос.

Конечно! Ведь Влад стал бессмертным. Когда ему сказали, что Катарина мертва, он начал мстить. Если сегодня он должен попасть в ловушку, значит...

Мои размышления прервал голос графини Мареш. Она появилась в зале в компании нарядно одетых женщин и пригласила:

– Прошу всех к столу. Мы и так слишком припозднились с советом и приуроченной к нему помолвкой.

Мой жених даже не удосужился подать мне руку, чтобы проводить, а вместе с тесной компанией мужчин занял место справа от усевшейся во главе стола графини. Женщины разложили еду по тарелкам, разлили вино по бокалам и ретировались в распахнутые двери.

Я заметила два свободных места: рядом с бабушкой во главе стола и возле Вацлава по левую руку. Оглядела накинущихся на еду гостей и, не дожидаясь подсказки своего внутреннего «я», направилась к графине Мареш.

На мой выбор никто не обратил внимания, и я, усевшись на лавку рядом с графиней, позволила себе расслабиться. Взглянув на жареное мясо и пучок травы, сиротливо лежавшие у меня на тарелке, я протянула руку к вазе с фруктами и взяла яблоко. Есть не хотелось совершенно.

Какое-то время все сосредоточенно двигали челюстями да время от времени шумно прихлебывали из черненых металлических кубков. Наконец, гости насытились. Кое-где зазвучал разговор, загорелись азартные, подогретые вином споры.

Графиня Мареш придвинулась к моему уху и едва шевельнула губами:

– Милая, итак... Что ты решила? На этот раз ты примешь Вацлава? – Я даже вздрогнула.

На этот раз?

В голове тут же родилась убойная фраза:

«В смысле? Выходить мне замуж за этого напыщенного, страдающего нарциссизмом наглеца и хама?»

Но едва я открыла рот, как удивленно услышала:

– Если таким образом я смогу искупить свою вину... то да. Но при условии. Мы станем править родом, как ты хочешь, но будем оставаться супругами для всех только при свете дня. А перед свадьбой я хочу увидеть Его...

Бабушка бросила на меня какой-то беспомощный взгляд и, опустив глаза, быстро кивнула:

– Хорошо.

Вацлав вдруг поднялся и, держа в руке только что наполненный им самим кубок, неспешно, прочувствовав каждое слово, заговорил:

– Сегодня, перед Матерью, создавшей всех нас, перед ее избранницей и нашей госпожой графиней Мареш я говорю, что беру эту девушку в свои нареченные и с благословения полной луны в жены перед богами и живущими.

Он поднес кубок к губам и сделал несколько глотков. Гости за столом поддержали вожака одобрительными возгласами и, последовав его примеру, осушили зараз пару кувшинов вина.

Отлично. Теперь самое главное – незаметно уйти. Я уже было собралась изобразить мигрень и сказать об этом бабушке, но то, о чем в следующую минуту заговорил Вацлав, заставило меня замереть на месте.

– А теперь, когда в зале остались все поверенные тайн Великой Матери и ее избранной, хочу обсудить план уничтожения охотников. Сегодня они будут ждать нас в полночь на опушке у заброшенной мельницы. Великая Мать дала нам эликсир. С его помощью мы сможем контролировать обращение. А еще... в нас вольются силы, каких мы еще не ведали. Я сам поведу вас за собой. Потому что сегодня должно случиться то, чего я жду вот уже шесть лунных циклов! Боги с нами, друзья мои! И сегодня мы убьем самого дьявола! – Он вдруг посмотрел мне в глаза. – А ты станешь моей истинной женой, родишь мне много крепких воинов и возложишь на себя ответственность за наш род так же, как это делаю я, с позволения нашей госпожи.

Стараясь сдерживать в себе бешенство, я посмотрела на графиню Мареш, но, так и не дождавшись ответа, вскочила и бросилась к распахнутой двери.

Прочь отсюда! Катарина была лишь пешкой в управлении родом. Ясно одно – Вацлав как-то стал вожаком, и теперь все оборотни слышали только его и Великую Мать. Да! Графиня Мареш была их госпожой, но... скорее всего потому, что у Вацлава были виды на Катарину. Похоже, этот брак являл собой бескровную смену власти!

Интересно, что мне теперь делать? Отказать? Отказала, да только никто мои слова не воспринял всерьез! Но главный вопрос – как, наконец, начать говорить то, что я хочу, а не то, что когда-то говорила Катарина? Ведь как-то же я должна изменить прошлое, чтобы изменилось будущее?!

Не раздумывая, куда бегу, я выбежала за ворота имения и, не замечая взглядов стражей, вышедших следом за мной, прижалась спиной к толстому, теплomu стволу дуба, стоявшего в нескольких шагах от каменной ограды, и закрыла глаза. Только бы никто не увидел моих слез!

Приближающиеся ко мне тихие шаги я слышала слишком поздно. Распахнув глаза, я отшатнулась, разглядывая перекошенную бешенством смазливую физиономию нависшего надо мной жениха. Он вскинул руку, и мою щеку ожгло словно огнем.

– Если ты думаешь, что высокородная гордячка может ставить условия мне, избранному самой Матерью, ты ошибаешься! Я научу тебя молиться на каждый миг, прожитый в роли моей жены, и ты забудешь Владислава Вайнского. А если не получится, выбью его у тебя из сердца! Однажды ты меня уже унизила, отказав в супружестве. Больше такого не повторится! Я выжгу

саму память о нем каленым железом! Запомни! Даже то, что ты из рода перворожденных, не сможет помешать мне добиться цели!

Если у меня на глазах и были слезы, то их быстро высушила злость. Я вскинула на него полный ярости взгляд. На языке уже вертелись витиеватые слова, возможно, сказанные когда-то Катариной, но я сделала над собой усилие, загнала их в темный угол памяти и выпалила:

– Если ты думаешь, что сможешь стать вожаком только потому, что тебя выбрала какая-то там мать, можешь заранее обломаться! Мне плевать на твои грандиозные планы. Но ты никто и никогда не сможешь забрать власть у перворожденных!

Маска надменности сползла с его холеного лица, и ее сменил изумленно открытый рот и растерянно хлопающие глаза.

– Ты... Ты не Катарина! Кто ты?

– Я – та, кому ты и в подметки не годишься! – А вот это, кажется, перл Катарин! Ну и от меня! Соло! На бис! Шагнув ближе, я вскинула колено, метаясь в точку «эго» этого зазнавшегося существа. Судя по тому, как он охнул и сложился пополам – у меня получилось! – Считай это окончательным, оформленным и задокументированным разводом!

Трясаясь от переполнявшего меня адреналина, я развернулась и бросилась к лесу, окружавшему поместье.

Глава тридцатая

Я встретила себя, и я не узнаю:
Потухший взор, заученные речи.
Готова ль я была для этой встречи?
А лучше, может, мне бежать далече
От той, которой вновь я становлюсь.

– Катарина? Катарина! Подожди!

Я остановилась и обернулась, выискивая глазами того, кто мало того что был со мной знаком, так еще обладал до боли знакомым тембром голоса. Поместье графини Мареш уже давно скрылось из глаз, солнце ощутимо припекало, напоминая о том, как неразумно я отказалась от завтрака, и мне бы не помешал кто-то, кто смог бы либо отвести меня назад, либо к Владу.

Из кустов бузины показался высокий мужчина, одетый в черный не то плащ, не то пальто, и на помощь воспоминаниям Катарини пришли воспоминания Мари. Меня не смутили ни старинная одежда, ни темная, обрамлявшая его худощавое лицо непривычная густая борода.

– Отец Яр? Вы тоже здесь?

Священнослужитель подошел ближе и приветственно кивнул:

– Ты запаматовала. Мое имя Ян. И... да! Я тоже тут. Точнее – я снова тут!

Все дело в моем сыне. Ты ведь знаешь, кем он стал? Я не смог его уберечь, и теперь я пришел, чтобы его освободить. Кажется, до его обращения у вас были чувства друг к другу? – Он взял мою руку, развернул ладонью вверх, провел пальцем по тонкой ниточке шрама. – Я рад увидеть тебя снова, Катарина.

Ну, конечно. Отец Ян. Катарина. Зверь на тропинке в лесу.

Воспоминания о прочитанном теперь стали на удивление близкими. Перед глазами даже мелькнула острая мордочка, и страх вновь обжег сердце, когда в ладонь впились острые зубки.

Инстинктивно отдернув руку, я заложила ее за спину и смело встретила взгляд светлых глаз отца Яна.

– Почему были? Например, сейчас я иду к нему, чтобы предупредить о западне, ожидающей его сегодня. Кстати, можно вопрос? Когда вы впервые встретились с ним под ивой, вы сказали, что тоже жили в замке, пока не поняли свое истинное предназначение. Почему тогда вы не сказали Владу о том, что его ждет? Вы ведь знали, кто его мать!

Священник долго смотрел на меня и, наконец, усмехнулся.

– Это кровь оборотней делает тебя такой проницательной или?..

– И все же? – я не позволила ему сменить тему.

Отец Ян вздохнул.

– Все дело в Матери. Она незримо правит всем, но ее поступки нелогичны и непонятны. Когда-то она позволила перворожденным узнать о том, что, лишь соединив два рода, можно достичь освобождения. Но в сердцах оборотней и бессмертных жила лютая ненависть, и тогда перворожденные условились родить детей-полукровок, в ком текла бы, разбавленная людской, кровь бессмертных и оборотней. Так у княгини Вайнской родился Влад, а у графини Мареш – ты. Но у Великой Матери вдруг снова изменились планы, и она приказала уничтожить одного из вас. Тогда графиня Мареш отдала дочь на воспитание бездетному старшему сыну и его жене, а сама пустила слух, что девочка умерла.

– Так вот почему графиня так странно себя повела, когда я назвала ее мамой. А почему ты не забрал Влада с собой, когда вернулся? Или почему хотя бы не рассказал ему? Ты ведь оставил его на верную смерть! Точнее, не смерть, а...

И тут я заметила его виноватые глаза и осеклась, уничтоженная догадкой:

– Ты все знал с самого начала? Ты знал, кто я и что во мне течет отравленная ядом оборотней кровь? Но даже я сама этого не знала, так как была защищена от власти Луны твоим подарком – этим камнем! – Я потянула за веревочку, и на моей руке забелел овальный, гладкий камешек. – Ты не вернулся спасти сына, ты вернулся, чтобы он наверняка убил меня! Но... зачем?

Отец Ян отвел глаза.

– Это приказ. Я и все те, кого она когда-то нарекла воинами Бога, не могут ослушаться Великую Матерь. Она обладает властью над нами. А что касается тебя... Она с самого начала знала про ложь графини о твоей смерти и

решила это исправить, попутно убив двух зайцев: ты умираешь, отравленная кровью Влада, а он сам после твоей кончины добровольно шагнет в безвременье. – Он нервно покусал губы и бросил на меня исподлобья виноватый взгляд. – Не знаю, почему тебе это рассказал, и не знаю, откуда ты ведаешь то, что должно произойти, но... Поверь, мне больно участвовать во всем этом. Я – бродяга без права на любовь и семью, который вдруг узнал, что у него есть сын. Сын, который заранее обречен на уничтожение... Я молил Матерь оставить его в живых, пусть не человеком, но способным существовать в этом мире, на этой земле. Она меня даже не стала слушать. Просто выгнала и в наказание за вольность приказала мне лично стать его палачом. Мне жаль, но я не мог предупредить, а значит, и изменить. Она сомкнула мои уста колдовством. Хвала богам, тебе все известно!

Ладно, с этим разобрались! Хотя – вот загадка! Как я, произносящая речи по сценарию, смогла так душевно поговорить с двойником священника?

Я отмахнулась от назойливых комаров.

– Пойдем, проводишь меня к опушке у заброшенной мельницы. Сегодня в полночь именно там Вацлав устроит ловушку бессмертным и Владу, а значит, завтра день великой осады и... моей смерти.

– Только сначала скажи, откуда ты все знаешь? – Отец Ян придержал меня за плечо. – Ведь если тебе известно о своем обращении, вряд ли ты захочешь рисковать, мечтая соединиться с Владиславом в бессмертии! План Матери не сработает и... Что тогда?

– Надеюсь, что тогда ее колдовство и власть над всеми нами исчезнут. – Я потопталась на месте, глядя в его светлые глаза в паутине морщин, и поторопила: – Может, поспешим? Боюсь, что мой суженый уже пустил по моему следу погоню.

– Ха. Если бы за тобой гнались оборотни, ты бы уже была загнана в угол. Думаю, твой суженый не очень-то хочет тебя поймать. – Священник выпустил мое плечо и, больше ни слова не говоря, свернул с поляны в окружающую нас чащу, погруженную в тревожный сумрак.

Подхватив подол платья, я бросилась за ним.

– Эй? Это значит, ты выведешь меня к мельнице? – поинтересовалась я на всякий случай у его спины.

– Да. Попробуем все изменить, – не оборачиваясь, буркнул он и придирчиво взглянул на синеющий клочок неба между уходящими ввысь деревьями. – И поторопись. Едва солнце спрячется за горы, наступит ночь.

– Горы! – Из-за окружавшего нас стеной леса я не видела вершин и абсолютно о них забыла. Низина, на которой раскинулись угодья графства Мареш и территория Вайнского княжества, была окружена невысокими, поросшими щеткой леса горами.

– К сожалению. Из-за них очень быстро темнеет. Возможно, ты, как и все оборотни, не испытываешь неудобства, передвигаясь ночью, но я весьма опасаясь свернуть шею в не замеченной мною медвежьей берлоге. Конечно,

туда мне и дорога, но... я хотя бы должен попытаться искупить все свои грехи. – Его тонких обветренных губ на мгновение коснулась тень улыбки. Не дожидаясь моего ответа, он развернулся и быстрым шагом направился вперед.

Сколько мы шли, не знаю. Казалось, лес не закончится никогда, но неожиданно деревья расступились, и мы вышли на огромную поляну. Даже, скорее, небольшое поле, в центре которого стояла черная, покосившаяся от времени мельница. То, что это именно она, я поняла по двум сохранившимся лопастям. Еще две предполагались, но вместо них торчали обломки.

Было видно, что когда-то за этой землей ухаживали заботливые руки, но все закончилось, и хозяйство пришло в упадок. Четкие линии границы затянула густая трава, а волны от бороны спрятали осока и полынь.

Взглянув на серую проплешину неба, я только сейчас поняла, что незаметно подкрался вечер.

– Куда теперь? Здесь будем ждать? – Отец Ян настороженно оглядел подступавший к мельнице лес.

Места были знакомы, но как только я пыталась сосредоточиться на воспоминаниях, все размывалось.

– Скажи, здесь где-то неподалеку должна быть дорога. Выход из леса и граница угодий князей Вайнских?

– Да. Рядом. Локтей сто прямо, и выйдешь к дороге. – Священник махнул рукой куда-то за мельницу. – А еще через столько же очутишься за лесом. Но я бы не советовал тебе туда идти. Лучше отсидеться на мельнице.

Я помолчала, вспоминая дневник. Кажется, бессмертные наткнулись на засаду за полночь. А сейчас всего лишь вечер...

– Хорошо. Давайте подождем на мельнице. – Я перевела взгляд на унылое, покосившееся строение и направилась к нему.

– На всякий случай, я буду рядом и наготове. – В руке отца Яна появился клинок. Такой же, какой я видела у отца Ярослава...

Толстые, почерневшие доски двери разбухли, и с первого раза нам ее открыть не удалось. Отец Ян расстроено повертел вырванную ручку, отбросил в густую траву и уверенно достал из-за пояса охотничий нож. Прodelав в двери хорошую щель, он просунул в нее руку, уперся в косяк ногой и изо всех сил дернул. Дверь со страшным скрипом нехотя открылась. Нам в лицо пахло тленом и затхлостью, как из заброшенного подвала, где издохла целая колония мышей или крыс.

Я отступила и с тоской поглядела на верхушки деревьев. Они уже не алели в лучах заката, а стремительно темнели на фоне быстро выпцветающего неба. Еще чуть-чуть, и этот мир спрячет ночной сумрак. Выбор не велик. Или с крышей над головой, или в лесу, в компании его ночных обитателей.

Стараясь не дышать, я пригнулась и вслед за отцом Яном осторожно ступила на деревянный, на удивление прочный пол. Сделала несколько шагов и огляделась. Мельница изнутри казалась гораздо больше, чем снаружи. Два небольших оконца давали слишком мало света, но все же я рассмотрела

скудный скарб, оставшийся здесь, видимо, еще от хозяев. Жернова, большой стол и несколько крепких чурбаков вместо стульев – вот и вся обстановка. Мрачности антуражу придавали сваленные в центре мешки, тенета пыльной паутины, шалью свешивающейся с балок, и лестница, ведущая на чердак.

– Останемся здесь. – Священник захлопнул дверь и опустился на мешки. – Садись. Ждать нам еще долго. Кстати, а ты знаешь, с чего все началось?

Я не стала его еще больше удивлять признанием в том, что мне известны не только все варианты легенды, но и рассказ от первого лица всех оставшихся в живых свидетелей. Только кивнула и с опаской села рядом. Мешки оказались набиты чем-то мягким, а тепло и покой, идущие от священника, помогли унять тревожные мысли. Вскоре я поняла, что все больше погружаюсь в уже слышанную от отца Ярослава историю о ведьме, Лучиане и Изабель. Постепенно старая, увитая вековыми тенетами паутины мельница исчезла, и я увидела разыгравшуюся столетия назад трагедию. Увидела Изабель – она почему-то напомнила мне меня саму, и увидела Лучиана, который очень сильно был похож на Влахо.

– Она здесь! Запах ведет сюда! – Зычный голос и стон не желающей открываться двери вырвали меня из дремы.

– Катарина! Нас нашли. Я чувствую не только оборотней, но и... – Отец Ян схватил меня за руку и потащил за собой к лестнице, ведущей на чердак. – Надо бежать!

Не рискуя подниматься по истлевшим ступеням, священник выудил из-под плаща грубую веревку с трезубцем на конце и, раскрутив, закинул ее в распахнутый люк чердака. Дернул. И ловко принялся забираться.

Вот он уже наверху.

– Скорее!

– Нет! – Я отступила. – Беги. Жди нас у дороги, ведущей к замку Вайн.

Отец Ян тихо выругался, но настаивать не стал, а последовал моему совету. Выдернул трезубец и исчез на чердаке. Послышались его шаги и тут же стихли.

Всклипнув в последний раз, дверь рухнула внутрь мельницы, и в скрывающий меня полумрак ворвались с десятков вооруженных мужчин. Я поправила складки платья, в густом полумраке мельницы оно светилось призрачным сиянием, и вызывающе сложила руки на груди.

– Она здесь, господин.

– Одна.

Мужчины почтительно расступились, и на пороге появились двое: высокий широкоплечий мужчина и невысокая, закутанная в длинный плащ женщина.

Вацлав...

Чуть пригнувшись, он перешагнул порог первым и неспешно направился ко мне.

– На что ты надеялась, сбежав и прячась тут? – Он остановился в шаге от

меня. Я смело посмотрела в его светящиеся янтарным отсветом глаза.

– Просто хотела взвесить все «за» и «против». Кстати, прости за несдержанность в чувствах. Надеюсь, лед прикладывать не пришлось? – Я даже изобразила милую улыбку и незаметно огляделась в поисках возможного пути отступления, но оскорбленный мною в самых лучших чувствах женишок отчего-то не спешил обрушить на меня весь свой праведный гнев. Он вернул мне улыбку, обошел кругом и обнял меня за плечи.

– Смею тебя обрадовать. Наша свадьба больше не нужна, ни моей госпоже, ни мне. Я благодарю всех богов, что избавили от стольких лет ненависти, на которые я бы с радостью пошел, будь на то воля Матери. А сейчас, дорогая моя, планы изменились! Вместо брачного ложа ты ляжешь на жертвенный камень. Больше твоя жизнь нам не нужна, а вот смерть послужит для всеобщего блага и победы над бессмертными демонами.

– Что?! – Я отступила, глядя на невысокую, закутанную в плащ фигурку, внезапно появившуюся из-за спины почтенно склонившегося перед ней Вацлава. Неужели все подстроено? Катарина спешила не спасти Влада, она спешила умереть? Но как? Зачем? – Кто вы?

– Ты меня не знаешь... – Фигура остановилась. Руки стянули капюшон, и я уставилась на хищное, молодое лицо Матери или... мадам Матильды? Она совершенно не изменилась, только волны черных волос были заплетены в длинную, спадавшую на высокую грудь косу. – До недавнего времени и я не знала тебя. Точнее, знала, но как дальнюю родственницу Изабеллы Мареш. Но... ты забыла, что я везде имею уши и глаза. Ты – Катарина, дочь Изабеллы, полукровка, которую я приказала убить! Я не прощаю подданным измены и лжи, и ты умрешь, как и должно, но для начала послужишь благой цели. Ты забереешь с собой в священное пламя того, кто, как и ты, не должен был родиться! А чтобы ты не предупредила о моем приказе Владислава Вайнского, я заберу из твоей памяти нашу встречу и мои слова.

Слуги ведьмы связали мне грубой веревкой запястья, а Вацлав, выполняя ее безмолвный приказ, больно стиснул горячими ладонями мое лицо, заставляя смотреть на Матерь. Ее глаза засветились яркими изумрудами, затем ее лицо, а после и вся она исчезла в сгустке зеленого пламени. Я хотела зажмуриться, чтобы избавиться от боли в обожженных ярким светом глазах, но не могла. Просто стояла и смотрела на колдовской свет...

Пока не почувствовала себя свободной. Свободной?

Распахнув глаза, я оглядела пустую мельницу и села на мешках. Сквозь изъеденные временем бревенчатые стены в мельницу проникал призрачный свет взошедшей луны.

А где оборотни?

Я вскочила и бросилась к двери. Заперта... Как и была после того, как ее закрыл отец Ян. Хм... Если Вацлав и Матерь мне приснились, тогда куда делся священник? Он вроде сбежал в тот миг, когда они пожаловали на мельницу...

Прижавшись щекой к двери, я осторожно выглянула в проделанную

лезвием его ножа довольно внушительную брешь. Никого!

Вдруг между деревьями я заметила движение. Мой взгляд остановился, и... картинка словно приблизилась, являя мне сцену битвы. Несколько одетых в черное, почти растворившихся в сумраке мужчин держали оборону против пары десятков больших белоснежных зверей.

Затем пришли звуки: лязг стали и хриплое рычание.

И тут я увидела его.

Сердце замерло, испуганно бухнуло и затрепетало так, словно вознамерилось выпрыгнуть из груди.

Влад!

Мужчина, сражавшийся рядом с ним плечом к плечу, как-то неестественно выгнулся, замер и рассыпался белой, искрящейся в лунном свете пылью.

Не медля больше ни мгновения, я толкнулась в дверь, раз, другой. Наконец она с надсадным скрипом поддалась, и я бросилась бежать. Не задумываясь о том, что будет. Не вспоминая того, что было!

Поляна осталась позади. На удивление светлый, пронзенный лунными бликами лес встретил меня запахом крови и ароматом каких-то сладких цветов. Оставшиеся в живых звери заметили меня первыми. Поджав хвосты, они бросились ко мне и уселись у ног, словно чего-то ожидая. Мужчины удивленно обернулись и замерли, подчиняясь поднятой руке Влада. Тот, разглядывая меня, словно ожившую во плоти икону, растерянно шагнул ближе.

– Катарина?

Я подошла к нему. Интересно, он помнит о нашем путешествии во времени? Открыв рот, я приготовилась к приветственной речи, но вместо объяснений вдруг произнесла:

– Остановись, Владислав. Не надо больше крови!

Начинается! Кажется, это я читала в дневнике...

– Катарина?! – Изумление в его голосе вдруг сменилось таким неприкрытым восторгом, что я даже замерла, когда он одним прыжком преодолел разделяющее нас расстояние, прижал к себе и замер. – Катарина!

Я отстранилась и посмотрела ему в глаза.

– Бабушка ищет охотника-бессмертного, безжалостно истребляющего Детей леса. Я знала, что это ты. Это нападение – ловушка. Скоро здесь будут сотни, тысячи оборотней. Тебе не спастись.

Господи, что я несу?

– Скоро? Значит, у нас есть время. – Влад обернулся к охотникам. – В замок! Немедленно!

Они бесшумно исчезли среди деревьев, даже не дослушав приказа, а мгновение спустя растворились, как утренний туман, сидевшие позади меня лисы.

Влад стиснул мою руку.

– Пойдем.

Конечно!!! И не пойдем, а побежим! Надо еще найти твоего предполагаемого отца!

Но вместо этого я вдруг покачала головой.

– Нет. Ты стал одним из них. Нам никогда не быть вместе. Меня убьют слуги твоей матушки. – Услышав эти перлы в собственном исполнении, я едва не надавала себе тумаков. Как прекратить этот спектакль?! Ведь я смогла в имени бабушки не говорить то, что когда-то говорила Катарина. Смогла справиться с прошлым в присутствии отца Яна. Так почему у меня не получается сейчас? Если я буду нести этот бред, меня очень быстро ждет то, что подробно описано в старом дневнике!

– Не посмеют! – Одним движением он подхватил меня на руки и бросился бежать, петляя между деревьями, пока лес не расступился, выведя нас к наезженной колее. Послышалось призывное ржание, и из тьмы появился невероятно красивый, иссиня-черный жеребец и, высоко вскидывая колени, направился к хозяину.

– Нет, Владислав, отпусти меня! Я смогу отправить их по ложному следу! – Выпалив все это, я прикусила губу и внезапно почувствовала, как мое тело, словно принадлежа не мне, попыталось вырваться из его объятий и тут же покорно замерло. – Почему ты не пришел за мной, когда получил мое письмо?

Влад сначала посадил меня на легонько всхрапнувшего коня, вскочил следом и, только когда мы сорвались с места так, что захватило дух, выдохнул мне на ухо:

– Как я мог прийти, если вот уже больше полугода я оплакиваю тебя! Мне сказали, ты отказалась выйти замуж и взамен выбрала смерть.

Да-да... Помню-помню!

Позади затыкали на все голоса лисы.

Интересно, а зачем мы с такой скоростью убегаем? Ведь ловушка нас ждет в замке! Или... нет?

Я сжала ладонями виски, пытаюсь вспомнить... Сон? Или это было на самом деле?

Влад, видимо, решил меня подбодрить, и его рука на миг прижала меня к себе. Я обернулась. Он остался таким же. Только волосы на европейский манер были связаны в длинный хвост, и глаза... темны настолько, что не видно зрачка. А еще... в них не было векового одиночества, что я привыкла видеть за те несколько дней, что нас связали вместе.

– Да, я отказалась выйти замуж... – Я снова прикусила губы. Опять написанный кем-то сценарий! – ...но... я... не собиралась умирать, хотя очень хотела... – Молчи!!! Заставь себя замолчать!!! – Когда ты не пришел, я решила, что ты забыл меня... – Боже, почему я должна это говорить? – На эту зиму бабушка отправила меня в столицу. Я вернулась совсем недавно... Хотела тебя увидеть, но... бабушка сказала, что ты стал бессмертным... Значит, врагом...

Паузы у меня получились весьма многозначительными.

Влад удивленно нахмурился. Возможно, пафосная речь прозвучала бы

здесь как нельзя более уместно, а мои спотыкания казались плохо выученным текстом школьного спектакля.

– Я был обречен стать бессмертным. Старая графиня Мареш оказалась права, называя меня врагом. Но я люблю тебя больше жизни. И я больше не отпущу тебя никуда. – Влад так целомудренно коснулся губами моего лба, что я чуть не застонала. Почему я не могу преодолеть то, что когда-то было? Ведь я – не Катарина! Точнее, я не только Катарина, и я должна изменить историю! Должна заставить себя говорить так, как хочу! – Я попрошу матери отпустить меня уехать вместе с тобой.

Я не ответила. Положила голову ему на грудь и с тоской посмотрела на приближающуюся серую громаду замка.

Глава тридцать первая

Мы держим оборону
от вражеских заслонов,
Мы держим оборону
от зла и от добра,
А где-то там вороны
прорвали оборону,
Устроив пир, кровавый пир
в павших городах.

– Лисы отстали.

– Нет, это временное затишье. – Я взглянула поверх его плеча и с трудом подавила стон. Не знала, что оборотней так много! Их белые спины, незаметные в лучах полной луны, чуть бледноватой в преддверии будущего рассвета, ковром устлали позади нас все поле. Я сделала над собой усилие и едва слышно выдохнула: – Это ловушка!

– Потому что я увез тебя? – Влад прищипнул жеребца.

– Да, и бабушка этого так не оставит. – Н-да-а-а, от порядка произносимых слов смысл беседы не изменился! – Вскоре замок будет осажден ее слугами.

– Она тебя не получит! – Он вдруг жадно впился губами мне в губы, заставив мое сердце заколотиться кузнечным молотом, и почти сразу же отстранился, натянув удила. Гром остановился как вкопанный. Я обернулась и с облегчением выдохнула, разглядев в стоявшем у обочины незнакомце отца Яна. Далеко же он ушел! Что ж, все, что ни делается, все к лучшему! С ним я могла говорить от своего имени, а значит, смогу объяснить все Владу и вместе придумаем, как уберечь Катарину от смерти.

– Подожди меня. Я сейчас. – Влад передал мне удила, спешился и подошел к нему. До меня донесся его тихий голос. – Что ты тут делаешь...

отец?

– Неужели София тебе рассказала? – Священник хмуро усмехнулся, бросил на меня быстрый взгляд и вновь взглянул на сына. – Когда? До твоего обращения в адскую тварь или после?

– Не все ли равно? – холодно бросил Влад и отрезал: – Если хотел что-то сказать – слушаю. Нет – прощай. Мы торопимся.

– Да. Хотел. Прежде всего, сказать тебе «прости». За то, что ушел еще до твоего рождения, но я обещал вернуться, и я вернулся, чтобы спасти тебя.

– А тебе не кажется, что ты несколько опоздал? Я ведь теперь не твой сын, а «адская тварь». Кажется, так ты меня назвал?

– Опоздал. Но ты еще можешь спастись сам и спасти для вечной жизни всю свою семью!

– Не понимаю...

– Очищение огнем! Позволь мне сделать для вас последнее, что я способен сделать – позволь спасти ваши души. Позволь вернуть вас в рай! Но только если ты убедишь Софи и девочек добровольно отдать ваши тела огню.

Влад вдруг хищно усмехнулся и, не глядя, указал на меня.

– Если она будет со мной, мне не нужен рай!

– Но... – Священник бросил на меня удивленный взгляд. – Вам нельзя быть вместе...

Заслышав тявканье, я нервно обернулась, разглядывая приближающихся лис, и заторопила:

– Владислав, быстрее! Лисы уже близко. Отец Ян, вы обязаны ехать с нами!

Влад одним движением преодолел разделяющее нас расстояние и взлетел на спину Грома. Забрав поводья, он, уверенно удерживая их одной рукой, другой бережно и крепко обвил меня за талию.

– Оборотни? – К нам подошел отец Ян.

– Их очень много. – Я кивнула, взглядом моля его о помощи.

– Но скоро наступит рассвет, и они уйдут. – Влад даже привстал на стременах, пытаясь разглядеть видимых лишь мне зверей.

– Нет, они обратятся. – Я невесело усмехнулась. Кажется, уже ничего не изменить. Все происходит по сценарию, описанному в дневнике. – Они не уйдут, пока не получат меня. Влад, может, не стоит рисковать многими жизнями? Позволь мне уйти.

– И не мечтай! – холодно процедил он. Чуть свесился и протянул руку отцу. – Садись. Доедем до замка. Тамждемся утра или, если будет нужно, подмоги. Потом я тебя отпущу. Обещаю, тебя никто не станет обращать или убивать. Бессмертные – не вурдалаки, способные ради капель живой крови убить божьего человека.

– Но вы тоже пьете кровь, чтобы избежать слабости... – Священник произнес это как приговор, но Влад услышал в этом вопрос.

– Да. Но мы не убиваем ради нее.

– Ради нее для вас убивают вурдалаки. – Отец Ян медлил мгновение, а в следующий миг уже сидел на Громе. Влад промолчал, только зло выдохнул, похлопал жеребца по шее и впился шпорами в его бока. Гром поднялся на дыбы, обиженно заржал и сорвался в галоп.

Хм... Кажется, это что-то новенькое! Неужели прошлое соизволило измениться? Или это почему-то происходит в присутствии священника?

Сказать, что мне не было страшно лететь в ночи, бежать от мифических, преследующих нас тварей верхом на огромном черном, будто восставшем из ада звере? Нет. Не скажу. Мне было очень страшно, невероятно жутко от этой ночи, от невероятного бега... И в то же время это был чужой страх. Я словно смотрела на все происходящее со стороны и думала, думала... Что нужно изменить? Как уничтожить магию ведьмы? Какие ошибки не совершить снова? Но больше всего не давала покоя мысль – реально ли все это? Эта ночь, эта погоня? Почему-то казалось, что сотни лис, преследующих нас, не что иное, как мираж, иллюзия! Просто кому-то было очень надо собрать нас в замке и одним махом избавиться от всех проблем.

Впрочем, в реальности противника мне пришлось убедиться самой. Перед самым подъездным мостом прямо из-под ног Грома выскочили два белоснежных зверя и весьма ощутимо впелись клыками в накидку отца Яна и сапог Влада. К счастью, не прокусили! Тут же раздался лязг оружия, и звери исчезли где-то под ногами жеребца.

Я покосилась на темнеющие на моем платье пятна с терпким запахом крови и поняла, что вот теперь с удовольствием отправилась бы в заслуженный обморок, но... мечты-мечты, где ваша сладость...

Копыта гулко застучали по мосту. Влад выхватил охотничий рожок и несколько раз коротко протрубил.

Ворота приближались. И мне впервые за эту ночь действительно стало страшно. Я в деталях представила то, во что мы превратимся, на всем скаку врезавшись в обитые железом ворота, и зажмурилась, ожидая столкновения, но его не произошло. Послышался легкий скрип, голоса и уже где-то позади – грохот и лязг запираемого засова.

– Влахо? Что произошло? Зачем... Что они здесь делают? – обжегший холодом женский голос заставил меня обернуться и во все глаза уставиться на закутанную в длинную меховую накидку молодую женщину – точную копию моей бабушки, какой она когда-то была. Медленно отделившись от стайки переговаривающихся мужчин, она направилась к нам, не отводя ледяного взгляда.

Влад дождался, когда спешится отец Ян, легко спрыгнул сам, подхватил меня на руки, бережно поставил на каменные плиты двора и только после этого мрачно бросил:

– Обратни окружили замок.

Княгиня приблизилась, остановилась в паре метров от нас. Какое-то время она буравила взглядом хранившего молчание отца Яна, затем уставилась

на меня. Доверие, внушенное знакомым, родным с детства образом бабушки, рассеялось, едва я взглянула ей в глаза. Тут же возникло впечатление, будто я смотрю в завораживающие глаза змеи или даже самой смерти: страх, обреченность и желание, чтобы все случилось быстрее.

– Зачем ты привел ее сюда? Ты рискуешь всеми нами, но, в первую очередь, ты рискуешь жизнью девушки! – Ее взгляд вдруг смягчился, а плотно сжатые губы тронула ласковая улыбка, так не вяжущаяся с идущим от нее холодом. Она шагнула, протянув ко мне руки, словно хотела коснуться, обнять. Я вдруг почувствовала доверие к этой незнакомой, одинокой, не понятой целым миром женщине, как вдруг чьи-то руки решительно оттолкнули меня и между нами встал отец Ян.

– Если попытаешься обескровить это юное дитя, я первым закончу то, что нужно было закончить еще девятнадцать лет назад! – Болт арбалета нацелился ей в грудь. Кутаясь в длинную накидку, княгиня перевела взгляд на священника, поежилась, словно от холода, и вдруг рассмеялась. Ее хрустальный, нежный смех прозвучал одиноко и нелепо и стоном оборвался.

– Мой любимый... – Ее безупречное лицо исказилось как от невыносимой боли, но даже слезинки не появилось на ее глазах, а гримаса сменилась нежной улыбкой. – Долг же был твой путь домой. У нас вырос сын. – Княгиня бросила быстрый взгляд на Влада. Хмурясь, он молча стоял чуть позади меня и, сложив руки на груди, сосредоточенно смотрел на серые плиты под ногами. – Вылитый ты.

Княгиня с затаенной болью во взгляде вновь посмотрела на священника.

– Что же ты молчишь? Или ты пришел, чтобы убить нас? Только потому, что мы не похожи на тех, кого ты привык защищать с пеной у рта? Или потому, что наш век дольше людского века?

– Потому что ты и твари, подобные тебе, должны гореть в геенне огненной за то, что продлеваете жизнь за счет жизни других!

– Пусть так, но если мы живем под этим небом, значит, именно твоему драгоценному богу было так угодно! Иначе никогда бы не было ни нас, ни тех белохвостых, что с удовольствием освежали бы тебя, если бы не твой сын!

Она смерила его холодным взглядом, отвела рукой стрелу арбалета и ласково улыбнулась мне:

– Не бойся, милая. Бессмертные – не чудовища, как говорят о нас святоши. Мы такие же люди, в чем-то счастливее, а в чем-то гораздо несчастнее, чем вы. И нам тоже присущи чувства и слабости. Но в отличие от оборотней, я не буду против вашего союза с моим сыном. Добро пожаловать в семью, Катарина.

Княгиня вновь взглянула на отца Яна.

– Ты должен сделать так, чтобы оборотни ушли. На заре они станут обычными крестьянами, живущими на землях Мареш, и я не стану удерживать мальчиков. К тому же я уже сообщила перворожденному. Он не станет церемониться. Поверь. – И снова улыбнулась мне. – Пойдем, моя дорогая. Я

отведу тебя в комнату Влахо, а после велю слугам принести еду и горячего молока.

Вот оно! Страницы дневника были залиты кровью, и то, что я прочитала, было лишь крошечной частью того, чего я не прочла. Почему Катарина возжелала стать бессмертной? Отчего оборотни бросились осаждать замок?

Я посмотрела на Влада. Он расценил мой взгляд как тревогу и с успокаивающей улыбкой кивнул.

– Иди. Ты устала и проголодалась. Ничего не бойся. Я скоро приду.

Та-ак! По сценарию я должна уйти, и моя роль начнется с встречи в комнате Влада... А если что-то изменить?

– Подождите! – Я вскинула руку, отстраняясь от шагнувшей ко мне княгини, и, не замечая удивленного взгляда Владислава, бросилась вслед за уходившим отцом Яном. – Мне нужно с вами поговорить!

Он остановился и обернулся, ожидая.

– Слушаю тебя, дитя мое.

– Вы хотите, чтобы эта война прекратилась, а вы избавились от власти ведьмы?

Лицо отца Яна посуровело. Он бросил быстрый взгляд на приближавшегося к нам Влада и буркнул:

– Иди. Я приду к тебе до возвращения Владислава. Ты очень странная девушка, Катарина.

– Я не Катарина! – выдохнула я, перед тем как руки Влада тяжело легли мне на плечи.

– Пойдем, моя дорогая. Тебе нужно отдохнуть. Все будет хорошо!

Я смерила долгим взглядом священника, улыбнулась Владу и позволила ему себя увести.

Глава тридцать вторая

Ни вера, ни мечта
и ни страданье,
Меня ведет в ночи
иная страсть.
Мне хочется, как латы,
надеть мое скитанье
И рыцарем отважным
к ногам твоим припасть.

– Я понимаю, что ты боишься моей матери, но уверяю тебя, меня она боится больше и не посмеет даже взглядом оскорбить твои чувства. – Обнимая за плечи, Влад уверенно вел меня к поджидавшей у дверей замка Софии Вайнской. – Прощу. Доверься мне. Ты не успеешь заскучать, как я вернусь.

– Влад, я...

– Владислав, – княгиня Вайнская еще секунду назад стояла в десяти шагах от нас, и вот она уже берет меня за руку. – Можешь не волноваться за свою избранницу. Никто не посмеет оскорбить ее в твоём доме. – Она приобняла меня и, кивнув оставшемуся позади Владу, повела к почти черной на фоне светлеющего неба громадине замка. – Катарина, я тебе не враг. Мы не в ответе за наших предков.

– О чем это вы? – Я сделала шаг в сторону, освобождаясь от ее объятий.

– О твоей, мм... семье. Ведь графиня Мареш приходится тебе, если не ошибаюсь, бабушкой?

Я помолчала, разглядывая ее, но увидела лишь неизменную вежливую улыбку. Даже если тайна происхождения Катарины была ей известна, она не подала и виду и с честью выдержала мой взгляд.

– Это не секрет, – наконец произнесла я, – только не пойму, к чему вы ведете.

– Ты из рода, враждебного нашему, но ты человек! – охотно объяснила София. – У тебя есть будущее, потому что у тебя есть выбор! Ты даже не представляешь, как ценно иметь в жизни выбор.

– Выбор: обратят ли меня подчиненные бабушки в оборотня, или я останусь человеком? – Я наострила ушки. Не знаю, для чего она затеяла этот разговор, но он явно сыграл не последнюю роль в предстоящей трагедии.

– Я слышала, что графиня лояльна даже к своим подданным, так неужели она станет неволить тебя, лишая счастья? – Теплая рука Софии Вайнской вновь легла мне на плечи. – Но в твоём случае, дитя, выбор предстоит нелегкий. Ведь стать полным сил и магии существом, которому покровительствует сама Великая Матерь – шаг не столь выдающийся. Совсем другое – выбрать вечное проклятие! Ввергнуть себя в пучину вечной ненависти и страха. Видеть истину.

Мы остановились перед светлыми, сбитыми из тонких брусьев дверями, верх и низ которых были окованы железными пластинами.

– И в чем она заключается? – Я посмотрела ей в глаза. Она улыбнулась. Вместо ответа коснулась большого, украшенного резьбой железного кольца и потянула. Створка двери на удивление легко подалась, и перед нами открылся освещенный пламенем свечей богатый холл. На полу лежали ковровые дорожки, стены украшали шитые шелком гобелены с изображением батальных сцен. В центре на резных золоченых ножках стояли изящные кресла и диваны, а на потолке с изображением полуголых див над всем этим великолепием висела роскошная люстра с горящими в ней тысячами свечей.

– Верно, ты слышала легенду о нашем происхождении? Колдунья не желала нашего появления, но не смогла его предотвратить! Мы – бессмертные – созданы богом для защиты людей от чумы повального обращения, что несут в мир Дети леса! И нас не могут уничтожить ни белозадые, ни сама Матерь! Мы – дарующие равновесие! Твой выбор сложен и прост: пойти против породившего тебя народа или остаться одной из многих;

быть королевой, кого почитает лишь один, но самый важный для тебя мужчина, или стать сучкой, которая во время течки доступна любому; возродиться для вечности или издохнуть под кустом, как бездомная шавка! – Она втолкнула меня в благоухающую нежным цветочным ароматом роскошь и повела рукой. – Все это принадлежит роду Вайнских князей с давних пор! И все это будет твоим, если ты станешь одной из нашего рода! Конечно, ты можешь оставаться человеком, но тогда через тридцать-сорок лет ты состаришься, и, как бы Владислав тебя ни любил, он не останется с тобой, и ты умрешь в одиночестве.

– В одиночестве? – Уже сейчас, поддавшись магии убеждения, я готова была сказать «да», забыв об отравленной крови, текущей в венах Катарины. В моих венах! Ведь это не Катарина, а я умру, как и было до лжно! – Но ведь у нас будут дети.

– Дети?! – Княгиня взглянула на меня с такой миной, будто я упомянула о чем-то невыносимо мерзком, но тут же, совладав с собой, отмахнулась и прошла вперед. – Ну конечно! У каждого великого рода должен быть наследник. Вот только они быстро становятся взрослыми. Через тридцать лет ваши... мм... дети и думать забудут о престарелой, немощной маменьке. Ты все еще хочешь остаться человеком?

– А... предсказание? – Я посмотрела на ее идеально прямую спину. Она обернулась. Бесстрастная. Все с той же благодушной полуулыбкой. Если мой вопрос ее и удивил, она постаралась этого не показать.

– Какое предсказание?

– Колдовство Великой Матери разрушится, если двое из враждующих родов полюбят друг друга. По-настоящему! И тогда не останется ни бессмертных, ни оборотней.

– А... – Она легко рассмеялась и поманила меня за собой к скрытой под аркой каменной лестнице. – Дети леса все еще помнят эту глупость?

– Почему глупость? – Я шагнула вслед за ней под каменную арку и оказалась на серпантине уходящей вверх лестницы, освещенной лишь розовато-серыми сумерками зарождающегося дня.

– Сама подумай! Разве ты призналась бы в том, как тебя можно уничтожить, имея в запасе целый род врагов? К тому же, даже если допустить мысль, что у ведьмы на время помутился разум и ей вдруг надоело жить, что будет в итоге? Не будет ни бессмертных, ни Детей леса? Все поглотит небытие? Лично мне не хочется отдавать жизнь, даже если это жизнь кровососа, для экспериментов сумасбродной старухи. Но вполне возможно, если бы эта легенда сбылась, колдовство бы исчезло.

– Если бы сбылась? – Я остановилась, когда до площадки второго этажа оставалось две ступени, и бросила ей в спину: – А как же Влад и я? Ведь в нас течет кровь перворожденных, а значит, мы наполовину те, на кого легло проклятие ведьмы, а наполовину свободны от него! И мы любим друг друга!

Она обернулась, и я отступила на шаг, глядя в ее глаза. То ли от красок

зари, то ли от неведомых мне чувств ее глаза пылали цветом свежепролитой крови, но она по-прежнему оставалась добродушно-бесстрастной.

– Наконец-то и до тебя дошло! Вы столько лет любите и грезите друг другом, и даже обращение Владислава не изменило ваших чувств, но... война продолжается! Ни оборотни, ни бессмертные никуда не делись, иначе мой замок сейчас бы не окружало столько рабов, слепо преданных Матери и Изабелле Мареш. – Она принялась подниматься на третий этаж.

Я коснулась рукой гладких каменных перил. Лестница еще не разрушена, но уже сегодня она обратится в пыль.

Между тем София поднялась на третий этаж и остановилась, поджидая меня.

– Знаешь, твое право – кем ты проживешь эту жизнь, только, прошу, не оставляй Влахо в одиночестве. Ему грозит безумие, доставшееся ему в наследство от отца. Поверь, я люблю сына и не хочу его потерять... так... рано.

– Но... как мне стать бессмертной? – Я остановилась рядом с ней, прислушиваясь к словам, сорвавшимся с моих губ. Я хотела спросить совсем о другом! О безумии отца Яна... Но, видимо, пришло время для этого вопроса.

Губ княгини Вайнской на мгновение коснулась настоящая улыбка.

– Попроси об этом Влахо. Возможно, он будет противиться, отказываться и убеждать тебя не делать этого, но будь настойчивой! В конце концов, он осознает, что это единственная для вас возможность остаться вместе. Только не говори, что все это подсказала я. Я прошу не потому, что боюсь быть уличенной, а потому что Влахо никогда не согласится на твое обращение, если будет знать, что предложение исходит от меня. Дело в том, что у нас с ним... давние разногласия. Пойдем.

Она развернулась и направилась по коридору вперед, бесшумно ступая по коврам, устилавшим каменные плиты пола. Мы миновали закрытые массивные двери, прошли коридор почти до конца и остановились у неприметной двери. Княгиня София гостеприимно ее распахнула и жестом пригласила:

– Входи. Это комната Влахо. Я пошлю слуг принести тебе еды. Все необходимое для нужд ты найдешь в углу за ширмой. Приятно оставаться, дитя. И ничего не бойся. Если ты поступишь правильно, все мы окажемся в выигрыше. Я обрету дочь, мой сын – невесту, а графиня Мареш и ее слуги – мир, о котором так долго мечтают...

Как заманчиво! Если бы я не знала того, что должно произойти, я искренне умоляла бы Влада создать из меня себе подобную. Немудрено, что Катарина возжелала соединиться с любимым в бессмертии, тем самым избавив всех от вечной войны.

Я шагнула в комнату и огляделась. Все просто, скромно и без излишеств. У стены напротив окна кровать, в духе времени с резными деревянными колоннами и балдахином, рядом стол с закапанным воском подсвечником, чернильницей, раскрытой тетрадью и притулившимся рядом табуретом. На полу ковер, сшитый из нескольких белоснежных шкур коз.

Позади тихо хлопнула дверь. Мати, не прощаясь, ушла.

Сделав круг по комнате, я заглянула за ширму, оценив и испробовав местные удобства. Выглянула в узкое окно. Во дворе замка было тихо и безлюдно, а вот за стеной намечалась неплохая массовка. Я с неким трепетом оглядела десятки, а может, и сотни тех, кто пришел сегодня на рассвете к мрачным стенам замка. Кое-где уже потянулись за ветром дымные флаги зарождающихся костров.

Видимо, осада будет долгой.

И ведь все они собрались здесь не для того, чтобы освободить меня! Я – лишь повод. По плану Матери я должна была оказаться тут для... для чего?

Я подержалась за голову, пытаюсь сосредоточиться. Что все-таки произошло? Я видела сон или меня заставили поверить, что я вижу сон?

Зарывав от бессилия, я очень выразительно ругнулась и стукнула кулаком по узкому подоконнику. Ощущение, что кто-то вырезал у меня из памяти здоровенный кусок, усилилось. И тут...

– Кто ты?

Я поспешно развернулась, услышав тихий голос отца Яна.

Пришел! Теперь все получится! Самое главное – заставить его поверить!

– Я – не Катарина. Я ее двойник. Я пришла из будущего, чтобы снять заклятие ведьмы и... – Боже, звучит, как речь супергероя из третьесортного кино! Интересно, сколько у меня времени, чтобы все ему рассказать? Скоро должен вернуться Влад... – Вас кто-нибудь видел? Как вы меня нашли?

Священник шагнул в комнату и закрыл дверь.

– Сказал сыну, что должен поговорить с тобой и попробовать убедить бежать из замка. И спасти тысячи невинных душ, ожидающих тебя у крепостной стены. У нас мало времени для беседы. Приступай.

Я кивнула, прошла и уселась на кровать, которая оказалась на удивление жесткой. Священник устроился на краешке табурета и принялся разглядывать меня светлыми, почти прозрачными глазами.

– Но для начала я бы хотела уточнить. Там, на мельнице... Вы ушли, когда я спала?

Священник нахмурился.

– Спала? Нас выследил отряд оборотней, посланный на твои поиски, и я сбежал. Ты не рискнула лезть за мной по прогнившим ступеням и предпочла остаться внизу. Я не стал задерживаться и, когда оборотни ворвались на мельницу, спустился по веревке через окно. Какое-то время стоял на улице, пытаюсь расслышать ваш разговор, и, не дожидаясь, когда твои brave спасатели начнут превращаться в лис, поспешил ретироваться. Сама посуди: с оборотнями мне тягаться не хочется, а уж с Матерью и подавно. Хотя, если честно, я решил, что если эта ведьма что-то с тобой сделала, то от моей помощи тебе теперь проку не будет. Поверь, я очень удивился, увидев тебя вместе с Владом.

– Стоп! Женщина в балахоне мне не приснилась?

Священник нахмурился.

– Значит, ведьма с тобой все же что-то сделала?

– Если честно, я до сих пор верю, что она и оборотни мне привиделись во сне. Помню, она мне что-то приказала, произнесла незнакомые слова... а потом я проснулась...

– Когда-то я дал тебе камень-оберег. Он не защищает от колдовства нарочного и случайного, но ослабляет возникшие изменения. Делает трезвым ум и острой память. Только его присутствие может объяснить то, что ты вообще что-то помнишь! Если Мать не желает, никто и никогда не узнает о том, что она была рядом. Уж поверь мне. Я слишком долго у нее в услужении. Однажды я нашел этот камень, узнал о его свойствах, и с тех пор он при мне. С лисами жить, по-лиси тявкать! – Он достал из-за пазухи молочно-белый камень.

– Ясно... – Я потянула за веревочку, сжала в ладони точно такой же самоцвет, и тут в голове, пробуждаясь, зазвучал голос: *«Ты должна умереть, и тогда он тоже взойдет на костер!»* – Мне все ясно!

– Что тебе ясно? – заставил меня очнуться отец Ян.

Я посмотрела на него и торопливо заговорила:

– Я не должна умереть! Все то, что происходит, как-то завязано на моей смерти! На смерти Катарини! Мать создала этот конфликт для одной цели! Мы с Влахо должны умереть! Не знаю почему, но... Умру только я. А Влахо и Софию закроет на долгих четырехста лет барон Геминг. Или Лучиан...

– Не нужно уточнений, мне ведомо имя перворожденного... – Отец Ян поднялся и принялся мерить комнату шагами. Он не остановился и не прервал свои размышления даже тогда, когда приоткрылась дверь и в комнату серой мышкой скользнула девушка лет четырнадцати, поставила на стол уставленный яствами поднос и так же бесшумно скрылась за дверью. Наконец он замер напротив меня. – Значит, ты вернулась, чтобы предотвратить свою гибель?

– Да. Тогда свершится предсказание и больше не будет войны. Не будет оборотней и бессмертных. – Я стащила с блюда яблоко и с наслаждением впилась в его медовую, налитую сладким соком мякоть.

– Если не ошибаюсь, речь идет о первом предсказании, а звучит оно так: *«Лишь соединив разорванное ростком новой жизни, можно получить свободу и истинную жизнь»*.

– И... – Я помолчала, пытаясь вникнуть в смысл. – А где о том, что если полюбят друг друга двое... И все в таком роде?

– Это более поздняя трактовка этого предсказания. Но смысл един. Росток новой жизни – это и есть любовь, и она должна соединить тех, кто рожден в ненависти и войне!

– Но где гарантия, что это сработает? Зачем Матери писать крупными буквами, как ее уничтожить?

– Знаешь, это мне и самому интересно... Не знаю, в чем тут подвох, но предсказание с попустительства ведьмы пришло в мир, и на свет появились вы.

Точнее, Катарина и Влад... Затем Мать, якобы узрев угрозу, попыталась все изменить, так и не решившись проверить, верно ли это пророчество... Не правда ли, странно? – Он нахмурился, внимательно меня оглядел и вдруг спросил: – А ты случайно не беременна?

Я почувствовала, что кусочек яблока застрял в глотке, и с чистой совестью раскашлялась.

– Что?! Не-е-ет! Как? Когда?!

– Гм... – отец Ян поспешно отвернулся к окну, явно пытаясь скрыть улыбку. – Значит, Мать боится, что если ты и Влад будете вместе, этот заключительный аккорд в конце концов прозвучит. Кстати... – он побарабанил длинными пальцами по подоконнику, вглядываясь в дымную даль, – а как ты должна умереть?

– Сегодня я попрошу Влада обратить меня в бессмертную.

Священник стремительно развернулся ко мне.

– Гениальный ход! Если ты выпьешь его крови – ты умрешь. В любом случае! Потому что ты оборотень. Не по воле случая, а по рождению! Кто придумал?

– Сначала я думала, что Мать, но как выяснилось – София Вайнская.

Отец Ян не сдержал вздоха.

– Софи... Коварная и наивная... Если бы я был бессмертным, я бы стал ее верным возлюбленным, но... между нами так же лежит проклятие ведьмы... Я вернулся, чтобы освободить ее душу в священном огне, и это произойдет. Сегодня. Тебе есть что еще мне сказать? – Священник тревожно прислушался. – У нас почти не осталось времени.

– Да. Когда начнется осада и замок возьмут оборотни, не веди Софию и дочерей в подвал! Сразу во двор, к кострам!

Он подошел к двери и взялся за кольцо.

– А что будет с Владом?

Я отвела взгляд.

– Я не знаю. Если все получится, он в любом случае станет человеком!

– А если нет? Останется монстром? – Отец Ян вдруг взмолился: – Катарина, прошу... давай я выведу тебя из замка? Сейчас!

– А смысл? Влад попадет в безвременье на четыреста лет, а я за это время умру от старости... Нет.

– Тогда я выведу тебя и Влада! Вы пересидите в подвале, а когда все закончится, уйдете! Ведь, как я понял, вы должны остаться в живых, а...

– Просто будьте рядом, – перебила я его. – Нам действительно может понадобиться ваша помощь!

Священник только кивнул и, заслышав шаги, распахнул дверь.

– Проходи, Владислав. Мы тебя ждали. Как дела у ворот? Пойду, проверю. И... да, Катарина, не выпускай из рук камня. Помни о его свойствах.

Он указал на зажатый мной в кулаке белесый камешек, едва заметно подмигнув и исчез за дверью.

Глава тридцать третья

...К губам полынью прикоснуться
И раствориться в небесах,
Глазами нежно улыбнуться,
На тихий окрик обернуться
И утонуть в чужих слезах.

– Что ему от тебя было нужно? – Влад постоял, разглядывая дверь, устало стянул камзол и, бросив его на ширму, сел к столу. – Тяжкая была сегодня ночь.

Я помолчала, до боли в костяшках сжимая камень. С губ рвалось «любимый, я знаю, как сделать так, чтобы нам быть вместе», но я до боли прикусила губу и медленно выговорила:

– Влад, во мне течет кровь оборотней. Тогда... на тропинке... лиса... Этот камень, что мне дал отец Ян, сгладил симптомы превращения, и за все время, пока амулет был на мне, я ни разу не подчинилась власти Луны.

– Ты – оборотень? – Влад пересел на шкуру у моих ног. – Все это время...

– ...меня скрывали. Родные лгали тебе для последнего жертвоприношения. Само наше существование – угроза всему, но главное, мы – угроза существованию Матери, а значит, нас убьют, если только мы не исправим то, зачем вернулись. – Я коснулась его блестящих волос, смуглой, гладкой кожи щек и заглянула в черные омуты глаз. – Ты меня совсем не помнишь?

Он нерешительно коснулся моей руки и, не отводя настороженного взгляда, нахмурился.

– Я не понимаю... Катарина...

– Я не Катарина. Вернее, я не только Катарина! Я еще и Мари... Двойник Катарины из двадцать первого века. Я прочитала дневник, написанный тобой, и мы вместе вернулись сюда, в прошлое, чтобы исполнить пророчество, но... ты забыл меня... и забыл себя... – Нужно говорить! Что угодно, только бы напомнить о том, что связало нас через сотни лет! Интересно, о чем хотел намекнуть отец Ян, когда говорил о камне? А если попробовать...

– Ты, верно, устала? – Влад хотел подняться, но я не позволила. Не выпуская камень из ладони, я опустила перед ним на колени, взяла его ладонь и, положив на нее пульсирующий белым светом камень, прижала его своей рукой. Влад прикусил губу и с удивлением взглянул на меня.

– Что это за камень? Горячий... – Он вежливо попытался освободиться, но я лишь сильнее сжала его руку и, уже не сдерживаясь, забормотала:

– Это наш шанс собрать воедино осколки тебя и меня! Сегодня! Мы должны исправить нашу ошибку – помнишь? Ради этого мы здесь! Этот камень

позволит нам не повторять уже сказанные когда-то нашими двойниками слова! Поможет вспомнить!

Влад вдруг скривился, как от мучительной боли, и с его губ сорвался стон.

– Мм... Огонь! Он жжет меня-а-а! Огонь перехода! Кровь Смолы! Я найду тебя, Мари-и-и! – вырвав руку, он с силой сжал виски и, раскачиваясь в разные стороны, еще раз прохрипел: – Мари-и-и! Катарина.

Я обхватила его, прижалась щекой к черной шелковой рубаше и стала раскачиваться с ним в такт, не переставая повторять:

– Все хорошо. Я тут, тут, тут... Теперь все будет хорошо!

Вдруг он замер, отстранился и посмотрел на меня сквозь затуманенные болью глаза.

– Мари? – Его губ коснулась кривая усмешка. – Ты сквозь меня пропустила электричество?

– Нет, но очень хотелось! – Мои губы тоже разъехались в улыбке. – Значит, ты снова тот Влад, с которым я познакомилась в двадцать первом веке, иначе ты не знал бы, что такое электричество! Клянусь, еще чуть-чуть, и я рисковала провалить свою миссию, беззастенчиво тебя задушив!

– Глупышка, я – бессмертный! – Он взял за веревочку камень и заботливо повесил мне на шею.

– Клянусь, я бы смогла! – Я невольно затаила дыхание, когда его пальцы коснулись моих обнаженных плеч. Влад заглянул мне в глаза. Моя улыбка невольно стерлась от этого взгляда. В нем было все: и боль, и страсть, и сумасшествие, и... Я первой отвела глаза. От такого коктейля невольно бросило в жар и запульсировало в висках.

– Да. Ты бы смогла. – Его горячая ладонь коснулась моей щеки, заставляя вновь взглянуть на него. – Забавно... Сейчас я знаю все, что случится в ближайший день и на пять сотен лет вперед...

– Этого не должно произойти... Забыл, зачем мы здесь?

– Ты должна остаться в живых и... дать жизнь тому, кто развеет колдовство Матери. – Влад притянул меня к себе и бесконечно нежно коснулся губами моих губ.

– А если это не сработает? – Я нехотя отстранилась и пытливо заглянула в багровую темноту его глаз. – Если колдовство не разрушится даже с рождением нашего ребенка?

– Тогда я буду самым счастливым бессмертным, зная, что у меня есть любимая женщина и наследник.

Его губы вновь нашли мои. А дальше... скорее всего надо мной взяла власть Катарина, иначе как бы я смогла так быстро скинуть платье с тысячью крючков, корсет и с десятков юбок, так заботливо натянутых на меня слугами графини Мареш. Откуда бы я узнала столько нежных слов и вариаций имени «Влад», что шептали мои губы, не в силах выдержать его невероятно робкие и в то же время безрассудные ласки. Мне казалось, что я знаю его так, словно все эти пятьсот лет мы были вместе и каждую ночь наслаждались друг другом, как

в первый и в последний раз.

Я не помню, как он поднял меня на руки, не помню, как мы оказались на постели. Помню только на миг отрезвивший холод шелковых простыней, коснувшихся моей разгоряченной спины, и желанную тяжесть его тела, вновь и вновь подчинявшего меня своей пугающей страсти, пока судорога наслаждения, граничащего с болью, не прекратила это сумасшествие.

– Влад... – Покоряясь его блуждающим по моему телу губам, я заставила себя открыть глаза. Вот интересно, с кем он только что занимался умопомрачительным сексом? С Катариной или все же...

– Да, Мари? – Он на миг прекратил меня целовать. Прочертил губами теплую дорожку по животу к ложбинке между грудями, опасно помедлил над бьющейся венкой на шее и вытянулся рядом, чтобы вновь впиться в губы поцелуем. – Я что-то делаю не так?

В ответ я смогла только простонать.

– Мм... – Боже! Если бы все мужчины занимались этим «не так», на Земле наступил бы рай! – Нет! Что ты... Все просто фантастично! Настолько, что совершенно не хочется прислушиваться к звукам, доносящимся со двора... Кажется, ломают дверь? Не хочется думать ни о будущем, ни о прошлом... Влад...

– Мм? – Казалось, он не услышал моей предупреждающей речи, да и вообще меня... Закрыв мне рот поцелуем, он игриво скользнул пальцами по моей груди. Страсть накатила волной, вновь подчиняя нас себе...

Боже! Если, Мать, ты нас сейчас видишь, дай бог тебе ослепнуть и умереть от зависти!

Жаль, что любовь двух сумасшедших не может изменить мир, но зато она может на время позволить им не видеть его несовершенство и отсрочить крушение надежд.

Так и мы с Владом забыли обо всем, наслаждаясь друг другом. Пока в дурацкой пьесе, в которой мы имели несчастье застрять, не закончился причитающийся нам антракт.

– Боже, как вы можете быть столь беспечными?! – Дверь распахнулась, словно от пинка, и в комнату ворвался отец Ян. В одной руке короткий меч, в другой – бутылка из темного стекла. Не глядя на то, как я судорожно прячусь под вышитое одеяло, он сосредоточенно принялся чем-то поливать порог. – Хотя я рад, что вы так печетесь обо всех нас...

– Что ты здесь делаешь? – Влад, несколько не смущаясь, легко поднялся и неспешно принялся одеваться.

– Что я здесь делаю?! – Священник выпрямился и, едва не дымясь от гнева, уставился ему в глаза. – В замок очень скоро ворвутся слуги Матери! Я пытался предупредить вас, вопя под окнами молитвы, и попутно остановить оборотней, вызывая к разуму! Просил Софию обратиться к новой жизни! Очень громко! И что?

– Что? – Влад надел штаны, укрепил ножны с коротким клинком и взялся

за темную рубаху.

– Вы меня не слышали! Вообще! Ничего! Теперь поздно что-либо делать! Нужно бежать! – Он указал на окно, где вершины Карпатских гор уже скрылись в белесой пелене дыма. – И это не костры белозадых! Это – Матерь! Явилась не запыхавшись вместе со своими колдунами!

– Ты не хочешь мне все объяснить? – Влад одним движением натянул рубаху, застегнул, и, сложив руки на груди, чуть склонил голову, выжидаясь разглядывая отца.

– А может, перед объяснениями вы немного подождете, пока я что-нибудь надену? – вклинилась я.

Мужчины покосились на меня, дружно развернулись ко мне спиной и встали у окна, даже не планируя откладывать беседу:

– Все просто. Катарина, точнее, она, – отец Ян, не оборачиваясь, для пущей убедительности ткнул себе за плечо горлышком бутылочки, – мне все рассказала.

Я села на кровати, прислушиваясь к рассказу отца Яна и озадаченно разглядывая разбросанные по полу вещи, пытаюсь понять, какую юбку надевать первой.

– Я только что из лагеря Детей леса. – Теперь горлышко бутылочки устало на белесый дым. – Пытался узнать планы Матери. Она была в большом шатре и с кем-то вела беседу. Я услышал, как она заявила, что *«не в силах противиться силе ее заклинания, девочка уничтожит себя, а если все получится – прихватит с собой того, кто принадлежит ей по судьбе»*. А после она сказала, что *«видит все глазами Катарины»* ... Потом Матерь приказала сотворить в замке пожар и грозилась, что если Лучиан натравит на ее войско охотников, прибывших на подмогу из столицы, она вызовет крушение стен.

– Отлично! Эта сумасшедшая еще и следит за нами с помощью Мари? – Влад бросил на меня быстрый взгляд, понаблюдав, как я мучаюсь с юбками, и, видимо, для моральной поддержки, поднял вверх большой палец. В ответ я только горько усмехнулась, отбросила корсет и принялась натягивать платье. – Тогда все действительно куда хуже, чем мне казалось час назад.

– Но ты не знаешь нашего преимущества! – Отец Ян состроил мрачную физиономию и при этом довольно произнес: – Она проговорила, что хотела бы слышать то, о чем вы говорите.

– Что ты хочешь сказать? – Влад тоже нахмурился, но при этом в его голосе плескалось удивление. – Она нас не слышит?

– Именно! Поэтому не показывай беспричинной радости, она может заподозрить неладное. И действуйте по сценарию. Я сейчас уйду. Ты напоишь девочку кровью. – Отец Ян сделал зверские глаза. – Не вздумай действительно влить в нее эту гадость! – Он обернулся ко мне. – Ты должна изобразить смерть! Тут врываюсь я, Влад берет тебя на руки, и мы бежим. Якобы на костер.

– Я знаю тайный ход. По нему мы очень быстро окажемся у деревенского кабака. Главное, убраться подальше, пока белозадые во главе с ведьмой заняты разрушением замка. – Влад довольно улыбнулся, но, вспомнив о предупреждении отца, трагично спрятал лицо в ладонях, и его плечи затряслись от тихого смеха. – Боже, как бы я хотел посмотреть в лицо Матери, когда она поймет, что мы сбежали!

– Хватит скалить зубы! – Отец Ян довольно ощутимо пихнул его в бок, развернулся и направился к двери. К тому моменту я уже справилась с платьем. Тело Катаринины знало все тонкости назубок, и как только я переключила себя в «автоматический режим», руки сами ловко принялись застегивать, поправлять белоснежную ткань платья. – Вы сначала выберите отсюда, а потом уже – на здоровье!

Влад отнял руки от лица и уже без тени улыбки устало вздохнул.

– Нервы ни к черту...

Отец Ян непонимающе покосился на него и вышел за дверь. Я шагнула к Владу.

– Кажется, он не совсем понял значение слова «нервы». Ну что? Где моя порция крови?

Он коротко мотнул головой и решительно отвернулся к окну.

– Ты даже не представляешь, как это невероятно больно вновь пережить то, что столько веков пытался изжить из памяти...

– Но ведь все уже идет по-другому! – Я прижалась к его словно высеченной из камня спине. – Я не попрошу у тебя вечности, и ты не отравишь меня кровью, как этого бы хотела твоя мать.

Влад, еще секунду назад невозмутимо разглядывающий что-то в затуманенном дымом окне, стремительно развернулся и, больно сжав мои плечи, уставился мне в глаза.

– Мати?!

– Ты не знал? – На дне черного зрачка уже клубился багровый дым, но я выдержала его взгляд и продолжила: – Когда она вызвалась проводить меня в твою комнату, я услышала все, чтобы «отринуть последние сомнения и воссоединиться с тобой в Вечности». Она очень убедительно живописала, как через пару десятков лет я перестану вызывать у тебя интерес, а нашим детям не будет нужна смертная мать. В ход пошло и еще одно немаловажное убеждение. Став бессмертной, Катарина смогла бы прекратить войну между вашими родами. Ведь Изабелла Мареш никогда бы не причинила ей вреда.

– Но... мати наверняка не знала о том, что Катарина инфицирована оборотнем... – Влад выпустил мои плечи и задумчиво качнул головой. – Не верю, что и это было подстроено!

– Может, и не знала. – Я заглянула в его глаза. – Это уже неважно. Если я сегодня не умру, значит, мы уже изменили ход событий! Кстати, всегда хотела спросить... Почему ты ненавидел мати настолько, что даже пошел на все, только бы не дать ей вернуться из безвременья?

Он усмехнулся и притянул меня к себе.

– Ты ошибаешься, я ее любил. Все детство, юность я пытался быть для нее идеальным сыном. Мечтал заслужить хоть один ласковый взгляд. Пытался понять, почему, что и как бы хорошо я ни сделал, мне в награду доставался лишь холод безразличия. В конце концов, я привык быть изгоем. А безвременье... Пусть в нем царит слабость и голод для таких, как мы, но...

– Это место будет для нее спасением. Ведь она... – Звонкий голос, раздавшийся у нас за спиной, потонул в тревожном грохоте. Замок вздрогнул, предчувствуя свою гибель. Я стремительно развернулась к невысокой, закутанной в темный плащ фигуре. Лица было не разглядеть, но вот голос выдавал ее с головой. Пальцы Влада крепко стиснули мои плечи. Видимо, он тоже узнал нашу гостью. – Я уничтожу Лучиана, и его сестра, освобожденная мною из безвременья, станет покорной пешкой в моей игре.

– Мадам Матильда? – раздался над ухом вкрадчивый голос Влада. – Такая гостья без охраны и в нашем логове...

– Не бойся за меня, мальчик. Моя охрана крушит ваших охотников на нижних этажах, а я в это время решила повидаться с вами... – Она откинула на плечи капюшон, и я беззастенчиво уставилась в ее молодое, красивое лицо, тут же вспоминая до мелочей нашу встречу на мельнице. – ...чтобы получить желанный приз.

– В виде наших голов? – В голосе Влада не мелькнуло и тени волнения или гнева. Он говорил с ней так, будто был заранее уверен в нашей победе.

– Именно. Сейчас петля времени снова сомкнется на ваших шеях, и мне вновь будет даровано пять веков бессмертия! Так уже было и так будет! Вы вновь и вновь наступаете на одни и те же грабли! И снова вернулись, чтобы все повторить. – Она улыбнулась, прошла в центр комнаты, коснулась пальцами кожаной обложки дневника, раскрытого на недописанной странице. – Именно вас я выторговала у Лучиана и Изабель. Вы мои жертвенные тельцы. Своей любовью, своей смертью и жизнью вы даруете мне века, украденные мною у нескольких поколений не рожденных вами потомков. Вы – первенцы, родившиеся у Изабель и Лучиана от избранных ими смертных. Да-да... Катарина родилась у Изабель от ее супруга, который вскоре погиб, а ты, Влахо, никогда не был сыном Софии Вайнской. Ты первый ребенок Лучиана и смертной, которая стала твоей кормилицей. Помнишь, как матери приказала забить ее до смерти?

– Тогда кем мне приходится София Вайнская? – Влад, не выпуская моих плеч, вдруг незаметно отступил назад. Затем помедлил и сделал еще один маленький шаг.

– София Вайнская – сестра Лучиана. Младшая. Она была первой обращенной им бессмертной. Ты зря пытался стать ей сыном и полюбить ее. София тяготилась тобой, но не могла пойти против воли брата, а он заставил ее поклясться, что ты никогда не узнаешь, кто твои истинные родители.

Еще шаг.

И еще.

Дверь вновь распахнулась, когда мы уже были у окна, из которого доносились крики, рычание, стоны, и в комнату ворвался отец Ян.

– Влахо, не делай этого! – Недоуменно оглядев всех нас, он неуверенно поинтересовался: – Катарина, ты жива? Еще...

– Достаточно, пресвятой отец... – Мать бросила на него полный презрения взгляд. – Ваша роль сыграна блестяще!

– И все же... я требую подробных объяснений. – Влад словно в порыве нежности взял меня в кольцо рук, но я почувствовала, как напряглись все его мышцы. – Кто такой отец Ян?

– Один из моих слуг, – холодно бросила ведьма. – Он – потомок отца Изабеллы, который попросил у меня возможность быть бесстрастным свидетелем нескончаемой войны. Верно, ты бы хотел себе такого отца? Согласись, им можно гордиться. Трагичную я придумала ему роль? А София очень хорошо справилась с ролью его возлюбленной...

– Влад, нет! Не слушай ее! – Отец Ян решительно прошел вперед. – Она – сумасшедшая! Она все лжет! Я – твой отец, и я пришел сказать, что подарил Веронике, Гертруде и Софии свободу и очищение! Наконец-то! Они больше не во власти этой ведьмы!

Я вначале даже не поняла, что произошло. В руке Матери блеснул кинжал, и отец Ян стал заваливаться на стол, царапая торчавшую у него из груди рукоять. Я машинально отметила, как он сбил дневник на пол, и он раскрылся где-то на середине, окрашиваясь стекающей на него кровью священника.

– Мерзавец испортил мне великолепный финал, за что и поплатился! – молоденькое личико мадам Матильды вдруг расчертили глубокие морщины, превращая ее в старуху. – Впрочем, все вернется на круги своя, как только Катарина возжелает разделить с тобой бессмертие... Ну же... напои ее кровью!

Вместо ответа Влад крепко прижал меня к себе, сел на подоконник и спиной рухнул вниз, утягивая за собой. Я вдруг ощутила себя свободной. Поняла, что лечу над беснующейся толпой, упоенно рушащей замок, над наскоро возведенной плахой, где в очищающем огне пылали три привязанные к столбам фигуры... Последнее, что запомнила, прежде чем погрузиться в безмятежное забытие, как Влад несет меня на руках по какому-то мрачному, затянутому паутиной узкому коридору.

Эпилог

– Мари? – Мамины пальчики требовательно потерябили за нос. – Вставай, соня! Мы с папой убежали на работу. В фирме сейчас много заказов. Надеюсь, ты нам простишь? Обещаю, в конце месяца мы обязательно скатаемся на море.

Я с трудом открыла глаза и сфокусировала их на улыбающейся маме.

Папа?

Фух, ну и сон мне приснился!

– Папа жив?

Мать обеспокоенно нахмурилась.

– Мари, детка, с тобой все в порядке?

Я заставила себя улыбнуться.

– Да... Просто приснился кошмар. А... где он?

– Внизу, возится с машиной. – Она улыбнулась мне и поворошила волосы. – Опять вчера до рассвета переводила дневник?

Ах, да! Дневник!

– Да, мам, эта работа такая интересная! А ты знаешь, что этот дневник написал...

– Милая, мне уже нужно убегать! – Мама указала пальчиком на распахнутую дверь балкона, из-за которой слышался призывный гудок машины. – Позвони бабушке. Думаю, она не откажется поболтать с тобой на эту тему. До вечера!

Она послала мне воздушный поцелуй и торопливо вышла за дверь, не забыв предупредить:

– На столе бутерброды и яичница. Обязательно позавтракай!

Я проводила ее взглядом и села на кровати, пытаюсь нашарить ногами старательно прячущиеся от меня тапки. Наконец, плюнув на это занятие, я прошлепала босиком в ванную и уставилась на свое отражение. Длинные, выющиеся белокурые волосы невероятно эффектно оттеняли карие глаза. Мне кажется, или когда-то я была брюнеткой?

Поплескав в лицо холодной водой, чтобы унять странное сердцебиение, я вытерлась висевшим тут же махровым полотенцем, закрыла воду и только теперь услышала пиликание телефона.

Я бросилась на заунывные звуки, доносящиеся из моей комнаты. Телефон из последних сил надрывался где-то под кроватью. Нашупав рядом с тапками гладкий прямоугольник, я выудила его, сдула пылинки и, нажав кнопку, поднесла к уху.

– Да?

– Мари, ты где? – Бабушкин голос мне показался взволнованным.

– Привет, бабуль. Дома.

– Дома?! Ты что, забыла, какой сегодня день? Как долго мы к нему готовились? Немедленно дуй в институт! Бери такси, метлу, самолет, что угодно, но через полчаса чтобы была тут! Да, и не забудь дневник!

Ничего больше не объясняя, бабушка отключилась, оставив меня растерянно разглядывать телефон.

Вот! Я так и знала, что на сегодня что-то намечалось! Но что?

Не рискуя больше испытывать судьбу, я влезла в строгий брючный костюм, взяла папку с исписанными мной листками, бережно засунула в нее обшитый кожей дневник, над переводом которого работала вот уже почти целый месяц, и вылетела за дверь.

В институте я была, как и приказала бабуля, ровно через тридцать минут. Вошла и удивленно огляделась. Холл кишел людьми.

– Мари! Ну, наконец-то! Пойдем скорее! – Бабушка явно меня ждала и, стиснув руку, потащила за собой, ловко маневрируя среди знакомых студентов и совершенно незнакомых, о чем-то переговаривающихся между собой мужчин. – Он уже скоро прибудет!

– Да кто? – Я едва поспевала за ней, изо всех сил стараясь кого-нибудь не сбить.

– Кто? – Бабуля остановилась в двух шагах от открытых дверей актового зала и изумленно вытаращилась на меня. – Кто?! Мари, ты перегрелась с родителями на даче? Конечно же, наследный князь рода Вайн! После того, как мы заявили о находке дневника его предка при раскопках древнего замка, он согласился вместе с сестрой лично прибыть к нам с визитом. Сегодня! Ах! – Бабуля в немом экстазе вытаращилась мне за спину, заставив нервно обернуться и взглянуть на приближающегося к нам высокого незнакомца, одетого в явно дорожный костюм цвета стали. Волосы цвета воронова крыла свободно падали на широкие плечи.

– Мое почтение, дамы, – промурлыкал он на чистейшем румынском языке, подойдя ближе, и с виноватой улыбкой развел руками. – Я потерял свою свиту. Не подскажете ли мне, где должна проходить встреча?

– Здесь! Точнее, там. Ой, я сейчас всех предупрежу! – Бабушка всплеснула руками и скрылась в зале. Незнакомец обернулся ко мне.

– Как вас зовут?

– Мари... – Я почувствовала, как от его ласкового взгляда начинают гореть щеки, но продолжала смотреть в бездонные черные глаза.

– Мари... – Он словно попробовал мое имя на вкус и вдруг коснулся длинными пальцами выбившегося завитка. – А знаете... вы очень похожи на жену одного моего предка. Ее портрет сохранился на древней подвеске. В музее моего родного города. Ее звали Катарина.

– А вашего предка звали Владислав Вайнский? Это он оставил нам в память о прошлом дневник?

– Совершенно верно. Он. Я его полный тезка. – Его губ коснулась легкая улыбка. – И отныне ваш покорный слуга. Кстати, моя старшая сестра Вероника тоже названа в честь сестры князя Владислава. И... давайте пройдем в зал? Не люблю опаздывать. Я бы хотел поведать слушателям о древнем роде Вайнских князей. А после, надеюсь, вы составите мне компанию? С нами пожелала встретиться глава Европейского исторического общества мадам Матильда. Кажется, по поводу вопроса о каком-то средневековом конфликте между родом Вайн и родом Мареш...

На миг я почувствовала легкий укол беспокойства, но решила не обращать внимания на странные предчувствия, позволила Владиславу обнять меня за плечи и втянуть в заполненный людьми зал.